

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

Регистрационный номер 011018

Комитета Российской Федерации по печати
Научно-образовательный и прикладной журнал

Издается с 1973 г.

Периодичность серии 4 номера в год

№ 2 (186) 2015 г.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Рендл М.В.** Социальная эпистемология в современной научной парадигме..... 5
- Хоконов М.А., Абидова И.З.** Архетип одинокого героя и этнокультурная специфика персоналистского мышления в адыгской традиционной культуре..... 10
- Черных С.С.** Метафизическое понимание власти и формы её легитимации в антропологической перспективе..... 14

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Бобрышева В.В.** Теоретические аспекты инновационной политики государственного управления..... 18
- Вялых Н.А.** Институциональное недоверие в системе факторов самолечения в современном российском обществе: социологический взгляд..... 24
- Долгов А.А.** Основные направления и этапы исследования миграции населения в отечественной науке..... 29
- Ковалев В.В.** Вариативность социокультурных и интеллигентных паттернов гражданского общества в процессе модернизации... 35
- Крамарова Е.Н.** Меценатство в экспертном измерении Юга России..... 40
- Попова В.Э.** Современные тенденции в политике управления системой высшего образования..... 45

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

- Акиева П.Х.** Историческая эволюция первых мифических существ – вампалов – в мировоззрении ингушей..... 49
- Венков А.В.** Донские казаки в боях на Перекопе в 1920 году..... 54
- Забелин В.М.** Армянская социал-демократия на Кубани в начале XX века..... 60
- Казарова Н.А.** Историк Н.Н. Любович (к 160-летию со дня рождения)..... 63
- Кузнецов Т.И., Махчиева Н.С.** Восстановление и деятельность колхозов Моздокского района в 1943–1945 годах..... 70

	Орехова О.Ю. Милосердие и благотворительность в городском обществе Средневековья.....	74
	Подольников В.П. Патриотизм французского общества в начале франко-прусской войны 1870–1871 годов (по произведениям французских писателей).....	78
ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	Арзумян А.А. Проблемные аспекты использования различных видов экспертно-криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений.....	84
	Ахмед Камаран Сабах Значение гарантий прав личности в уголовном процессе России и Ирака: сравнительный анализ.....	89
	Бураева К.Т. О преимуществах федеративного государства.....	94
	Леплявкин А.Н. О совершенствовании уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.....	98
	Омарова С.И. Источники и основные черты обычного права Салававии.....	103
	Семенцова И.А. К вопросу об аффекте как психической аномалии.....	108
	Фоменко А.И., Семенцова И.А. Профилактика кибераддикции как основа предотвращения преступного поведения подростков с пограничным состоянием психики.....	113
	Цакоева М.А. Эволюция принципа добросовестности в обязательственном праве.....	118
ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ФИЛОЛОГИИ	Акопов А.С. О социальной и вербальной природе концепта.....	122
	Барабаш М.В. Системный подход к процессу формирования архитектурной среды школьных зданий.....	126
	Гузь Ю.А., Жарина О.А. Активное самообразование студентов посредством рефлексии изучения иностранного языка.....	130
	Писаренко С.А. Исследование восприятия ракурсных сокращений в связи с задачами обучения реалистическому рисунку.....	135
	Табаченко Л.В. Результативные приставочные дериваты позиционных глаголов в истории русского языка.....	140
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	Савченко Л.А., Вялых Н.А. Двенадцатые Международные гендерные чтения «Гендерные трансформации в современном мире»...	146
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	Гежа Е.Г. Созидатель, ученый, учитель (к 75-летию В.Н. Овчинникова).....	148
	Казарова Н.А., Кислицын С.А. Ученый-историк, исследователь, педагог Эмма Дмитриевна Осколкова.....	150
	Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Воин, археолог, декан Г.А. Иноземцев.....	152
	Матвеев Г.А. Ученый, педагог, руководитель, человек (к 90-летию со дня рождения Евгения Николаевича Осколкова).....	155
	Чибиров Л.А. Неутомимый труженик науки (к 65-летию В.Д. Дзидзоева).....	157
ЗАМЕТКИ О КНИГАХ	Гасанов М.Р. Осторожно: фальсификация истории русского, кавказских и других народов (Ольховский О.Ф. Древние русы и Кавказ (Кавказ – русская земля): 2-е изд., доп. Ростов н/Д., 2014. 288 с.).....	161

IZVESTIYA VUZOV. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

Reg. No. 011018

Of the Russian Federation Committee for the Press

Educational-research journal of applied sciences

Published since 1973.

4 issues per a year

№ 2 (186) 2015

SOCIAL SCIENCES

CONTENTS

PHILOSOPHY AND CULTURE STUDY	Rendl M.V. Social Epistemology in the Modern Scientific Paradigm.....	5
	Khokonov M.A., Abidova I.Z. The Archetype of a Lonely Hero and Ethno-cultural Specificity of Personalist Thinking in Adygeyan Traditional Culture.....	10
	Chernykh S.S. Metaphysical Understanding of Power and its Legitimation in the Form of an Anthropological Perspective.....	14
SOCIOLOGY AND POLITOLOGY	Bobrysheva V.V. The Theoretical Aspects of Innovation Policy in Government Management.....	18
	Vyalykh N.A. Institutional Distrust in the System of Self-treatment Factors in the Modern Russian Society: a Sociological View.....	24
	Dolgov A.A. Main Directions and Levels of Studies of Migration in Domestic Science.....	29
	Kovalev V.V. Variability of Sociocultural and Intelligible Patterns of Civil Society in the Process of Modernization.....	35
	Kramarova E.N. Philanthropy in the Expert Opinion of the South of Russia.....	40
	Popova V.E. Current Trends in the Management Policies of Higher Education.....	45
ISSUES OF HISTORY	Akieva P.Kh. The Historical Evolution of the First Mythical Creatures - Vampals - in the Outlook of the Ingush People.....	49
	Venkov A.V. Don Cossacks During the Battles on Perekop in 1920.....	54
	Zabelin V.M. Armenian Social-Democracy in the Kuban Region at the Beginning of the XX Century.....	60
	Kazarova N.A. Historian Lubovich N.N. (160 Anniversary).....	63
	Kuznetsov T.I., Makhtsieva N.S. Restoration and Work of Collective Farms of Mozdok District in 1943-1945 years.....	70
	Orekhova O.Yu. Mercy and Charity in the Urban Society of the Middle Ages.....	74

	Podol'nikov V.P. Patriotism of French Society at the Beginning of the Franko-Prussian War of 1870-1871 (Based on the Works of French Writers).....	78
LAW: PRACTICE AND THEORY	Arzumanyan A.A. Problematic Aspects of the Use of Different Types of Forensic Counts in the Detection and Investigation of Crimes.....	84
	Ahmad Kamaran Sabah Importance of Human Rights Warranties in Criminal Process of Russian and Iraq: Comparative Analysis.....	89
	Buraeva K.T. On the Advantages of the Federative State.....	94
	Leplyavkin A.N. On Improvement of the Criminal Law on Liability for Violation of the Rules of Service for the Protection of Public Order and Public Security.....	98
	Omarova S.I. Sources and Main Features of the Customary Law of Salataviya.....	103
	Sementsova I.A. On the Question of Affect as a Mental Abnormality... ..	108
	Fomenko A.I., Sementsova I.A. Prevention of Cyber Addiction as the Basis of Preventing Criminal Behavior of Adolescents with Borderline Mental State.....	113
	Tsakoeva M.A. The Evolution of the Principle of Good Faith in the Law of Obligations.....	118
ISSUES OF EDUCATION AND PHILOLOGY	Akopov A.S. On the Social and Verbal Nature of Concept.....	122
	Barabash M.V. Sistem Approach to the Process of Forming Architectural Environment of School Buildings.....	126
	Guz Yu.A., Zharina O.A. Active Self-education of Students by Means of Reflection of Foreign Language Learning.....	130
	Pisarenko S.A. The Research of Perception of Foreshortening Reductions in Relation to Teaching Objectives to Create a Realistic Drawing... ..	135
	Tabachenko L.V. Resultative Prefixed Derivatives of Positional Verbs in the History of Russian Language.....	140
SCIENTIFIC LIFE	Savchenko L.A., Vyalykh N.A. Twelfth International Gender Readings «Gender Transformations in the Modern World».....	146
TOUCHES TO THE PORTRAIT	Gezha E.G. The Creator, Scientist, Teacher (to the 75 anniversary of V.N. Ovchinnikov).....	148
	Kazarova N.A., Kislitsyn S.A. Scientist and Historian, Researcher, Teacher, Emma Dmitrievna Oskolkova.....	150
	Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. The Warrior, Archaeologist, Dean G.A. Inozemtsev.....	152
	Matveev G.A. The Scientist, Teacher, Leader, Man (to the 90th anniversary of Evgeniy Nikolaevich Oskolkov).....	155
	Chibirov L.A. Indefatigable Worker of Science (on the 65th anniversary of V.D. Dzidzoev).....	157
BOOKS REVIEW	Gasanov M.R. Caution: the Falsification of the History of Russian, Caucasian and other Peoples (Olkhovskiy O.F. Ancient Russes and the Caucasus (Caucasus - Russian Land): 2nd ed., Ext. Rostov n/D., 2014. P. 288).....	161

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 167

СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

© 2015 г. М.В. Рендл

Рендл Марина Валерьевна – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и права, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, ул. Просвещения, 132, г. Новочеркасск, Ростовская обл., 346428. E-mail: aspera-86@mail.ru

Rendl Marina Valerievna – Ph.D., Associate Professor, Philosophy and Law Department, Southern Russian State Technical University (NPI) named after M.I. Platov, Prosveshcheniya St., 132, Novocherkassk, Rostov Region, 346428, Russia. E-mail: aspera-86@mail.ru

Рассматривается концептуальная роль социальной эпистемологии в пространстве постнеклассической научной парадигмы. Растущий в научном сообществе интерес к данному направлению обусловлен очевидной зависимостью теоретического содержания знания от состояния социальных систем. В настоящее время статус эпистемологической проблематики повышается, увеличивается количество социально-гуманитарных методик, используемых для анализа процесса познания. Проводится осмысление спектра вопросов, связанных с состоянием современной социальной эпистемологии и используемых в ней методов социального познания.

Ключевые слова: *социальная эпистемология, социальное познание, современная научная парадигма.*

The article is devoted to the conceptual role of social epistemology in the space postnonclassical scientific paradigm. The interest to the social aspect in epistemology caused by apparent dependence of the theoretical content of knowledge on the state of social systems is justified. Actually the status of the epistemological problems increases. The numbers of social and humanitarian methods, used for the analysis of the process of cognition, are growing. The article focuses on the current understanding of the spectrum of issues related to the state of contemporary social epistemology, and used by it methods of social cognition.

Keywords: *social epistemology, social cognition, modern scientific paradigm.*

Развитие современного общества обусловлено ростом различных технологий, существенное место среди которых занимают информационные инновации. Информация становится системообразующим для науки фактором, синтезирующим методы познания в предполагаемое структурное единство онтологических, гносеологических и социальных атрибутов бытия. Однако скорость социальных процессов увеличивается в геометрической прогрессии, делая их труднодостижимыми с точки зрения ученых, обладающих укорененным арсеналом рационально выстроенных формальных теорий и методов познания. Вместе с тем информационный скачок выводит в авангард научной мысли множество составляющих, которые теоретически и практически направлены на рост знания в социальном пространстве. В первую очередь возрастающее количество информации ориентировано на расширяющуюся сеть коммуникаций, аккумулирующую

высокий потенциал как локальных исследовательских групп, так и возможных направлений исследований. Эффективность данных коммуникационных связей продуцируется социальными трендами открытости, быстроты обмена информацией, скорости восприятия, возможности активной коллаборации в повседневной социальной практике и т.д. Все это вызывает к жизни если не новые средства познания, то как минимум их предметную трансформацию, позволяющую синхронизировать кумулятивный тезаурус знания с потоком информации, чтобы сформировать на этой основе новое когнитивное поле.

В настоящий момент социальная эпистемология становится все более актуальным трендом в социогуманитарном познании, в рамках которого возможна оценка способов производства и последующей трансляции знания в социальном пространстве. Однако проблема заключается, во-первых, в том, что

в отечественном направлении научной мысли подобная эпистемологическая программа еще не получила того оформления, которое позволило бы говорить об идейном единстве содержания. С одной стороны, научное сообщество нацелено на эвристический приоритет эпистемологии в решении вопроса о логике развития знания. С другой – налицо негласное отрицание академических претензий эпистемологии, связанное с позиционированием бытия как дискретного множества обрывочных структур, не имеющих единого фундамента. На этом фоне эпистемологическая проблематика меняет свое предметное поле, включающее наряду с усиливающимся социальным контекстом как метатеоретическое обоснование коммуникативных связей, так и вопросы соотношения субъективного и объективного, сознания и познания в процессе построения идейных векторов социальной действительности. В данном контексте представляет интерес возможность осмысления в рамках эпистемологии проблемы предметного наполнения когнитивного контекста постнеклассической научной рациональности и его адекватной интерпретации в соответствии с логикой развития универсума.

Вторая сторона проблемы дальнейшего развития социальной эпистемологии заключается в явном расхождении позиций относительно ее дисциплинарного содержания. С одной стороны, невозможно отрицать инновационный характер современных когнитивных практик. С другой – отдельные исследователи заявляют о некоем кризисе, связанном со стагнацией эпистемологии в пространстве постнеклассической научной парадигмы. Характеризуя текущий статус эпистемологии, отечественный философ В.М. Розин пишет: «Образую саму суть философии, поскольку последняя всегда устанавливалась посредством новых трактовок познания и мышления, эпистемология не может не реагировать на новую ситуацию в философии и науке. С одной стороны, для них характерен глубокий кризис, с другой – не менее впечатляющий подъем и развитие. Именно и то, и другое одновременно. Это заставляет задуматься и обратиться к осмыслению эпистемологии» [1, с. 42]. Вопрос о заявленном эпистемологическом кризисе действительно имеет место и признается большинством современных ученых, работающих в области теории познания. В частности, согласно одному из ведущих отечественных специалистов в области эпистемологии В.А. Лекторскому, «в настоящее время возникла необходимость нового понимания и переосмысления, переформулирования ряда эпистемологических проблем, установления новых отношений со специальными науками, в том числе с

науками, изучающими познавательные процессы... Сегодня проблемы эпистемологии не исчезают, а становятся все более острыми. Вместе с тем способы их формулировки и обсуждения существенно меняются. Становится другим и место эпистемологии в системе философии, ее взаимоотношения со специальными научными дисциплинами, ее место в культуре» [2, с. 5]. Позиция ученого полностью отражает возникшую ситуацию необходимости реформирования понятийного аппарата фундаментальных социогуманитарных дисциплин (в частности, социальной эпистемологии), сопряженную с нарастающими темпами социальной динамики. Его мнение разделяют и другие отечественные исследователи [3–6].

Следует подчеркнуть важный момент синхронизации внутренней ориентации научного познания в рамках отдельно взятой дисциплины с предметными полями, в первую очередь социальных и философских, но также общенаучных и прикладных дисциплин, что позволит решить задачу холистического методологического синтеза, столь актуальную в пространстве современной научной рациональности. Важной ветвью развития может также являться анализ природы знания в социальном контексте, который неразрывно связан с философским осмыслением контента социальных трансформаций, выстроенным с метатеоретической точки зрения. Налицо потенциал социальной эпистемологии в решении общенаучных задач познания, что позволяет не просто использовать обновленный эпистемологический тезаурус, но и апробировать его в многообразных социальных аспектах. Безусловно, сложность социальных систем, имманентные составляющие которых будут выступать в фокусе философского анализа, не только не уступает, но частично и превосходит природные системы мерой непредсказуемости и стохастичности возможных состояний. Теоретическое наполнение текущих социальных процессов трудно сопоставимо с привычными представлениями о закономерностях развития. Важно не просто зафиксировать какие-либо социальные изменения, но и встроить их в общую систему интегрального мировоззрения, дать объяснительные варианты появления инноваций, которые становятся универсальной мерой социального развития.

Таким образом, эпистемологический поворот, стимулируемый современными исследователями, направлен на расширение границ эпистемологии. При этом необходимо заострить внимание на идее социального познания в отношении концептуальных вопросов о структурном наполнении социальных процессов. Подобная реконструкция социального теоретизирования имеет полярные мнения

среди исследователей, часть из которых выступает за необходимость возврата к традиционным категориям познания, а часть даже переоценивает значение социальной эпистемологии, заявляя об обоснованности претензий модернизированной эпистемологической рефлексии на общий понятийный горизонт, задающий вектор развития всем движениям научной мысли. Разумеется, главной в данном отношении является методологическая осторожность, которая позволит соотнести несомненные перспективы развития социальной эпистемологии с реалиями научного познания, преломляющегося в огромное число развивающихся направлений, большинство из которых имеют междисциплинарную направленность. В этом отношении социальная эпистемология будет выступать если не понятийным горизонтом, то достаточно универсальным методологическим и структурным каркасом, позволяющим дать оценку онтологическим процессам и явлениям. Не является, на наш взгляд, полностью правомерным противопоставление фундаментальных составляющих эпистемологии как теории знания с ее новаторской, постмодернистской стороной, основанной на полном отказе от традиционных категорий познания. При более тщательном рассмотрении диаметрально, казалось бы, противоположных друг другу методов познания выявляется более абстрактная понятийная общность традиции и инновации, скрепленная в холистическом единстве постнеклассической научной рациональности. Следует сделать акцент не на противопоставлении, а на мультиинтеграции институциональных аспектов социокультурной реальности, основанной на взаимодополнении парадигмальных концептов «теневыми», периферийными составляющими бытия социальных процессов. Различные системы мировоззренческих, философских и научных координат получают, таким образом, максимально интересубъективное (насколько это возможно в философском поле постмодерна) наполнение, что позволит избежать методологической дискретности в определении основополагающих закономерностей социальных процессов.

Точечная локализация социальной реальности, так же как и ее отождествление с конкретным и неизменным этнокультурным контекстом, практически исчерпала себя в мире, поглощенном волнами глобализации. Планомерное разрушение монотенденций в развитии практически завершилось, уступив место деконвенциональному нестационарному поведению класса систем, определяемых сквозь призму их потенциальной сложности. Поэтому новый тип соци-

ального познания, развиваемый в рамках современной социальной эпистемологии, должен быть основан на комбинаторных принципах методологической конвергенции традиции и новации с преобладанием последней в качестве универсального атрибута социальной реальности.

Конструктивную возможность для применения в социогуманитарном знании дает так называемый динамический подход, который предполагает упор на идею коэволюции и перманентную рефлексивность процессов и явлений. Наиболее успешным решением данной задачи стало такое направление, как эволюционная эпистемология, активно разрабатываемое в России Е.Н. Князевой [7]. Также необходимость поворота к эмпирическому знанию активно популяризируется М.А. Розовым [8]. Правомерно заявляя о необходимости обращения к эмпирическим результатам в обход теоретических спекуляций, М.А. Розов, однако, не стремится к банальной редукции философской рефлексии в сферу прикладных результатов познания. Скорее речь идет о некотором роде спекулятивности в отношении эмпирической базы для такой фундаментальной дисциплины, какой является эпистемология в целости. Под эмпирическим материалом в этом случае будет пониматься, несомненно, не буквальный опыт субъекта познания, а кумулятивный фактический результат исторических практик, нуждающийся в анализе и осмыслении. Поэтому можно сказать о необходимости некоторой переориентации методов исследования, которые могли бы позволить охватить не только теоретическую научную проблематику, включающую важнейшие эпистемологические вопросы о природе познания, субъекте научной деятельности, о логике эволюции знания, но и непосредственную данность в виде бытия социальных процессов. Для социальной эпистемологии такая постановка предметного поля является априорной, так как именно данная миссия аккумуляции теоретического философского знания с результатами отдельных дисциплин (в частности, социальных и естественнонаучных) лежит в основе постнеклассического, междисциплинарного по своей сути мировоззрения. В попытке представить путь для возможной трансформации вектора развития современной эпистемологии М.А. Розов использует понятие (или, скорее, метафору) теоретического конструктора. Наличие такового, как и методологические ресурсы для его выявления, говорит, по его мнению, о фундаментальности дисциплины. Теоретический конструкт отражает наличие в дисциплине фундаментального каркаса, который

позволяет на этой основе выстраивать как бы производные к исходной функции – некие теоретические квинтэссенции. Говоря о важности теоретического конструкта, М.А. Розов пишет: «При этом очевидно, что такой конструкт должен представлять собой правила комбинирования более или менее однотипных элементов, т.к. в противном случае он не будет выполнять свою основную функцию, функцию редукции многообразия явлений к одному исходному основанию. Увы, но такого конструкта пока нет в эпистемологии и философии науки» [8, с. 97]. Однако, на наш взгляд, было бы уместно провести аналогию с современным методом математического моделирования, который позволяет в упрощенной форме дать объяснение явлениям с максимально высокой степенью сложности. Система математического моделирования может служить прекрасным опорным пунктом для любого теоретического конструкта в области социогуманитарного познания, в том числе и для социальной эпистемологии, также не чуждой междисциплинарным когнитивным практикам.

Предлагаемая М.А. Розовым точка зрения приводит его в конечном счете к идее выработки единого подхода ко всем без исключения социальным проблемам. Для подкрепления своей концепции он использует так называемую теорию социальных эстафет, согласно которой существуют социальные стандарты, многократно воспроизводимые индивидами на архетипическом уровне как подражание каким-либо действиям, совершенным ранее. С одной стороны, данная позиция имеет четкую логику, так как функционирование социальных программ вряд ли было бы возможно без воспроизведения имеющихся ранее целей, действий, гипотез. С другой – трудно в этом случае избежать примитивного сведения лавинообразно растущего многообразия социальных форм к предшествующим типам деятельности. На этот случай в работах М.А. Розова можно увидеть оговорку, позволяющую некоторым образом избежать данного недоразумения: он пишет о волновом характере социальных эстафет, что означает волнообразность в эволюции социальных процессов, или так называемую куматоидность. Данное явление в особенности характерно для живых организмов, как и для сложных самоорганизующихся систем, к которым относятся практически все без исключения социальные системы. «Важно, – пишет ученый, – что эстафетные механизмы представляют собой не нечто застывшее, а некоторую постоянную динамику, постоянный процесс воспроизведения образцов в новых контекстах и ситу-

ациях. Иначе говоря, сама природа этих механизмов предполагает постоянные инновации, которые могут закрепляться, а могут не закрепляться. Полагаю, не надо объяснять, что перед нами очень мало исследованная область, некоторый новый мир, который до сих пор оставался в тени» [8, с. 106].

По поводу последнего тезиса следует отметить, что процессы генезиса социальных инноваций как квинтэссенции общественного развития, равно как и системность и волнообразность социальных трансформаций, уже были неоднократно рассмотрены в многочисленных исследованиях. В современной научной парадигме инновационность связывается не только с кумулятивностью знаний – это, скорее, самопроизвольный скачок к новому уровню развития, одна из многочисленных попыток перехода от хаоса к порядку в виде прикладного решения возникшего системного кризиса. Это делает понятие инновации особо актуальным в отношении социальных процессов, апеллируя к практической аппликации знания. Абсолютно очевидна взаимосвязь социальной динамики и инноваций, что предполагает когнитивную комплектность в отношении создания теоретического фундамента для подобных новшеств.

Сделанные М.А. Розовым акценты правомерны: это попытка сформировать альтернативный взгляд на проблему познания универсума, используя динамику знания как механизма социальной памяти, с учетом характера самого знания, его кумулятивности, сопряженной с нестабильностью социального развития. Исходя из этого, им выделяются некоторые типы социальных программ, без которых развитие науки не представляется возможным. К таковым относятся практический и социальный опыт человечества, ценностные ориентации, коммуникативные системы, и, наконец, теоретические конструкты – ядро научной дисциплины. С жизненной необходимостью данных составляющих в матрице научного знания трудно не согласиться. Однако представляется также важным в очередной раз обратить внимание на смену концептуальных оснований научной парадигмы, ее несколько иную направленность на пролиферацию социальных оснований в противовес четко заданным теоретическим моделям. Следует не забывать о полиструктурности предметного поля современного знания, о принципиальной ненужности в современном социогуманитарном пространстве универсализации многообразия явлений и процессов в единую смысловую константу.

Социальная ориентация современной эпистемологии направлена на устранение разрыва философской теории с социальной практикой, возникшего в

период смены классической рациональности не-классической научной парадигмой. Эпистемология в данном случае выполняет собственно философскую функцию систематизации полученных результатов и приведения их к единому смысловому знаменателю, позволяющему сделать конкретные знания частью представления о мире как о системе. Современная социальная эпистемология претендует на позицию системообразующего метода в отношении всей теории познания, что делает ее незаменимым методологическим инструментом в отношении любой научной деятельности.

В частности, налицо апелляция социальной практики к идее полиструктурного универсума, описывающегося с помощью дискретных характеристик в силу высокой степени неустойчивости и принципиальной нестабильности на материальных и метафизических уровнях. На решение подобной задачи и ориентирована современная социальная эпистемология, в рамках которой совершается преодоление традиционного подхода к проблемам знания и соответствующий выход на новый уровень описания реальности, что во многом схоже с постмодернистской тенденцией в философии, ориентированной на новые когнитивные, герменевтические, социальные техники в объяснении сущности универсума. Целью этих техник становится выход на поверхность нового мировидения, голографически отражающего текущую реальность в предельной совокупности ее характеристик.

Литература

1. Розин В.М. Современные перспективы эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 41–48.
2. Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем // Эпистемология: перспективы развития. М., 2012. 536 с.
3. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: к истории и постановке проблемы // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М., 2010. 712 с.
4. Микешина Л.А. Философия познания: проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М., 2009. 560 с.

5. Маркова Л.А. Понятие ситуационных исследований (case studies) // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М., 2010. 712 с.

6. Герасимова И.А. Реакция на кн. «Эпистемология: перспективы развития». URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=606 (дата обращения: 09.08.2014).

7. Эволюционная эпистемология. Антология / под ред. Е.Н. Князевой. М., 2012. 704 с.

8. Розов М.А. Теория познания как эмпирическая наука // Эпистемология: перспективы развития. М., 2012. 536 с.

References

1. Rozin V.M. Sovremennye perspektivy epistemologii [The Modern Perspectives of Epistemology]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2012, no 1, pp. 41-48.
2. Lektorskii V.A. Transformatsiya epistemologii: novaya zhizn' starykh problem [Transformation of Epistemology: the New Life of Old Problems]. *Epistemologiya: perspektivy razvitiya*. M., 2012, p. 536.
3. Kasavin I.T. Sotsial'naya epistemologiya: k istorii i postanovke problemy [Social Epistemology: the History and Formulation of the Problem]. *Sotsial'naya epistemologiya: idei, metody, programmy*. M., 2010, p. 712.
4. Mikeshina L.A. *Filosofiya poznaniya: problemy epistemologii gumanitarnogo znaniya* [Philosophy of Cognition: the Problems of Epistemology of Humanitarian Knowledge]. M., 2009, p. 560.
5. Markova L.A. Ponyatie situatsionnykh issledovaniy (case studies) [The Concept of Case Studies]. *Sotsial'naya epistemologiya: idei, metody, programmy*. M., 2010, p. 712.
6. Gerasimova I.A. *Reaktsiya na kn. «Epistemologiya: perspektivy razvitiya»* [The Reaction to the Book «Epistemology: Prospects for Development»]. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=606 (accessed 09.08.2014).
7. *Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya* [Evolutional Epistemology. Anthology]. Ed. E.N. Knyazeva. M., 2012, p. 704.
8. Rozov M.A. *Teoriya poznaniya kak empiricheskaya nauka* [The Theory of Cognition as a Empirical Science]. *Epistemologiya: perspektivy razvitiya*. M., 2012, p. 536.

УДК 008

АРХЕТИП ОДИНОКОГО ГЕРОЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРСОНАЛИСТСКОГО МЫШЛЕНИЯ В АДЫГСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2015 г. М.А. Хоконов, И.З. Абидова

Хоконов Мурат Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, кафедра культурологии, этнологии и истории народов КБР, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик, КБР, 360004. E-mail: mhokonov@gmail.com

Khokonov Murat Anatolievich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Cultural Studies, Ethnology and History of People of KBR Department, Kabardino-Balkar State University in honour of Kh.M. Berbekov Chernyshevskogo St., 173, Nalchik, KBR, 360004, Russia. E-mail: mhokonov@gmail.com

Абидова Изабелла Забидовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра гуманитарных, социальных и естественно-научных дисциплин, Нальчикский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права, пр. Кулиева, 9, г. Нальчик, КБР, 360000. E-mail: nik-common@buker.ru

Abidova Izabella Zabidovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Nalchik Institute for Cooperation (Branch) of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Kulieva Ave., 9, Nalchik, KBR, 360000, Russia. E-mail: nik-common@buker.ru

Проводится философское осмысление культурной функции различных персонификаций архетипа одинокого героя в традиционном мировоззрении адыгов. Отдельные конкретные образы, в которых воплощены основные архетипические черты, частично анализируются как символы индивидуации. Доказывается наличие в мифопоэтической культуре адыгов и традиционных мировоззренческих структурах этнофилософских идей персонализма и индивидуализма. Культурное содержание различных героев интерпретируется с использованием теоретико-методологических принципов и установок философии персонализма, архетипического психоанализа, теоретической культурологии.

Ключевые слова: адыги, архетип, культура, индивидуация, коллектив, личность, миф, нарты, общество, психоанализ, символ, персонализм, темпоральность, традиция, эпос.

The article is devoted to the philosophical understanding of the functions of various cultural archetype personifications of alone hero in the traditional worldviews of Circassians. Some specific images, which embodies the basic archetypal traits, partially analyzed as symbols of individuation. In the article the existence of the etno philosophical ideas of personalism and individualism in the Circassian mythic culture and traditional philosophical structures is proved. The cultural contents of the various heroes is interpreted using theoretical and methodological principles of philosophy of personalism, archetypal psychoanalysis and theoretical Culturology.

Keywords: Circassians, archetype, culture, individuation, collective identity, myth, Nart sagas, society, psychoanalysis, symbol, personalism, temporality, tradition, epic.

Одинокий герой – один из культурных архетипов, существующих в коллективном бессознательном человечества. Многообразие героических образов индивидуалистского склада, представленное в общемировой мифологии и эпических системах, едино в трех главных качествах:

1. Одиночество как проявление природы героической личности, которая всегда вне системы, вне иерархии и противопоставит всему коллективному, обезличенному.

2. Сверхчеловек – всегда превосходит способности человека и способен практически на то, на что способны целые социумы, коллективы. Такова и его телесная сущность: одинокий герой обладает гипертрофированными и гиперболизированными физическими способностями, что можно понимать как усиление с помощью сказа, символа социально-модернизирующей роли героической личности. Если исходить из устоявшегося принципа фолькло-

ристики, герои – это некие интегральные образы глубоко коллективного синкретичного мышления, фиксировавшего в мифопоэтической коммуникативной культуре идеалы определенного общественно-исторического бытия. Такое рассмотрение героического начала в мифе и эпосе, вне всякого сомнения, навсегда закрывает перед исследователями возможность увидеть в мифопоэтическом мире живые лики и проекции героического персонализма, глубоко личностного «я».

3. Стремление к культурно-героическим деяниям.

Когда персонализм, индивидуализм, получившие художественно-символическую окраску, воплощаются в динамику эпического пространства и времени как отражение социально-организующего начала, они обозначают в этой же культуре волю к свободе личности, стремление к пассионарной индивидуации, творческому самораскрытию. Вот как определяет принцип персонализма в культуре основоположник философии персонализма, французский мыслитель Э. Мунье: «Мы называем персоналистскими любое учение и любую цивилизацию, утверждающие примат человеческой личности по отношению к материальной необходимости и системам коллективности, лежащим в ее основании» [1].

Персонализм в контексте наших рассуждений следует понимать, конечно же, не как какую-то завершенную философскую парадигму, получившую полное выражение в мифопоэтическом сознании. Подобное утверждение являлось бы не просто ошибочным, но и абсурдным. Здесь больше речь идет о репрезентации мировоззренческого индивидуализма и персоналистского поведения в мифе, эпосе, традиции. Так, если обратиться к текстам адыгского нартского эпоса, мы видим, что некоторые герои не заставляют массы признать личное «я», не позиционируют в эпосе как богоподобный субъект эпического действия, а выступают в качестве архетипической персонификации индивидуалистского мышления. К таким героям эпоса относятся Бадыноко, Тотреш.

«Сыефакгуэ ешхакгуэкъым, сылэгъунэ щауэкъым, ем сырилгыхъуакгуэщ, фЫм сыригэщакгуэщ» [2], – так отвечает Бадыноко Сатаней на просьбу зайти в кунацкую. Сатаней фигурирует в нартском эпосе как архетип Великой Матери. Смысл этого выражения можно перевести так: «Не застолья, пьянств, пиратству, а зло в этом мире преследую, добру соратник я». Тем самым Бадыноко резко выделяет себя из той военной культуры нарттов своим аскетизмом, волей, неповторимостью характера сурового воина. Индивидуалистские черты поведения были свойственны и

дворянско-княжеской элите адыгского традиционного общества. Здесь воин-феодал действует не по закону: «я – ничто, коллектив – все». В военно-политической элите традиционного общества адыгов нет абсолютной вассальной зависимости дворянина от сюзерена – князя, как это имело место в некоторых средневековых феодальных культурах. Дворянин действует согласно законам и правилам своей совести (уэркъ напэ) и обладает очень большой степенью личной экзистенциальной свободы. Эту особенность индивидуального поведения адыгского воина отмечали такие исследователи военной истории адыгов, воинской культуры, как А.С. Марзей, Т.Х. Алоев, А.М. Гадагатль. Выступая в поход, каждый воин пытается подчеркнуть свой индивидуализм, аскетизм, продемонстрировать доскональное знание дворянского этикета, гордость, презрение к смерти. В традиционной военной лексике адыгов специфическое место имеет такое обозначение одинокого героя, как «шу закъуэ» (одинокий всадник, воин). Как пишет А.С. Марзей, «количество участников военных походов было различным: от нескольких человек до нескольких тысяч. Были и одинокие всадники – “шу закъуэ” – рыцари, совершавшие походы одни. Адыгский эпос и фольклор сохранил имена таких одиноких рыцарей: знаменитый Андемиркан, Бора, Хатх-Мыхамат, Дохшуко Бгуншоков, Лыко сын Ельхо, братья Ешаноковы» [3].

С другой стороны, героический субъект мифа и эпоса являет собой, если к нему подходить с позиции символично-архетипической интерпретации, персону, эго-сознание, отправляющееся в путешествие в поисках самого себя, своей самости. Сакральная перспектива героической жизни претерпевает целый ряд инициаций, описанных в классических работах теоретиков психоанализа культуры К.Г. Юнга, Э. Нойманна, Г. Рохейм, В. Лейбина. Индивидуационная интенция одинокого героя мифа и эпоса, протекающая в рамках триады рождение – время взросления-возмужания – фаза наиболее выдающихся социальных действий, культурных креаций, обоснована и объяснима следующим образом: в своих странствиях он создает новый порядок социального и культурного космоса как систему эталонных образов. Герой как бы берет на себя все те риски, социальные угрозы, комплекс вызовов, на которые должны реагировать и отвечать целые общества. Разрушая старые социальные и культурные нормы, он создает новый порядок общественного бытия.

На наш взгляд, в мифопоэтическом Бадыноко максимально сконцентрирована вся эта этнофилософская идея о совершенной, цельной и независимой личности с персоналистской жизненной страте-

гией. Поясним это на примере конкретного эпического сюжета. По традиции нартов человек преклонного возраста подвергался ритуальному исключению из общества путем свержения с мифической горы Жигеибг. Бадыноко укрыл своего отца от этого варварского ритуала. Когда Бадыноко в соответствии с жестоким обычаем сбрасывал его с горы смерти, произошло нечто невиданное. Тачка на каменных колесах, в которой сидел Бадын, застряла на торчащей коряге, проросшей в отвесной скале. Бадын начал смеяться, а сын спросил у него: «Почему ты смеешься, отец?». Бадын отвечал ему: «Я смеюсь из-за того, что когда я был в твоём возрасте, тоже хотел отправить отца в пропасть, и он точно так же застрял, как и я!». После этих слов Бадыноко решил спрятать отца в неизведанной до сих пор пещере, так как закон Отцов не позволил бы ему вернуть обратно его на Родину.

Спустя некоторое время, как описывается в эпосе, в мире нартов наступает ужасный катаклизм, сопровождаемый засухой, неурожаем, падением скота и нарты оказываются на грани гибели. Бадыноко, который тайно навещал своего отца в пещере, рассказал ему об этой трагедии. Отец исходя из своего жизненного опыта и знаний дал ряд мудрых советов, которые принесли спасение народу. Их смысл состоит в необходимости использования дарованных земле богами сакральной благодати, о чем не могло знать молодое поколение нартов. В этом смысле старшинство выступает как институт сохранения и развития определенных практических знаний, с одной стороны, а с другой – как посредник между высоким божественным и земным, человеческим, являясь таким образом священным символом власти, априорная справедливость которой очевидна. Герой в этом сюжете действует вопреки строгим социальным запретам и первым нарушил эту нерушимую оболочку неизменного мира. Он уже персона, субъект действия мифоэпического пространства, нарушающий привычный миропорядок [4].

Обратим внимание и на то, что в философско-антропологической концепции Э. Мунье человек – это не тривиальный субъект познания, рассеивающий горизонты своего существования в стандартных, мертвых точках оседлости, культурно-топической локализованности, а личность во всей полноте её конкретных проявлений, в её неповторимой индивидуальности. Личность превращается в фундаментальную онтологическую категорию, основное проявление бытия, в котором волевая активность, деятельность сочетается с непрерывностью существования. Но истоки личности коренятся, согласно

персоналистской рефлексии, не в ней самой, а в бесконечном едином начале – боге, коллективных культурных достижениях. Героико-эпическое сознание адыгов, нацеленное на одиночество как на некую, если можно так выразиться, монадическую самодостаточность, личностное саморазвертывание, открывает нам и другую перспективу его видения, а именно – его духовное взаимодействие с Первоединым, Богом.

Погружаясь в многоуровневый символический мир эпоса, можно отчетливо увидеть, что эпический язык подчеркивает индивидуализм, именно личностные качества одинокого героя, неразрывно связанные с признанием Великого Первоначала Сущего – Тхашхо. Он невидим, у него нет ни культа, ни каких-либо сакральных мест, обозначаемых в эпических текстах. Тхашхо действует в мифоэпическом мире как некое трансцендентное неперсонифицированное единство профанного и сакрального, земного и божественного. Герой, получивший благословение от Тхашхо, вступает в противоборство с природными стихиями. В адыгском эпосе таким героем является Тотреш, одинокий воин-наездник, которому посвящена удивительная по своей информативности, символичности и поэтичности эпическая песня «ТотПрэш и пшынальэ» (Песнь о Тотреше). Это созвучие и сочетание целых этнофилологических смыслоформ и космогонических кодов. Противостояние героя семи стихиям в эпической песне можно истолковать как символическое преодоление с помощью рациональности, силы разума, выражающееся в маскулинной пассионарности героического действия, семи сфер и стихии материального сущего: воды, огня, искры, града, земли, молнии и т.д. Мифоэпическое сознание в песне о Тотреше достигает, овладевает с помощью пока еще созерцательно-опытного познания силами природы, руководствует ими, поражая пока еще на уровне художественного воображения дракона – символа inferнального мира. Это героическое целелогадание, т. е. лЫгъэ, выступающее, если воспользоваться физической терминологией, «результатирующей силовой линией эпического пространства», постоянно раздвигаемого в будущее, была так охарактеризована Аристотелем: «Сила как способность необходима, чтобы вообще иметь возможность быть деятельным, в особенности, если желаешь поступать добродетельно» [5, с. 64].

Еще один архетип, важный для понимания смысла адыгских эпических текстов — это архетип трансформации, изменения и преобразования личности под влиянием интеграции бессознательных содержаний, описанный К.Г. Юнгом [6].

Становление эпической самости, личностный рост хотя и являются постепенным, последовательным процессом в сюжетных единицах, они приводят к столь существенным изменениям сознательной установки и эго в целом. Данное явление, как это известно из основ архетипической психологии, символизируется превращением человека в существо иной природы – культурного героя. Трансформация с психоаналитической точки зрения трактуется как единство смерти и возрождения; процедура распада; расчленения прежнего эго-комплекса; формирование нового, более зрелого и устойчивого сознания. Она предполагает регрессию к низшим стадиям психического развития и последующий прогресс, включающий осознание новых потребностей, интенций и свойств.

Символы трансформации были подробно исследованы К.Г. Юнгом на примере религиозных обрядов, алхимических процедур, ритуалов жертвоприношения в архаических обществах. Установив и описав многочисленные этнические и культурные параллели, он показал, что центральной идеей трансформации во всех случаях является жертвоприношение как метафора отказа от эгоистических притязаний. Итак, одинокий герой дарит, отдает высшей субстанции частицу своего «я», которую он должен предварительно осознать. Жертвоприношением он доказывает, что владеет собой, поскольку принесение самого себя в жертву означает не пассивное позволение взять себя, но сознательную и волевою самоотдачу, которая доказывает, что человек полностью владеет самим собой, т.е. своим Я. Тем самым Я превращается в объект нравственного, культурного действия. Такой акт совершенно необходим для последующего изменения и роста, который, будучи всецело естественным, инстинктивно ведет к диалогу между Эго и Самостью, с одной стороны, с другой – между обществом и самим героем [7].

Таким образом, мы обозначили те основные вопросы и спорные моменты, которые должны стать предметом дальнейшего изучения, и пришли к выводу: в индивидуалистской установке одинокого героя сосредоточена основная социально-преобразовательская установка мифоэпического сознания, отражающая эволюцию взаимодействия коллективного миропонимания, социального устройства с нарождающимися персоналистскими элементами в позднейшем историческом эпосе. Персонализм героя мифоэпической и традиционной культурной

действительности, образ одинокого героя в мифах и эпических текстах олицетворяет силы общества и выражает не только идеализацию активной творческой позиции, но и усиление роли личности в общественной системе. Впоследствии символом единства рода становится культурный герой-демиург, учивший людей пользоваться огнем, орудиями труда.

Литература

1. Мунье Э. Что такое персонализм? М., 1994. С. 65.
2. Нартхэр. Адыгский нартский эпос. Собрание текстов: в 7 т. / сост. А.М. Гадагатль. Майкоп, 1970. С. 190.
3. Марзей А.С. Черкесское наездничество ЗекIуэ (Из истории военного быта черкесов XVIII – первой половины XIX века). Нальчик, 2000; 2-е изд., Нальчик, 2004. С. 29.
4. Крамарова Е.Н. Осмысление истоков духовной культуры народов Кавказа (А.М. Гадагатль и Ю.А. Жданов) // В кругу Ю.А. Жданова: учителя, сподвижники, ученики. М.; Ростов н/Д., 2013. С. 109–117.
5. Аристотель. Никомахова этика. М., 2010.
6. Юнг К.Г. Душа и миф, шесть архетипов. М., 1997.
7. Тхагапсоев Х.Г. Нартский эпос как феномен диалога культур // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3.

References

1. Mun'e E. *Chto takoe personalizm?* [What is Professionalism?]. M., 1994, p. 65.
2. *Nartkher. Adygskii nartskii epos. Sbranie tekstov* [Adyg Nart Epos]: in 7 vol. Ed. A.M. Gadagatl'. Maikop, 1970, p. 190.
3. Marzei A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo ZekIue (Iz istorii voennogo byta cherkesov XVIII - pervoi polovine XIX veka)* [Circassian Horsemanship Zeke (From the history of military life of Circassians XVIII - first half of XIX century)]. Nal'chik, 2000; 2 ed. Nal'chik, 2004, p. 29.
4. Kramarova E.N. *Osmyslenie istokov dukhovnoi kul'tury narodov Kavkaza (A.M. Gadagatl' i Yu.A. Zhdanov)* [Comprehension of the Origin of the Spiritual Culture of the Peoples of the Caucasus (A.M. Gadagatl and Y.A. Zhdanov)]. *V krugu Yu.A. Zhdanova: uchitelya, spodvizhniki, ucheniki*. M.; Rostov n/D., 2013, pp. 109-117.
5. Aristotel'. *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics]. M., 2010.
6. Yung K.G. *Dusha i mif, shest' arkhetipov* [Soul and Myth, Six Archetypes]. M., 1997.
7. Tkhapsoev Kh.G. *Nartskii epos kak fenomen dialoga kul'tur* [Nart Epos as a Phenomenon of Cultures Dialogue]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1999, no 3.

УДК 141.319.8:321.01

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ВЛАСТИ И ФОРМЫ ЕЁ ЛЕГИТИМАЦИИ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

© 2015 г. С.С. Черных

Черных Сергей Сергеевич –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра социологии и психологии,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
ул. Просвещения, 132, г. Новочеркасск,
Ростовская обл., 346428.
E-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Chernykh Sergei Sergeevich –
Ph.D., Associate Professor,
Department of Sociology and Psychology,
Southern Russian State Technical
University (NPI)
named after M.I. Platov,
Prosveshcheniya St., 132, Novocherkassk,
Rostov Region, 346428, Russia.
E-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Анализируется метафизический способ понимания власти в его связи с понятием «вечности». Рассматриваются аспекты легитимации власти с опорой на философскую антропологию А. Кожеева и концепцию идеальных типов М. Вебера. Демонстрируются различия между метафизическим пониманием власти и её осмыслением в теоретическом дискурсе социологии.

Ключевые слова: метафизическое понимание власти, понятие «вечность», архаичность, иерархичность, формы легитимации власти, архетипы власти.

The author analyzes the metaphysical way of understanding power in its relation with the concept of "eternity"; the aspects of legitimizing power relying on Kojève's philosophical anthropology and concept of ideal types Weber. The article demonstrates the difference between the metaphysical understanding of power and its interpretation in the theoretical discourse of sociology.

Keywords: metaphysical understanding of power, the concept of "eternity", archaic, hierarchy, forms of legitimation of power, authority archetypes.

Понимание власти как проявление её сущностных основ с первых шагов проявления философии в качестве особой деятельности духа происходило как первичная рационализация мифа метафизическим способом. Изначально именно в рамках данного способа мышления был выделен логический исток власти и предпринята попытка сконструировать его универсальное понятие, свободное от прежних мифических оков. Так, например, в философии Платона над всем относительным бытием господствует в определенной степени трансцендентный и триединый принцип всеобщего блага – истины – красоты [1]. Здесь несомненно, что первоединство и всеобщность обладают властью над единичным и особенным хотя бы потому, что существование отдельной вещи предполагает её элементарное единство, а особенное в вещах есть явление всеобщего. Поэтому, согласно платоникам, единичное и особенное существует в той степени, в которой причастно первоединству и всеобщности. Таким образом, род и вид господствуют над индивидуом, который есть временная модификация сущего,

подверженная становлению и гибели. Бытие в такой метафизике предполагает собственную иерархию, а следовательно, власть исконно высших родов бытия над низшими формами его проявления.

Метафизическое познание отдельных вещей совершается посредством всеобщих идей, которые существуют универсальным образом и наделены реальностью бытия. Эти общие места онтогносеологии Платона волнуют нас в меньшей степени, чем предпринятая им радикальная попытка рационализации мифологического способа постижения власти. В метафизике Платона возникает вполне революционный персонаж – философ, нацеленный на реализацию политического идеала, справедливого государственного устройства. В мифологических системах предшествовавшего периода роль философа – политика – метафизика выполнял жрец, наделенный магической властью, ниспосланной свыше. Жрец определенного культа, а по совместительству маг, не претендовал на сознательную универсализацию своего духовного опыта, следовательно, на рационализацию собственных руководя-

щих принципов. Маг, таким образом, исходил скорее из конкретного генезиса данного ему мифа, чем из созерцания и конструирования всеобщей сущности бытия.

Другое дело платоновский философ – политик, который получает власть не от разнообразных богов или даже от Единого Бога, т. е. в частном порядке благодати чистого дарения, а приобщается к всеобщей истине путем действия универсального разума. Притом что религиозно-конфессиональные особенности рассматриваются философами самым критическим способом. В работе философа из самого существа мифа извлекается его содержание, но при этом не для того, чтобы умертвить его, в лучшем случае редуцируя миф к полезной нравоучительной басне и по-детски назидательной сказке, а скорее, чтобы его идеологизировать, превратив в эстетизируемое орудие наглядной мысли. Общая интенция деятельности философа-политика, согласно Платону, связана таким образом с властью, которой наделил его всеобщий и единый во всем разум. В данной связи можно вполне говорить, что власть философа, правящего в идеальном государстве, зиждется на акте просвещения, проистекающего из высших метафизических оснований бытия. Причем здесь возникает тип власти, исходящий из «чистого» умозрения, порождающий новый социальный тип философа, взамен жреца-мага, который активно вступает с последним в конкурентную борьбу.

Однако оба типа – философ и жрец (маг) – могут мыслить власть вполне метафизическим образом, притом что первый тип в своей деятельности стремится к максимальной рационализации данного способа мысли, второй, напротив, исходит из верности конкретному мифу, освященному и легитимизированному в рамках уже сложившейся религиозной традиции. Для философа-метафизика боги – суть понятия, а для жрецов – реальные существа, наделенные магической властью. Если философ-метафизик монотеист, то Единый Бог для него есть Абсолютное понятие (понятие понятий), как впрочем, если жрец выступает в роли служителя монотеистического культа, то для него также существует только Единый Бог в качестве реального существа, наделенного всей полнотой власти.

Архаичность метафизического понимания власти, проистекающая из онтологических основ бытия и мышления, находящаяся вне пределов временного становления, свидетельствует в пользу его первичности даже по отношению к диалектическому способу её рассмотрения. Ведь для того чтобы, напри-

мер, абсолютная идея стала от себя отчуждаться, бытие переходило в своё иное, из «ничто» возникало бытие и т. д., разум должен начинать с чего-то первичного, т. е. определиться с первым, как правило, трансцендентным принципом (например, с «абсолютной идеей» или «абсолютной материей»), выходящим за пределы ряда любых физических явлений. Поэтому диалектика включается в дело уже только после того, как первый принцип постулирован, обнаруживая сущностное противоречие в нём самом. Следовательно, мы не случайно назвали метафизический способ понимания власти именно архаичным. «Поскольку в древнегреческом языке слово “власть” (arche) имело два основных значения: “суверенитет” и “начало”, глагол “властвовать” (archein) также употребляется в двух смыслах: “править” и “начинать” (стартовать)» [2, с. 94]. Таким образом, в метафизическом ключе можно вполне рассуждать о первоначале одновременно как о первом, наивысшем и существенном источнике всяческой власти. На этом же метафизическом представлении в свою очередь зиждется и религиозная вера, что всякая власть происходит от Бога. Более того, греческий термин «иерархия», активно используемый в современном социально-философском и социологическом дискурсе, переводится именно как священноначалие, или как власть священства, что указывает на первичность его возникновения в контексте религиозных отношений.

Сущность власти в рассматриваемой нами интерпретации концентрируется вокруг важнейшего в собственном смысле метафизического понятия, а именно – вечности. Можно сказать, что концепт «вечность» фундирует собой любые метафизические рассуждения, тем самым преобразуя речь философов о «вечных идеях» (Платон), «вечном двигателе» (Аристотель) или даже «вечном возвращении» (Ф.Ницше). Поэтому различные формы деконструкции метафизики сводятся к разрушению вечного измерения бытия, т. е. редукции его к временности, постулируемой в качестве избыточной тотальности. Так, например, если для классиков метафизики от Платона вплоть до Лейбница ведущей парадигмой служила связка понятий «вечность – бытие», то в анализах постметафизических философов (Бергсон, Гуссерль, Хайдеггер) данная смысловая пара преобразуется в «бытие – время» [3, 4]. Понятие же вечности объявляется схоластическим, часто прямо в уничижительно-вульгарном контексте, и при посредстве кантовской критики «чистого» разума по возможности было вытеснено в область преимущественно теологического дискурса. Следо-

вательно, и анализ власти, предпринятый в различных версиях социологического позитивизма, сходу исключает из своего рассмотрения её вечное изменение.

В конкретном смысле вечность сопряжена с истинной неизменностью с тем, что не подвержено становлению и не может быть сметено временным потоком. Ведь, согласно мысли Платона из знаменитого диалога «Тимей», само время есть всего лишь текучий образ вечности [1]. Следовательно, метафизический способ понимания власти необходимым образом будет включать в себя понятие «вечной власти», проявляющейся и как господство вечности над временем. Этот же способ понимания власти характерен и для большинства религиозных теологий вне зависимости от их конкретной конфессиональной принадлежности (по сути максимально рационализируемая, свободная от господства частного мифа теология и есть метафизика).

В этой связи важно проанализировать метафизическую концепцию власти, обоснованную французским философом А. Кожевым в работе «Понятие власти» [5]. Особый интерес данной интерпретации, на наш взгляд, заключается в рассмотрении метафизики власти в антропологической перспективе с учетом архетипических форм её проявления в общественном бытии. Здесь, согласно Кожеву, действуют чистые четыре архетипа власти (Отца – Господина – Вождя – Судьи), которые он сопрягает с четырьмя причинами аристотелевской метафизики. Кроме этого, в его метафизическом анализе власти учитываются измерения времени (прошлое – настоящее – будущее) и вечности. Важно, что метафизическое понятие вечности состоит в особых отношениях с настоящим моментом «теперь», поскольку сама вечность мыслится в модусе «всегда теперь», что соответствует восходящему к Аристотелю схоластическому термину «*punctans*». Поэтому вечность рассматривается и как мера всяческих времен и как основа нерушимого постоянства [3, 4].

В результате концептуальная схема метафизического понимания власти А. Кожева представляет развернутый философско-антропологический анализ, в котором четыре архетипа власти проявляются в четырех метафизических причинах сущего, сопряженных с вечностью и тремя темпоральными модусами. Вкратце рассматриваемая здесь система выглядит следующим образом: 1. Власть Отца есть власть прошлого над настоящим и будущим, на социальном уровне эта власть укорена в форме авторитета традиции; согласно метафизике Аристотеля – материальная причина. 2. Власть Господина есть власть над настоящим, как это хорошо показал ещё

Гегель, она связана с действительным риском в настоящий момент; в соответствии с метафизикой Аристотеля – действующая причина. 3. Власть Вождя есть власть над будущим, поскольку она реализуется в форме проекта, соответственно – целевая причина. 4. Власть Судьи есть власть над всеми предыдущими типами, поскольку она должна зиждется на истинной справедливости, мыслимой как идеальная ценность, она проявляется как власть вечности над всеми временными модусами, как интеграция последних трех временных аспектов, и рассматривается как формальная причина [5, 6].

Подход А. Кожева обнаруживает ряд общих черт с типологией легитимации власти М. Вебера, а также и существенные отличия от неё, связанные с различием методологических установок двух мыслителей. Несмотря на это, оба подхода пересекаются в интерпретации власти как порядка и предполагают её человекоразмерную соизмеримость, исходящую из архетипов власти, рассматриваемых в антропологической перспективе. В концепции Кожева легитимация подразумевается метафизически, т. е. как порядок, проистекающий из самих оснований и законов бытия как тотальности. В социологии Вебера речь идет о легитимации порядка, возникшего как конкретный факт, обнаруживаемый в общественной практике. В работе историка и социолога он всячески дистанцируется, или, по крайней мере, всячески стремится дистанцироваться от любых метафизических сущностей. Сюда же попадает и понятие вечности, которое Вебер даже не думает привлекать в целях конструирования собственной типологии власти.

В остальном веберовские (идеальные) типы легитимации власти, т. е. типы общественного порядка, очень напоминают анализ Кожева, более того, они также соотносятся с темпоральными структурами. Итак, *традиционная* форма легитимации власти, по Веберу, очевидным образом представляет собой власть «Отца» и есть форма господства прошлого над настоящим. *Харизматическая* форма легитимации власти прямо связывается Вебером с деятельностью пророков, понимаемых в широком смысле, как выдающихся личностей, обращенных в будущее [7]. Здесь также обнаруживается полное согласие с мыслью Кожева, поскольку харизматическая легитимация власти подразумевает часто радикальный отрыв от наличного порядка вещей. Следовательно, харизматическая власть есть власть «Вождя», где над настоящим господствует будущее. При этом важно учитывать социальный опыт консервативных революций, когда власть «Вождя» сосредоточивает свою борьбу

именно против действующего порядка, пытаюсь вновь в будущем обрести истинное прошлое, утерянное в настоящем. И наконец, *легальная* форма легитимации власти демонстрирует власть настоящего сложившегося порядка. Однако, по Веберу, ведущей социальной фигурой этого типа власти выступает не идущий на риск господин, понимаемой в ключе мысли Гегеля и Кожева, а скорее *юрист*, способный осуществлять собственную власть, исходя из знания действующих в настоящем времени правовых норм.

Как мы уже отмечали, отсутствие в анализе М. Вебера понятия вечности как нерелевантного автоматически преобразует его типологию, причем именно в пункте понимания власти в модусе настоящего времени. Речь идёт о том, что метафизическое понимание власти будет рассматривать также настоящую власть сразу как легальную (в веберовском смысле) систему сложившихся властных отношений, но соизмеримую с абсолютной идеей вечного добра, стоящей над относительным моментом «теперь». Таким образом, и сам момент «теперь» будет либо схватываться только как относительный временный модус ускользающего настоящего, либо он также при этом будет сравниваться со своей абсолютизированной формой «вечного теперь», притом что вечность господствует над всеми временами, реализуясь в собственной антропологической проекции в качестве архетипа Судьи. Поэтому именно с позиций этого вечного архетипа Судьи можно метафизически судить о традициях, харизме, действующих нормах и отношениях, легализированных в обществе. Отсюда понятно, почему в кожевской метафизике власти действует четыре архетипа власти, а в веберовской всего три идеальных типа её легитимации. Очевидно, что если Вебер вдруг стал бы рассуждать метафизическим способом, то ему пришлось бы, исходя из понятия вечности, постулировать в дополнении к уже имеющимся трем типам ещё один дополнительный тип – абсолютной (божественной) легитимации власти.

Таким образом, метафизический способ понимания власти был представлен нами как особая установка разума – выбранный курс мыслить власть в тесной связи с понятием вечности. Введение в рациональную метафизику власти мы старались продемонстрировать на примере мысли Платона, а также используя философско-антропологическую типоло-

гию власти, разработанную А. Кожевым. Достоинства последней, на наш взгляд, коренятся в том, что в ней французский философ проработал понятие власти в модусах темпоральности, выявил антропологические архетипы власти и соотнес их с четырьмя причинами из труда Аристотеля «Метафизика». При этом в целях демонстрации фундаментального отличия метафизического понимания власти от её понимания в интеллектуальном поле теоретической социологии концепция А. Кожева была сопоставлена с идеальными типами легитимации власти М. Вебера.

Литература

1. Платон. Полн. собр. соч. М., 2013. 1311 с.
2. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. 384 с.
3. Черных С.С. Деконструкция метафизики в контексте учения о вечном бытии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 5. С. 15–18.
4. Черных С.С. К вопросу о вечном бытии: платонизм versus бергсонизм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 4. С. 5–8.
5. Кожев А. Понятие власти. М., 2007. 192 с.
6. Аристотель. Метафизика. М., 2006. 608 с.
7. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб., 2014. 656 с.

References

1. Platon. *Poln. sobr. soch.* [Complete Set of Works]. M., 2013, 1311 p.
2. Ledyayev V.G. *Vlast': kontseptual'nyi analiz* [Power: Conceptual Analysis]. M., 2001, 384 p.
3. Chernykh S.S. Dekonstruksiya metafiziki v kontekste ucheniya o vechnom bytii [Deconstruction of Metaphysics in the Context of the Doctrine of Eternal Existence]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2012, no 5, pp. 15-18.
4. Chernykh S.S. K voprosu o vechnom bytii: platonizm versus bergsonizm [On the Question of Eternal Existence: Platonism Versus Bergsonism]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2012, no 4, pp. 5-8.
5. Kozhev A. *Ponyatie vlasti* [The Concept of Power]. M., 2007, 192 p.
6. Aristotel'. *Metafizika* [Metaphysics]. M., 2006, 608 p.
7. Veber M. *Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Selected: Protestant Ethic and Spirit of Capitalism]. M.; SPb., 2014, 656 p.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 66.2(2Рос)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

© 2015 г. В.В. Бобрышева

Бобрышева Виктория Владимировна – аспирант, кафедра политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Пушкинская, 70, г. Ростов-на-Дону, 344002. E-mail: bobrysheva.victoria@gmail.com

Bobrysheva Viktoria Vladimirovna – Graduate Student, Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, a Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration of President of the Russian Federation, Pushkinskaya St., 70, Rostov-on-Don, 344002, Russia. E-mail: bobrysheva.victoria@gmail.com

Исследуются теоретические аспекты инновационных процессов в современном государственном управлении, актуальность политики внедрения новаторских методов управления в целях развития российского государства. Инновация рассматривается как оформленный результат фундаментальных, прикладных исследований, разработок или экспериментальных работ не только в технической сфере, как это трактовалось ранее, но и в управленческой сфере деятельности – как средство повышения её эффективности. Инновация в государственном управлении должна представлять собой поиск эффективных и новаторских решений новых проблем или же новых решений старых проблем.

Ключевые слова: *инноватика, инновация, инновационная политика, государственное управление.*

The article is devoted to the theoretical aspects of innovative processes in modern government management and relevance of the policy implementation of the innovative management techniques for development of Russian state. The author considers innovation as a result of fundamental and applied researches, development or experimental work not only in the technical field, as interpreted above, but also in the administrative sphere of activity - as a means of improving its efficiency. Innovation in public administration should be a search for effective and innovative solutions to new problems or new solutions to old problems.

Keywords: *innovatics, innovation, innovation policy, government management.*

Путь к системному решению сложной проблемы управления современным государством должен прокладываться определением способствующих ее появлению оснований и областей ее влияния. В настоящее время определение таких оснований актуализирует фактор инноваций, который всегда считался катализатором прогресса и одновременно проявлялся в порождаемых им социально-политических противоречиях. Преодоление этого противостояния возможно путем анализа категории инноваций с выводом сложившегося их применения в рамках экономической теории и рассмотрении инноватики в политическом аспекте.

Зарождение понятия инноватики связывают с экономикой, точнее – с развитием предпринимательства, особый же интерес к этой теме вызван с появлением теорий российского ученого Н. Кондратьева и австрийца Й. Шумпетера. Открытие Кондратьева, посвященное описанию больших циклов (длинных волн) в динамике капиталисти-

ческого способа производства (его подъема и падения), вызвало последовавшие затем исследования причин этих волн и получение результатов о существенном влиянии новшеств на течение экономических процессов на макроуровне. Основываясь на идеях Н. Кондратьева, Й. Шумпетер популяризовал такие понятия, как «экономическое развитие» и «инновация», дав последнему определение чего-то нового, появление неизвестного ранее уровня какого-то явления, а также ввел другие понятия, начав разрабатывать теорию инновационных процессов, но в основном в сфере предпринимательства.

В научной литературе встречаются разные определения инновации. Ученые трактуют её в зависимости от сферы своих интересов. Известны исследования влияния вводимых новаций на общественные процессы в разных аспектах и в разные эпохи.

П. Друкер, Д. Хомутский, А. Нестеров, В. Лопатин [1–4] считают, что некоторую сложность при

проведении исследований инновационной тематики представляла однобокость толкования термина «инновация» из-за прямого перевода с английского языка. Но в данное время понятие «инновация» получило гораздо более широкое значение в самых разных науках.

Инновация с английского (innovation) переводится на русский язык как нововведение, новшество. В соответствии с этим некоторые авторы предлагают рассматривать и употреблять эти термины как синонимы [5]. Но, на наш взгляд, это не совсем верно, так как под новшеством понимается новый порядок, обычай, метод, новое явление. А «нововведение» в буквальном смысле «введение нового» означает процесс использования новшества. Инновации также означают процесс использования новшества. Поэтому далее термины «инновация» и «нововведение» будем употреблять как тождественные и означающие «введение новшества».

В экономике понятие «инноватика» означает процесс внедрения научно-технических достижений в производственный процесс, производство новых продуктов и использование новых технологий [6]. В других науках встречаются иные понятия и определения терминов «инноватика», «инновация» и «нововведение».

Первоначальная привязка инноватики к экономической сфере сохранилась и в настоящее время, что существенным образом отражается на ее понятийном инструментарии. Существует несколько определений понятия «инновация», данных именно в этом ключе.

Так, Б. Гвасс объясняет инновацию как процесс, в котором изобретение или идея приобретают экономическое содержание [7].

Б. Санто говорит, что инновация — это такой общественно-техническо-экономический процесс, который через практическое использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по своим свойствам изделий, технологий [8].

Й. Шумпетер трактует инновацию как новую научно-организационную комбинацию производственных факторов, мотивированную предпринимательским духом [9].

С. Ильенкова считает, что специфическое содержание инновации составляют изменения, а главной функцией инновационной деятельности является функция изменения. Инновации свойственны как динамический, так и статический аспекты [10].

Р. Фатхутдинов определяет инновацию как конечный результат внедрения новшества с целью из-

менения объекта управления и получения экономического, социального, экологического, научно-технического или другого вида эффекта [11].

В настоящее время к технологическим инновациям применяются рекомендации, установленные в Международных стандартах в статистике науки, техники и инноваций. В рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) была создана группа, которая разработала «Руководство Фраскати» (1963 г., последние изменения внесены в 1993 г. — название по г. Фраскати, Италия, где был принят этот документ), называющееся «Предложенная стандартная практика для обследования исследований и экспериментальных разработок». Методика сбора данных о технологических инновациях базируется также на рекомендациях, принятых в Осло в 1992 г., которые называются еще «Руководство Осло» [12]. Согласно этим Международным стандартам в статистике науки, техники и инноваций (а это рекомендации международных организаций в области статистики науки и инноваций, обеспечивающие их системное описание в условиях рыночной экономики), инновация определяется как конечный результат инновационной деятельности, воплощенный в виде нового или усовершенствованного продукта или технологического процесса, используемого в практической деятельности либо в новом подходе к социальным услугам.

Вообще большинство существующих подходов к толкованию понятия «инновация» условно можно разделить на две группы. Те, кто является сторонниками теории Й. Шумпетера, считают инновацию процессом, цель которого — внедрение нового устройства или технологии. Точка зрения второй группы ближе к теории конкуренции М. Портера, где под инновациями понимаются изменения как в используемых технике и технологии, так и в выпускаемой продукции или методах управления [13].

Наиболее общим является определение новшества как оформленного результата фундаментальных, прикладных исследований, разработок или экспериментальных работ в какой-либо сфере деятельности по повышению её эффективности, а не только в технической сфере.

Новшества могут быть в виде открытий, изобретений, товарных знаков, технологий, управленческого или производственного процесса, организационного, производственного, управленческого или другого новаторского решения, понятий, научных подходов или принципов, документа (стандарта, рекомендаций, методики, инструкции и т.п.), результатов исследований.

Вложение финансовых или материальных инвестиций в разработку новшества является начальным этапом инновации. Для получения практического результата, отдачи необходимо внедрить новшество в практику, т.е. завершить инновационную деятельность и получить положительный эффект.

Инновация будет законченным результатом, если внедрение новшества произошло с достижением цели – изменением объекта управления и получением политического, экономического, социального, научно-технического или другого позитивного эффекта.

Новшества могут быть разными по средствам их приобретения: покупными или собственной разработки; по предназначению: для накопления, продажи или внедрения в собственную продукцию (выполняемую услугу) фирмы и пр.

Рассматривая различные подходы к понятию «инновация», В. Коновалов пишет, что инновацию в современном мире не следует ограничивать только сферой экономической деятельности [14, с. 254]. Прежде всего потому, что отношения между людьми и социальными группами не ограничиваются только ею. Значимыми сферами в жизни лю-

дей являются политика, искусство, проблемы морали, нравственности, экологии, образования, здравоохранения и т. д. Это не предпринимательство, не бизнес. И здесь присутствуют инновации, новое, то, что создается творческим путем.

Широкую классификацию инноваций провёл Ю. Яковец, который определяет их как использование достижений человеческого ума для повышения эффективности в различных сферах жизнедеятельности общества. Инновации, считает автор, могут быть технологические, экономические, экологические, управленческие, военные, политические, социокультурные, государственно-правовые и другие (рисунок) [15].

Исходя из классификации инноваций по различным сферам жизнедеятельности человека и общества, предложенной В. Яковцом, можно сделать заключение, что полем применения инноваций может быть все социальное пространство жизнедеятельности человечества. Современный этап эволюции как высшая точка общественного развития отличается стремительными изменениями в социально-политической жизни, поэтому инновации стали необходимым объектом интереса социологов, правоведов, экономистов, управленцев, политологов.

Классификация инноваций

Одной из попыток систематизации научных знаний в области исследований сущности инноваций, их закономерностей появления, развития и распространения в современном обществе, стала работа Ю. Карповой [16]. Автор рассматривает инновацию как феномен, имманентно присущий социуму, появление и функционирование которого в культуре общества вызывает социальные, к тому же системные, а не только технические изменения. Определяя инновацию как новый подход, прогрессивный результат творческой деятельности в какой-либо сфере бытия, который приводит к важным изменениям в жизнедеятельности человека, общества, природы, Карпова говорит об универсальности инновационных процессов, хотя и относит эту универсальность только к социальной сфере. О значимости инноваций и их влиянии не только на социальную сферу, но и государственное управление пишет В. Романов [17].

Говоря о понятии инноваций, необходимо отметить и такое распространенное явление, как псевдоинновации [18]. Они являются ложными путями человеческой изобретательности и предприимчивости, направленными на частичное улучшение и продление жизни устаревших технологий, общественных систем и институтов. Иногда псевдоинновации могут на короткое время вдохнуть новую жизнь в устаревший институт, подвинуть его на некоторый сдвиг жизненного цикла. Введение псевдоинноваций, по сути своей имитации нового, вызывается нежеланием индивидов, властей или определенных влиятельных групп отказываться от привычек, стремлением сохранить существующее положение, боязнью рисков, которые приносят с собой нововведения, что тормозит общественный прогресс. Псевдоинновации обычно появляются на заключительной фазе жизненного цикла уходящей системы, когда она уже в основном исчерпала свои ресурсы и потенциал, но всячески сопротивляется приходу более прогрессивной системы, стремится с помощью видимости обновления сохранить свои позиции в изменившихся условиях.

Инновации необходимы для достижения развития системы государственного управления, что в конечном итоге приведет к развитию социальной и политической системы страны. Данной теме посвящен п. 4 повестки дня Пятой сессии ООН, проводимой в марте 2006 г. в Нью-Йорке, где рассматривался вопрос «Инновации в сфере управления и государственно-административной деятельности как средство достижения согласованных на международном уровне целей развития, в том числе целей

в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия» [19].

По мнению экспертов ООН, представивших доклад, инновацию в сфере государственного управления можно определить как разработку государственными органами новых направлений деятельности и новых стандартных рабочих процедур для решения проблем, возникающих в процессе реализации государственной политики. Комитет экспертов по государственному управлению отметил, что «инновации можно рассматривать как противоположность рутинному, или традиционному порядку ведения дел в государственном секторе, и подчеркнул, что для достижения ощутимых результатов в инновационной деятельности необходимо обеспечить свободу мысли и убеждений, а также открытое общество и государственно-административные структуры, стимулирующие диалог между государственными служащими, компетентность которых не вызывает сомнений. Инновации заключаются в изучении того, какие методы работают, а какие – нет. Комитет добавил, что, для того чтобы считаться инновационным, тот или иной метод должен отвечать требованиям закона и быть этически оправданным [19].

Таким образом, инновация в государственном управлении должна представлять собой поиск эффективных и новаторских решений новых проблем или же «новых решений старых проблем». Эксперты утверждают, что инновации в государственном управлении не дают «фиксированных» (статичных) и окончательных результатов, это динамичный и открытый процесс, с творческим подходом к решениям тех, кто их принимает. «Инновации в государственном секторе зависят от двух важнейших факторов: готовности осуществлять преобразования и идти на риск; и способности руководства возглавить процесс преобразований и брать на себя риски и наличия ресурсов, необходимых для таких преобразований» [19].

И. Ганчеренок и С. Князев предлагают следующие типы инноваций в государственном управлении:

- учрежденческая инновация, когда основное внимание уделяется обновлению существующих учреждений и/или созданию новых учреждений;
- организационная инновация, включающая внедрение новых рабочих процедур или методов руководства в сфере государственного управления;
- инновация в форме совершенствования процессов, когда основное внимание уделяется повышению качества предоставляемых государством услуг;

– концептуальная инновация, направленная на внедрение новых форм управления (например, интерактивное формирование политики, управление на основе широкого участия населения, «горизонтальное/сетевое управление») [20].

Итак, инновационное государственное управление – деятельность по социальному управлению, генеральным субъектом которого является государство. Его деятельность направлена на инициирование, поддержку, корректировку и регулирование инновационных процессов, являющихся источником и катализатором социополитического, культурного и экономического развития страны. Задачей государственного управления является обеспечение динамической устойчивости в условиях неравновесности инновационно преобразующейся социальной среды. Необходимым условием эффективности выполнения данной задачи является инновационная адаптируемость и опережающая инновационность решений органов государственного управления в ответ на социальные вызовы и в их предвидении.

Многие ученые и практики до недавнего времени говорили о том, что правовое регулирование инновационной деятельности в Российской Федерации на федеральном уровне носит фрагментарный характер, необходимо законодательное закрепление понятия «инновации». 21.07.2011 г. был принят Федеральный закон 254-ФЗ, внесший поправки в Федеральный закон 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», которые определили такие понятия, как «инновации», «инновационный проект», «инновационная инфраструктура» и «инновационная деятельность». Согласно закону, инновации – это введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях.

Инновационный проект – комплекс направленных на достижение экономического эффекта мероприятий по осуществлению инноваций, в том числе по коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов.

Инновационная инфраструктура – совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг.

Инновационная деятельность – деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятель-

ность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности.

Таким образом, актуализацию темы инноваций в сфере государственного управления нельзя рассматривать как очередную политическую кампанию. Государство, которое внедряет инновационные идеи в процессы и системы административно-управленческой деятельности, сможет эффективно ответить на вызовы времени на национальном, международном и региональном уровне. Инновации в политике управления современного государства не самоцель, а средство совершенствования государственной системы в целях улучшения качества жизни граждан государства. Внедрить уже опробованные инновации недостаточно, как пишут эксперты, «взять чужой образец означает лишь создать макет, а не работоспособный механизм» [21, с. 107].

Инновации укрепляют управление при оптимальном подходе к выбору между преемственностью и стабильностью, между необходимостью достижения новых уровней развития, внедрением новшеств и рисками изменений.

Литература

1. Друкер П.Ф. Бизнес и инновации. М., 2007.
2. Хомутский Д.Ю. Управление инновациями в компании. М., 2008.
3. Нестеров А.В. Инновации – системный подход // Компетентность. 2007. № 6 (47).
4. Лопатин В.Н. Государство и интеллектуальная собственность: переход к инновационной экономике // Интеллектуальная собственность. Актуальные проблемы теории и практики: сб. науч. тр. М., 2008. Т. 1.
5. Дунаев О.Н., Ершова И.В., Кузнецова Е.Ю. Конкурентоспособность регионального управления / под ред. О.Н. Дунаева. Екатеринбург, 1999.
6. Портников Б.А., Султанов Н.З. Основы инноватики / под ред. Н.З. Султанова. Кн. 1. Оренбург, 2000.
7. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями: пер. с англ. / предисл. и науч. ред. К.Ф. Пузыня. М., 1989.
8. Санто Б. Инновация как средство экономического развития: пер. с венг. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Саконова. М., 1990.
9. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.
10. Ильенкова С.Д. Инновационный менеджмент: учебник. 3-е изд. перераб. и доп. М., 2007.
11. Фатхутдинов Р.А. Инновационный менеджмент: учебник для вузов. 6-е изд. СПб., 2008.

12. Oslo Manual. Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data. 3rd edition. A Joint Publication of OECD and Eurostat. OECD/EC, 2005 (Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. 3-е изд., совместная публикация ОЭСР и Евростата / пер. на рус. яз. М., 2006. URL: http://www.hse.ru/data/2011/09/05/1267119067/oslo_ru.pdf (дата обращения: 10.09.2014).

13. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов: пер. с англ. М., 2006.

14. Коновалов В.М. Инновационная сага. М., 2005.

15. Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI в. М., 2004.

16. Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики: учеб. пособие. СПб., 2004.

17. Романов В.Л. Социально-инновационный вызов государственному управлению. М., 2006.

18. Долговременные тенденции в капиталистическом воспроизводстве: реф. сб. / отв. ред. и сост. Р.М. Энтов, Н.А. Макашева. М., 1985. С. 115–140.

19. Организация Объединенных Наций. Экономический и Социальный Совет. Доклад Комитета экспертов по государственному управлению о работе его пятой сессии (Нью-Йорк, 27–31 марта 2006 года). URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan023031.pdf> (дата обращения: 10.09.2014).

20. Князев С.Н., Ганчеренок И.И. Управление инновациями и инновации в управлении // Государственное управление. Электронный вестн. 2007. № 11. URL: http://www.pac.by/dfiles/001897_461559_145_gancheronoc.pdf (дата обращения: 10.09.2014).

21. Понеделков А.В., Кузина С.И. Особенности трансформации гражданской идентичности в российском политическом процессе // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1(23). С. 100–112.

References

1. Druker P.F. *Biznes i innovatsii* [Business and Innovation]. Moscow, 2007.

2. Khomutskii D.Yu. *Upravlenie innovatsiyami v kompanii* [Control of Innovations in a Company]. Moscow, 2008.

3. Nesterov A.V. Innovatsii – sistemnyi podkhod [Innovations - System Approach]. *Kompetentnost'*. 2007, no 6 (47).

4. Lopatin V.N. Gosudarstvo i intellektual'naya sobstvennost': perekhod k innovatsionnoi ekonomike [State and Intellectual Property: Transition to Innovation Economy]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Aktual'nye problemy teorii i praktiki*: sb. nauch. tr. Moscow, 2008, vol. 1.

5. Dunaev O.N., Ershova I.V., Kuznetsova E.Yu. *Konkurentosposobnost' regional'nogo upravleniya* [Competitiveness of Regional Governance]. Ed. O.N. Dunaev. Ekaterinburg, 1999.

6. Portnikov B.A., Sultanov N.Z. *Osnovy innovatiki* [Fundamentals of Innovation]. Ed. N.Z. Sultanov. Vol. 1. Orenburg, 2000.

7. Tsviss B. *Upravlenie nauchno-tehnicheskimi novovvedeniyami* [Management of Scientific and Technological Innovations]. Transl. K.F. Puzyn. Moscow, 1989.

8. Santo B. *Innovatsiya kak sredstvo ekonomicheskogo razvitiya* [Innovation as a Means of Economic Development]. Transl. B. Sazonov. Moscow, 1990.

9. Shumpeter I. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of Economic Development]. Moscow, 1982.

10. Il'enkova S.D. *Innovatsionnyi menedzhment* [Innovation Management]: uchebnik. Moscow, 2007.

11. Fatkhutdinov R.A. *Innovatsionnyi menedzhment* [Innovation Management]. Saint Petersburg, 2008.

12. Oslo Manual. Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data. 3rd edition. A Joint Publication of OECD and Eurostat. OECD/EC, 2005. Available at: http://www.hse.ru/data/2011/09/05/1267119067/oslo_ru.pdf (accessed 10.09.2014).

13. Porter M. *Konkurentnaya strategiya: Metodika analiza otraslei i konkurentov* [Competitive strategy: Methodology of Analyzing Industries and Competitors]. Moscow, 2006.

14. Kononov V.M. *Innovatsionnaya saga* [Innovation Saga]. Moscow, 2005.

15. Yakovets Yu.V. *Epokhal'nye innovatsii XXI v.* [Epochal Innovation XX century]. Moscow, 2004.

16. Karpova Yu.A. *Vvedenie v sotsiologiyu innovatiki* [Introduction to Sociology of Innovation]. Saint Petersburg, 2004.

17. Romanov V.L. *Sotsial'no-innovatsionnyi vyzov gosudarstvennomu upravleniyu* [Social and Innovation Challenge to Government]. Moscow, 2006.

18. *Dolgovremennye tendentsii v kapitalisticheskom vosproizvodstve* [Long-term Trends in Capitalist Reproduction]. Ed. R.M. Entov, N.A. Makasheva. Moscow, 1985, pp. 115-140.

19. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii. Ekonomicheskii i Sotsial'nyi Sovet. Doklad Komiteta ekspertov po gosudarstvennomu upravleniyu o rabote ego pyatoi sessii* [The Organization of the "United Nations". Economic and Social Council]. New York, 27–31 March, 2006. Available at: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan023031.pdf> (accessed 10.09.2014).

20. Knyazev S.N., Gancherenok I.I. *Upravlenie innovatsiyami i innovatsii v upravlenii* [Innovation Management and Innovation in Management]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*. 2007, no 11. Available at: http://www.pac.by/dfiles/001897_461559_145_gancheronoc.pdf (accessed 10.09.2014).

21. Ponedelkov A.V., Kuzina S.I. *Osobennosti transformatsii grazhdanskoi identichnosti v rossiiskom politicheskom protsesse* [Features of Transformation of Civic Identity in the Russian Political Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otmosheniya*. 2013, no 1(23), pp. 100-112.

УДК 316.334:61

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ НЕДОВЕРИЕ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ САМОЛЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

© 2015 г. Н.А. Вялых

Вялых Никита Андреевич –
кандидат социологических наук,
старший преподаватель,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону, 344006.
E-mail: sociology4.1@yandex.ru

Vyalykh Nikita Andreevich –
Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer,
Institute of Sociology and Regional Studies
at Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: sociology4.1@yandex.ru

Исследуется проблема самолечения в российской системе здравоохранения и степень взаимосвязи между самолечением и институциональным недоверием в обществе. Медико-антропологические и социологические концепции позволяют рассматривать самолечение в качестве формы здравоохранительной активности личности и общества. Особое внимание уделяется роли институционального недоверия в структуре факторов самолечения. Социологические данные, полученные автором, показывают зависимость поведения в ситуации заболевания от уровня доверия респондентов к медицинским организациям. Делается акцент на взаимосвязи институционального недоверия с негативным эмоциональным восприятием отношений с медицинским персоналом.

Ключевые слова: самолечение, здравоохранение, медицинская помощь, медицинская антропология, медиализация, институциональное недоверие.

The article analyzes the problem of self-treatment in the Russian health care system and degree of relationship between self-treatment and institutional distrust in society. Medico-anthropological and sociological concepts gives opportunity to analyze the self-treatment as a health activity form of the individual and society. A special attention is given to the role of institutional distrust in the structure factors of self-treatment. Sociological data, obtained by the author show the dependence of illness behavior from level of the respondents trust to medical organizations. The author makes an accent on correlation of institutional distrust with the negative emotional perception of the relationship with the medical staff.

Keywords: self-treatment, healthcare, medical care, medical anthropology, medicalization, institutional distrust.

Цель статьи – социологическое измерение степени влияния институционального недоверия на распространение практик самолечения в российском обществе. Для достижения указанной цели необходимо, во-первых, концептуально встроить ключевые понятия в контекст исследования и обозначить теоретические предпосылки социологического анализа самолечения, во-вторых, выявить комплекс факторов воспроизводства практик самолечения, в-третьих, на эмпирическом уровне измерить взаимосвязь самолечения и институционального недоверия в современном российском обществе, либо опровергнуть наличие оной.

С учетом достижений и эвристического потенциала концепций медицинской антропологии предпримем попытку социологического осмысления феномена самолечения, его функций и факторов с практическим прицелом выхода на эмпирический уровень изучения предпосылок самолечения в современном российском обществе.

Медицинская антропология ориентирует на исследование того, каким образом люди как представители различных культур и социальных групп интерпретируют состояние нездоровья, в какие виды лечения они верят и что предпринимают в ситуации заболевания [1, р. 1080]. Необходимость антропологического взгляда на медицинскую проблематику, включая самолечение, возникает в связи с тем, что индивидуальные качества человека, культурные, социально-классовые, религиозные, семейные и прочие основания медицинского поведения остаются за скобками биомедицинской модели здоровья и болезни.

А. Клейнман выделяет три взаимосвязанных сектора здравоохранения в зависимости от того, кто оказывает помощь, и в каком контексте: общедоступный, «домашний» («popular-sector»), основывающийся на самопомощи либо помощи со стороны ближайшего окружения (семьи, друзей, зна-

комых, не являющихся профессиональными медиками); народный («folk-sector»), который зиждется на деятельности целителей, шаманов, народных психотерапевтов; профессиональный сектор («professional sector») как система «легальной», официальной медицинской помощи, провайдером которой являются специалисты с высшим и средним медицинским образованием [2]. В соответствии с этой моделью самолечение анализируется как комплементарная форма медицинской помощи, а не контрстратегия по отношению к профессиональному сектору здравоохранения.

Феномен самолечения тесно связан с понятиями комплаентности и нонкомплаентности (от англ. compliance), т. е. соблюдением или несоблюдением пациентом рекомендаций, назначений и предписаний врача. Причины отказа от врачебной помощи либо несоблюдения рекомендаций разнообразны: кто-то считает, что лекарства, назначаемые врачом, слишком сильные, токсичные, многие предпочитают лечиться медикаментами из домашней аптечки, и получается, что если пациенты и обращаются к врачам, то преимущественно для верификации диагноза, а не для лечения [3, р. 25–26]. Факторами нонкомплаентности могут быть уверенность в своих способностях самостоятельно справиться с субъективно воспринимаемым недугом, страх (например, в России особенно боятся быть «залеченными», а не вылеченными), недостаток финансовых средств для лечения, диагностики, негативный опыт взаимодействия с медицинскими организациями (столкновение с грубостью, невниманием, незаинтересованностью врачей в положительном исходе, или неэффективность услуг «профессионального сектора»). Подобные эпизоды повседневности отдельных акторов порождают дихотомию «доверие себе (своему окружению) – недоверие профессиональной медицине» на макросоциальном уровне.

Способствует распространению практик самолечения и, возможно, росту институционального недоверия медиализация общества. По мнению П. Кохрана, это – процесс, посредством которого изначально немедицинские проблемы становятся медицинскими и рассматриваются, как правило, в понятиях болезни и расстройств. Механизм медиализации заключается в следующем: некая проблема посредством медицинского языка встраивается в медицинский дискурс и интерпретируется как «излечимая» только медицинским вмешательством [4, р. 4–5]. Ключевым моментом в социологическом плане является принятие обществом и человеком той или иной проблемы как действительно медицинской. Посчитает ли человек себя подходящим объектом

для медицинской интервенции – вот конечный этап легитимации болезни, недуга или расстройства.

Основной пафос медико-антропологических исследований состоит в том, что самолечение – терапевтический выбор потенциального пациента, который всегда сам решает, к кому обратиться и что предпринять в случае болезни или недомогания. Социологическая перспектива вовсе не отнимает у личности право терапевтического выбора, а помогает установить взаимосвязь между стратегиями медицинского поведения (если, конечно, предполагается их наличие) и социальными структурами, институтами и процессами. С социологической точки зрения самолечение может быть проанализировано не только как социокультурный тип медицинского поведения, но и как наблюдаемое последствие дисфункциональных явлений в системе медицинского обеспечения, и как способ социальной адаптации к ним.

Под самолечением понимается форма сознательной медицинской активности, имеющей целью выздоровление, сохранение и укрепление здоровья в ситуации заболевания без участия и помощи квалифицированных медицинских профессионалов, а также представителей народной медицины (целителей, бабок, шаманов и т. п.). Оно характеризуется, во-первых, допущением актора о способности самостоятельного решения проблемы со здоровьем, во-вторых, его инстинктивным и волевым стремлением к самосохранению, в-третьих, опосредованностью поведения ценностными ориентациями личности, формируемыми под воздействием социокультурной среды.

П. Аронсон отмечает, что «в результате распада патерналистской институциональной системы здравоохранения россияне оказались в ситуации кризиса экспертного знания и институционального доверия. Обращение к традиционному знанию и практикам самолечения является для них в этой ситуации стратегией снижения риска в отношении своего здоровья» [5, с. 128]. Полагаем, что институциональное недоверие формируется под воздействием целого комплекса причин как структурного уровня (коммерциализация медицинской помощи, многочисленные организационные «фильтры», информационная закрытость системы медицинского обеспечения), так и уровня индивидуального (образованность, социально-статусная принадлежность, возраст и пр.).

Анализируя феномен социального недоверия в дискурсе повседневности, И.В. Глушко раскрывает содержание этого понятия в эмоциональном, когнитивном и деятельностном (поведенческом) аспектах.

Ассоциативный ряд первого аспекта включает понятия «ненадежность», «непорядочность», «жадность», «стяжательство», «корысть»; второго – «скептицизм», «сомнение», «настороженность», «подозрительность»; третьего – «нечестность», «несогласованность», «непоследовательность» в действиях и поступках, что в определенной степени затрудняет, ограничивает эту самую деятельность, либо сводит ее на «нет», что зависит от степени недоверия [6, с. 302].

Недоверие возникает между субъектами, для которых «характерны различия, а зачастую и противоречия целей и ценностей, норм и правил поведения. Взаимодействие таких субъектов нередко проходит в условиях высокой неопределенности, при отсутствии регламентации и возможности контроля» [7, с. 58]. Интересы агентов системы медицинского обеспечения зачастую разнонаправлены: государство желает снизить степень своего финансового и организационного участия в социальной сфере, страховые медицинские организации и коммерческие медицинские центры хотят максимизировать свою прибыль, бюджетные медицинские организации стремятся просто выжить в условиях всевозможных навязанных «сверху» новаций и увеличивающегося потока пациентов, которые в свою очередь также хотят выжить, но с минимальным риском для кошелька и здоровья.

Институциональное недоверие предполагает особый эмоционально-окрашенный тип отношения индивида, социальной группы, общества к организациям и акторам института здравоохранения (медицинским работникам и медицинским организациям), являющийся предпосылкой, с одной стороны, уклонения потенциальных пациентов от взаимодействия с профессиональными провайдерами медицинской помощи, с другой – предтечей альтернативных форм самосохранительной активности, среди которых важное место занимает самолечение.

Самолечение как социальный феномен является в какой-то степени социальной реакцией российского общества, основанной на сомнении в возможностях отечественной медицины и убежденности в непрофессионализме конкретных медицинских работников, экстраполируемой на все медицинское сообщество. Так, анализ общественного мнения позволяет говорить об отсутствии каких-то надежд и иллюзий россиян, связанных с качественным развитием отечественной медицины в ближайшие десять лет. По данным фонда «Общественное мнение» (телефонный опрос граждан РФ 18 лет и старше по случайной выборке номеров мобильных и стационарных телефонов 15 июня 2014 г. 320 городов, 160 сел, 1000 респондентов. Статистическая

погрешность не превышает 3,8 %), 23 % россиян считают, что через 10 лет уровень развития российской медицины будет более высоким, чем в передовых странах мира; 28 – таким же, как в передовых странах; 26 – затруднились ответить; 24 % опрошенных сказали – более низким. Стоит отметить, что доля пессимистичных оценок увеличилась по сравнению с 2008 г.: с 38 до 28 % сократилось число ответов «таким же, как в передовых странах» и с 18 до 24 % увеличилась доля респондентов, полагающих, что уровень развития российской медицины будет более низким, чем в передовых странах мира через 10 лет [8].

Согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения, более трети россиян (36 %) занимаются самолечением (инициативный всероссийский опрос проведен 12 – 13 мая 2013 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %) [9]. Подтверждают эти данные и результаты инициативного социологического анкетирования, добытые автором. Опрос проведен с апреля по июнь 2014 г. в г. Ростове-на-Дону (766 чел. старше 18 лет). Способ отбора – квотная нерандомизированная выборка. Инструментарий содержит 33 вопроса закрытого и полужакрытого типов. Анкетный опрос проводился с целью социологического измерения контекстуальных и поведенческих параметров потребления медицинской помощи в г. Ростове-на-Дону. В составе изученного контингента 54,2 % женщин и 45,8 % мужчин. Распределение участников анкетирования по возрасту выглядит следующим образом: 18 – 30 лет – 23,4 %; 31 – 45 лет – 31,6; 46 – 60 лет – 25,3; 60 лет и старше – 19,7 %.

Подавляющее большинство респондентов (77,2 %) хотя бы один-два раза за последний год прибегали к лечению без участия врача. Конечно, заболевания и дисфункциональные состояния организма бывают разными: легкими и тяжелыми, доброкачественными и злокачественными, эпизодическими и патологическими. Однако какой-либо значимой зависимости практики самолечения от наличия хронического заболевания или самооценки здоровья не выявлено.

Не является простым совпадением то, что число респондентов, лечившихся самостоятельно, сравнительно выше среди тех, кому приходилось в течение года отказываться от медицинской помощи из-за невозможности ее оплатить – 80,3 против 74,7 % респондентов, которым не приходилось отказываться от медицинской помощи по экономическим соображениям.

В качестве причин самолечения чаще всего упоминались (респонденты могли выбирать до трех вариантов ответа, поэтому итог превышает 100 %): длительное время ожидания приема врача из-за очередей, постоянного недостатка номерных талонов, свободных регистрационных записей (41,3 %); недостаток личного времени для посещения врача (33,6 %); страх посещения кабинета врача (25,5 %); нежелание беспокоить врачей «по пустякам» (19 %); недоверие к знаниям и опыту медицинского персонала (18,6 %); отсутствие индивидуального подхода, внимания, заинтересованности в благоприятном исходе лечения со стороны медицинского персонала (18,3 %); удаленность, территориальное неудобство расположения медицинских учреждений (15,5 %). Реже респонденты отмечали варианты: лень и безответственность по отношению к собственному здоровью (9,7 %); отсутствие полиса медицинского страхования или иных документов (3,4 %). 5,2 % опрошенных затруднились дать ответ.

Причины самолечения, хоть и косвенно, но указывают на системные недостатки организации медицинского обеспечения. Большинство из них имеют скорее субъективный привкус, однако ответы респондентов заставляют задуматься не просто о возможности физического доступа к медицинской помощи, но и о социально-психологическом климате, царящем в системе медицинского обеспечения.

На дихотомический вопрос: «Доверяете ли Вы в целом медицинским организациям, в которые Вам приходится обращаться постоянно или время от времени?» 60,8 % респондентов ответили утвердительно, 39,2 % опрошенных отметили, что не доверяют. Надо отметить, что среди не доверяющих медицинским организациям респондентов – больше лечащихся самостоятельно, обращающихся к народным целителям, нетрадиционной медицине, и ничего не предпринимающих в случае заболевания. Напротив, доверяющие медицине респонденты сравнительно чаще обращаются в медицинские организации, в т. ч. в платные (таблица).

Сопреженность доверия медицинским организациям с практиками поведения в ситуации заболевания

Показатель	Что Вы обычно делаете, когда заболеваете, %					Итого
	Обращаюсь в поликлинику, больницу по месту жительства	Лечусь самостоятельно, не обращаясь к врачам	Обращаюсь в платную поликлинику, больницу	Обращаюсь к народным целителям, нетрадиционной медицине	Ничего не делаю, все пускаю «на самотёк»	
Доверяют	45,3	31,8	16,1	3,9	3,0	100
Не доверяют	39	41,7	6,7	5,3	7,3	100
% по выборке	42,8	35,6	12,4	4,4	4,7	100

Причем респонденты, имеющие постоянного врача в поликлинике по месту жительства, с которым они могут советоваться по всем или многим вопросам своего здоровья, чаще говорили о доверии к медицинским организациям (68,1 против 31,9 %).

Значимой (на уровне $\alpha = 0,05$) оказалась корреляция доверия / недоверия с эмоциональным восприятием отношений с медицинским персоналом. Чем хуже, менее корректно, в восприятии потребителей медицинской помощи, отношение провайдера, тем вероятнее формирование недоверия. Так, среди респондентов, наблюдающих преимущественно уважительное, корректное отношение 79,9 % в целом доверяют медицинским организациям, в то время

как в подгруппе наблюдающих отношение «с выражением своего собственного превосходства» процент доверия – 43,7.

Наконец, сопоставляя общий вектор доверия / недоверия с частотой обращения в медицинские организации с профилактической целью, обнаружено, что на фоне и без того низкого уровня медико-профилактической активности населения, люди, не доверяющие медицинским организациям, реже обращаются за медицинской помощью с профилактической целью (33,1 против 66,9 %).

Таким образом, с определенной долей вероятности можно утверждать: институциональное недоверие представляет собой один из социально значимых

факторов самолечения в современном российском обществе. Институциональное недоверие в свою очередь произрастает из организационно-экономической и коммуникативной закрытости сферы медицинского обеспечения, негативного опыта взаимодействия пациентов с медицинскими организациями. Есть и другие не менее значимые факторы самолечения: объективная невозможность полноценного лечения под наблюдением врача из-за боязни лишиться работы и постоянного заработка, географическая удаленность медицинских организаций, легкая степень тяжести заболевания, позволяющая без риска для здоровья справиться с недугом самостоятельно, особенности психологического склада личности и специфика социокультурного окружения потенциального пациента.

Литература

1. Helman C.G. Medicine and Culture: Limits of Biomedical Explanation // *The Lancet*. 1991. № 337 (8749). P. 1080-1083.
2. Kleinman A. *Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland Between Anthropology, Medicine, and Psychiatry*. Berkeley, 1980. 427 p.
3. Sobo E.J., Loustaunau M.O. *The Cultural Context of Health, Illness, and Medicine*. 2nd ed. Santa Barbara, 2010. 268 p.
4. Conrad P. *The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders*. Baltimore, 2007. 205 p.
5. Аронсон П. Утрата институционального доверия в российском здравоохранении // Журн. социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 2 (35).
6. Глушко И. В. Социальное недоверие: мультиметодологический подход к исследованию // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1.
7. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М., 2013. 564 с.
8. ТелеФОМ. Российская медицина: диагноз и прогноз. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11574> (дата обращения: 09.10.2014).
9. ВЦИОМ. Инвестиции в здоровье: готовы ли россияне тратить на фитнес и платную медицину? URL: <http://wciom.ru/health/> (дата обращения: 11.09.2014).

References

1. Helman C.G. Medicine and Culture: Limits of Biomedical Explanation. *The Lancet*. 1991, no 337 (8749), pp. 1080-1083.
2. Kleinman A. *Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland Between Anthropology, Medicine, and Psychiatry*. Berkeley, 1980, 427 p.
3. Sobo E. J., Loustaunau M. O. *The Cultural Context of Health, Illness, and Medicine*. 2nd ed. Santa Barbara, 2010, 268 p.
4. Conrad P. *The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders*. Baltimore, 2007, 205 p.
5. Aronson P. Utrata institutsional'nogo doveriya v rossiiskom zdravookhraneni [The Loss of Institutional Confidence in the Russian Health Care]. *Zhurn. sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2006, vol. IX, no 2 (35).
6. Glushko I.V. Sotsial'noe nedoverie: mul'timetodologicheskii podkhod k issledovaniyu [Social Distrust: Multi-methodologicheskyy Approach to research]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2014, no 1.
7. Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva [Trust and Distrust in Terms of Civil Society Development]. Ed. A.B. Kupreichenko, I.V. Mersyanova. Moscow, 2013, 564 p.
8. *TeleFOM. Rossiiskaya meditsina: diagnost i prognoz* [Russian Medicine: Diagnosis and Prognosis]. Available at: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11574> (accessed 09.10.2014).
9. *VTsIOM. Investitsii v zdorov'e: gotovy li rossiyane tratit' na fitnes i platnyu meditsinu?* [VTsIOM. Investing in health: are the Russians Ready to Spend on Fitness and Commercial Medicine?]. Available at: <http://wciom.ru/health/> (accessed 11.09.2014).

УДК 325.1

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

© 2015 г. А.А. Долгов

Долгов Алексей Алексеевич –
аспирант, кафедра экономической и социальной
географии, географический факультет,
Московский педагогический
государственный университет,
ул. Кибальчича, 16, г. Москва, 129626.
E-mail: alikbender@yandex.ru

Dolgov Aleksey Alekseevich –
Post-graduate, Department of Economic
and Social Geography, Geography Faculty,
Moscow Pedagogical
State University,
Kibalchicha St., 16, Moscow, 129626, Russia.
E-mail: alikbender@yandex.ru

Рассматривается развитие исследования миграции населения в России с конца XIX в. Дается обзор наиболее значимых отечественных разработок, оказавших влияние на становление и развитие учения о миграциях населения. Отмечаются тренды в изучении миграционных процессов в нашей стране на разных исторических этапах. Особое внимание уделено анализу исследования миграции населения отечественными учеными в последнее десятилетие. Определено, что на протяжении всего рассматриваемого периода население России пребывало в постоянном движении. Векторы его зачастую менялись. Вместе с этим трансформировалась и наука, занимающаяся анализом миграционных проблем. Исследования этого социального явления в нашей стране носили независимый характер, за исключением советского периода, когда в его изучение был привнесен политический аспект. Однако именно в это время была сформирована методическая база, которой до сих пор пользуются современные исследователи.

Ключевые слова: миграция, колонизация, принудительные миграции, урбанизация, утечка умов.

The article considers the development of migration studies in Russia since the end of the XIX century. It represents a review of the most significant works of Russian researchers who have influenced the formation and development of the migration doctrine. The article gives an overview of the trends in the study of migration processes in our country at different historical stages. Particular attention is paid to the analysis of migration studies by our scientists in the last decade. It was determined that during the entire study period the population of Russia was in constant motion. The vectors of this movement are often changed. Along with that the science dealing with the analysis of migration issues was transformed. Studies of this social phenomenon have independent character in our country, except the Soviet period, when in the study of migration the significant political aspect was introduced. However, at that time methodological framework was formed, which is still used by modern scholars of this social phenomenon in our country.

Keywords: migration, colonization, forced migration, urbanization, brain drain.

Исследование миграции населения всегда было тесно связано с практикой переселенческого движения. Во второй половине XIX в., вместе с ростом масштабов переселений, в России зародилось активное исследование этого социального явления. Периодизацию изучения миграции в России с этого времени до начала 2000-х гг. приводит Л.Л. Рыбаковский. Он выделяет четыре этапа: дореволюционный (примерно со второй половины XIX в. до 1917 г.); довоенный (20 – 30-е гг. XX в.); послевоенный (примерно с конца 50-х до начала 90-х гг.); современный (с начала 90-х гг. до начала 2000-х гг.) [1]. Пожалуй, это самая оптимальная периодизация, но в зависимости от целей, предмета исследования и рассматриваемого временного отрезка, любое деление может оказаться условным.

На дореволюционном этапе много внимания уделялось анализу причин переселения. Основной из них, по мнению В.Н. Григорьева, А.А. Исаева,

А.А. Кауфмана [2–4], было малоземелье на старом месте жительства. Другим направлением исследования миграции стало изучение приживаемости новоселов. Одним из первых этот вопрос рассмотрел В.Н. Григорьев. По мнению автора, приживаемость новоселов зависела от характера обустройства мигрантов, который в свою очередь, зависел от финансовой обеспеченности будущих переселенцев [2, с. 135]. Практически все авторы того времени в своих исследованиях уделяли большое внимание переселенческим концепциям. Помимо различий в финансовой обеспеченности переселенцев, существовали еще природные, географические, этнокультурные и другие факторы. Их необходимо было учитывать, так как они определяли эффективность переселений. В своей концепции А.А. Кауфман предлагал правильный, с его точки зрения, набор необходимых качеств переселенца для успешной колонизации [4, с. 321–325].

На дореволюционном этапе в теоретических исследованиях много внимания уделялось анализу такого понятия, как колонизация. Так, А.А. Кауфман считал, что она являлась одним из важнейших способов развития человечества, с ее помощью распространялась культура из одних частей света в другие [4, с. 3–4], а А.А. Исаев был сторонником государственного управления колонизационным делом [3, с. 27].

Активное изучение миграции началось лишь на рубеже XIX и XX вв. Многие исследования носили статистический характер без социологической направленности. Главными темами были анализ причин миграции и приживаемость новоселов. Работы касались общих объемов и направления миграции в Российском государстве. Теоретические исследования сводились к изучению особенностей процесса колонизации в Российской империи и в колониальных странах Западной Европы.

После революции в 1922 г. в Москве был создан Государственный научно-исследовательский колонизационный институт, а в 1926 г. в СССР была проведена перепись населения, куда были включены вопросы, касающиеся социальных, экономических, демографических, этнических и географических аспектов миграции. Как отмечает Л.Л. Рыбаковский, эти обстоятельства способствовали активизации изучения этого социального явления [1]. Наиболее знаковой работой данного периода по миграции стало пособие для вузов И.Л. Ямзина и В.П. Воцинина, в которой авторы рассматривали такие темы, как приток сельского населения в города, организация переселения из малоземельных регионов в многоземельные и др. [5]. Экономист С.Г. Струмилини в конце 20-х гг. XX в. рассматривал миграцию как важнейший фактор социально-экономического развития государства. Он показал ее взаимосвязь с такими важными факторами условий жизни, как оплата труда, цены и др. [6].

В теоретических исследованиях 20-х гг. были продолжены споры о таких понятиях, как «колонизация», «переселение», «миграция». На концептуальном уровне, по сравнению с прошлым этапом, ничего нового разработано не было.

В 30-е г. XX в., вследствие высоких темпов индустриализации страны, было ликвидировано аграрное перенаселение. Миграция стала оцениваться лишь как важный фактор размещения производительных сил. Как отмечает Л.Л. Рыбаковский, в это время в основном были попытки решить проблему плановости миграции [1]. В середине 30-х гг. происходит полная остановка исследований миграции на 20 лет.

Таким образом, в начале данного этапа отчетливо прослеживается преемственность исследовательских подходов, а теоретические исследования мало чем отличались от дореволюционных работ. Эмпирические исследования на данном этапе были более высокого уровня, чем на предыдущем, что связано с использованием намного более качественной статистической информации. География в работах по миграции осталась прежней. В конце данного этапа сформировались новые представления о функциях миграции. Она стала анализироваться в «подчиненном» понимании, став лишь «способом» размещения производительных сил, что было связано с новыми социально-экономическими и политическими условиями в государстве.

Первые серьезные послевоенные публикации по миграции населения появились в начале 60-х гг. Важнейшим событием для возрождения исследований миграции населения было создание Сибирского отделения АН СССР. В его стенах начали заниматься восстановлением и разработкой нового понятийного аппарата, методов исследования, статистических показателей миграции населения. Значимой работой 60-х гг. XX в. является монография В.И. Переведенцева, в которой на основе огромного статистического материала кратко упоминается история заселения региона, исследуются факторы миграции, рассматриваются межрайонные и межобластные миграционные связи, анализируется взаимосвязь миграции с естественным движением, приживаемостью, трудоустроенностью. Один из главных и неожиданных выводов В.И. Переведенцева заключался в том, что Сибирь в результате миграции теряет население [7]. Заметный вклад в 60-е гг. ученые внесли в развитие теории миграции, Т.И. Заславская, В.Д. Миркин и К.Ф. Ершова рассмотрели не только статистические методы ее изучения, но и социологические [8]. На рубеже 60–70-х гг. в СССР произошел новый виток в развитии данной области науки. На это, по мнению Л.Л. Рыбаковского, благоприятно повлияли следующие обстоятельства: 1) у исследователей появилась возможность сопоставлять данные переписей 1959 и 1970 гг.; 2) открылись для пользования многие работы прежних лет, а также данные текущего учета миграции; 3) сформированы три крупных научных центра по ее изучению, имеющие свои особенности и узкую специализацию [1]. В 70-е гг. эмпирические исследования концентрировались на актуальных проблемах того времени: сельская миграция, приживаемость новоселов в городах Сибири, маятниковая миграция, закономерности и особенности миграционных процессов в мире, в СССР и в отдельных регионах. В этой связи можно

назвать книгу В.И. Переведенцева, в которой в разной степени затронуты все эти проблемы [9]. В работе Б.С. Хорева и В.Н. Чапека [10] дается краткий обзор международной миграции населения. Исследователи анализируют зависимость миграции в том числе и от национальной принадлежности мигрантов.

Теоретические изыскания в 70-е гг. шли в двух направлениях. Одни непосредственно занимались разработкой теоретических и методологических вопросов. Например, И.С. Матлин рассмотрел возможность математического моделирования миграции [11], а Л.Л. Рыбаковский предложил стандартизированные по двум основаниям (относительно районов выхода и вселения) коэффициенты интенсивности межрайонных связей (КИМС) [12]. Другие пытались теоретически интерпретировать региональный эмпирический материал, например В.И. Переведенцев [9].

В 80-е гг. эмпирические исследования концентрировались на следующем круге проблем: миграция из села в город; адаптация мигрантов на новом месте жительства; закономерности и особенности миграции населения в СССР; ее влияние на качественный и количественный состав населения, на рост столичных городов союзных республик; взаимосвязь с жилищными условиями и уровнем жизни. Большое количество работ было посвящено миграционной политике в СССР. Исследуются такие ранее не изучаемые проблемы, как миграция молодежи и пожилых людей, а также брачная и учебная. В этой связи можно отметить сборник статей под редакцией Б.С. Хорева и Г.П. Киселевой, в котором В.М. Моисеенко, В.И. Мукомель, И.А. Данилова, Т.Д. Иванова, Л.Н. Казакова и другие опубликовали результаты по указанным выше проблемам [13]. Во времена перестройки стали рассматриваться вопросы международной миграции рабочей силы и место в ней социалистических стран. В данной связи отметим работу И.Г. Ушкалова и В.И. Иванова [14].

Советскими учеными в 80-е гг. был сделан заметный вклад в развитие теории миграции. В.М. Моисеенко [15], Л.Л. Рыбаковский [16] и дали обстоятельный анализ факторов этого социального явления. Особо отметим деятельность сотрудников Института социологии. С конца 70-х до начала 90-х гг. ими был выполнен ряд важных исследований. Работы были посвящены разработке трех теоретических и методических проблем: 1) создание нового подхода к изучению миграционных проблем, получившего название проблемного [17]; 2) развитие теории трехстадийности миграционного процесса; 3) развитие теории миграционного поведения [18].

Отметим, что данный этап не был в полной мере логическим продолжением предыдущего. Можно сказать, что развитие изучения миграции в нашей стране началось заново. В начале данного этапа, в научных работах миграция выходит из «подчиненного» состояния и обретает свою «самостоятельность». Для анализа миграционных процессов исследователи впервые стали применять социологические методы. Расширилась география работ в сравнении с предыдущим этапом, количество и уровень теоретических исследований выросли во много раз, сформировалась методическая база, которой до сих пор пользуются отечественные исследователи.

После распада СССР в конце 1991 г., на постсоветском пространстве миграция приобрела вынужденный характер и ярко выраженную этническую окраску. Стали развиваться новые ее виды: трудовая, коммерческая (или «челночная»), нелегальная, вынужденная и др. Сфера внешней миграции, после крушения «железного занавеса» и распада СССР, столкнулась с отсутствием налаженного иммиграционного контроля и проблемой прозрачности границ. Актуальными стали исследования вынужденной миграции русского населения из государств бывшего СССР и из национальных республик РФ, адаптации вынужденных мигрантов в России и положения русскоязычного населения в СНГ. В 90-е гг. исследователи миграции населения быстро отреагировали на данные перемены. Отметим сборник трудов под редакцией Ж.А. Зайончковской, в котором И.Н. Молодикова, Н.Н. Ноздрина, Г.С. Витковская, В.И. Мукомель и другие опубликовали результаты своих исследований по вышеуказанным проблемам [18]. Многими, в частности В.А. Ионцевым [19], активно анализировалась проблема «утечки умов» из России. Актуальным в это время было изучение миграционной политики России и развитых стран мира. В этой связи выделим социологический анализ Е.А. Назаровой [20]. Перечисленные выше проблемы были наиболее острыми и актуальными в исследованиях миграции в 90-е гг. XX в. Однако исследователи не обошли вниманием в то время и «классические» проблемы, в частности объем и направления международной и внутренней миграции в России, маятниковой, трудовой, экологической, миграции пожилых людей. Однако таких исследований было немного. Крайне мало в 90-е гг. было и региональных работ. В литературе представлены лишь некоторые субъекты федерации. В этой связи отметим монографию С.В. Рязанцева по миграционной ситуации в Ставропольском крае [21].

Теоретических исследований по миграции в 90-е гг. было мало. В.М. Моисеенко дал критический обзор различных теорий миграции [22], существующих в зарубежной и отечественной литературе. Е.А. Назарова проанализировала теоретико-методологические аспекты современной миграционной политики [20]. В.А. Ионцев рассмотрел основные методологические вопросы изучения вынужденной миграции и «утечки умов» [23].

В 2000-х гг., произошло сокращение стрессовых миграций, связанных с распадом СССР. Вслед за этим значительно уменьшилось и число исследований по этой теме. Основной мигрантский поток в Россию составили трудовые мигранты. В 2000-е гг. исследователи миграции уже более основательно продолжили изучение наметившихся в прошлое десятилетие разнообразных проблем: анализ миграционной ситуации в странах Европы, Азии, Африки, СНГ и Балтии, внешних миграционных связей России, миграции предпринимателей, челночной, нелегальной, вынужденной, экологической миграции и др. Появились качественные региональные исследования. В данной связи отметим работы В.С. Белозерова [24] и С.Я. Сушего [25]. Авторы исследовали основные этапы эволюции системы расселения в Северо-Кавказском регионе и проанализировали основные направления миграционной динамики на современном этапе, в первом случае – практически всех народов Северного Кавказа, во втором – только титульных этносов данного макрорегиона. В коллективном труде [26] анализируется проблема адаптации и интеграции мигрантов в России. Есть и региональные работы по данной проблеме, Г.С. Денисова на основе эмпирических социологических исследований анализирует вышеуказанные проблемы в Ростовской области [27]. Продолжено изучение «утечки умов». В частности, результаты исследований и оценку последствий эмиграции квалифицированных специалистов из страны опубликовал в своей статье В.А. Ионцев [28]. Большое количество публикаций концентрируется на правовом регулировании миграции населения. Данная проблема подробно проанализирована в работе [29].

По сравнению с прошлым десятилетием увеличилось количество теоретических исследований. В.И. Мукомель рассмотрел теоретические и практические аспекты интеграции мигрантов в новое общество [30]. В.М. Моисеенко критически оценивает недостатки методик учета миграции в различных ведомствах России [31]. Во многих исследованиях рассматриваются вопросы методологии и методики анализа разных видов миграции. Например,

в работе О.Л. Рыбаковского предложена авторская разработка расширенной системы измерителей уровня межрегиональных миграционных связей [32], с её помощью, по мнению автора, наиболее точно, по сравнению с КИМС, можно определить действительно тесно контактирующих миграционных партнеров среди регионов России.

Таким образом, классическая на прошлом этапе проблематика исследований была вытеснена новыми видами миграции (нелегальная, трудовая, «утечка умов», коммерческая и др.), которые стали актуальными в России после распада СССР. В 90-е гг. подавляющее количество работ было посвящено стрессовым миграциям. Отечественные ученые стали чаще анализировать опыт исследований своих иностранных коллег. Возросло количество работ по анализу миграционной политики. Расширилась география работ, много внимания в исследованиях стало уделяться мировой миграции и миграционным связям России с другими государствами и внутри страны между регионами. Сократившись в начале 90-х г. XX в., в начале XXI в. постепенно растет количество региональных исследований миграции. Практически во всех работах используются социологические методы исследования. Национальная принадлежность мигранта стала одним из важных факторов миграции, особенно в работах последнего десятилетия XX в. Теоретических исследований в 90-е гг. XX в. было мало, но к началу XXI в. их количество и качество увеличивается.

Проанализировав эволюцию исследования этого социального явления в отечественной науке, предлагаем следующую периодизацию изучения миграции: 1) дореволюционный (примерно со второй половины XIX в. до 1917 г.); 2) довоенный (20 – 30-е гг. XX в.); 3) послевоенный (примерно с конца 50-х гг. XX в. – до начала 90-х гг. XX в.); 4) переходный (с начала 90-х гг. до начала 2000-х гг.); 5) современный (с начала 2000-х гг. до настоящего времени). Различие с периодизацией, предложенной Л.Л. Рыбаковским, заключается в том, что нами отдельно выделен переходный этап от послевоенного к современному. Он охватывает исследования миграции в 90-е гг. XX в. В этот короткий исторический период нашей страны в обществе произошли кардинальные преобразования. Значительные перемены произошли и в изучении миграции. Исследования данного периода не были логическим продолжением работ прошлого этапа. Общество поставило перед учеными совершенно новые задачи и последние справились с ними. В начале XXI в. многие проблемы переходного периода 90-х гг. вновь стали неактуальными. В

2000-х гг. исследования миграции населения начали новый виток развития.

Миграционные процессы в любой стране мира, в том числе и России, всегда играли и продолжают играть огромную социально-экономическую и политическую роль. Характер миграций со временем меняется, трансформируется и наука, занимающаяся их анализом. Это хорошо прослеживается на всех этапах, особенно на дореволюционном и переходном. После 1917 г. в изучение миграции населения в нашей стране был привнесён значительный политический аспект. Его влияние особенно сильно отражено в работах довоенного и послевоенного этапов изучения этого социального явления. Однако несмотря на политические рамки, именно в это время была сформирована качественная методическая база, которой до сих пор пользуются отечественные исследователи миграции.

Литература

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003. 238 с.
2. Григорьев В.Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. [Б.м.], 1885.
3. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891.
4. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
5. Ямзин И.Л., Воишин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926.
6. Струмилин С.Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1925/27–1930/31 гг. // Плановое хозяйство. 1927. № 3.
7. Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966.
8. Методика выборочного обследования миграции сельского населения / отв. ред. Т.И. Заславская, В.Д. Миркин, К.Ф. Ершова. Новосибирск, 1969. 127 с.
9. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М., 1975.
10. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978.
11. Матлин И.С. Моделирование размещения населения. М., 1975.
12. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М., 1973. 159 с.
13. Урбанизация и демографические процессы / под ред. Б.С. Хорева, Г.П. Киселевой. М., 1982.
14. Ушкалов И.Г., Иванов В.И. Эмиграция – взгляд с Востока и Запада. М., 1991.
15. Моисеенко В.М. Территориальное движение населения: Характеристика и проблемы управления. М., 1985.
16. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987.
17. Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М., 1986.
18. Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е гг. / под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 1999. 286 с.
19. Ионцев В.А. «Утечка умов»: история и современность // Голос Родины. 1993. № 13.
20. Назарова Е.А. Социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев в контексте современной миграционной политики России: социологический анализ. М., 1999. 140 с.
21. Рязанцев С.В. Миграционная ситуация в Ставропольском крае в новых геополитических условиях. Ставрополь, 1999.
22. Моисеенко В.М. Миграция как объект комплексного исследования // Народонаселение. Современное состояние и перспективы развития научного знания: сб. докл. М., 1997.
23. Ионцев В.А. Проблемы «утечки умов» в России (методологические аспекты изучения) // Вестн. МГУ. Серия Экономика. 1996. № 50.
24. Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. 304 с.
25. Суцый С.Я. Демография и расселение народов Северного Кавказа: реалии и перспективы (модернизационно-трансформационные процессы). Ростов н/Д., 2009. 218 с.
26. Нужны ли мигранты российскому обществу? / под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М., 2006. 168 с.
27. Денисова Г.С. Конфликтогенность социокультурного пространства Ростовской области. Ростов н/Д., 2007. 224 с.
28. Ионцев В.А. Интеллектуальная миграция: проблемы и современные особенности // Молодой специалист XXI века: тез. 1-й Всерос. науч.-практ. конф. 24–25 мая 2001 г. МГУ. М., 2001.
29. Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу. М., 2004. 101 с.
30. Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М., 2007. 370 с.
31. Моисеенко В.М. Источники данных о миграции населения в России: эволюция и перспективы // Вопросы статистики. 2002. № 6.

32. Рыбаковский О.Л. Миграция населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа. М., 2008. 288 с.

References

1. Rybakovskii L.L. *Migratsiya naseleniya (voprosy teorii)* [Migration of Population (Issues of Theory)]. Moscow, 2003, 238 p.
2. Grigor'ev V.N. *Pereselenie krest'yan Ryazanskoj gubernii* [Resettlement of Peasants of Ryazan Province]. [B.m.], 1885.
3. Isaev A.A. *Pereseleniya v russkom narodnom khozyaistve* [Resettlement in the Russian National Economy]. Saint Petersburg, 1891.
4. Kaufman A.A. *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and Colonization]. Saint Petersburg, 1905.
5. Yamzin I.L., Voshchinin V.P. *Uchenie o kolonizatsii i pereseleniyakh* [Doctrine of Colonization and Migrations]. Moscow; Leningrad, 1926.
6. Strumilin S.G. K perspektivnoi pyatiletke Gosplana na 1925/27-1930/31 gg [To Perspective Five-year Plan of State Planning Committee 1925 / 27-1930 / 31's] . *Planovoe khozyaistvo*. 1927, no 3.
7. Perevedentsev V.I. *Migratsiya naseleniya i trudovye problemy Sibiri* [Population Migration and Labor Problems of Siberia]. Novosibirsk, 1966.
8. *Metodika vyborochnogo obsledovaniya migratsii sel'skogo naseleniya* [The Technique of Sample Survey of Rural Population Migration]. Ed. T.I. Zaslavskaya, V.D. Mirkin, K.F. Ershova. Novosibirsk, 1969, 127 p.
9. Perevedentsev V.I. *Metody izucheniya migratsii naseleniya* [Methods of Studying of the Population Migration]. Moscow, 1975.
10. Khorev B.S., Chapek V.N. *Problemy izucheniya migratsii naseleniya* [Problems of Studying the Population Migration]. Moscow, 1978.
11. Matlin I.S. *Modelirovanie razmeshcheniya naseleniya* [Modeling of the Accommodation of Population]. Moscow, 1975.
12. Rybakovskii L.L. *Regional'nyi analiz migratsii* [Regional Analysis of Migration]. Moscow, 1973, 159 p.
13. *Urbanizatsiya i demograficheskie protsessy* [Urbanization and Demographic Processes]. Ed. B.S. Khorev, G.P. Kiseleva. Moscow, 1982.
14. Ushkalov I.G., Ivanov V.I. *Emigratsiya – vzglyad s Vostoka i Zapada* [Emigration - View from the East and West]. Moscow, 1991.
15. Moiseenko V.M. *Territorial'noe dvizhenie naseleniya: Kharakteristika i problemy upravleniya* [Territorial Movement of Population: Characteristics and Problems of Management]. Moscow, 1985.
16. Rybakovskii L.L. *Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika* [Migration of Population: Projections, Factors, Policy]. Moscow, 1987.
17. Makarova L.V., Morozova G.F., Tarasova N.V. *Regional'nye osobennosti migratsionnykh protsessov v SSSR* [Regional Features of Migration Processes in the USSR]. Moscow, 1986.
18. *Migratsiya i urbanizatsiya v SNG i Baltii v 90-e gg.* [Migration and Urbanization in the CIS and the Baltic States in the 90s]. Ed. Zh.A. Zaionchkovskaya. Moscow, 1999, 286 p.
19. Iontsev V.A. «Utechka umov»: istoriya i sovremennost' [“Brain Drain”: Past and Present]. *Golos Rodiny*. 1993, no 13.
20. Nazarova E.A. *Sotsial'naya adaptatsiya vyzhdennykh pereselentsev i bezhentsev v kontekste sovremennoi migratsionnoi politiki Rossii: sotsiologicheskii analiz* [Social Adaptation of Forced Migrants and Refugees in the Context of Contemporary Migration Policy in Russia: the Sociological Analysis]. Moscow, 1999. 140 p.
21. Ryazantsev S.V. *Migratsionnaya situatsiya v Stavropol'skom krae v novykh geopoliticheskikh usloviyakh* [The Migration Situation in the Stavropol Region in the New Geopolitical Conditions]. Stavropol', 1999.
22. Moiseenko V.M. *Migratsiya kak ob'ekt kompleksnogo issledovaniya* [Migration as an Object of Comprehensive Study]. *Narodonaselenie. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya nauchnogo znaniya*: col. reports. Moscow, 1997.
23. Iontsev V.A. Problemy «utechki umov» v Rossii (metodologicheskie aspekty izucheniya) [The Problem of "Brain Drain" in Russia (methodological aspects of the study)]. *Vestnik MGU. Seriya Ekonomika*. 1996, no 50.
24. Belozerov V.S. *Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza* [Ethnic MAP of the North Caucasus]. Moscow, 2005, 304 p.
25. Sushchii S.Ya. *Demografiya i rasselenie narodov Severnogo Kavkaza: realii i perspektivy (modernizatsionno-transformatsionnye protsessy)* [Demography and Settlement of the North Caucasus: Realities and Prospects (Modernization, Transformation Processes)]. Rostov-on-Don, 2009, 218 p.
26. *Nuzhny li migranty rossiiskomu obshchestvu?* [Do We Need Immigrants in Russian Society?]. Ed. V.I. Mukomel', E.A. Pain. Moscow, 2006, 168 p.
27. Denisova G.S. *Konfliktogenost' sotsiokul'turnogo prostanstva Rostovskoi oblasti* [Conflict Potential of Socio-cultural Space of the Rostov Region]. Rostov-on-Don, 2007. 224 p.
28. Iontsev V.A. *Intellectual'naya migratsiya: problemy i sovremennye osobennosti* [Intellectual Migration: Challenges and Modern Features]. *Molodoi spetsialist XXI veka*: tez. 1-i Vseros. nauch.-prakt. konf. 24–25 May 2001. MGU. Moscow, 2001.
29. *Perspektivy migratsii i etnicheskogo razvitiya Rossii i ikh uchet pri razrabotke strategicheskikh napravlenii razvitiya strany na dlitel'nyuyu perspektivu.* [Prospects for Mi-

gration and Ethnic Development of Russia and their Integration in the Strategic Direction of Development of the Country in the Long Term]. Moscow, 2004. 101 p.

30. *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov: mezhdistsiplinarnoe uchebnoe posobie* [Methodology and Methods of the Study of Migration Processes]. Ed. Zh. Zaionchkovskaya, I. Molodikova, V. Mukomel'. Moscow, 2007, 370 p.

31. Moiseenko V.M. *Istochniki dannykh o migratsii naseleniya v Rossii: evolyutsiya i perspektivy* [Sources of Data on Population Migration in Russia: Evolution and Prospects]. *Voprosy statistiki*. 2002, no 6.

32. Rybakovskii O.L. *Migratsiya naseleniya mezhduraznami: problemy metodologii i metodiki analiza* [Population Migration between Regions: Problems of Methodology and Analysis Techniques]. Moscow, 2008. 288 p.

Поступила в редакцию

20 февраля 2015 г.

УДК 32.001

ВАРИАТИВНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ИНТЕЛЛИГИБЕЛЬНЫХ ПАТТЕРНОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

© 2015 г. В.В. Ковалев

Ковалев Валерий Валерьевич – аспирант, кафедра теоретической и прикладной политологии, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, пер. Днепроvский, 116, г. Ростов-на-Дону, 344065. E-mail: mr.val.kovalev@yandex.ru

Kovalev Valeriy Valeryevich – Post-graduate Student, Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy, Social and Political Sciences of the Southern Federal University, Dneprovskii Lane, 116, Rostov-on-Don, 344065, Russia. E-mail: mr.val.kovalev@yandex.ru

Анализируется структура гражданского общества в различных регионах мира. Подчеркивается, что процессы развития элементов гражданского общества уникальны в каждом отдельно взятом государстве, поэтому должны осуществляться в соответствии с национальной спецификой, развитие социокультурных и интеллигивельных паттернов гражданского общества тесно связано с процессом модернизации. На сегодняшний момент гражданское развитие незападного социума имеет догоняющий характер, связанный с реализацией адаптивной модели модернизации.

Ключевые слова: *интеллигивельные паттерны, гражданское общество, традиционное общество, западный социум, незападный социум, эндогенная модернизация, адаптивная модернизация, «рудименты гражданской жизни».*

This article analyzes the structures of civil society in various regions of the world. Our study suggests that the process of development of civil society elements unique to each individual state, so must be in accordance with national specificity. Our analysis suggests that the development of sociocultural and intelligible patterns of civil society is closely connected with the process of modernization. Nowadays, the development of the Non-Western civil society has the character of overtaking development related with the realization of an adaptive model of modernization. This issue is multidimensional

Keywords: *intelligible patterns, civil society, traditional society, Western society, Non-Western society, endogenous modernization, an adaptive modernization, «the rudiments of civil life».*

В XXI в. термин «гражданское общество» стал общеупотребительным. Мировая тенденция к демократизации дала возможность для возникновения гражданского общества во всем мире. Особое значение оно приобрело в модернизируемых государствах, поскольку государственный аппарат там был слаб, и только переход к рыночной экономике давал возможность для его развития.

В.Г. Доманов трактует термин «гражданское общество» как «систему образцов социального поведения, основанную на персонифицированных отношениях собственности, где экономические и политические инициативы исходят от человека и гражданина, а не от внешних конструкций, ангажированных политикой и государственной идеологией» [1, с. 31].

Существует много причин для изучения социокультурных и интеллигентных паттернов гражданского общества в современной российской политической науке. Прежде всего это необходимо для выстраивания рациональной стратегии демократического развития России. Нами предлагается анализ структуры гражданского общества как в западном социуме, так и за его пределами. Для этого следует определить причины вариативного развития гражданского общества в различных регионах мира, а также выделить главные препятствия в ходе данного процесса.

Гражданское общество в полной мере функционирует далеко не во всех государствах. Зачастую можно наблюдать только наличие отдельных элементов гражданской жизнедеятельности в том или ином регионе мира. В современной политической науке концепт гражданского общества нередко идеологизируется. Гражданское общество является прямой противоположностью традиционного, а также его культурной и экономической альтернативой. И.Д. Коротец выделяет следующие начала традиционных социальных взаимоотношений [2, с. 124]:

- сакральный характер власти, предполагающей единство власти и общественной собственности;
- строгую иерархию членов социума;
- предписанный статус всех членов общества.

Г.В. Драч утверждает, что возникновение и развитие гражданского общества напрямую связано с разрушением традиционных социокультурных норм. Это значит, что генезис гражданского общества зависит от модернизационного процесса, обеспечивающего переход от традиционных норм и ценностей к гражданским. Происходит это на основе взаимосвязи таких сфер человеческой жизнедеятельности, как политика, экономика, социальная жизнь и культура, в том числе и гражданская культура [3, с. 85].

В том случае, когда в этих сферах происходят структурные изменения секулярно-рационального характера, направленные на перманентное возрастание гражданской субъектности, можно говорить о поливалентном модернизационном процессе. В конечном счете приоритеты человеческой жизнедеятельности изменяются в пользу развития человеческой автономии, что приводит к эмансипации социума и смене типов гражданского поведения.

Безусловно, процесс гражданского развития не может проходить в мире равномерно, так как каждое государство имеет свою «исходную позицию», связанную с геоисторическими факторами ее формирования, обуславливающими основные модели жизнедеятельности граждан. Поэтому концепт

гражданского общества является вариативным в различных регионах мира. Кроме того, возможна нелинейность мирового гражданского процесса, что напрямую влияет на динамику модернизации.

Социокультурные и интеллигентные истоки западных и незападных паттернов гражданского общества являются «исходной позицией» поливалентной модернизации. Определим особенности гражданского развития традиционного (незападного) общества.

Возникновение и развитие основных конструктов гражданского общества имеют антропологические и геоисторические обоснования. Более того, его генезис неразрывно связан с генезисом института государства. Поэтому элементы гражданской жизнедеятельности обозначались в мире неравномерно.

В современной политической науке выделяют два основных пути формирования государства – восточный и западный. В обоих случаях наблюдается тенденция общественного развития, но, несмотря на это, «локомотивом» гражданского развития стали именно государства Западной Европы. Отличительная черта восточного пути в том, что административное управление в процессе своей эволюции приобрело сакральный и наследственный статус. Впоследствии властвующие слои сформировали такой аппарат управления, где им был предоставлен полный контроль над экономическими, политическими и военными функциями, что способствовало обособлению чиновников-управленцев в замкнутую социальную группу.

Восточные государства впервые в мировой истории продемонстрировали феномен частной собственности, но ее характерной чертой была неразрывная связь с властью. Единственным носителем собственности выступало политическое государство, поэтому собственность не была частной и не имела четких юридических гарантий, а чиновник, как правило, терял свою должность вместе с имуществом, а чаще всего и с жизнью.

Исходя из этого концепта, В.Н. Коновалов определяет политическое государство как «уникальный способ социального бытия человека в условиях господства политического отчуждения» [4, с. 31]. Стоит также сказать, что за пределами западного социума политическое государство представляло собой корпорацию чиновников, осуществляющих государственное управление на основе личной преданности «верховному патрону».

В.П. Макаренко утверждает, что в процессе исторического развития незападного социума, прежде всего России, возникла система государственной монополии на власть и собственность, что и составляло

ядро развития данного социума. Политическая структура в такой ситуации носила упрощенный характер и состояла из государя и узкого круга приближенных к нему лиц. Изменения этой структуры носили характер нагрузки, а порой даже и чрезмерной перегрузки бюрократического аппарата. В то же самое время центральный механизм функционирования политических связей оставался неизменным. Большинство хозяйственных факторов политическое государство пренебрегало, заменяя их принуждением, используя население как демографический ресурс [5, с. 87].

В результате в западных государствах по аналогии с восточными деспотиями возникла многоуровневая структура управления с сакрализированным правителем во главе. Далее по рангу располагались его ближайшие советники, а затем чиновники более низкого статусного уровня. Основанием данной управленческой системы были сельскохозяйственные общины, которые юридически имели свободный статус, но фактически их собственность находилась в компетенции государства, что порождало правовой нигилизм и создавало антигражданский аспект частной жизни, ставшей пустой формальностью.

Как подчеркивает Д.В. Абросимов, полное разрушение колониальной системы во второй половине XX в. привело к образованию большого количества государств западного типа, которые выстраивались на основе юридического принципа всеобщего гражданского равенства. Модернизационная парадигма была предложена ведущими капиталистическими государствами постколониальному миру, что привело к шаблонному заимствованию идеализированной модели западного демократического сообщества. Это в свою очередь спровоцировало включение гражданских взаимоотношений в традиционную социально-политическую систему [6, с. 9].

Проникновение западных идеалов построения гражданского общества в постколониальный мир также привело к тому, что представители традиционных форм социальной организации осознали собственную гражданскую и правовую субъектность. По этой причине они стремились к ликвидации прежних этносоциальных форм аристократии, обладающих на тот момент мощным административно-политическим ресурсом.

В таких государствах, как Шри-Ланка, Индия, Руанда, Заир (Демократическая Республика Конго), Уганда, модернизационный процесс на основе включения гражданских ценностей западного образца в социум привел к таким антигражданским

последствиям, как межэтнический и межконфессиональный геноцид. Это – ужасающий пример переноса западной модели модернизации в западный социум, а также гибридного взаимодействия конструктов гражданского общества и традиционных форм социальной организации.

Стоит учесть и тот факт, что в западных государствах гражданское общество оказывается весьма противоречивым, поскольку становление и развитие его субъектов и институтов происходит асинхронно. Это зачастую приводит к отсутствию прямой корреляции между юридической практикой создания условий для становления гражданского общества (система представительной демократии, культура гражданского участия, свободные и конкурентные рыночные взаимоотношения и т.д.) и реальным процессом модернизационной трансформации традиционного общества в гражданское.

По этой причине происходит внедрение гражданских институтов и образцов социокультурного поведения в традиционные общества. При этом, как правило, перенимается лишь внешняя оболочка гражданского общества, насаждаемая идеологией Запада, а ядро традиционалистской системы общества остается прежним. Многие структуры традиционного общества сохраняются, но приобретают теневой характер влияния на политическую систему. Возникают ситуации, когда традиционные общности выступают в качестве субъектов, а порой и монополистов рынка, что создает клиентелистские механизмы в процессе реализации интересов современных социальных групп.

Анализируя феномен гражданского общества за пределами западного социума, стоит подчеркнуть, что для западного мира характерна асимметрия взаимоотношений между ним и государством. В результате становление государства опережает и обусловливает зарождение конструктов гражданского общества в ходе политической модернизации. Именно по этой причине в западном мире длительно отсутствовала четкая функциональная взаимосвязь процесса параллельного развития государства и гражданского общества, которая была характерна для Европы Нового времени, что и создавало феномен западного (автономистского) гражданского развития.

Описывая уникальный характер гражданского развития западного общества, следует сделать акцент на том, что общества на Западе имели в своем основании политико-антропологический принцип коллегиальности, что привело к поэтапному росту личностной автономии. Во многом это было обу-

словлено уникальным географическим положением Западной Европы, а также мягким климатом и наличием морских незамерзающих коммуникаций.

В.В. Лазарев и С.В. Липень отмечают, что данные факторы способствовали тому, что в Западной Европе уже на стадии раннего государства существовала «военная демократия». Это интенсифицировало процесс формирования частной собственности на землю, жилище и скот [7, с. 40]. По этой причине западноевропейские государства в процессе своего гражданского развития поэтапно вытесняли элементы традиционного общества, а не форматировали их, как это делали восточные государства.

Развитие таких государств западного типа, как полисы Древней Греции и Древний Рим, шло вместе с конкурентным развитием социального неравенства и частной собственности, что предполагало гражданскую инициативу, нашедшую свое выражение в народных собраниях, определяющих политическую жизнь обществ. В дальнейшем наиболее сильные экономические группы стремились к захвату власти, формируя выгодные им государственные органы, но это не носило характер восточного деспотизма.

Таким образом, стоит сказать, что гражданское общество на Западе развивалось ввиду особой историко-антропологической и географической среды, что и сформировало античную (греко-римскую), а затем уже и христианскую цивилизации, в рамках которых создавалась уникальная для мировой истории модель взаимоотношений государства и общества, развивавшего жизнедеятельность своих автономий. Это определило шкалу ценностей западного общества, где опорой являлись такие элементы, как автономная личность, частная собственность и гражданское волеизъявление.

В дальнейшем социокультурная западная модель взаимоотношений государства и общества стала проникать и в другие регионы мира, где в Новое время зачастую была видоизменена, а в Северной Атлантике и Австралии даже получила свое развитие. Западная модель генезиса гражданского общества была основана на том, что относительно слабое государство опиралось на сильные региональные и экономические формы общественной автономии (средневековые города-коммуны, свободные экономические зоны и т.д.). Это составляло суть модернизационного процесса и давало развитие капиталистическим взаимоотношениям и дальнейшему генезису гражданского общества, которое произошло на Западе в Новое время за счет развития профсоюзного движения, а в Новейшее время – за счет автономного коммуникативного развития и функционирования сетевых сообществ.

При этом за пределами западного социума также происходили параллельные процессы развития элементов гражданского общества. В.Г. Доманов подчеркивает, что оно существовало в латентной форме и поддерживалось за счет этнических, военных, сословных и иных «корпораций», которые брали на себя функции социальной защиты индивида. Например, в России до 1917 г. это происходило в крестьянских общинах за счет круговой поруки [8, с. 81]. Именно данный факт позволяет говорить, что в незападных социумах корпоративность стала «социальной тканью» как гражданского общества, так и государственности в целом.

На основе изучения паттернов гражданского общества российский политолог С.Н. Гавров утверждает наличие двух основных видов модернизации: эндогенного и адаптивного [9, с. 172]. В основе первого лежит западная модель генезиса гражданского общества. Именно поэтому эндогенный процесс модернизации обусловлен внутренней социокультурной динамикой общества. В ходе его наблюдается саморазвитие общества из-за целого ряда причин, происходящих в социуме. Начиная с Нового времени примером модернизации данного вида является развитие Западной Европы, Северной Америки и Австралии, т. е. западного социума.

Адаптивный (экзогенный) вид модернизации основан на принципах догоняющего развития. Он активно применяется на практике в незападном социуме. В его основе лежат незападные «корпоративные» паттерны гражданского общества. Он происходит по закону «вызова – ответа», который был сформулирован автором теории локальных цивилизаций А. Тойнби.

Вызовом в данном случае являются процессы ускорения социокультурной динамики западного общества, стимулирующие культурные, экономические и внешнеполитические атаки Запада на незападный ареал. Ответом является модернизация, выраженная адаптационной реакцией, т. е. стремлением создать защитный барьер от обозначенных выше атак западного мира. Конечной же целью адаптивной модернизации является включение незападного государства в «мировую авангард» наравне со странами Запада, успешно прошедшими модернизацию эндогенного вида.

Обобщая все вышесказанное, необходимо сделать следующие выводы. Во-первых, изучение развития гражданского общества в мире должно основываться на положении о равенстве абсолютно всех наций, этносов, рас и цивилизаций. Политический опыт XX в. свидетельствует о том, что выведение закономерностей об исключительной роли одной

из них всегда создает почву для таких антигражданских действий, как тоталитаризм, геноцид, межэтнические чистки, этнорасовая сегрегация и т.д.

Именно поэтому следует говорить о том, что в ходе мировой истории всегда были цивилизации и этносы, дающие в определенный момент наибольшее развитие гражданскому обществу (греко-римская цивилизация, страны Западной Европы, англосаксонские государства). На ранней стадии политической антропологии и гражданской истории это имело агроклиматическую детерминацию, а затем определяющую роль уже играли культурный, геостратегический, экономический и научно-технический факторы. Совсем не обязательно, что страны Запада (англосаксонские государства, государства Западной Европы) и в дальнейшем останутся мировым ядром гражданского общества. Их место вполне могут занять, например, бурно развивающиеся сегодня страны Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона или страны какого-либо иного макрорегиона мира.

Во-вторых, развитие гражданского общества в процессе модернизации необходимо рассматривать с точки зрения не только синхронного (единовременного), но и диахронного развития этносов, заключающегося в наличии духовных и социокультурных комплексов, находящихся на разных уровнях. Этот фактор неравномерного общественного развития создает гетерогенную временную организацию социума. Если брать за основу некий единый временной отрезок, в котором происходит синхронное проживание различных обществ, то можно увидеть различный уровень их гражданского развития.

Если в одних государствах и этносах развитие элементов гражданского общества представляет собой целостный и эволюционный процесс, то в других данной целостности гражданского развития нет ввиду того, что их процесс развития гражданственности был приостановлен по тем или иным причинам (внешнеполитическая агрессия, уязвимое географическое положение, наличие угроз агроклиматического характера и т.д.). Именно поэтому бессмысленно сравнивать развитие гражданских ценностей в таких государствах, как, например, Великобритания и Ирак, поскольку они не представляют собой единый и равнонаправленный процесс развития и утверждения гарантий элементов личностной автономии и ценностей гражданского самовыражения.

Тем не менее в современном мире присутствует определенная гражданская синхрония, но если в случае западных государств она имеет эволюционный и органический характер развития гражданского общества, то в случае незападного мирового ареала она является

целью экзогенного развития, а значит, как правило, стимулируется со стороны института государства.

В-третьих, в незападных регионах мира гражданское общество длительное время существовало в латентной форме и поддерживалось за счет «корпоративных элементов» религиозного, сословного, этнического, регионального, профессионального характера. Это создавало специфическую «исходную позицию» для модернизационного процесса.

Именно поэтому институты семьи и церкви, которые к середине XX в. приобрели на Западе характер «рудиментов гражданской жизни», в других государствах составляли и составляют ее основную часть и являются основой для развития института государства и гражданского общества одновременно. Репрессии государства по отношению к данным структурам неизбежно создают длительный антигражданский временной континуум. Включение же в теневые «корпоративные элементы» гражданской жизни механизма внутри коллективной автономизации является во многом залогом успешного модернизационного процесса. Именно этот факт позволяет успешно трансформировать традиционные ценности в гражданские. Но происходить это должно с учетом местной специфики, что подтверждается опытом адаптивной модернизации таких государств, как Япония, Южная Корея, Сингапур.

При этом не стоит говорить, что гражданское общество – это продукт Запада, который впоследствии копировался в других регионах мира на основе модернизационной парадигмы. Дело в том, что переход от традиционного общества к гражданскому – это уникальный для каждого государства процесс, происходящий в ходе модернизации. Исходной базой модернизации являются паттерны гражданского общества, которые вариативны и ситуативны в различных регионах мира. Это свидетельствует о взаимозависимости теории и гражданского общества и теории модернизации. На наш взгляд, проблема состоит в том, что Запад прошел данный переходный период более интенсивно, именно поэтому западные образцы элементов, составляющих гражданское общество, стали неким ориентиром для других регионов мира, где гражданское и социально-экономическое развитие приобрело догоняющий характер.

Литература

1. Доманов В.Г. Современное гражданское общество в контексте структурно-функционального дискурса. Ростов н/Д., 2010. 220 с.
2. Коротец И.Д. Теория политологии. Ростов н/Д., 2005. 256 с.

3. Модернизация России и Европа: сборник материалов / под ред. М.В. Корунова. Т. 1. Ростов н/Д., 2005. 368 с.

4. Коновалов В.Н. Политология: словарь. Ростов н/Д., 2001. 285 с.

5. Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов н/Д., 1998. 445 с.

6. Абросимов Д.В. Системно-цивилизационная парадигма анализа глобальных процессов // Методология, теория и история социологии: материалы Всерос. науч. конф. Ростов н/Д., 23-24 ноября 2012 г. Ростов н/Д., 2012.

7. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М., 2010. 640 с.

8. Доманов В.Г. Концепт гражданского общества: российские реалии. Ростов н/Д., 2009. 254 с.

9. Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит. М., 2009. 274 с.

References

1. Domanov V.G. *Sovremennoe grazhdanskoe obshchestvo v kontekste strukturno-funktional'nogo diskursa* [Modern Civil Society in the Context of Structural and Functional Discourse]. Rostov-on-Don, 2010, 220 p.

2. Korotets I.D. *Teoriya politologii* [The Theory of Political Science]. Rostov-on-Don, 2005, 256 p.

3. *Modernizatsiya Rossii i Evropa: sbornik materialov* [Modernization of Russia and Europe]. Ed. M.V. Kortunov. Vol. 1. Rostov-on-Don, 2005, 368 p.

4. Kononov V.N. *Politologiya: slovar'* [Political Science]. Rostov-on-Don, 2001, 285 p.

5. Makarenko V.P. *Russkaya vlast': teoretiko-sotsiologicheskie problemy* [Russian Power: the Theoretical and Sociological Problems]. Rostov-on-Don, 1998, 445 p.

6. Abrosimov D.V. *Sistemno-tsivilizatsionnaya paradigma analiza global'nykh protsessov* [System-civilizational Paradigm for Analyzing Global Processes]. *Metodologiya, teoriya i istoriya sotsiologii: materialy Vseros. nauch. konf. Rostov-on-Don, 23-24 November 2012.* Rostov-on-Don, 2012.

7. Lazarev V.V., Lipen' S.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [The Theory of State and Law]. Moscow, 2010, 640 p.

8. Domanov V.G. *Kontsept grazhdanskogo obshchestva: rossiiskie realii* [The Concept of Civil Society: Russian Realities]. Rostov-on-Don, 2009, 254 p.

9. Gavrov S.N. *Modernizatsiya Rossii: postimperskii transit* [Modernization of Russia: Post-Imperial Transit]. Moscow, 2009, 274 p.

Поступила в редакцию

28 января 2015 г.

УДК 316.7

МЕЦЕНАТСТВО В ЭКСПЕРТНОМ ИЗМЕРЕНИИ ЮГА РОССИИ

© 2015 г. Е.Н. Крамарова

Крамарова Елена Николаевна – аспирант, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону, 344006. E-mail: kavkazdon@mail.ru

Kramarova Elena Nikolaevna – Postgraduate Student, Institute of the Sociology and the Regional Studies of the Southern Federal University, Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006, Russia. E-mail: kavkazdon@mail.ru

Анализируется современное состояние меценатства на Юге России. Рассматривается отношение к меценатству федеральных и региональных органов власти, бизнесменов и научного сообщества региона. Выявляются стимулы и барьеры на пути неоинституционализации меценатства на Юге России. Показан потенциал меценатства в укреплении российской гражданской идентичности в полиэтничном и поликонфессиональном регионе на основе общих социокультурных ценностей.

Ключевые слова: меценатство, бизнес, социальная ответственность бизнеса, этническая культура, общероссийская идентичность, Юг России.

The article is based on the results of the expert survey analyzes of the current state of philanthropy in the South of Russia. We consider the relation to the philanthropy of the federal and regional authorities, business and the scientific community in the region. The author identifies the incentives and barriers to neoinstitutionalization philanthropy in the South of Russia. The article shows the potential of philanthropy to strengthen Russian civil identity in a multiethnic and multi-confessional region on the basis of general socio-cultural values.

Keywords: philanthropy, business, the corporate social responsibility, the ethnic culture, Russian national identity, the South of Russia.

В условиях осложнения по различным причинам экономического положения в России особое значение приобретает проблема поддержки бизнес-сообществом сохранения и развития сферы культуры, актуализируются проблемы консолидации российского общества в таком сложном полиэтничном регионе, как Юг России [1].

Решение этой задачи требует социального партнерства государства, институтов гражданского общества, бизнеса и научного сообщества. Филантропия, различные формы благотворительности выступают одним из инструментов построения гражданского общества и укрепления российской идентичности [2].

В формировании социокультурных, ценностных основ российской идентичности важную роль может сыграть меценатство. Однако на его современное состояние влияет большое количество различных факторов. Среди них государственная политика, нормативная база, многонациональный и поликонфессиональный состав российского социума, состояние экономики, существующие в обществе и бизнес-среде представления о социальной ответственности и др. Разрешение проблем и нахождение точек взаимодействия в вопросах институционализации и осуществления практики меценатства является одним из условий гармонизации социальных отношений [3].

В связи с этим основная цель статьи – выявление современного состояния меценатства, отношения к меценатству федеральных и региональных органов власти, бизнесменов и научного сообщества Юга России в оценке экспертного сообщества.

Для изучения данной проблемы нами в феврале–марте 2014 г. был проведен опрос «Меценатство в стране и на Юге России: проблема становления и перспективы развития». Основная задача эмпирического исследования заключалась в анализе современного состояния меценатства, существующих рисков и перспектив его развития.

Нами был выбран качественный метод исследования в форме экспертного интервью. Одним из центральных понятий качественной методологии является плотное, или насыщенное описание, означающее стремление к получению максимально богатых, детальных, многосторонних представлений изучаемого феномена. Качественный подход отличается гибкостью и относительная слабая стандартизуемость инструментария, что позволяет быть более восприимчивым к реальности [4]. В исследовании приняли участие 20 чел. (10 ученых-экспертов и 10 представителей бизнеса – меценатов).

В научной литературе и в обществе отсутствует единое представление о формах реализации социальной ответственности бизнеса. Экспертам был предложен вопрос: «В чем должна проявляться социальная ответственность бизнеса: в гарантии качества выпускаемой продукции (услуг), в обеспечении условий труда и социальных гарантий сотрудникам, в участии в решении социальных задач страны, региона?». Ответы как предпринимателей, так и представителей научного сообщества отражают все многообразие существующих подходов к определению социальной ответственности бизнеса. Здесь и выделение отдельных сфер реализации социальной ответственности бизнеса (или в гарантии качества выпускаемой продукции (услуг), или в обеспечении условий труда и социальных гарантий сотрудникам, или в участии в решении социальных задач страны, региона) и «идеальный» вариант – бизнес должен быть социально ответственным по всем направлениям. Так, например, Е.А. Щербина (Черкесск) считает, что социальная ответственность бизнеса должна проявляться во всех перечисленных направлениях, но приоритетными должны быть обеспечение условий труда и социальных гарантий сотрудникам, так как именно это лежит в основе борьбы с безработицей, повышении уровня и качества жизни, обеспеченности пенсией. В.Х. Акаев (Грозный) на первое место ставит ответственность за качество выпускаемой продукции и оказываемых услуг. Обеспечение социальных гарантий сотрудникам является законодательно закрепленной обязанностью бизнеса. Но, отмечает В.Х. Акаев, если бизнес при его успешном функционировании предоставит дополнительные социальные гарантии сотрудникам, то он демонстрирует свою успешность и одновременно способствует решению социальных задач региона и страны.

Необходимость выполнения законодательства обусловлена, по мнению А.И. Тетуева (Нальчик), тем, что социальная ответственность бизнеса заключается в выполнении предусмотренных законом обязанностей (обеспечении качества продукции (услуг), достойных и безопасных условий труда и социальных гарантий сотрудникам, участии в решении социальных задач) [3].

После распада Советского Союза российское общество пережило этап «национального ренессанса», который сопровождался обострением этнических конфликтов. В настоящее время пришло осознание того, что решение национального вопроса и развития этнических культур возможно только в условиях сотрудничества и соразвития

разных народов в рамках единого многонационального государства. Получила актуальность задача формирования общероссийской идентичности и российской нации.

Экспертам был предложен вопрос: «Что, на Ваш взгляд, может обеспечить консолидацию россиян: экономическая интеграция, политическая система, социокультурные ценности и общее культурное пространство, единые знаки и символы, другое? Или в условиях глобализации это бесполезно?». По мнению эксперта-предпринимателя, в условиях глобализации ставить задачу формирования общероссийской идентичности бесполезно. Еще один меценат отмечает, что «формирование любой культурной или политической идентичности представляет собой длительный процесс, неподвластный не только регулированию, но и объективному измерению. Какое-либо целеполагание в данной сфере бессмысленно». Остальные не считают формирование общероссийской идентичности неисполнимой задачей, выделяя в качестве ключевых при ее решении различные аспекты.

В.Х. Акаев обращает внимание на то, что в Конституции РФ нет термина «российская нация», но имеется термин «многонациональный народ Российской Федерации». Это выражение фиксирует наличие в России много наций, в совокупности образующих российский народ, не являющийся, однако, нацией. Ее только предстоит сформировать, естественно – это длительный исторический период, который растянется на десятилетия.

Эксперт С.М. Терещенко (Ростов-на-Дону) считает, что для формирования общероссийской идентичности важны не механизмы, а определенные условия, к которым он относит: 1) наличие национальной элиты; 2) экономической модели, независимой от мирового рынка разделения труда; 3) восприятие идеи: не народ как «топливо» для обеспечения жизнедеятельности государства, а государство как институт, призванный создать среду для нормальной популяции вида.

Практически все опрошенные эксперты понимают под меценатством систему оказания безвозмездной материальной помощи в целях поддержки и развития искусства, науки, образования, хотя в ответах присутствует смешение понятий «меценатство» и «благотворительность».

Ряд экспертов назвали побудительные мотивы для занятия меценатством. Предприниматель С.М. Терещенко ссылается на Евангелие от Луки, в котором Господь призвал делиться с ближними тем, что получил от Бога (Лк. 18, 21, 20-27).

М.С. Абирова (Магас) отмечает, что меценатство в среде ингушей было развито во все времена: «Этому обязывают нас наши традиции, обычаи, менталитет, религия, жизненные устои и уклад».

Все эксперты отмечают низкий уровень развития меценатства в России в целом и в своих регионах. «В нашем регионе, – заметил В.Н. Котляров (Нальчик), – оно находится в зачаточном состоянии, есть единичные акции, приуроченные к датам или событиям, нет целенаправленного, постоянного внимания к нуждам и заботам тех, о ком заботилось государство».

При ответе на вопрос: «Что должны в первую очередь поддерживать меценаты?» – большинство экспертов обратили внимание на необходимость сохранения и поддержки традиционной русской культуры и культуры других народов нашей страны, а также науки и образования.

Целью данного вопроса не являлось желание выстроить определенную систему приоритетов в меценатской деятельности современных предпринимателей. Безусловно, при выборе сферы вложения своих средств меценат руководствуется личными предпочтениями или, как отметил один из экспертов-предпринимателей, по мнению которого меценатство связано с личным пиаром, рекомендациями своих пиар-менеджеров. Ответы на данный вопрос позволяют выделить «болевые точки» в современной российской культуре, требующие особого внимания со стороны общества и государства.

Все эксперты положительно относятся к благотворительности и большинство – к меценатству (один из экспертов отметил, что лично ему «меценатство глубоко чуждо»). Многие эксперты привели примеры личного участия в благотворительной деятельности, которая осуществлялась в различных формах. Книгоиздатель В.Н. Котляров отправляет бесплатные экземпляры новинок своего издательства в библиотеки Кабардино-Балкарии, для вручения выпускникам школ и победителям олимпиад. Г.И. Юсупова (Махачкала), являясь президентом общественной организации «Мир и согласие на Кавказе», поддерживала финансово приезд с концертом в Махачкалу известного пианиста из Москвы Андрея Диева. В.В. Высоков (Ростов-на-Дону) возглавляет попечительский Совет ФЦК «Образование и наука ЮФО».

В ответах экспертов-предпринимателей прозвучала нотка недоверия к существующим благотворительным фондам и организациям, в том числе по причине того, что часть собираемых на благотворительные цели средств расходуется на финансирование самих фондов.

Мнения в оценке регулирующей меценатство федеральной и региональной нормативной правовой базы разделились. Эксперты обращают внимание на то, что оно возрождается в нашей стране, но еще не хватает системности. Для дальнейшего развития необходимо законодательное закрепление определения меценатства, поддержка со стороны государства через налоговые льготы, повышение социальной значимости и узнаваемости меценатства (например, в форме восстановления звания почетного гражданства и др.).

Экспертами были названы следующие факторы, мешающие или сдерживающие меценатство в России в целом и в их регионах:

- господствующая в государстве «идеология» навязывания идеи о смысле жизни как марафона в стремлении достичь максимального уровня потребления;
- отсутствие законов, стимулирующих меценатство [5];
- недостаточная социальная ответственность богатых людей;
- экономическая нестабильность;
- ментальность социума, недостаточный уровень финансово-экономической базы меценатства;
- отсутствие культуры и традиций меценатства;
- атомизированность общества, разрушение традиционной культуры.

При оценке отношения к меценатству федеральных и региональных органов власти эксперты отмечают отсутствие целостной политики и фрагментарность действий властей разных уровней.

Отношение общества к меценатам эксперты определяют в широких границах от равнодушного и положительного до настороженного и подозрительного.

Различные мнения высказаны экспертами по вопросу, является ли занятие меценатством следствием понимания бизнес-сообществом своей ответственности перед обществом или предприниматели вынуждены этим заниматься под давлением государства? По мнению М.Д. Хаматханова и других экспертов, предприниматели понимают свою ответственность перед обществом. М.Т. Цуров (Назрань), В.В. Касьянов (Краснодар) считают, что бизнесмены вынуждены заниматься меценатством под давлением государства. С.М. Терещенко определяет современное меценатство как «часть консенсуса 2000-х гг. между бизнес-элитой и властью. Меценатство здесь – это оплата, входящая в стоимость индульгенции на право владеть и иметь прибыль с госимущества и недр земли, приватизированных в 1990-х гг.». В.Н. Котляров, активно занимающийся издательско-просветительской и

меценатской деятельностью, считает, что бизнесмены однозначно не ощущают своей ответственности перед обществом, как не ощущают и давления государства. В.Х. Акаев, Г.И. Юсупова и другие отмечают наличие обоих факторов.

Экспертами названы следующие мотивы занятия отечественных бизнесменов меценатством: улучшение имиджа; уменьшение налогообложения; отмыwanie средств; нравственный долг; забота о национальной культуре; патриотизм.

По мнению Е.А. Щербины, «мотивом меценатства должна быть нравственная составляющая».

Эксперты назвали существенные риски, связанные с занятием меценатством в современной России. Риски можно условно разделить на «криминальные» и «правовые». Первые заключаются в том, что занятие меценатством может вызвать интерес преступных групп, стать поводом для рэкета, ограбления и вымогательства. Вторые выражаются в том, что акции, проводимые меценатами, вызывают повышенное внимание фискальных органов и, как отметил один из экспертов, «власть может заставить раскошелиться». Ряд экспертов отмечают существующее у бизнесменов чувство незащищенности правоохранительной системой государства. Кроме того, меценатство и благотворительность неоднозначно оцениваются обществом, и среди предпринимателей-меценатов существует опасение, что их деятельность даст основание для иронии.

Экспертам практически не известны объединения меценатов в современной России. М.С. Абирова назвал существующий в Ингушетии фонд «Мял». Г.И. Юсупова отметила, что знает «много фондов российских и дагестанских, занимающихся благотворительностью и меценатством», не приведя их названий в своем ответе.

Из современных меценатов, известных экспертам, названы В. Вексельберг, А. Усманов, В. Потанин, И. Саввиди, С. Керимов, О. Муртузалиев, М. Гучериев, А. Гнедовский. Все это свидетельствует о незавершенности процесса неинституционализации меценатства, утверждения его в качестве социальной ценности в России.

Что необходимо сделать в России для усиления роли бизнеса в поддержке культуры, науки и образования? По мнению экспертов, стоит изменить отношение к меценатству общества и государства, следуя принципу «не делиться, а давать». Следует внести поправки в существующее законодательство, в том числе в вопрос предоставления налоговых льгот и других государственных преференций и гарантий. Необходима продуманная и эффективная концепция правительства, предусматривающая

нормы как правовой, так и моральной поддержки меценатства в России.

Таким образом, степень распространенности меценатства эксперты связывают с общей ситуацией в стране и проводимой правительством экономической политикой. Ряд экспертов считают ошибочным продолжение курса, сформировавшегося в ходе либеральных реформ 1990-х гг. Ужесточение федерального законодательства в налоговой сфере, последствия мирового финансового кризиса, сказавшиеся на положении не только мелкого и среднего, но и крупного бизнеса, создает ощущение экономической нестабильности и ограничивают возможности участия бизнес-сообщества в меценатской деятельности. Важным шагом стало принятие после 17 лет дискуссий «Закона о меценатской деятельности» от 04.11.2014 г. № 327-ФЗ. Он не решил всех вопросов правового регулирования меценатства, но предполагается принятие еще нескольких федеральных правовых актов.

В числе побудительных мотивов для занятия меценатством экспертами были названы религиозные каноны и традиции национальной культуры. Однако в качестве реалий сегодняшнего дня бизнесмены вынуждены заниматься меценатством под давлением государства. Мнения экспертов разделились по вопросу, насколько осознают бизнесмены свою ответственность перед обществом. Важно на ряду с правовыми аспектами формировать в российском обществе моду на филантропию и меценатство.

Все эксперты отмечают низкий уровень развития меценатства в России в целом и в своих регионах и выделяют ряд факторов, сдерживающих развитие меценатства. Среди них: господствующая в государстве идеология, цель которой достижение максимального уровня потребления; отсутствие законов, стимулирующих меценатство; отсутствие культуры и традиций меценатства. По мере обретения цивилизованности бизнес будет становиться социально ответственным, заинтересованным в стабильности российского общества, укреплении социокультурных основ российской гражданской идентичности.

Литература

1. *Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В.* Реинтеграция России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 9–17.
2. *Вартумян А.А., Косов Г.В.* Филантропия в трансформирующемся социальном государстве. М., 2012. 212 с.
3. *Крамарова Е.Н., Черноус В.В.* Кавказоведение: роль в процессе реинтеграции, становления российской гражданской идентичности и потенциал бизнеса // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3.
4. *Улановский А.М.* Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 2. С. 19–21.
5. *Крамарова Е.Н.* Правовые аспекты институционализации благотворительности и меценатства в Российской Федерации // Философия права. 2012. № 3. С. 126–130.

References

1. *Tkhagapsoev Kh.G., Chernous V.V.* Reintegratsiya Rossii: pregrady i puti preodoleniya [Reintegration of Russia: Obstacles and Ways to Overcome]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2013, no 4, pp. 9-17.
2. *Vartumyan A.A., Kosov G.V.* *Filantropiya v transformiruyushchemsya sotsial'nom gosudarstve* [Philanthropy in Transforming Social State]. Moscow, 2012, 212 p.
3. *Kramarova E.N., Chernous V.V.* *Kavkazovedenie: rol' v protsesse reintegratsii, stanovleniya rossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i potentsial biznisa* [Caucasus Studies: Role in the Integration Process, the Development of Russian Civil Identity and Business Potential]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2014, no 3.
4. *Ulanovskii A.M.* *Kachestvennye issledovaniya: podkhody, strategii, metody* [Qualitative Research: Approaches, Strategies, Methods]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2009, vol. 30, no 2, pp. 19-21.
5. *Kramarova E.N.* *Pravovye aspekty institutsionalizatsii blagotvoritel'nosti i metsenatstva v Rossiiskoi Federatsii* [Legal Aspects of the Institutionalization of Charity and Philanthropy in the Russian Federation]. *Filosofiya prava*. 2012, no 3, pp. 126-130.

УДК 321

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2015 г. В.Э. Попова

Попова Виктория Эдуардовна – старший преподаватель, кафедра гуманитарных дисциплин, Ростовский филиал Российской таможенной академии, пр. Буденновский, 20, г. Ростов-на-Дону, 344002. E-mail: popova_dasha90@mail.ru

Popova Viktoria Eduardovna – Senior Lecturer, Department of Humanities, Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Budennovskii Ave., 20, Rostov-on-Don, 344002, Russia. E-mail: popova_dasha90@mail.ru

Рассматриваются современные мировые тенденции управления высшим образованием и модели систем управления высшими профессиональными учреждениями. Поднимается вопрос роли и значения качества высшего образования в условиях глобализации образовательного пространства. Затрагиваются актуальные проблемы развития структуры высшего образования на современном этапе.

Ключевые слова: *доктрина качества высшего образования в России (2000 г.), двухуровневая подготовка, коммерциализация высшего образования.*

The article considers the current global trends of higher education and models of control systems of higher professional institutions. The author puts forward the question of the role and importance of quality in higher education in globalizing educational space. Topical problems of higher education structure development at the present stage are analyzed.

Keywords: *the doctrine of the quality of higher education in Russia (2000), a two-level preparation, commercialization of higher education.*

В настоящее время предъявляются жесткие требования к образованию. Для завоевания и удерживания лидирующих позиций в этой сфере наши учебные заведения должны чутко улавливать современные мировые тенденции, внедрять инновации и стремиться к постоянному развитию. Более того, Россия, вступившая в процесс международной интеграции, все более зависит от мировых стандартов. Модернизация и инновационное развитие – единственный путь, который позволит России стать конкурентноспособным обществом в мире, обеспечить достойную жизнь всем нашим гражданам.

В процессе глобализации образования решается вопрос об унификации системы образования, приведении национальных образовательных систем в соответствие с общими стандартами, позволяющими более эффективно осуществлять подготовку специалистов, которые могут быть востребованы в отраслях мировой экономики.

В настоящее время в мире действует несколько организаций, ставящих своей целью содействие модернизации системы образования. Особое место среди них занимает Организация по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), среди важнейших целей которой – обеспечение международной коммуникации в интересах повышения доступности образования [1, с. 39].

В зарубежной научной дискуссии ведутся споры об изменившейся функции системы высшего образования и, прежде всего, университета. Ведущие мировые организации (ЮНЕСКО, Всемирный Банк, ОЭСР), ученые, эксперты анализируют состояние высшего профессионального образования, прогнозируют пути развития, предлагают различные исследовательские подходы. Ведутся активные поиски новой миссии и роли высшего и особенно университетского образования в современном мире при формировании национальных инновационных систем. Можно выделить три приоритетных подхода в мировой образовательной политике, прежде всего по отношению к высшему образованию.

Во-первых, именно учреждениям высшего профессионального образования выпадает роль центров планирования стратегического развития как экономического, так и политического, социокультурного, социального.

Во-вторых, подразумевается внедрение «инновационно-предпринимательской» модели организации университетского образования, в которой учреждения высшего профессионального образования превращаются в научно-производственные и образовательные комплексы, осуществляющие не только подготовку студентов – будущих специалистов, но и ведущие научные разработки для

наукоемкого производства. В данной модели университеты могут иметь сетевую структуру.

В-третьих, подразумевается преобразование классической модели высшего образования в систему перманентного образования, которое человек получает на протяжении всей своей жизни. Это – развитие многочисленных учебных центров, институтов повышения квалификации и переподготовки специалистов по новейшим профессиям. Заказы на осуществление образовательной деятельности могут поступать непосредственно от государственных и коммерческих структур, а не только от индивидуальных потребителей образовательных услуг.

Согласно материалам ЮНЕСКО, в современном мире фактически произошло формирование нового понимания системы образования, которое отводит более активную роль учреждениям образования в экономической, политической, культурной жизни государств и регионов. Примером активизации роли университетов является, в частности, создание так называемых научных парков [1, с. 42–43].

Следует обратить внимание на то, что существует два основных тренда политики в образовании: **неолиберальная модель**, концентрирующая высокое качество и ресурсы в небольшом числе элитарных университетов, и **социал-демократическая**, которая стремится сбалансировать качество по всей стране и подчеркивает тесную взаимосвязь между преподаванием и исследованиями. В зависимости от преобладающей модели позиция вузов страны может очень сильно различаться в рейтингах. При определении качества работы вуза нужно помнить о национальных приоритетах.

Необходимо понять, что в современном обществе образование становится специфической образовательной услугой, конкурентоспособность которой на мировом рынке образовательных услуг во многом определяет экономический и культурный потенциал конкретного государства, а следовательно, и его политическое влияние. В странах Европы внедрена Болонская модель организации высшего образования, предполагающая сочетание принципов двухуровневости обучения, модульного подхода и кредитов. Таким образом, система высшего образования становится более гибкой, адекватно соответствующей требованиям современного общества.

Еще в 1998 г. были заданы новые ориентиры развитию системы образования в современном мире. Всемирная конференция, проведенная ЮНЕСКО, пришла к выводу о необходимости инноватизации мер в направлении развития высшего образования. Так, на конференции была одобрена

Всемирная декларация о высшем образовании для XXI в. [1, с. 45].

Условия развития современного общества делают систему образования, сложившуюся в Советском Союзе и на постсоветском пространстве в 90-е гг. XX в. и основанную на классической модели, неадекватной меняющейся ситуации. Так, раньше человек, получая образование, как правило, делал осознанный профессиональный выбор на всю жизнь и в большинстве случаев работал по профессии до выхода на пенсию. В условиях глобального рынка такой подход малопрактичен. Люди многократно меняют род занятий, некоторые профессии уходят в прошлое и появляются новые, прежде не существовавшие.

Европейская двухуровневая система организации образовательного процесса, основанная на бакалавриате и магистратуре, подразумевает большую гибкость, возможность более кратковременной подготовки в зависимости от профессиональной ориентации. Индивид получает большие возможности для маневра, в том числе в плане выбора профессии и дальнейшей профессиональной реализации или профессионального совершенствования.

По мнению исследователей, двухуровневая система образования в большей степени отвечает запросам современного общества, поскольку помогает будущему специалисту не только определиться с выбором специальности, но и решить, стоит ли ему учиться дальше, совершенствуя свои знания в магистратуре, или же остановиться на бакалавриате и приступить к профессиональной деятельности [2, с. 81–82].

Хотя по всему миру наблюдается постепенное сокращение финансирования образовательных учреждений из государственного бюджета, следует отметить, что государству все же нельзя полностью переходить к практике коммерческого обучения, поскольку это в итоге негативно отразится на интеллектуальном потенциале общества.

В Германии осуществляется переход к полностью платному образованию [3, с. 88].

В отличие от Германии французское правительство не собирается полностью коммерциализировать систему образования, а создает систему кредитов для студентов, выплаты стипендий наиболее одаренным учащимся [4, с. 140]. Для США характерна система финансовой поддержки учащихся из средств государственных фондов посредством грантов и займов на получение образования. Федеральное правительство оказывает финансирование образования детей из семей с низким доходом, предоставляя последним займы и субсидии. Также существует система налоговых льгот, позволяющая

сократить затраты студентов на получение образования [5, с. 95].

Коммерциализация образования имеет свои положительные черты. Формируется устойчивая обратная связь между потребителями и организаторами учебного процесса. Последние начинают значительно больше внимания уделять не только отношениям внутри университетской бюрократии, но и удовлетворению запросов студентов, организовываются даже специальные программы по изучению студенческого мнения о качестве работы преподавателей. Обучающий персонал оценивается по результатам его работы со студентами, а не по степени лояльности к руководству. Больше внимание уделяется улучшению качества преподаваемого материала. Учебные курсы более заостряются на практическом применении полученного знания.

Качество образования становится уже не только национальной, а всемирной проблемой. Все страны задаются вопросом о том, как обеспечить качество образования в условиях доступности образовательных услуг, быстро меняющихся ситуаций на рынках труда и образования. Решение проблемы обеспечения качества высшего образования приобретает особую актуальность в связи с необходимостью обеспечения международного признания качества подготовки специалистов в условиях глобальной интеграции экономики, и необходимостью совершенствования системы высшего образования в соответствии с возросшей динамикой научно-технического и социально-экономического развития общества.

Доктрина качества высшего образования в России, принята Правительством РФ в 2000 г. Она является частью общей доктрины качества непрерывного образования и доктрины политики качества как «ядра» внутренней политики в России на долгосрочную перспективу. Доктрина политики качества исходит из следующих доктринальных положений, вытекающих из императива прогрессивного развития России в XXI в.:

– «образованная Россия» – основа ее устойчивого развития;

– императив перехода к всеобщему высшему образованию до 2025 г. – как важнейшее условие экологического выживания населения, формирования экологической нравственности и поведения, экологической экономики в России;

– высокое качество высшего образования как условие обеспечения высокого качества непрерывного образования;

– система принципов опережения как методологическая база осмысления механизмов развития образования в новых условиях;

– принцип единства образовательных процессов и научных исследований, а также принцип единства вузовской и академической науки в России, реализации кооперационных связей между вузами и НИИ РАН, РАО, РАСХН, РАМН, общественными академиями наук;

– всеобщее внедрение систем менеджмента качества (систем управления качеством) в вузах страны;

– императив возрастающей функции воспитания;

– качество высшего образования как главная детерминанта развития качества российского общества, главная компонента в системе качества жизни [6, с. 8].

Модель коммерческого университета-корпорации идеально отвечает принципам либеральной экономики и является единственно возможной в условиях свертывания государственных ассигнований и началом жесткой конкуренции на рынке образовательных услуг [7, с. 68–69].

На фоне уменьшения удельного веса государства в финансировании системы высшего образования большую роль начинают играть новые механизмы финансирования образования. В некоторых государствах вошли в практику государственные кредиты на образование, которые впоследствии возвращаются получившим образование специалистам.

Что касается сравнения затрат на образование в развитых государствах мира, то они составляют не менее 10–12–14 % от денежного выражения валового национального продукта.

Поступательное социально-экономическое развитие государства и обеспечение его конкурентоспособности на внешнем рынке обеспечивается прежде всего наличием развитой национальной инновационной системы, выступающей основой развития инновационной экономики. При этом формирование инновационной системы в образовании – это необходимое условие эффективности национальной инновационной системы. В современном мире университеты становятся эпицентрами программирования инновационного развития; наблюдаются тенденции складывания новой – инновационно-предпринимательской – модели университета. Государство меняет свою позицию на рынке образовательных услуг, что влечет за собой изменение системы финансово-экономического обеспечения института образования в современном обществе. Повышается самостоятельность высших учебных заведений, предпринимаются усилия для децентрализации управления образованием и расширение рамок возможностей реализации поставленных целей.

Таким образом, в современном обществе образование становится специфической образовательной услугой.

Существуют два основных тренда политики в образовании: *неолиберальная модель*, концентрирующая высокое качество и ресурсы в небольшом числе элитарных университетов, и *социал-демократическая модель*, которая стремится сбалансировать качество по всей стране и подчеркивает тесную взаимосвязь между преподаванием и исследованиями.

Модель коммерческого университета-корпорации идеально отвечает принципам либеральной экономики и является единственно возможной в условиях свертывания государственных ассигнований и началом жесткой конкуренции на рынке образовательных услуг.

Наблюдается складывание новой – инновационно-предпринимательской модели университета.

Решение проблемы обеспечения качества высшего образования приобретает особую актуальность в связи с необходимостью обеспечения международного признания качества подготовки специалистов в условиях глобальной интеграции экономики.

Литература

1. Жукова А.П. Право на образование и образовательная политика государства: международные стандарты, нормативно-правовые аспекты // Вестн. Военного ун-та. 2007. № 4 (12).
2. Кольчугина М. Образование и государство // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 10.
3. Маркуччи П.Н., Джонстоун Д.Б. Политика платы за обучение в сравнительной перспективе: теоретические и политические обоснования // Университетское управление: практика и анализ. 2004. № 3 (31).
4. Прюель Н.А. Образование как общественное благо: воспроизводство, распределение и потребление. СПб., 2001. С. 132–146.
5. Джонстоун Д.Б. Система высшего образования в США: структура, руководство, финансирование // Университетское управление: практика и анализ. 2003. № 5–6 (28). С. 92–102.
6. Субетто А.И. Образовательное общество и реализация стратегии развития образования в XXI веке // Астраханский вестн. эколог. образования. 2013. № 2 (24).
7. Короткий Г.А. Образование: история и современность // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 68–75.

References

1. Zhukova A.P. Pravo na obrazovanie i obrazovatel'naya politika gosudarstva: mezhdunarodnye standarty, normativno-pravovye aspekty [The Right to Education and Educational Policy of the State: International Standards, Legal Aspects]. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2007, no 4 (12).
2. Kol'chugina M. Obrazovanie i gosudarstvo [Education and State]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2001, no 10.
3. Markuchchi P.N., Dzhonstoun D.B. Politika platy za obuchenie v sravnitel'noi perspektive: teoreticheskie i politicheskie obosnovaniya [Policy of Tuition Fee in Comparative Prospect: Theoretical and Political Justification]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2004, no 3 (31).
4. Pruel' N.A. Obrazovanie kak obshchestvennoe blago: vosproizvodstvo, raspredelenie i potreblenie [Education as Public Benefit: the Reproduction, Distribution and Consumption]. Saint Petersburg, 2001, pp. 132-146.
5. Dzhonstoun D.B. Sistema vysshego obrazovaniya v SShA: struktura, rukovodstvo, finansirovanie [The Higher Education System in the United States: Structure, Management, Financing]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2003, no 5-6 (28), pp. 92-102.
6. Subetto A.I. Obrazovatel'noe obshchestvo i realizatsiya strategii razvitiya obrazovaniya v XXI veke [Educational Society and the Implementation of the Strategy of Development of Education in the XXI Century]. *Astrakhanskii vestnik ekologicheskogo obrazovaniya*. 2013, no 2 (24).
7. Korotkii G.A. Obrazovanie: istoriya i sovremennost' [Education: Past and Present]. *Voprosy filosofii*. 2011, no 10, pp. 68-75.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

УДК 94(470)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРВЫХ МИФИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ – ВАМПАЛОВ – В МИРОВОЗЗРЕНИИ ИНГУШЕЙ

© 2015 г. П.Х. Акиева

Акиева Петимат Хасолтовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Чаха Ахриева, ул. Д. Мальсагова, 11, г. Магас, РИ, 386001. E-mail: petim@yandex.ru

Akieva Petimat Khasoltovna – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Department of History, Ingush Scientific-Research Institute of the Humanitarian Sciences Named after Chakh Ahriev, D. Malsagova St., 11, Magas, RI, 386001, Russia. E-mail: petim@yandex.ru

Проводится ретроспективно-исторический анализ первых существ ингушской мифологии – вампалов. Представленная картина их эволюции, физиологические особенности, основополагающие характеристики, специфика деятельности, время существования и способ вымирания позволяют отнести существование данного образа к эпохе неолита.

Ключевые слова: мифические существа, вампал, эволюция, горизонт, масштабность, солнечное время, благодать, деградация, голод, антропоморфизм, специфика деятельности, вымирание.

The article considers the retrospective historical analysis of one of the first Ingush mythology creatures - vampals. The created picture of the evolution of these mythical creatures, their physiological characteristics, the basic qualities and specifics of the way of dying gives the opportunity to determine time of vampals' existence - the Neolithic.

Keywords: mythical creatures, vampal, evolution, skyline, scale, solar time, grace, degradation, abundance, anthropomorphism, specific activity, the extinction.

Архаичные религиозно-мировоззренческие представления об окружающем мире в ходе исторического развития нашли свое воплощение в мифологии, героическом эпосе, в устном народном творчестве народа. Способность мифопоэтической мысли отражать социальные категории через образы и связывать природные отношения с социальными дает возможность провести ретроспективно-исторический анализ, определить, как «миф существенно видоизменился в сравнении с первоначальным вариантом» [1, с. 27]. «Любое построение отвлеченной мысли, – отмечает А.Ф. Лосев, – которое является только отражением действительности для мифологии, является самой действительностью со всеми ее материальными и вещественными свойствами, со всеми ее чувственными качествами, в виде живых существ или живых предметов» [2, с. 458].

Учитывая, что «... в идеологии горцев явно преобладали весьма архаичные элементы древней первобытно-язычной религии», которой было «пронизано все мировоззрение горца» [3, с. 197–180], в дан-

ной статье предполагается осветить процесс исторической трансформации одного из первых образов ингушской мифологии – вампала. Многие ученые указывают на типологическую близость его с великанами из нартиад других кавказских народов (адыгский иньж, карачаево-балкарский эмеген, абхазский адау, осетинский уайуг и др.), однако этот вопрос не является предметом данного исследования.

«Совокупностью антропологических археологических, исторических, лингвистических и этнографических данных подтверждается давнее и сугубо местное происхождение и развитие этнического ядра, которое в наши дни именуется ингушским народом, составляющим одно из слагаемых так называемого нахского этнического массива Кавказа» [3, с. 72]. Е.И. Крупнов подчеркивает главный тезис о том, что «героический нартский эпос – это результат самобытного (а не заимствованного) творчества сугубо местных кавказских племен, носителей родственных языков...» [4, с. 19–20]. Под автохтонным населением Кавказа,

или нахским этническим массивом, следует понимать нахоязычных кавказиан [5, с. 43], которые являются «реликтом древнейших племен Кавказа, заселявших центральные предгорья Кавказского хребта, по-видимому, еще до эпохи бронзы – в эпоху неолита, а может быть, даже и верхнего палеолита» [6, с. 196]. З.В. Анчабадзе, проводя сравнительно-исторический анализ нартского эпоса в связи с историей народов Кавказа, приходит к выводу, что «географический ареал формирования нартского эпоса – это центральная и западная часть Северного Кавказа, а также северо-западная часть Закавказья (Абхазия и, возможно, некоторые районы к югу от нее)» [7, с. 262]. Эти обстоятельства позволяют проводить исторический анализ образа вампала, сохранившегося в ингушских нартских сказаниях с древнейших времен.

В ингушских космогонических мифах в качестве первообразов выступают птица и рыба. Следующими созданиями мира в представлениях предков ингушей были вампалы: «До появления людей в мире были птицы, затем бог создал вампалов» и только затем «бог сотворил человека из земли» [8, с. 29–30]. В народном видении вампалы представлялись как «огромные чудовища, обладающие сверхъестественной силой, которые имели несколько голов» [9, с. 30], гендерное различие, огромный рост и были двуротыми и одноглазыми.

Основная особенность мифических вампалов – масштабность – характерна в представлениях ингушей для времени абсолютной благодати, перво времени или времени творения (инг.: мялхен фарал – солнечная благодать). В этот первоначальный период жизни «всего было вдоволь и никто не испытывал нужды ни в чем. В лесах было много дичи, в реках – рыбы, трава была густой и такой высокой, как деревья, земля была до того жирной, что если сжать в руке горсть земли, то из нее капало масло... Это была эпоха великанов» [10, с. 13]. В.И. Абаев связывал представления о племени гигантов, предшествовавших нынешним людям, с легендами «о золотом веке, когда люди не сеяли и не жали, а могли жить просто “соком земли”» [11, с. 84].

Вампалы, являясь существами золотого века (или солнечного времени), сами несли в себе печать благодати. Так, Б. К. Далгат сообщает бытовавшие в ингушской среде представления о «народе вампол», имевших необыкновенную величину («два аршина длины берцовая кость»), кости которых, помещенные в речку, приносили дождь [12, с. 125]. Отметим, что в благодатное время параллельно вампалам существовала разнообразная

флора и фауна, способная удовлетворить их биологические потребности. В основном сюжеты устного народного творчества ингушей иллюстрируют два варианта: либо соседство вампалов с людьми и нартами, либо ситуация развивается посредством их останков (как правило, это череп вампалов или вообще кости).

Исчезновение благодати в ингушской космогонии связано со вторым актом, организующим пространственно-временной континуум – отделением неба от земли посредством ветра. О прямом противопоставлении благодати и западного ветра (освобожденного из пещеры или сундука) имеются многочисленные указания в мифах и нартских сказаниях ингушей [13, с. 8; 14, с. 21, 28; 15, с. 142]. Исчезновением благодати, а точнее, как мы считаем, ее смещением в земную/подземную часть мира объясняется последующая деградация вампалов, выражающаяся в поедании себе подобных. Если до появления ветра и человека всего на земле было вдоволь, то затем «их (вампалов. – П.А.) огромные тела не удовлетворялись обыкновенной пищей и при случае они поедали друг друга» [8, с. 30].

Здесь стоит говорить именно о деградации, так как постепенно этот отличающийся благородством мифический образ стал приобретать антропоморфные характеристики. «Последующие поколения (великанов. – П.А.) становились все мельче и мельче, но хитрее. Они действовали больше умом, чем физической силой» [10, с. 13].

Образ жизни, обычаи этих мифических существ, отмечаемые в поздних фольклорных текстах, также соответствуют человеческим. Так, например, в нартском сказании «Нарт Хамча и его сын Патарз» описывается обряд молочного усыновления с женщиной-вампал: «Встав на цыпочки, он (нарт Хамча. – П.А.) еле дотянулся до соска ее груди и быстро сосал его...» [16, с. 149] или упоминание о сословном делении «мой брат является князем над вампалами» [16, с. 150]. Ч. Ахриев указывает, что «вамполы ... вели борьбу с кабардинцами за обладание горами, сражаясь камнями, стрелами и ружьями... Это были одноглазые люди, жившие в лесу наподобие диких зверей... При встрече с ингушами вамполы нападали на них и съедали» [15, с. 119]. Интересен миф об окаменевшем великане, ярко иллюстрирующий соотношение божественной справедливости в лице верховного бога Дяла и послушания матери, являющимся одним из канонов ингушского нравственного комплекса эздел. Выполняя волю матери, священную для любого ингуша, вампал украл у всеведущего Дяла Сокола счастье, за что был поражен насмерть молнией [14, с. 113].

Вампалы ведут себя согласно нормам поведения, соответствующим ингушским обществам, что подтверждает принцип невыделенности, как и принцип вовлеченности. Если для современного мира характерен индивидуализм и приоритет человека над природой, то жизнь протоингуша – это постоянный диалог с окружающей действительностью. Эта погруженность и вовлеченность человека, когда каждый поступок сопрячен миру, объясняется неразделенностью последнего на сакральный и несакральный. Мир всецело сакрален, так как освящен предками. И в древних мифах вампалы-великаны обладают групповой индивидуальностью. Это коллективное мышление личности, выраженное в ингушской мифологии, являлось главной чертой общинной организации.

Человеческие характеристики образа вампала являются поздними вариациями. Свидетельством тому могут служить такие детали описаний вампалов, как огромная величина, гиперболизация отдельных частей тела, наличие нескольких голов, двуротость и т.д. Так, например, в ингушском нартском сказании «Сеска Солса и Вампал» описывается момент победы над врагом: «У оставшегося в живых вампала между лопаток показались изображения солнца и луны» [16, с. 75]. В другом нартском сказании ингушей вампал описывается так: «Седло приросло к коню, сам прирос к седлу, изо рта пламя бьет – так ездил черный вампал Неге» [16, с. 76]. Чернота вампала и изрыгание пламени связывают его с архаичным образом змееобразного дракона из ингушского нартского эпоса (инг.: Сармак) [16, с. 163].

Красочен и женский образ вампала. В ингушском нартском мифе «Нарт Хамча и его сын Патарз» говорится: «У реки сидит великанша вампал. Она пряла шерсть, к веретену у нее вместо прялица был приделан огромный жернов. Чтоб не мешали работать, она груди свои перебросила через плечи, и они свисали у нее сзади до поясицы» [17, с. 149]. Данное описание как огромной, словно «скала», женщины с большими грудями соответствует изображениям богини матери или так называемых «палеотических Венер». Тысячи фигурок, изображающих Богиню Мать, датируемые 20 000 лет до н. э., были найдены на обширной территории, простирающейся от Западной Европы до Сибири. «Отличаясь друг от друга по размерам, стилю, частью и по материалу... эти многочисленные пластические фигурки имеют между собой все же немало общего: это всегда обнаженная женская фигура, с преувеличенными объемами груди и бедер, обычно с редуцированными ногами и руками»

[18, с. 555]. К сказанному стоит добавить, что искусство прядения и изготовления тканей было одним из приобретений человечества в эпоху неолита [19, с. 171]. На Северном Кавказе неолитическим племенам было известно «ткачество, что подтверждается находками отпечатков плетения на глиняных изделиях» [20, с. 38]. Таким образом, физиологические особенности и специфика деятельности вампалов дают возможность отнести оформление этого мифического образа к началу неолита – рубежу VII–VI тыс. до н. э.

Вымирание вампалов сопряжено в мифах со страшной болезнью [8, с. 30–32]. Учитывая, что «на рубеже X–IX тыс. до н. э. верхний палеолит сменяется периодом мезолита или среднекаменного века, характеризующегося завершением процесса оледенения, охватывавшего всю горную часть Северного Кавказа» [20, с. 36–37], а также время формирования данного мифического образа, стоит предположить, что упоминаемая в мифах болезнь есть не что иное, как голод. Возможно, что именно мезолитический ледниковый период был временем вымирания вампалов из-за голода, приведший к поеданию себе подобных, а затем и к гибели. Именно поэтому время «солнечной благодати», когда «всего было вдоволь», упоминаемое в мифологии ингушей, это доледниковое палеолитическое время.

Сведения об этимологии слова «вампал» достаточно скудны. Часто языковеды считают его производным от скифо-сарматско-иранского «соратник» («bal» – «дружина» и «ham» – «со»), либо возводят к арабскому «hammal» – носильщик, раб. Представленные этимологические объяснения неполноценны, так как имеют лишь лингвистический разбор слова «вампал». При этом отсутствует какое-либо соответствие со смысловым наполнением этого мифического образа. Единственное такого рода объяснение было высказано Д. Я. Лавровым и В. П. Кобычевым, связывавшими ингушских вампалов с тюркскими вампирами через мифологию некоторых славянских племен. Так, одна из отличительных особенностей вампалов – двуротость – объяснялась имевшимися, например, у поляков или словенцев, представлениями о наличии во рту вампиров двух рядов зубов [17, 21].

Такая связь возможна особенно ввиду тех обстоятельств, что только «в 70-х гг. IV в. Северный Кавказ подвергается нашествию орд кочевников из Центральной Азии – гуннов»; авары в степях Предкавказья появляются и создают свой каганат в VI в. и в это же время создается Тюркский каганат, «в который были включены территории от границ Китая на востоке до Северного Причерноморья на западе»

[20, с. 114]. Сложение ингушского мифического образа вампалов, как было сказано выше, стоит отнести к периоду неолита, в связи с чем считаем возможным его заимствование тюркоязычными племенами, которыми он был перенесен в мифологию славян.

Учитывая, что фонетика, морфология, синтаксис и лексика ингушского языка дают многочисленные примеры родства с хуррито-урартским, хеттским и шумерским языками [22, с. 50–51; 23, с. 216; 24; 25, с. 7], считаем целесообразным провести этимологию ингушского понятия «вампал» с ингушского языка. Предлагая свое толкование термина «вампал» [vampal] (этимология этого слова до сих пор еще не была представлена), считаем, что следует исходить из генетического родства «хуррито-урартского и хаттского с восточнокавказскими и западнокавказскими языками» [26, с. 159, 161]. Термин «вампал» [v+am+b+al] состоит из корневых «ам/ан» («горизонт») + «б» – классный показатель со значением рода, который используется в ингушском языке для обозначения рода не-лица» (звук «б» оглушился, а «м» и «н» – взаимозаменяемы) и окончания множественного числа «ал». Таким образом, первоначальное окаменевшее «ан+б» (инг.: «горизонт есть») с помощью классного показателя «в» (первое «в» является классным показателем мужского рода разумных денотатов (т.е. разумных существ)), приобрело гендерное отличие. Можно привести множество примеров из современного ингушского языка с использованием понятия «ан» в значении «горизонт». Так, один из старейших политических центров Ингушетии «Ангушт» означает, по мнению специалистов, «место, откуда виден горизонт».

«Ан», или «горизонт», интерпретировался в ингушских представлениях как край или начало горизонта, линия, отделяющая Землю от Неба [27, с. 218]. Это отделение посредством персонификации ветра/воздуха, широко представленное в ингушских фольклорных и мифологических текстах [13–15], характерно для шумерской, аккадской, хеттской, ханаанейской мифологий.

Смеем предположить, что первоначальное отсутствие гендерного различия в ингушском варианте объясняется архаичностью божественного небесного образа, который с течением времени приобрел гендерное различие и персонификацию в виде горизонта. С усложнением мифологической структуры, широким претворением общих представлений в чувственно-конкретной форме связано возникновение образа «вампала», как производного

от первичного божественного «горизонт». Этот вывод коррелируется с такими особенностями этого образа, как масштабность [14, с. 30], благодатность, принадлежность к золотому/солнечному времени. Появление ветра разрушило космическое единство, иллюстрируемое принципом невыделенности, вовлеченности общества. В результате в мифологическом представлении происходит смещение благодати в земную/подземную часть мира; деградация общества, выражающаяся в обмельчении, расщеплении единого образа; постепенная антропоморфизация божественных образов, связанная с разрушением общинной коллективной организации. Физиологические особенности и специфика деятельности вампалов дают возможность отнести оформление этого мифического образа к началу неолита – рубежу VII–VI тыс. до н. э. Мезолитический ледниковый период был временем вымирания вампалов из-за голода, приведший к поеданию себе подобных, а затем и к гибели. Групповая индивидуальность вампалов, соответствие их образа жизни и поведения ингушским обществам иллюстрирует время коллективной сопричастности человека окружающему миру, время общинной организации. С усложнением мифологической структуры образ вампала приобрел антропоморфные черты и гендерное различие.

Литература

1. Фнад К. Политический миф. М., 2004.
2. Лосев А.Ф. Мифология // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964.
3. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
4. Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969.
5. Цулая Г.В. Комментарии // Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979.
6. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
7. Анчабадзе З.В. Выступление на Всесоюзной научной конференции нартоведов в Сухуме. Ноябрь 1963 г. К вопросу о времени и условиях возникновения нартского эпоса // Избр. тр.: в 2 т. Сухум, 1963. Т. 2.
8. Антология ингушского фольклора. Т. 3. Нальчик, 2003.
9. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. 2-е изд. М., 1988. Т. 2.
10. Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа. Саратов, 1997.
11. Абаев В.И. Нартовский эпос. Дзауджикау, 1945.

12. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей / подгот. изд., введение У.Б. Далгат; отв. ред. С.А. Арутюнов. М., 2004.
13. Матери-богини // Ингушский нартский эпос. Нальчик, 2012.
14. Антология ингушского фольклора. Т. 1 / сост. И.А. Дахкильгов. Нальчик, 2003.
15. Магал (О Звезде ветров) // Ахриев Ч.Э. Избр. / сост. А. Мальсальгов. Назрань, 2000.
16. Антология ингушского фольклора. Т. 4 / сост. И.А. Дахкильгов. Нальчик, 2006.
17. Кобычев В. П. Из этногенетических преданий Ингушей // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971.
18. Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990.
19. Голан А. Миф и символ. М., 1993.
20. История Ингушетии / отв. ред. Н.Д. Кодзоев. Ростов н/Д., 2013.
21. Лавров Д. Я. Заметки об Осетии и осетинах // Терские ведомости. 1874. № 25.
22. Браун И., Климов Г. Об историческом взаимоотношении урартского и иберийско-кавказских языков // Тез. докл. АН Груз. ССР. Тбилиси, 1954.
23. Джаукян Г.В. Взаимоотношения индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967.
24. Церетели Г.В. К вопросу об отношении урартского языка к иберийско-кавказской группе языков. Тбилиси, 1953.
25. Чикобава А.С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1965.
26. Ардзинба В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М., 1985.
27. Мадаева З.А. Модель мира в мифологии вайнахов // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1984–1985 годов: тез. докл. Йошкар-Ола, 1986.
6. Alekseev V.P. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza* [The Origin of the Peoples of the Caucasus]. Moscow, 1974.
7. Anchabadze Z.V. [Speech at the All-Union Scientific Conference nartovedov in Sukhum. November 1963 On the question of time and conditions of the Nart epic]. *Izbrannye trudy*: 2 vol. Sukhum, 1963, vol. 2.
8. *Antologiya ingushskogo fol'klora* [Anthology of the Ingush folklore]. Vol. 3. Nalchik, 2003.
9. *Mify narodov mira: entsiklopediya* [Myths of Peoples of the World]: 2 vol. 2-nd ed. Moscow, 1988, vol. 2.
10. Tankiev A.Kh. *Dukhovnye bashni ingushskogo naroda* [Spiritual Towers of Ingush People]. Saratov, 1997.
11. Abaev V.I. *Nartovskii epos* [Nart Epic]. Dzauzhikau, 1945.
12. Dalgat B.K. *Pervobytnaya religiya chechentshev i ingushei* [Primitive Religion of Chechens and Ingushes]. Ed. U.B. Dalgat; chief. ed. S.A. Arutyunov. Moscow, 2004.
13. *Materi-bogini. Ingushskii nartskii epos* [Mothers-goddesses. Ingush Nart Epic]. Nalchik, 2012.
14. *Antologiya ingushskogo fol'klora*. [Anthology of the Ingush Folklore]. Vol. 1 Ed. I.A. Dakhkil'gov. Nalchik, 2003.
15. Magal (O Zvezde vetrov) [Magal (About the stars of winds)]. Akhriev Ch.E. *Izbrannye trudy*. Ed. A. Mal'sal'gov. Nazran, 2000.
16. *Antologiya ingushskogo fol'klora* [Anthology of the Ingush Folklore]. Vol. 4 Col. I.A. Dakhkil'gov. Nalchik, 2006.
17. Kobychev V. P. *Iz etnogeneticheskikh predanii Ingushei* [Ethnogenetic Tradition of Ingush]. *Itoги polevykh rabot Instituta etnografii in 1970*. Moscow, 1971.
18. Tokarev S. A. *Rannie formy religii* [Early Forms of Religion]. Moscow, 1990.
19. Golan A. *Mif i simbol* [Myth and Symbol]. Moscow, 1993.
20. *Istoriya Ingushetii* [History of Ingushetia]. Ed. N.D. Kodzoev. Rostov-on-Don, 2013.
21. Lavrov D.Ya. *Zametki ob Osetii i osetinakh* [Notes about Ossetia and Ossetians]. *Terskie vedomosti*. 1874, no 25.
22. Braun I., Klimov G. [On the Historical Relationship of Urartu and the Ibero-Caucasian Languages]. *Ob istoricheskoy vyzaimootnoshenii urartskogo i iberiiskoy-kavkazskikh yazykov*. Report. AN Gruz. SSR. Tbilisi, 1954.
23. Dzhaoukyan G.V. *Vzaimootnosheniya indoevropeiskikh, khurrito-urartskikh i kavkazskikh yazykov* [Relationship of Indo-European, Hurrian-Urartian and Caucasian Languages]. Erevan, 1967.
24. Tsereteli G.V. *K voprosu ob otnoshenii urartskogo yazyka k iberiiskoy-kavkazskoy gruppe yazykov* [On the Question of the Relation of Urartu Language to the Iberian-Caucasian Language Group]. Tbilisi, 1953.
25. Chikobava A.S. *Problemy rodstva iberiiskoy-kavkazskikh yazykov* [Relationship Problems of Iberian-Caucasian Languages]. Makhachkala, 1965.

References

1. Фрад К. *Politicheskii mif* [Political Myth]. Moscow, 2004.
2. Losev A.F. *Mifologiya* [Mythology]. *Filosofskaya entsiklopediya*. Vol. 3. Moscow, 1964.
3. Krupnov E.I. *Srednevekovaya Ingushetiya* [Medieval Ingushetia]. Moscow, 1971.
4. Krupnov E.I. *O vremeni formirovaniya osnovnogo yadra nartskogo eposa u narodov Kavkaza* [About the Time of the Main Core of the Nart Epic Formation of the Peoples the Caucasus]. *Skazaniya o nartakh - epos narodov Kavkaza*. Moscow, 1969.
5. Tsulaya G.V. *Kommentarii* [Comments]. *Mroveli L. Zhizn' kartliiskikh tsarei* [Mroveli L. Life of Kartli Kings]. Moscow, 1979.

26. Ardzinba V.G. *Nartskii syuzhet o rozhdenii geroya iz kamnya. Drevnyaya Anatoliya* [Nart Story About the Birth of the Hero from Stone. Ancient Anatolia]. Moscow, 1985.

27. Madaeva Z.A. [Model of the World in the Mythology of the Vainakh]. *Model' mira v mifologii vainakhov*.

Vsesoyuznaya sessiya po itogam polevykh etnograficheskikh issledovaniy 1984-1985 report [All Russia Session on the Results of Field Research 1984-1985]. Ioshkar-Ola, 1986.

Поступила в редакцию

3 марта 2015 г.

УДК 94(47).084.3

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В БОЯХ НА ПЕРЕКОПЕ В 1920 ГОДУ*

© 2015 г. А.В. Венков

Венков Андрей Вадимович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий лабораторией казачества,
Южный научный центр РАН,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Venkov Andrey Vadimovich –
Doctor of Historical Science, Professor,
The Head of Cossacks Laboratory,
Southern Scientific Center of the RAS,
Chekhov Ave., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Освещается участие донских казаков в боях в Крыму в 1920 г. Описываются особенности командного состава Донской конной бригады. Прослеживается ее боевой путь и роль, сыгранная в боевых действиях на Перекопе в начале 1920 г. Делается вывод, что небольшая, но стойкая казачья воинская часть, возглавляемая талантливым командованием, удерживала перекопское укрепление, и разбитые белые войска на юге России смогли переправиться с Черноморского побережья Кавказа в Крым, реорганизоваться и перейти в наступление.

Ключевые слова: казаки, Гражданская война, Крым, Перекоп.

The article considers the participation of Don Cossacks in the Crimea battles in 1920. The author describes the specific features of command personnel of Don Cavalry brigade. The military way and the role it played during the battle on the Perekop at the beginning of 1920 is analyzed in the article. It is concluded that a small but strong and motivated Cossack military unit led by the talented command was holding Perekop fortifications and thus the defeated White troops in southern Russia were able to cross the Black Sea coast in Crimea, then to reorganize the troops and start the attack.

Keywords: Cossacks, Civil War, Crimea, Perekop.

В 1920 г. Крым стал местом временного спасения разбитых белых армий. Большую роль в этом сыграло его географическое положение, связывающее полуостров с материком узкими перешейками. Контроль над ними делает Крым во многом неуязвимым. Это блестяще продемонстрировали кубанские казаки в 2014 г., перекрыв на перешейках дорогу украинским националистами, которые хотели навести там свой кровавый порядок.

Похожую роль сыграла на Перекопе в 1920 г. бригада донских казаков. Это не было широко освещено в исторической литературе, но отражено в достаточном количестве источников: в мемуарах участников тех событий и особенно вождей белого движения – П.Н. Врангеля и Я.А. Слащева [1–6].

Справочные материалы, публикуемые С.В. Волковым и С.В. Корягиным [7, 8], а также коллекция приказов по Войску Донскому, хранящаяся в ГАРО, позволяют проанализировать командный состав донской казачьей бригады, участвовавшей в боях. Цель данной работы – показать роль донских казаков в обороне Перекопа в самый тяжелый период Гражданской войны на Юге России.

В конце 1919 г. разбитые белые армии уходили в низовья Дона, где, опираясь на казачье население, надеялись остановить большевистское наступление. Белые войска под командованием генералов Слащева и Бредова уходили в Крым и на Одессу. Вместе со Слащевым ушла в Крым Донская конная бригада генерала Морозова (около

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-31-10173 «Крым и южные рубежи России: история, культура, межэтнические взаимодействия».

1000 шашек), ранее боровшаяся в рядах Добровольческой армии с махновцами [9]. Из конницы помимо Донской бригады у Слащева были Сводный чеченский полк – 200 шашек и конвой штаба корпуса – 100 шашек.

Решающие бои, от которых зависел исход Гражданской войны на Юге, развернулись в январе–феврале 1920 г. на Дону. Но Крым все это время считался «резервной» территорией, которую необходимо было удержать и куда в случае поражения на Дону и Кубани белые собирались уходить. Таким образом, удержание Крыма считалось важнейшей задачей. «Хороший строевой офицер, генерал Слащев, имея сборные случайные войска, отлично справлялся со своей задачей. С горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым», – писал П.Н. Врангель [1, с. 26]. Он отметил, что этот отряд «состоял из бесчисленного количества обрывков войсковых частей, зачастую еще в зародыше, отдельных штабов и нестроевых команд. Всего до пятидесяти отдельных пехотных и кавалерийских частей. При этом боевой состав корпуса не превышал 3500 штыков и 2000 шашек» [1, с. 8]. Таким образом, Донская конная бригада генерала В.Морозова (1000 шашек) на тот период была единственной крупной боеспособной частью в войсках Слащева, и на нее, естественно, выпала основная тяжесть ведения арьергардных боев и обороны перешейков, которые войска Слащева собой закрыли.

13 (26) декабря Слащев, опирающийся на Екатериновск, получил приказ отойти в Крым. Он решил до вступления в Крым в бой с красными не ввязываться, пехоту отправить к месту назначения сразу же, прикрывая ее отход конной завесой. «Соприкосновение с красными держала только конница, медленно отходившая назад почти без выстрела» [5, с. 176].

Части чуть не были отрезаны от Крыма наступлением красных от Мариуполя на Бердянск. Донцы Морозова, выдвинувшись к Аскания-Нова, прикрывали отход слащевской пехоты и обозов до их прибытия в Перекоп-Юшунь [6, с. 51]. 8 (21) января красные обложили крымские перешейки. Донцы Морозова укрылись в Крыму.

На помощь Морозову подошла малочисленная, не успевшая окончательно сформироваться Отдельная бригада из «возрожденных» Петроградского уланского, Новороссийского драгунского полков и эскадрона Лубенского гусарского полка, дравшаяся до этого с петлюровцами. «Бригада была подчинена генералу Морозову, составив с казачьей бригадой дивизию, названную конным отрядом Морозова. На конницу генерала Морозова возлагалась защита Перекопского вала» [6, с. 63].

На следующий день красные попытались сходу прорваться в Крым сквозь перешеек. Их силы – 46-я стрелковая и 8-я кавалерийская дивизии (около 8000 штыков и сабель) – представляли серьезную опасность для Слащева, имевшего около 3200 бойцов.

9 (22) января к Перекопу вышли из Таврии бригада В.И. Морозова и Отдельная кавалерийская бригада Устимовича. На Перекопе стоял Славянский полк из пленных австрийцев. Городок Перекоп был разрушен. Окопов не было, их только разместили и подтащили колья для проволоки. На плечах белой конницы к Перекопу подошла красная пехота и атаковала цепями. Взявший на себя командование Морозов спешил казаков и кавалеристов, рассыпал их в цепь и открыл огонь. Красные наступали без выстрела. Из-за левого фланга белых стало стрелять оружие, но шрапнели рвались над своими. «Шрапнель делала то недолет, то перелет над линией наших цепей, очевидно – брала их в вилку». Красные к этому времени приблизились на тысячу шагов, залегли и открыли огонь, «подавляя нас численностью». Вдобавок Славянский полк с тыла тоже открыл огонь по казакам и кавалеристам [3, с. 138].

Морозов посадил спешенную конницу на лошадей и приказал скакать за валы, сохранившиеся еще со времен крымских ханов. «Пройти через них можно было не иначе, как только по проходам, которых было по середине четыре и два на флангах. К этим-то проходам мы и скакали сумасшедшим галлопом...» [3, с. 139]. Достигнув валов, казаки и кавалеристы вновь спешили и залегли, проходы были прикрыты «многими пулеметами».

Красные преследовали бегом, густыми массами. Их подпустили поближе к валам и стали в упор расстреливать из пулеметов. «Убитыми и ранеными покрылась местность перед валами. Атака была отбита... Если бы не спокойствие и решительность полковника Морозова, быстро и правильно оценившего обстановку, Крым был бы захвачен красными в этот тяжкий и памятный день 9 января 1920 года. Не Слащев спас тогда Крым, как об этом сообщалось, а скромный донской казак Василий Иванович Морозов, принявший в свои руки защиту ворот в Крым у Перекопа» [3, с. 139–140].

Слащев об этом бое просто не упоминает, все внимание его сосредоточено на том, как он сам разбил красных в следующие два дня. На рассвете 10 (23) января три полка красной пехоты (бригада 46-й дивизии) повели наступление на Перекоп и попали в ловушку, расставленную Слащевым. Белые части расположились следующим образом: Славянский полк (100 штыков) прикрывал Перекопский вал; 34-я пехотная дивизия стояла у Юшуня; в 15 верстах

севернее у места, которое Я.Слащев назвал «перешеек с трактиром», расположились Виленский полк 13-й пехотной дивизии (250 штыков) и Донская конная бригада Морозова (1000 шашек).

Красные сбили Славянский полк, заняли вал и втянулись в перешеек. Их попытка ворваться в «перешеек с трактиром» была отражена контратакой Виленского полка. Красные оставили возле этого перешейка заслон и двинулись за Славянским полком на юг, заняли Армянск и направились к Юшуню. «В таком положении бой замер в темноте, – писал Слащев. – Красным пришлось ночевать на морозе в 16 градусов в открытом поле» [6, с. 65].

На рассвете 11 (24) января красные вышли к юшуньским позициям. Начался бой. 34-я пехотная дивизия перешла в контратаку. В это же время Виленский полк атаковал заслон красных «против трактира», отбросил его и сам образовал заслон к северу. Следовавшая за Виленским полком конница Морозова, ночевавшая у Мурза-Каяша, ударила по главным силам красных с тыла. «1000 шашек разлились по перешейку, двигаясь к югу», – писал Слащев [6, с. 66]. К полудню наступление красных было ликвидировано, захвачено много орудий.

Весь последующий период, пока разбитые белые войска не высадились в Крыму, Перекопские укрепления удерживали те же малочисленные части в условиях мороза и бескормицы. Начальник боевого участка генерал Васильченко «держал все силы на Перекопе и вызывал все время туда и конницу Морозова. Поднялось сильное заболевание от простуды», – вспоминал Я.А. Слащев [6, с. 68]. Очевидцы-улань отмечали: «Генерал Морозов, опытный начальник, не держал много людей на валу. В Перекопе вблизи валов дежурная часть, лошади поседланы, остальные в окрестных хуторах у Армянска и Юшуню. Люди и лошади напрасно не изматывались. Пехота занимала позиции вдоль Сивашей и на Чангарском перешейке. В случаях особенно сильного нажима красных пехота спешно направлялась из резерва в Перекоп. Почти всегда это были юнкера военного училища» [5, с. 176].

Следующая попытка красных прорваться через Перекопские укрепления состоялась 24–28 февраля (8–12 марта) 1920 г.

46-я и Эстонская стрелковые дивизии и 8-я кавалерийская дивизия «Червоного казачества» (более 8000 штыков и сабель) начали наступление, но были разбиты, как и в первый раз – слащевцы отступили, дали красным втянуться в перешейки, растянуться и устать, а затем атаковали, собрав силы в кулак. Ударной группировке красных, «не имевшей против себя

противника, но зато обойденной во фланг и тыл, пришлось отходить в большом беспорядке с потерей большого числа пленных» [6, с. 83]. Конница Морозова преследовала разбитого противника, вышла за перешейки и даже заняла городок Чаплинку. Потери красных были так велики, что Эстонскую дивизию пришлось расформировать [10]. «Положение восстанавливается, и конный отряд генерала Морозова снова несет службу по защите Перекопского вала», – констатировали белые [5, с. 178].

Между тем белые армии на Дону и Кубани были разгромлены, прижаты к Черноморскому побережью и в конце марта 1920 г. начали переправу в Крым.

В Новороссийске в плен к большевикам попали 22 тыс. чел. [11, с. 369]. Через месяц в районе Сочи сдалась еще более крупная группировка: офицеров выше штабс-капитана – 380, ниже штабс-капитана – 897, чиновников – 132, унтер-офицеров – 10 099, артиллеристов – 1441, всадников – 23 201, пеших – 4264, лошадей – 17 877, пулеметов – 146, орудий – 25 [12].

Высадка остатков белых армий в Крыму не облегчила службы казаков генерала Морозова. Большинство высадившихся было деморализовано, многие прибыли без оружия. Как вспоминал генерал А.В. Голубинцев, «часть донцов была погружена без лошадей и седел на английские военные суда для отправки в Крым. Лошади и седла брошены на берегу. Таким образом, из 60 тысяч лучшей конницы в Крым прибыло лишь несколько тысяч безлошадных» [13]. На берегу было брошено 10 тыс. лошадей.

80-й Дзюнгарский (калмыцкий) полк, как вспоминали очевидцы, грузился под похоронный марш, причем «лишь немногим беженцам нашлось место на пароходе» [14]. Из кубанцев в Крым взяли лишь 3-ю Кубанскую дивизию Бабиева [15].

Таким образом, к маю 1920 г. главные белогвардейские силы окончательно переместились в Крым (на 1 мая 1920 г. в Крыму – 18 тыс. штыков и 5220 сабель; против Кавказского фронта красных – 1600 штыков и 2200 сабель) [16]. По данным П.Н. Врангеля, в Крым ушло 25 тыс. «добровольцев» и 10 тыс. донцов «с тылами». Всего на довольствии числилось 150 тыс. «ртов», и лишь 1/6 часть их составляла «боевой элемент» [1, с. 7, 24].

Чтобы привести эти войска в порядок, требовалось время. Вдобавок ко всему П.Н. Врангель, сменивший на посту командующего А.И. Деникина, пошел на обострение ситуации и, добиваясь бесконтрольного главенства над казачьими частями, отдал под суд командование Донской казачьей армии.

Военный прокурор И. Калинин в своих воспоминаниях писал: «Врангель, прибегнув к расправе с Сидориным, шел ва-банк. Хотя донцы и представляли слабую военную силу, но казачий бунт в осажденном полуострове мог иметь самые губительные последствия.

У Сидорина, однако, не хватило духу на переворот... Нет сомнения, пожелай он в Евпатории сопротивляться, как советовал ему ген. Карпов, казачьи массы, настроенные против дальнейшей войны, пошли бы за ним» [17, с. 43, 44]. Суд, который являл собой «комплекс вопиющих судебных правонарушений» [17, с. 61], состоялся. Донское командование было выслано из армии.

В данной тревожной ситуации командование Красной Армии еще раз пыталось штурмовать Перекоп 31 марта (13 апреля) 1920 г. В наступлении приняла участие Латышская дивизия. Сохранилось описание первой атаки латышей на Перекоп: «Воспользовавшись густым туманом, красная латышская бригада ночью перед рассветом без выстрела подошла к валу. К счастью, в этот момент туман рассеялся, и уланы вдруг увидели первую цепь красных у самого рва. Густые цепи противника шли за нею. Открытым ружейным и пулеметным огнем первая цепь красных была срезана, а доскакавший до резерва улан поднял тревогу. Стоявшая на позиции за валами наша батарея открыла огонь, а прискакавшие налетом из резерва казаки вмиг были на валу. Не сделав ни одного выстрела, латышская бригада бросилась назад, устилая все поле трупами» [5, с. 178–179].

«31 марта в районе Перекопа разыгрался упорный встречный бой, – вспоминал П.Н. Врангель. – Со стороны противника действовала 1-я латышская дивизия с конницей. 2-й Донской дивизией генерала Морозова, поддержанной нашей пехотой, аэропланами, броневиками и танками, противник был разбит. Перекопский вал и ближайшие подступы остались в наших руках. 1 апреля красные, подтянув только что прибывшую 3-ю стрелковую дивизию и сосредоточив до трех тысяч конницы, пытались снова наступать, но, встреченные нашей контратакой, были отбиты» [1, с. 40]. Сражение затянулось на три дня, и белые вынуждены были высаживать ряд десантов на побережье восточнее и западнее Перекопа, чтобы отвлечь силы противника, но Перекоп все же отстояли.

За выигранное войсками, оборонявшими перешейки, время, Врангель смог реорганизовать войска и назвал их Русской армией. Донские части были сведены в отдельный Донской корпус из трех дивизий. Реорганизация коснулась и донских частей генерала

Морозова, и мы можем видеть на их примере, что же представляли собой донские казачьи полки в 1920 г.

Командир бригады генерал Василий Иванович Морозов, казак станицы Семикаракорской, родился 30 октября 1888 г. В 1908 г. закончил Новочеркасское юнкерское училище. Участник 1-й Мировой войны, есаул, командир сотни 58-го Донского казачьего полка. Во время Гражданской войны воевал в Задонских степях, командовал казачьими полками, за два года был произведен в войсковые старшины и полковники. За бои на Перекопе получил чин генерал-майора (в возрасте 31 года).

Полки его бригады получили новые названия – 1-й Донской казачий и 2-й Донской казачий.

1-й Донской казачий полк был создан на базе 4-го сводного конного полка, состоявшего из повстанцев ст. Мигулинской, участвовавших в Верхне-Донском восстании в марте–июне 1919 г. 4-й сводный полк был слит с 62-м Чертковским конным полком из казаков 1-го Донского округа.

Командовал 1-м Донским казачьим полком генерал-майор Иван Васильевич Клочков, казак ст. Нижне-Курмоярской, бывший командир 62-го конного полка. Он закончил Новочеркасское училище на год позже В.И. Морозова (в 1909 г.), но в генералы они были произведены в один день (29 марта 1920 г.). Сменивший И.В. Клочкова на посту командира полка полковник Степан Афанасьевич Рябышев закончил краткосрочные (4-месячные) курсы Новочеркасского юнкерского училища в 1916 г. И, наконец, сменивший раненого С.А. Рябышева полковник Михаил Степанович Зеленков, казак ст. Камышовской, был кадровым военным, закончил Донской кадетский корпус в 1909 г. и полный курс Новочеркасского юнкерского училища в 1911 г. Он же стоял у истоков создания Донской армии – участвовал в знаменитом Степном походе.

Помимо указанных командиров в полку на 1920 г. числятся 58 офицеров, 1 врач и 1 чиновник. Офицеров в полку в 2,5 раза больше, чем положено по штату. Это – особенность донских полков в Крыму.

Из 58 офицеров 2 – «русские», штабс-капитан и подпоручик. Остальные – казаки. Только один офицер кадровый. Это войсковой старшина С. В. Сиволобов, закончивший Донской кадетский корпус в 1910 г. и Новочеркасское юнкерское училище в 1912 г. Репутация его у командования была подмочена тем, что в 1917 г. он был председателем полкового комитета 9-го Донского полка.

Еще 4 офицера закончили ускоренные курсы Новочеркасского юнкерского училища в 1914, 1915, 1917 и 1918 гг. и 3 – школы прапорщиков –

1-ю Тифлисскую (1915), Горийскую (1916) и Екатеринодарскую (1917).

Остальные произведены в офицеры «за заслуги» в годы Гражданской войны. Из них 29 получили чины в 1920 г. за бои на Перекопе.

Казаки вполне толерантны и доверяют свою жизнь врачу Давиду Исааковичу Антоновскому.

Подобная ситуация с офицерским составом во многом объясняется тем, что полк – из повстанцев, и командные кадры, видимо, остались свои, выбранные еще весной 1919 г. во время восстания.

2-й Донской казачий полк в составе бригады В.И. Морозова по своему составу отличается от 1-го Донского. Он создан на базе «Конвойного полка командующего Донской армией» («Конного полка конвоя командующего Донской армией») по приказу начальника 1-й Сводной Донской дивизии в августе 1919 г. Рядовой состав набирался из тех же повстанцев, участников Верхне-Донского восстания, но офицеров в конвойный полк Донского командарма подобрали по другому принципу.

Командовал полком войсковой старшина Александр Михайлович Ружейников, 1895 г.р., казак ст. Михайловской. В 1914 г. он закончил Новочеркасское юнкерское училище. Видимо, обладал большими военными способностями, так как с января 1919 г. был прикомандирован к оперативному отделу штаба Донской армии. В 1920 г. за бои на перешейках был произведен в полковники (в возрасте 25 лет).

Временно полком командовали войсковой старшина С.С. Голицын, есаулы А.С. Пастушков, В.Г. Сетраков, И.Т. Меркулов, сотник Носов. Все они, за исключением Носова, закончили ускоренные курсы Новочеркасского училища во время 1-й Мировой войны. Есаул В.Г. Сетраков погиб, командуя полком, в бою под Юшунью. Сотник Носов происходил из казаков ст. Казанской, участвовал в Верхне-Донском восстании.

Всего в полку было 55 офицеров (это более, чем вдвое, превышает штатное расписание казачьего полка), 1 врач и 1 чиновник. Из 55 офицеров – 3 «русских», остальные – казаки.

В Степном походе участвовали 2 офицера полка.

Уровень образования гораздо выше, чем в 1-м полку. Один из офицеров закончил Харьковский университет, один не успел закончить Лесной институт. Два офицера до войны учились в кадетском корпусе; 4 кадровых офицера закончили Николаевское кавалерийское училище и Новочеркасское юнкерское до 1-й Мировой войны; 8 закончили ускорен-

ные курсы Новочеркасского училища в годы 1-й Мировой войны, 2 – уже в годы Гражданской войны; еще 4 закончили Константиновское артиллерийское, Ташкентское военное, Виленское военные училища и Саратовскую школу прапорщиков в годы войны.

Остальные офицеры получили свои чины «за отличия», не имея военного образования, причем один из них – П.Г. Попов – был произведен в офицеры за отличия еще в 1915 г. Непосредственно в 1920 г. офицерские погоны получили 8 человек.

Позже, в 1921 г., 5 казаков полка за бои 1920 г. были награждены Георгиевскими крестами 1-й степени, стали полными георгиевскими кавалерами.

Впечатляет молодость командного состава. И командир бригады, и полковые командиры не достигли возраста 33 лет. И, естественно, бросается в глаза, что большая часть командного состава не имеет базового военного образования. Это казаки, произведенные в офицеры за боевые отличия.

Венцом боевых действий бригады на Перекопе был прорыв фронта красных войск и выход в Таврию. На бригаду возлагались большие надежды, так как она была практически единственной конной частью врангелевской армии. Как вспоминал сам генерал В.И. Морозов, «2-я конная дивизия, которой я имел честь в то время командовать и которая была, в сущности, единственной конницей Крыма (другие конные части были еще пешими), с нетерпением ждала этого желанного дня, когда она, наконец, получит свободное поле для маневра и расстанется с надоевшими ей за зиму окопами и проволочными заграждениями» [4, с. 594].

25 мая (7 июня) 1920 г. Русская армия перешла в наступление. Был высажен сильный десант под командованием генерала Слащева. «Одновременно корпус генерала Кутепова атаковал на Перекопском участке главные силы 13-й советской армии. Танки и броневики двигались впереди наших цепей, уничтожая проволочные заграждения. Красные оказывали отчаянное сопротивление. Особенно упорно дрались латышские части», – вспоминал П.Н. Врангель [1, с. 78]. Корниловская и Марковская пехотные дивизии двинулись вслед за танками, а донская конница бросилась в прорыв между этими двумя дивизиями. Артиллеристы Марковской дивизии вспоминали эту картину: «Утром, через проход в Татарском вале на Перекопе, донская конница ринулась преследовать противника по шоссе на Чаплинку. Сверкая в лучах восхода пиками, конные сотни галопом и рысью неслись мимо нас. Земля гудела и дрожала от мощного топота тысяч копыт. В промежутках между сотнями, грохоча

колесами и щитами, неслись конные и конно-горные батареи конного корпуса. Штандарты и сотенные значки развивались на скаку. Это была незабываемая картина...» [2, с. 240].

Прорвавшаяся конница стремилась пройти как можно глубже в тыл противника, но белая пехота натолкнулась на упорное сопротивление советской Латышской дивизии. «Противник, можно сказать, смелый и упорный», – так охарактеризовал ее сам генерал В.И. Морозов [4, с. 596].

Очевидцы вспоминали: «Пройдя 25 верст в направлении Каховки, генерал Морозов получил доставленное аэропланом приказание командира корпуса генерала Кутепова, в котором сообщалось, что красные, подведя сильные резервы, перешли в контрнаступление и вытеснили нашу пехоту из села Перво-Константиновка. Дивизии давалась новая задача. Генерал Морозов повернул дивизию назад» [5, с. 181].

Описывая бой с латышами в деталях: «В это время левее казачий полк, смяв красных, рубил бегущих, загоняя их в Сиваш. Путь спасения для красных был отрезан. Правофланговый полк донцов ворвался в село, не давая пощады латышам...», – свидетели боя подводят итог: «Атака дроздовцев с фронта и лихая конная атака 7-го Сводно-кавалерийского и двух Донских казачьих полков с тыла решили успех боя. Красные латыши были разбиты наголову. Остатки их, около двух тысяч человек, были взяты в плен. Артиллерия красных и пулеметы попали в наши руки...» [5, с. 182]. И завершалось описание восклицанием: «Путь в Северную Таврию был открыт!» [5, с. 183].

Таким образом, небольшая, но стойкая казачья воинская часть, возглавляемая талантливым командованием, много способствовала удержанию перекопского укрепления и дала возможность разбитым белым войскам на юге России переправиться с Черноморского побережья Кавказа в Крым, реорганизоваться и перейти в наступление.

Литература

1. Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) Ч. 2. М., 1992.
2. Ларионов В. Крым и Таврия // Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М., 2003.
3. Матасов В. Белое движение на Юге России. 1917–1920. Монреаль, 1990.
4. Морозов В. Воспоминания о бое 25 мая 1920 года // Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М., 2003.

5. Рубцов И. Петроградские уланы в гражданской войне на Юге России. 1918–1920 годы // Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России. М., 2002.
6. Слащев-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920. М., 2013.
7. Волков С.В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013.
8. Корягин С.В. Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 10, 13, 14, 20, 21, 24, 33, 41, 43, 46, 52, 54, 58, 60, 62, 65–69, 71, 78, 99, 109, 110. М., 2000–2013.
9. См: Венков А.В. Бои донских казаков с махновцами в годы Гражданской войны // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2014. № 3. С. 41–45.
10. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983. С. 674.
11. Венков А.В. Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014.
12. РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 305. Л. 318.
13. Голубинцев А.В. Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону. 1917–1920. Мюнхен, 1959. С. 169.
14. Джизванов П. Донские калмыки в борьбе с большевиками в 1917–1920 гг. // Родимый край. 1968. № 78. С. 7, 10.
15. Родимый край. 1973. № 106. С. 23.
16. Директивы командования фронтов Красной Армии. М., 1978. Т. 4. С. 513.
17. Калинин И. Под знаменем Врангеля. Ростов н/Д., 1991.

References

1. Vrangeli P.N. *Vospominaniya. Yuzhnyi front (noyabr' 1916 g. – noyabr' 1920 g.)*. Ch. 2. [Memories. Southern Front (November 1916 - November 1920)]. Moscow, 1992.
2. Larionov V. [Crimea and Tavria]. *Russkaya armiya generala Vrangelya. Boi na Kubani i v Severnoi Tavrii* [Russian Army of General Wrangel. Battles in the Kuban region and Northern Tavria]. Moscow, 2003.
3. Matasov V. *Beloe dvizhenie na Yuge Rossii. 1917–1920* [White Army in the South of Russia 1917-1920]. Montreal, 1990.
4. Morozov V. [Memories of the Battle of May 25, 1920]. *Russkaya armiya generala Vrangelya. Boi na Kubani i v Severnoi Tavrii* [Russian Army of General Wrangel. Battle in the Kuban Region and Northern Tavria]. Moscow, 2003.
5. Rubtsov I. [Petrograd Uhlans in the Civil War in Southern Russia. 1918-1920 years]. *Vozrozhdennye polki Russkoi armii v Beloi bor'be na Yuge Rossii* [Regenerated Regiments of the Russian Army in the White Struggle in the South of Russia]. Moscow, 2002.

6. Slashchev-Krymskii Ya.A. *Belyi Krym. 1920* [White Crimea. 1920]. Moscow, 2013.
7. Volkov S.V. *Ofitsery kazach'ikh voisk. Opyt martirologa* [The Officers of the Cossack Troops. Experience of Martyrology]. Moscow, 2013.
8. Koryagin S.V. *Genealogiya i semeinaya istoriya Donskogo kazachestva* [Genealogy and Family History of Don Cossacks]. Issues 10, 13, 14, 20, 21, 24, 33, 41, 43, 46, 52, 54, 58, 60, 62, 65-69, 71, 78, 99, 109, 110. Moscow, 2000-2013.
9. Venkov A.V. *Boi donskikh kazakov s makhnovtsami v gody Grazhdanskoi voiny* [Struggle of Don Cossacks with Makhno Troops during the Civil War]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 2014, no 3, pp. 41-45.
10. *Grazhdanskaya voina i voennaya interventsia v SSSR. Entsiklopediya* [The Civil War and Military Intervention in the Soviet Union]. Moscow, 1983, p. 674.
11. Venkov A.V. *Donskaya armiya v bor'be s bol'shevikami v 1919-1920 gg.* [Don Army in the Struggle with Bolsheviks in 1919-1920]. Moscow, 2014.
12. *RGVA*. F. 109. Op. 3. D. 305. L. 318.
13. Golubintsev A.V. *Russkaya Vandeya. Ocherki grazhdanskoi voiny na Donu. 1917-1920* [Russian Vendée. Essays on the Civil War on the Don. 1917-1920]. Munich, 1959, p. 169.
14. Dzhivzanov P. *Donskie kalmyki v bor'be s bol'shevikami v 1917-1920 gg.* [Don Kalmyks in the Struggle with Bolsheviks in 1917-1920]. *Rodimyi kraj*. 1968, no 78, pp. 7, 10.
15. *Rodimyi kraj*. 1973, no 106, p. 23.
16. *Direktivy komandovaniya frontov Krasnoi Armii* [Guidelines of Fronts Command of the Red Army]. Moscow, 1978, vol. 4, p. 513.
17. Kalinin I. *Pod znamenem Vrangelya* [Under the Banner of Wrangel]. Rostov-on-Don, 1991.

Поступила в редакцию

31 марта 2015 г.

УДК 94(47).083

АРМЯНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ НА КУБАНИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2015 г. В.М. Забелин

Забелин Владимир Михайлович –
кандидат исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и теории
государства и права,
Северо-Кавказский социальный институт,
ул. Голенева, 59А, Ставрополь, 355012.
E-mail: zvm1962@mail.ru

Zabelin Vladimir Mihaylovich –
Candidate of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of History
and Theory of State and Law,
North-Caucasus Social Institute,
Goleneva St., 59A, Stavropol, 355012, Russia.
E-mail: zvm1962@mail.ru

Рассмотрены основные этапы и география распространения в Кубанской области организаций армянской социал-демократии «Гнчак». На конкретном фактическом материале проанализирована степень участия представителей партии в общественно-политической жизни региона в начале XX в. Деятельность «Гнчак» не осталась заметной для других политических формирований региона, в то же время ее влияние на политические процессы в силу различных причин было ограниченным.

Ключевые слова: политическая партия, «Гнчак», агитация, пропаганда.

The article describes the main stages and geography of the Kuban region Armenian organizations of social democracy "SDHP". On a concrete factual material the involvement of representatives of the party in the political life of the region at the beginning of the XX century is analyzed. The activities of "Hnchak" had not gone unnoticed for the other political parties in the region, while its impact on political processes, for various reasons was limited.

Keywords: political party, "SDHP", agitation, propaganda.

Начало XX в. в России ознаменовалось мощным общественно-политическим движением. Особенностью этого периода стало распространение ранее созданных и создание новых политических партий как общероссийских, так и узконациональных.

Одной из таких партий была «Армянская социал-демократия», или как еще ее называли «Гнчак». Она стала известна с середины 90-х гг. XIX в., когда вступила на арену политической борьбы под знаменем ортодоксального марксизма.

Сначала партия образовалась за границей и отсюда вела связь с русской и турецкой Арменией, а равно и рабочими Болгарии, Америки и других стран.

На Амстердамском международном социалистическом конгрессе «Гнчак» изложила свое *sredo* следующим образом: «Основную задачу партии составляет деятельность, направленная на содействие развитию армянской культуры, путем организации классовой борьбы армянских рабочих под знаменем международной социал-демократии. Рабочий класс составляет главную активную силу армянского народа, а борьба этого класса – главный двигатель армянского национального движения. Требования партии: 1) полное гражданское и политическое равноправие армян на почве демократизации государственного строя России; 2) широкое областное самоуправление Кавказа; 3) автономия турецкой Армении» [1, с. 313].

Требование национальной автономии для армян на Кавказе, по ее мнению, вовсе не вытекало из потребностей армянского пролетариата и армянской культуры и служит лишь орудием в руках буржуазных армянских националистов в их политике, поэтому таковой программа «Гнчак» не предусматривала.

Признавая программу РСДРП, «Гнчак» отличалась от нее в области организационного построения. Согласно ее принципам, армянская социал-демократия должна была быть организована на следующих принципах: 1) в странах, где жили армянские рабочие, должны были образоваться социал-демократические армянские организации; 2) все они должны были объединиться между собой и с местными социал-демократическими организациями других наций на федеративных началах; 3) на Кавказе она должна была составлять федеративную часть РСДРП и пользоваться правом иметь свои особые местные и районные комитеты, свой главный комитет, иметь своего представителя в ЦК РСДРП и на международных социалистических конгрессах, созывать свои съезды.

На практике, когда ганчакисты начали свою деятельность в Закавказье, условия последней сказались на тактике. Национальный гнет толкнул в ряды партии значительные слои мелкой буржуазии, и отдельные организации стали выступать как националистические, конкурируя в этом отношении с «Дашнакцутюн».

С началом революции партия фактически прекратила свое существование, так как состав ее был разнороден, а классовые антагонизмы значительно обострились. Рабочие частично примкнули к организациям РСДРП, «Армянскому социал-демократическому союзу». Остальные присоединились к буржуазным партиям [1, с. 313–314]. В последующие годы

существовали различные организации, именовавшие себя приемниками «Гнчак». В разное время членов партии называли «гнчакисты», «ганчакисты» и «гнчаки».

Относительно существования организаций партии «Гнчак» на территории Кубанской области накануне и в годы первой российской революции 1905–1907 гг. в нашем распоряжении имеются несколько документов, но и они значительны по своей содержательности. Один из них – справка Кубанского областного жандармского управления о деятельности политических партий в регионе, составленная в октябре 1905 г. В ней четко выявлены задачи партии – «Армянская “Гнчак” социал-демократическая партия организована в специальных целях содействия сепаративным стремлениям армян к восстановлению самостоятельного государства. В последнее время “Гнчак” примкнула к социал-демократической партии, но ведет двойственную политику, склоняясь более к националистической» [2, л. 17]. Была отмечена трудность в учете ее антиправительственной деятельности. По данным жандармского управления, были только следы партии в г. Новороссийске, с. Армавир, и в станицах Крымской и Абинской.

Одно из направлений ее деятельности – «вымогательство у богатых армян крупных сумм для комитета, с угрозами смерти при отказах». В Кубанской области такой случай был зарегистрирован в 1904 г., когда у одного из зажиточных армян член комитета партии «Гнчак» требовал денежную сумму в размере 12 тыс. рублей для целей партии [2, л. 16 об.]. Известно и то, что 13 сентября 1905 г. члены партии «Гнчак» открыто участвовали в антиправительственных демонстрациях в с. Армавир.

Партия уделяла значительное внимание своей безопасности. Так, в 1904 г. был убит парикмахер Вартамянц, заподозренный членами партии в доносах на нее в администрацию [2, л. 17].

В соседней Ставропольской губернии официально зафиксирован только один случай проявления деятельности «Гнчак», и он относится к марту 1908 г. В это время в г. Ставрополь прибыл из Армавира турецко-подданный Рубен Крикорьян, имевший при себе рекомендательную карточку: «Говариц наш Гурген приезжает получить от Вас причитающуюся правлению сумму, за что получите отдельную квитанцию» [3, л. 2]. Подписана сопроводительная записка была председателем и секретарем, утверждена печатью из красной мастики овальной формы, на которой было написано: «Гнчак Армавирское отделение Мурат». Полицией было установлено, что среди местных соотечественников

Р. Крикорьян собирал деньги на пожертвования голодающим армянам. Определенные суммы ему выделили купцы Твелов и Ерганжиев [3, л. 3].

Жандармы отмечали неоднозначность отношения местных представителей РСДРП к «Гнчак»: относились к ней с недоверием, и в то же время не отказывались от совместных действий, придерживаясь формулы – «Врозь идти и вместе бить!» [2, л. 17 об.].

Важным документом, подтверждающим наличие организаций «Гнчак» на территории Северного Кавказа, в том числе и Кубанской области, служит резолюция августовской 1905 г. конференции северокавказских социал-демократов относительно вышеназванной партии. В ней была осуждена националистическая направленность «Гнчак» и принято решение о совместных действиях только по «практическим вопросам». В частности, в резолюции было отмечено: «Ввиду того, что партия “Гнчак” ведет двойственную политику: социал-демократическую, с одной стороны, и националистическую – с другой, во-вторых, что особое организационное существование ее создает грань между рабочими разных национальностей и тем ослабляет классовое самосознание пролетариата, – конференция предлагает рабочим организациям разоблачать двойственность политики партии “Гнчак” до тех пор, пока она окончательно порвет с национальными традициями и не войдет в орган РСДРП, не войдет с нею ни в какие соглашения, кроме временных по тем или другим исключительно практическим вопросам» [4].

Если региональная конференция принимает резолюцию по отдельно взятой партии, значит, в той или иной степени организации данной партии были, или ее представители осуществляли определенную деятельность здесь.

Жандармские управления, которые вели расследования о деятельности политических партий, не всегда могли конкретно указать ту или иную партийную принадлежность. Относительно организаций армянских политических партий они нередко называли их «армянским революционным движением» в целом. Поэтому сведения о «Гнчак» могли отображаться в общих отчетах о деятельности и «Дашнакцутюн». Были случаи, когда указывали, вероятно, чтобы не ошибиться сразу две партии. Так, в «Кратком отчете развития революционного движения в пределах Черноморской губернии» (составлен 30 октября 1905 г.) было отмечено, что в г. Новороссийске «попадают иногда

следы армянской партии “Дрошак” и “Гнчак”, но лица эти попадают (сюда. – **В.3.**) обыкновенно случайно по каким-либо делам и, окончив их, возвращаются обратно в свои места» [5].

Таким образом, на Кубани в годы первой российской революции среди прочих определенную деятельность вела и армянская «Гнчак», которая не оставалась незаметной для других политических формирований региона. В то же время главной деятельностью было оказание воздействия на представителей армянского народа, что не способствовало росту ее политическо-социал-демократической деятельности здесь и более активному и широкому участию в общественно-политической жизни.

Литература

1. Залевский К. Национальные партии в России // Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. 3, кн. 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении на выборах и в Думе. СПб., 1914. 653 с.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 583. Оп. 1. Д. 332.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 835. Оп. 1. Д. 579.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. 1905 г. Оп. 233. Ед. хр. 5. Ч. 64 л.Б, Л. 8.
5. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 213. Л. 68 об.

References

1. Zalevskii K. [National Party in Russia]. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka*. [Social Movement in Russia at the Beginning of the Twentieth Century]. Ed. by L. Martov, P. Maslov and A. Potresov. Vol. 3, book 5. Partii – ikh sostav, razvitie i proyavlenie v massovom dvizhenii na vyborakh i v Dume. Saint Petersburg, 1914, 653 p.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia (GAKK)* [State Archives of the Krasnodar Area]. F. 583. Op. 1. D. 332.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [State Archives of Rostov Region]. F. 835. Op. 1. D. 579.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archives of the Russian Federation]. F. 102. DP OO. 1905 g. Op. 233. Ed. khr. 5. Ch. 64 l. B, L. 8.
5. *GAKK [State Archives of the Krasnodar Area]*. F. 584. Op. 1. D. 213. L. 68 ob.

УДК 930.1 (091)

ИСТОРИК Н.Н. ЛЮБОВИЧ (К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

© 2015 г. Н.А. Казарова

Казарова Нина Акоповна –
доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории России,
Южный федеральный университет,
ул. Б.Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: nin-k@yandex.ru

Kazarova Nina Akopovna –
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Russia,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: nin-k@yandex.ru

На основе материалов Государственного архива Ростовской области и дореволюционных изданий рассматриваются основные направления научно-педагогической деятельности профессора Варшавского университета, историка Н.Н. Любовича, почти полвека проработавшего в университете. Показана судьба ученого на переломе эпох.

Ключевые слова: историческая наука, история средних веков, историк, реформация, Варшавский университет.

On the basis of materials of the State archive of the Rostov region and pre-revolutionary editions the main directions of scientific and pedagogical activity of professor of the Warsaw university, the historian N. N. Lyubovich, who worked at the university nearly half a century are considered. The destiny of the scientist on a change of eras is shown.

Keywords: historical science, history of the Middle Ages, historian, reformation, Warsaw university.

В 1915 г. в Ростов-на-Дону был эвакуирован Варшавский университет. В числе профессоров, прибывших из Варшавы на Дон, был один из крупных историков-медиевистов Николай Николаевич Любович. Как и другие преподаватели университета, он не мог предположить тогда, что вся его дальнейшая жизнь и деятельность пройдут в Ростове-на-Дону, как и того, что его имя на долгие годы будет предано забвению. Биография и научное наследие Н.Н. Любовича изучены совершенно недостаточно. Неизвестна даже точная дата его смерти. Биографические справки представлены в дореволюционных энциклопедиях и словарях, научное наследие – в «Записке об ученых трудах Н.Н. Любовича» [1], в книге В.П. Бузескула [2] и в статье Ю.Ф. Иванова [3]. Почти не привлекались для изучения его биографии архивные материалы. Данная статья является одним из первых шагов в реконструкции биографии забытого ученого.

Николай Николаевич Любович родился 16 (28) марта 1855 г. в м. Тульчино Броцлавского уезда Подольской губернии в семье офицера. Он был первенцем в семье Николая Степановича и Феодосии Константиновны Любовичей [4, л. 12]. Двумя годами позже родилась его сестра Екатерина [4, л. 7]. Воспитывался Николай в Киевской первой гимназии, окончил ее в 1873 г. [4, л. 6] и 28 июня получил аттестат зрелости, выданный «обучавшемуся 7 лет в Киевской гимназии и пробывшему в VII классе 2 года в том, во-первых, что на основании наблюдений за все время обучения его в Киевской первой

гимназии поведение его было вообще отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ отличная, прилежание отличное, и, во-вторых, что он обнаружил следующие познания: Закон Божий, латынь, физика и математическая география, немецкий, французский – отличные; русский и словесность, математика, естествознание, история, география – хорошие» [4, л. 17].

В том же году Николай поступил в университет св. Владимира на отделение исторических наук историко-филологического факультета, где главным образом занимался всеобщей историей у профессора И.В. Лучицкого, известного исследователя истории реформации в Европе.

Иван Васильевич Лучицкий воспитал плеяду выдающихся историков-медиевистов. Среди них Д.М. Петрушевский, В.К. Пискорский, Н.В. Молчановский, Е.В. Тарле. Николай Любович был первым из них. Кроме профессиональных знаний, основ методологии, историософии, научного анализа в области всеобщей истории, Лучицкий привил своим ученикам интерес к истории Юго-Западной Руси. Они выступали с докладами на заседаниях Исторического общества Нестора Летописца, печатались в «Киевской Старине», знакомились с памятными местами, ездили в Субботов, Качановку, Китаев, Канев – на могилу Тараса Шевченко. Дружеские связи сохранились на всю жизнь. У профессора был сложный характер, он был строг со студентами, требуя завершить диссертацию в срок, не

раз грозился им всыпать «березовой каши» в случае опоздания.

Дипломное сочинение Николая Любовича «Марник де Сент-Альдегонд, как политический деятель» было удостоено золотой медали и напечатано. Студенческий очерк Любовича базировался на тщательном изучении источников, прежде всего работ самого Марникса де Сент-Альдегонда. Это обстоятельство наряду с большим объемом сочинения и самостоятельностью выводов позволило Любовичу получить за него золотую медаль. «Его сочинение, – отмечал в рецензии Лучицкий, – представляет научную работу, веденную самостоятельно и с талантом» [5, с. 54]. ... «Способ обращения с источниками показывает, что автор обещает сделаться полезным деятелем в науке» [5, с. 60]. Отзыв Лучицкого не был завышенным. В этом убеждает работа Любовича. История кальвинизма рассматривается им на примере Нидерландов и Швейцарии. Доктрина Кальвина, политическое устройство Женевы, причины быстрого распространения кальвинизма в Нидерландах и роль Марникса де Сент-Альдегонда в борьбе восставших Нидерландов против тирании католической церкви и испанской монархии – таким было содержание работы Любовича. Автор показал влияние идей Жана Кальвина на всю последующую политическую и литературную деятельность Марникса и социально-политический характер кальвинистской реформации в Нидерландах. В этой первой, еще студенческой работе, автор высказал ряд соображений, имеющих принципиальное значение для понимания его взглядов. Он подчеркнул национальную и социальную стороны движения: жители Нидерландов принимали реформаторство, инстинктивно чувствуя, что этим они выражают оппозицию гнету, которому их подвергли испанцы. Религия была руководящей нитью в достижении политических целей. Причем наиболее решительно действовали низы, в то время как дворяне дали себя подкупить, а духовенство не смогло стать опорой в борьбе с испанским королем. Таким образом, он выдвинул передовую концепцию борьбы Нидерландов с Испанией в XVI в.

В те годы сочинение Н.Н. Любовича было единственным русским исследованием по истории Нидерландской революции, в котором религиозная борьба в Нидерландах показана как форма социально-политической борьбы.

По окончании университета в 1877 г. Н.Н. Любович в течение года работал учителем истории и географии в Каменец-Подольской гимназии (1877–1878) [4, л. 23]. В это время было напечатано другое его сочинение «Иван Подкова» [6]. В мае 1878 г. он был выбран стипендиатом для приготовления к

профессорскому званию по кафедре всеобщей истории при Киевском университете [4, л. 48]. Соискатель готовился к сдаче магистерских экзаменов и собирал материал для диссертации «Рационалисты в Польше и в Литве в XVI веке. Антитринитариизм». С этой целью он был командирован в феврале 1879 г. на 4 месяца в Варшаву и Петербург для работы в архивах. Отчет об этих занятиях был напечатан в Киевских университетских известиях в ноябре 1879 г. [7]. Любович изучил сочинения польских и литовских антитринитариев, синодальные акты реформаторских и антитринитарских церквей, переписку западноевропейских реформаторов с польскими протестантами. Он был убежден, что без этой переписки невозможно выяснить полную картину реформационного движения в Польше. В частности, ответить на вопрос, почему в одной части страны получило распространение лютеранство, а в другой – кальвинизм. Или почему в целом пропаганда кальвинизма в Польше была успешней, чем пропаганда лютеранства. Переписка позволяла восстановить историю закулисной борьбы на Западе между кальвинизмом и лютеранством за упрочение своего влияния в Польше, давала возможность выяснить отношение польского реформационного движения к западноевропейскому. Она же давала материал для понимания причин быстрого развития польской реформации и такого же быстрого ее упадка [7, с. 51–52].

В следующем 1880 г. Н.Н. Любович выдержал магистерский экзамен (всеобщая история, русская история, политэкономия – все «весьма удовлетворительно») [4, л. 15], начал работать над магистерской диссертацией и получил приглашение занять кафедру всеобщей истории в Варшавском университете в качестве исполняющего должность доцента. С этого времени вся его жизнь была связана с Варшавским (Донским) университетом. Здесь он продолжал научные исследования, совмещая эту работу с чтением курсов по истории Реформации, спецкурсов по истории Англии и Франции XVI–XVII вв., истории Вселенских Соборов XVI в., истории Греции, латинской палеографии и др. [4, л. 20]. Во вступительной лекции к истории Реформации Любович подчеркивал, что кальвинизм был лишь средством выражения социальной борьбы [8]. Позже этот вывод был подтвержден на большом фактическом материале в магистерской диссертации.

Для завершения работы над диссертацией он просит командировать его в июле 1881 г. в архивы Кракова и Вены и, получив командировку, с головой погружается в работу [4, л. 48]. В ноябре он пишет

из Кракова: «Я совершенно зарылся в рукописях и не знаю, когда я успею совладать с массой рукописного материала, который мне приходится просматривать... Остается только жалеть, что день чрезвычайно короток» [4, л. 108].

В 1883 г. выходит монография «История реформации в Польше» и в том же году Н.Н. Любович защищает в Киеве магистерскую диссертацию [4, л. 14]. Основную идею своей монографии ученый сформулировал следующим образом: «Обыкновенно с религиозно-реформационным движением идет неразлучно целый ряд попыток реформировать и политические, и общественные, и экономические отношения, и при том, стремление к таким реформам не навеяны религиозными идеалами реформационного движения, а появляются еще задолго до него» [9, с. 36–37]. Главную причину польской Реформации Любович усматривал в борьбе шляхты против духовенства. В основе этой борьбы лежали противоречия из-за земельной собственности, обязанности шляхты платить церкви десятину и право привлекать к церковному суду светских лиц. При этом первые попытки шляхты ограничить права и привилегии духовенства автор относил еще к концу XIV в. [9, с. 37]. Ученый показал, как в течение полутора столетий эта борьба нарастала, приобретая характер открытого антагонизма. Когда началась в Европе Реформация, польская шляхта ее сразу приняла, «используя как оружие для победоносного выхода из борьбы с духовенством» [9, с. 42].

Таким образом, Любович выдвинул концепцию, что польская реформация была продолжением полуторавековой борьбы шляхты против духовенства, в основе которой лежали социально-экономические причины, а именно стремление шляхты захватить церковные земли. В концепцию Любовича удачно вписывалась трактовка движущих сил Реформации. Он называл ее шляхетской, подчеркивая узость социальной базы. Она почти не проникла в среду горожан и крестьян. Наибольшего распространения кальвинизм достиг в Краковской епархии. Выводы Любовича о движущих силах польской Реформации со временем утвердились в историографии, и попытки изобразить ее как широкое народное движение были относительно редкими.

В магистерской диссертации был также затронут вопрос о внутреннем кризисе кальвинизма, появлении в нем различных сект. Поворотным пунктом в истории польской Реформации ученый считал отделение от кальвинистов приверженцев секты антитринитариев [9, с. 347].

Следует отметить, что до Любовича в русской историографии серьезных работ по истории Реформации в Польше не было. Диссертация получила высокую оценку И.В. Лучицкого, Ф.Я. Фортинского, Н.И. Кареева. В диссертации раскрывались социальные мотивы реформационного движения, причины слабости реформации в Польше, обусловленные глубокими противоречиями между различными социальными слоями ее участников. Одобрив основные выводы диссертанта, Н.И. Кареев считал, что все-таки Любович слишком выдвигает вперед общественно-экономические отношения, когда дело в явлении, имеющим прежде всего культурный характер [10, с. 108].

В течение ряда лет Н.Н. Любович продолжал тщательно изучать историю Реформации в разных странах, деятельность папских нунциев в Польше, иезуитов в литовско-русских землях, используя вакационное время для работы в архивах Москвы, Петербурга, Вильно, Варшавы, Кракова, Берлина, Кенигсберга, Данцига, Цюриха, Женевы, Берна, Венеции, Ватикана, Парижа [4, л. 54, 213, 217, 218, 219; 11].

Отчеты об этой работе в отечественных и зарубежных архивах были опубликованы в Варшавских университетских известиях. Так, например, работа в итальянских архивах и библиотеках нашла отражение в одноименной статье [12]. О ватиканском архиве ученый написал отдельную статью. Автор подчеркивал особую важность ватиканского архива для изучения истории южно-русской истории: «По многим вопросам прошлой жизни этого края приходится до сих пор пользоваться сочинениями и документами, изданными лицами далеко не беспристрастными: католиками и в частности иезуитами. Как многие факты и явления тенденциозно извращались этими писателями, легко может убедиться каждый, кто только захочет несколько ознакомиться с самими источниками; они находятся в замечательном изобилии в ватиканском архиве, в библиотеке Боргезе и в других. И это понятно! Рим не только интересовался всем, что происходило в русских землях, входивших в состав прежнего польского королевства, но во многих случаях сам вмешивался в религиозные дела этих областей и руководил ими. Поэтому не на одну страницу западно-русской истории могут пролить яркий свет архивы Рима» [12].

Результатом упорной работы стала монография «Начало католической реакции и упадок Реформации в Польше», удостоенная премии Академии наук [13]. Она хронологически примыкала к изданной несколькими годами раньше книге «История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии». В научной исторической литературе это

был первый труд, посвященный всестороннему изучению причин появления и быстрого развития в Польше католической реакции, полностью основанный на архивных источниках. Чтобы выяснить роль Рима в истории возрождения католицизма в Польше, ученый работал в тайном ватиканском архиве, в библиотеках: ватиканской, Боргезе и многих других римских, а также в венецианском государственном архиве. Чтобы собрать материалы о реформационном движении в Польше, он обратился к переписке польских новоязычников, хранившейся в библиотеках Швейцарии, в частности Цюриха. Чтобы изучить движение, происходившее в самой польской католической церкви, ему пришлось делать разыскания в различных русских, австрийских и прусских архивах [13, с. I–II]. Вторая глава книги была напечатана первоначально в Журнале Министерства народного просвещения, но в монографии она была значительно дополнена и переработана [13, с. 26–105].

В том же году Н.Н. Любавич защитил докторскую диссертацию и был утвержден в звании ординарного профессора Варшавского университета по кафедре всеобщей истории [4, л. 2]. Труды ученого по истории Реформации и католической реакции были высоко оценены научной критикой. Его предшественник на кафедре всеобщей истории Н. И. Кареев (Любавич был переведен на штатный оклад экстраординарного профессора после перехода Кареева на службу в императорский Александровский лицей в 1885 г.) [4, л. 50] отмечал большое значение работ Любавича, по массе нового материала, извлеченного из иностранных архивов, тщательности и детальности анализа и по новому освещению, в каком выступают наиболее интересные стороны реформационного движения в Польше во второй половине XVI в. [14].

Заслугой Любавича в изучении истории Реформации было не только вовлечение в научный оборот огромного массива источников, но и обращение к социальной истории. Он подчеркивал, что причины Реформации коренились в изменениях общественных отношений, начавшихся намного раньше ее самой, в частности нарастание недовольства низших городских слоев и крестьян князьями и рыцарями в Германии.

В польском реформационном движении он видел не столкновение религиозных течений, а борьбу шляхты с католическим духовенством за политическое и экономическое преобладание. Историк отмечал, что Реформация в Польше, захватив лишь высшие слои общества, не имела глубоких

корней в народе. Вопреки распространенному мнению Н.Н. Любавич показал, что возникновение католической реакции в Польше было вызвано не внешними факторами, а внутренним развитием страны.

В 1893–1894 гг. ученый работал в немецких и французских архивах, собирал материалы по социально-экономической истории городов Западной Европы. Результатом этой работы стали брошюры о налоговом обращении немецких мещан [15] и о статистическом методе в истории [16]. Исследуя средневековую городскую общину, он увидел в ней серьезные социальные конфликты и попытался раскрыть их природу, используя статистический метод, применение которого «делает знакомство с теми или иными сторонами жизни средневекового города более обстоятельным и полным [15, с. 17]. В частности, ученый показал, что ряд городских восстаний XIV–XV вв. был вызван политикой городской верхушки, желающей свалить всю тяжесть городских налогов главным образом на плечи низших классов [16, с. 3]. Он подчеркивал, что «ничто не может так ярко осветить причину борьбы между теми или другими общественными классами, как точные цифры, свидетельствующие об их материальном, имущественном положении [16, с. 3].

Прекрасное знание европейских языков позволяло ученому быть в курсе новейшей литературы по всем интересовавшим его вопросам. Он часто публиковал обзоры польской, немецкой и французской литературы по истории XVI–XVII вв. Дал интересный обзор деятельности иностранных институтов в Риме, занимавшихся розыском и публикацией документов, найденных в архиве Ватикана [12]. Обширный материал, извлеченный из европейских и отечественных архивов, а также знание новейшей европейской историографии позволяли Н.Н. Любавичу читать в университете, помимо общих курсов, целый ряд специальных курсов: историю католической реакции в XVI–XVII вв., историю Пруссии XVIII в., реформационное движение в Польше, историю Востока, историю культуры диких и вымерших народов и др. [4, л. 20]. Он никогда не записывал своих лекций, читал их по памяти. Однако о содержании их можно судить по изданным литографическим способом курсам его лекций по истории Древней Греции, по Новой всеобщей истории и по истории XIX века [17–19]. Лекционные курсы профессора Любавича отличает замечательный подбор фактов, оригинальность взглядов, историографическая критика.

Этим не исчерпывалась его научная и педагогическая деятельность. Николай Николаевич препода-

вал также на Высших женских курсах, состоял членом исторических обществ при Киевском и Петербургском университетах [4, л. 20], был одним из учредителей Общества истории, филологии и права при Варшавском университете, созданного в 1901 г., а с 1908 г. – председателем Общества [20]. В обсуждении наиболее актуальных и дискуссионных проблем в исторической науке Любович принимал живейшее участие. В частности, с большим вниманием он отнесся к исследованию Н.П. Павлова-Сильванского, обсуждению которого было посвящено заседание Общества в марте 1902 г. Любович считал, что сравнительный метод исследования правомерен, но он не может быть основным и исчерпывающим, поэтому нельзя на основании сходства отдельных институтов делать заключение о сходстве политического строя в его целом.

На другом заседании Общества в том же 1902 г. Любович сделал доклад «Люблинские вольнодумцы XVI века», составленный на основании новых источников, собранных в архивах Польши, Италии и Австрии [20, вып. 1].

Представляет интерес сообщение ученого о Международном историческом конгрессе в Риме, участником которого он был [20, вып. 2]. Особое внимание Любовича привлекли на этом конгрессе доклады о преподавании истории, главным образом в высшей школе государств Европы и Северной Америки, обсуждение которых он считал одним из самых интересных и важных. Заслугой Любовича была постановка вопроса о равноправности русского языка с другими европейскими языками на международных научных конгрессах: «Мы, русские, являлись до сих пор как бы неполноправными членами в ученом мире, будучи вынуждены прибегать к чужим языкам. Между тем русская наука в наше время достигла такого расцвета, что русскому языку, несомненно, подобает занять место среди языков... признанных наиболее распространенными в ученом мире» [20, вып. 2]. Участники конгресса говорили о необходимости возбудить вопрос о том, чтобы на следующих конгрессах русский язык был включен в число тех, на которых представлялись доклады. Но очередной Международный исторический конгресс не состоялся, так как началась Первая мировая война.

Ученый разносторонних интересов и большой эрудиции, Н.Н. Любович был участником многих археологических съездов (в Киеве, Харькове, Екатеринославе), участником съезда филологов и историков в Петербурге в 1904 г. [4, л. 54], представлял Варшавский университет на съезде русских художников и любителей художеств [4, л. 3], являлся членом Таврической Ученой Архивной комиссии [21,

с. 76]. Для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона им было подготовлено 38 статей.

Помимо научной, просветительской и педагогической деятельности Н.Н. Любович был загружен и административными обязанностями, которые он исправно исполнял, но явно ими тяготился. В 1892 г. он был утвержден в должности декана историко-филологического факультета Варшавского университета сроком на 3 года [4, л. 54]. Отслужив в этой должности до января 1896 г., он впоследствии на просьбы ректора взять на себя снова обязанности декана неизменно отвечал отказом, ссылаясь на плохое состояние здоровья или загруженность другими служебными обязанностями [4, л. 220, 221, 224–227]. Он часто возглавлял различные факультетские и университетские комиссии, был председателем испытательной комиссии при Варшавских женских курсах [4, л. 224, 236].

Война изменила привычный образ жизни ученого. После эвакуации университета в Ростов-на-Дону научные занятия стали весьма затруднительными. Любович не смог вывезти в Ростов из Варшавы свою личную библиотеку и архив, большая часть университетской библиотеки также была утрачена при эвакуации, а в Ростове вообще не было иностранной литературы по его специальности [4, л. 248]. Тем не менее он продолжал исследования. В 1915–1917 гг. историк опубликовал ряд статей в «Историческом вестнике», разработал и стал читать новые учебные курсы, активно участвовал в восстановлении университета, потерявшего при переезде значительную часть оборудования. Был председателем библиотечной комиссии, которая обратилась в другие университеты с просьбой оказать помощь в комплектовании академической библиотеки. Пережив годы войны и революции, ученый вынужден был приспособливаться к новым условиям жизни в Советской России. В августе 1920 г. он был избран членом президиума историко-филологического факультета, затем членом совета факультета общественных наук (ФОН), а после закрытия ФОНа – членом совета педагогического факультета. Он принимал активное участие в создании новых планов и программ преподавания, в постановке учебного процесса. Им были подготовлены и изданы программы по истории Западной Европы периода капитализма и периода империализма. Полная перестройка научно-педагогической деятельности на основе марксистской методологии была для него делом нелегким. При разработке новых курсов, таких как, например, история торговли и колониальной политики, который ученый читал на экономическом отделении ФОНа, он вынужден

был обратиться к теоретическим работам К. Маркса и В. Ленина. О том, что Любович пытался овладеть марксистской методологией, свидетельствует его работа «Нарождение капиталистического хозяйства в Западной Европе (Обзор трудов по экономической истории XIII–XV вв.)» [22].

Не способствовали творческой активности молодого ученого и тяжелые бытовые условия. Нередко в архивных материалах встречаются его просьбы об улучшении жилищных условий: «Квартирные условия, в которых мне приходится работать, ужасны, – писал Любович в Правление университета. – В последнее время эти условия еще больше ухудшились. Между тем, к защите моих законных прав на дополнительную комнату, Правлением не были приняты сколько-нибудь действенные меры. Кроме того, ничего не сделано для того, чтобы довести до конца, начатые мною научные труды» [4, л. 22].

Н.Н. Любович принимал участие в становлении краеведения на Дону, активно работал в Обществе истории, этнографии и археологии при Донском университете, был действительным членом Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов (СКАНИИ), принимал участие в работе Танаисской комиссии, созданной для разработки вопросов, связанных с изучением Танаиса.

В 1924 г. Николай Николаевич Любович был избран членом-корреспондентом Академии наук. К этому времени им было опубликовано свыше 100 научных трудов. Оценка его вклада в развитие исторической науки была дана известными историками В.П.Бузескулом, Ф.И.Успенским и С.Ф. Платоновым [1]. В «Записке об ученых трудах Н.Н. Любовича» было сказано, что избрание его членом-корреспондентом Академии наук явилось выражением уважения по отношению к маститому русскому ученому, которому наука обязана разработкой такого важного вопроса, как история реформации и католической реакции в Польше» [1, с. 542]. В 1925 г. Любович был избран делегатом для приветствия Академии наук от имени Донского университета в связи с 200-летним юбилеем Академии. Однако по состоянию здоровья он не смог поехать в Ленинград [4, л. 260, 263].

В апреле 1929 г. профессор Любович ушел на пенсию [4, л. 314]. Дальнейшая его судьба неизвестна. В справочной литературе называются разные даты его смерти. Встречается и указание на то, что он был репрессирован [23, с. 19], однако документы, подтверждающие эти данные, пока не найдены.

Литература

1. Бузескул В., Успенский Ф., Платонов С. Записка об ученых трудах Н.Н. Любовича // Известия Российской академии наук. Сер. VI, т. XVIII. Л., 1924. № 12–18. С. 539–542.
2. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008.
3. Иванов Ю.Ф. Научная деятельность Н.Н. Любовича // Советское славяноведение. 1980. № 4. С. 82–93.
4. Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф. Р-46. Оп. 3. Д. 460.
5. Лучицкий И.В. Рецензия на кн. Любовича Н.Н. // Университетские известия. Киев, 1877. № 4.
6. Любович Н. Иван Подкова. Каменец-Подольский, 1879.
7. Отчет о занятиях стипендиата для приготовления к профессорскому званию Н. Любовича в архивах и библиотеках Варшавы, Петербурга, Вильны и Слуцка // Киевские университетские известия. 1879. № 11.
8. Любович Н.Н. Общественная роль религиозных движений. Варшава, 1880.
9. Любович Н.Н. История Реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитариане. Варшава, 1883.
10. Кареев Н.И. Политическая экономия и теория исторического процесса // Историческое обозрение. СПб., 1891. Т. 2.
11. Отчет Н.Н. Любовича о заграничной командировке на летнее вакационное время 1886 году // Варшавские университетские известия. 1887. № 8.
12. Итальянские архивы и библиотеки. Отчет экстраординарного профессора Н.Н. Любовича о заграничной поездке в 1887 году // Варшавские университетские известия. 1888. № 7.
13. Любович Н. Начало католической реакции и упадок Реформации в Польше. Варшава, 1890.
14. Кареев Н.И. Отзыв о сочинении профессора Любовича под заглавием «Начало католической реакции и упадок Реформации в Польше». Варшава, 1890.
15. Любович Н. Хозяйство и финансы немецких городов XIV–XV вв. Варшава, 1904.
16. Любович Н. Статистический метод в приложении к истории. Варшава, 1901.
17. Любович Н.Н. История Греции. Варшава, 1913.
18. Любович Н.Н. История XIX века. Ростов н/Д., 1916.
19. Любович Н.Н. Лекции по новой всеобщей истории. Ростов н/Д., 1916.
20. Записки Общества Истории, Филологии и Права при императорском Варшавском университете. Варшава, 1902–1914. Вып. 1–7.

21. Известия Таврической Ученой Архивной комиссии. Вып. 57. Симферополь, 1920.

22. Любович Н.Н. Нарождение капиталистического хозяйства в Западной Европе (Обзор трудов по экономической истории XIII–XV вв.) // Труды Северо-Кавказской Ассоциации НИИ. № 43. Институт местной экономики и культуры при СКГУ, 1928. Вып. 4.

23. Донской временник. Год 2015-й. Вып. 23. Ростов н/Д., 2014.

References

1. Buzeskul V., Uspenskii F., Platonov S. Zapiska ob uchenykh trudakh N.N. Lyubovicha [Note on the Scientific Works of N.N. Lyubovich]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk*. Ser. VI, v. XVIII. Leningrad, 1924, no 12-18, pp. 539-542.

2. Buzeskul V.P. *Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka* [Universal History and its Representatives in Russia in XIX and Early XX Century]. Moscow, 2008.

3. Ivanov Yu.F. Nauchnaya deyatel'nost' N.N. Lyubovicha [Scientific Activity of N.N. Lyubovich]. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 1980, no 4, pp. 82-93.

4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti* [State Archive of Rostov Region]. F.R-46. Op. 3. D. 460.

5. Luchitskii I.V. Retenziya na kn. Lyubovich N.N. [Review of a Book of Lyubovich]. *Universitetskie izvestiya*. Kiev, 1877, no 4.

6. Lyubovich N. *Ivan Podkova* [Ivan Podkova]. Kamenets-Podol'skii, 1879.

7. Otchet o zanyatiyakh stipendiata dlya prigotovleniya k professorskomu zvaniyu N. Lyubovicha v arkhivakh i bibliotekakh Varshavy, Peterburga, Vil'ny i Slutsk [Report on Classes of Postgraduate to Prepare for a Professorship N. Lyubovich in Archives and Libraries in Warsaw, St. Petersburg, Vilna and Slutsk]. *Kievskie universitetskie izvestiya*. 1879, no 11.

8. Lyubovich N.N. *Obshchestvennaya rol' religioznykh dvizhenii*. [Social Role of Religious Movements]. Warsaw, 1880.

9. Lyubovich N.N. *Istoriya Reformatsii v Pol'she. Kal'vinisty i antitrinitarii* [History of the Reformation in Poland. Calvinists and anti-Trinitarians]. Warsaw, 1883.

10. Kareev N.I. Politicheskaya ekonomiya i teoriya istoricheskogo protsessa [Political Economy and Theory of Historical Process]. *Istoricheskoe obozrenie*. Saint Petersburg, 1891, vol. 2.

11. Otchet N.N. Lyubovicha o zagranichnoi komandirovke na letnee vakatsionnoe vremya 1886 godu [Report of N.N. Lyubovich on foreign travel at the time of Summer Vacations in 1886]. *Varshavskie universitetskie izvestiya*. 1887, no 8.

12. Ital'yanskii arkhiv i biblioteki. Otchet ekstraordinarnogo professora N.N. Lyubovicha o zagranichnoi poezdke v 1887 godu [Italian Archives and Libraries. Report of Extraordinary Professor N.N. Lyubovich for Travel Abroad in 1887]. *Varshavskie universitetskie izvestiya*. 1888, no 7.

13. Lyubovich N. *Nachalo katolicheskoi reaktsii i upadok reformatsii v Pol'she* [The Beginning of the Catholic Reaction and the Decline of the Reformation in Poland]. Warsaw, 1890.

14. Kareev N.I. *Otzyv o sochinenii professora Lyubovicha pod zaglaviem «Nachalo katolicheskoi reaktsii i upadok Reformatsii v Pol'she»* [Review on the Work of Professor Lyubovich entitled "The Beginning of the Catholic Reaction and the Decline of the Reformation in Poland"]. Warsaw, 1890.

15. Lyubovich N. *Khozyaistvo i finansy nemetskikh gorodov XIV-XV* [Economy and Finance of German cities XIV-XV]. Warsaw, 1904.

16. Lyubovich N. *Statisticheskii metod v prilozhenii k istorii* [Statistical Methods in Application to History]. Warsaw, 1901.

17. Lyubovich N.N. *Istoriya Gretsii* [History of Greece]. Warsaw, 1913.

18. Lyubovich N.N. *Istoriya XIX veka* [History of XIX Century]. Rostov-on-Don, 1916.

19. Lyubovich N.N. *Lektsii po novoi vseobshchei istorii* [Lectures on Modern Universal History]. Rostov-on-Don, 1916.

20. *Zapiski Obshchestva Istorii, Filologii i Prava pri imperatorskom Varshavskom universitete* [Notes of the Society of History, Philology and Law at the Imperial University of Warsaw]. Warsaw, 1902-1914, no 1-7.

21. *Izvestiya Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurian Scientific Archival Commission]. 1920, no 57.

22. Lyubovich N.N. *Narozhdenie kapitalisticheskogo khozyaistva v Zapadnoi Evrope (Obzor trudov po ekonomicheskoi istorii. XIII-XV vv.)* [The Origin of the Capitalist Economy in Western Europe (Overview works on economic history. XIII-XV Centuries)] *Trudy Severo-Kavkazskoi Assotsiatsii NII*. No 43. Institut mestnoi ekonomiki i kul'tury pri SKGU, 1928. Vol. 4.

23. *Donskoi vremennik. God 2015*. No 23. Rostov-on-Don, 2014.

УДК 93

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОЛХОЗОВ МОЗДОКСКОГО РАЙОНА В 1943–1945 ГОДАХ

© 2015 г. Т.И. Кузнецов, Н.С. Махциева

Кузнецов Тимур Игоревич –
магистрант,
Северо-Осетинский государственный
университет имени К. Л. Хетагурова,
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025.
E-mail: mozdokrus0492@yandex.ru

Kuznetsov Timur Igorevich –
Magistrant,
North Ossetian State University
named after K.L. Khetagurova,
Vatutina St., 44-46, Vladikavkaz, 362025, Russia.
E-mail: mozdokrus0492@yandex.ru

Махциева Нина Сергеевна –
доктор исторических наук, доцент,
кафедра новейшей истории и политики России,
Северо-Осетинский государственный
университет имени К.Л. Хетагурова,
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025.
E-mail: mozdokrus0492@yandex.ru

Makhtsieva Nina Sergeevna –
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Modern History and Politics of Russia,
North Ossetian State University
named after K.L. Khetagurova,
Vatutina St., 44-46, Vladikavkaz, 362025, Russia.
E-mail: mozdokrus0492@yandex.ru

Показан вклад тружеников Моздокского района в восстановление колхозов района в 1943–1945 гг. Используются архивные материалы и публикации в периодической печати. Исследуется процесс возрождения колхозов, их дальнейшее развитие, отразившееся на экономической жизни всего района. Землеустройство колхозов и введение севооборотов, а также трудовой героизм населения Моздокского района стали главными факторами успехов в подъеме экономики района к концу Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: колхозы, оккупация, сельскохозяйственная техника, сельское хозяйство, производительная работа, сбор средств, стахановское движение.

In this article the author shows the contribution of workers in Mozdok district to restoration of collective district in 1943-1945 years on the basis of archival material. The authors use periodical press in the process of investigation collective, their further development. The authors focus on the activity of collective farms of Mozdok district, which made a great contribution and helped to rebuild national economy of district. Agrarian system of collective farms and introduction of crop rotations were the most important part of this process. It is stated that labour heroism of Mozdok district population became a primary factor of success in revival of economy by the end of the Great Patriotic War.

Keywords: collective farms, occupation, agricultural machinery, agriculture, productive work, collection of means, Stakhanov movement.

Восстановительный период (1943–1945 гг.) на Северном Кавказе, как объект исторического исследования, продолжает притягивать интерес многочисленных исследователей. Причина такого внимания к недавнему прошлому российской истории лежит в потребности переосмыслить процессы развития общественной жизни.

Историография и в особенности новые архивные документы, отражающие исследуемую проблему, показывают, что данная тема продолжает оставаться слабо изученной, здесь еще много белых пятен, субъективных оценок, противоречивых суждений, а порой даже надуманных обобщений.

Указанная проблема нашла отражение в ряде исторических трудов, монографиях и статьях в годы восстановления народного хозяйства на Северном Кавказе и сразу же по окончании восстановительного

периода. К их числу можно отнести работы А.П. Газзаева, В.В. Пльшевского, К.Х. Дзокаева, Б.А. Цуциева, В.З. Фардзинова и М.И. Гиоева [1–6].

В период оккупации Моздокского района в августе 1942 – январе 1943 гг. немецкими захватчиками был нанесён существенный ущерб народному хозяйству района. Во время отступления немцы нарушили работу многих хозяйственных предприятий района, а некоторые уничтожили, к примеру колхозы «Заря социализма» и им. Городовикова [7]. Оккупанты разграбили запасы сельскохозяйственных продуктов колхозов, уничтожили урожай зерна 1942 г., истребили поголовье рабочего и продуктивного скота, разрушили значительную часть производственных построек, имущество и постройки МТС, разбили сельскохозяйственный инвентарь [8, л. 13].

Воодушевлённые победами Красной Армии и огромной помощью, оказанной партией и правительством пострадавшему населению освобождённых районов, трудящиеся Моздокского района под руководством партийных организаций и городского Совета с первых же дней взялись за восстановление своего хозяйства и проделали за 1943 г. огромную работу.

Так, в первые дни после освобождения города и сел Моздокского района от оккупантов 10 января 1943 г. Моздокский РК ВКП(б) и райисполком приняли совместное постановление о сборе «принятого на хранение, присвоенного и расхищенного, социалистического имущества». Моздокскому городскому совету депутатов трудящихся за успешное восстановление коммунальных предприятий было вручено переходящее Красное знамя крайсовета. 15 рабочих за досрочное восстановление завода «Коммунистический маяк» были награждены знаком «Отличник социалистического соревнования» и грамотами крайкома партии и райисполкома [9].

В трудных условиях почти полностью было восстановлено 32 колхоза. С наступлением тепла хозяйства приступили к весеннему севу [10, л. 2]. Возрождение машино-тракторных станций требовало от коллектива каждой МТС полного напряжения сил.

По итогам 9-й сессии райсовета депутатов трудящихся, проходившей 31 января 1943 г., в целях быстрого восстановления народного хозяйства были приняты следующие решения: закончить организацию и подготовку полеводческих и тракторных бригад, звеньев; составить и довести до каждой полеводческой и тракторной бригады и звена рабочие планы, нормы выработки и расценки на весеннюю посевную; поднять на высокий уровень трудовую дисциплину, повести решительную борьбу с дезорганизаторами колхозного производства, лодырями, рвачами и разгильдяями; завершить в 2–3 дня ремонт и подготовку к весенней посевной тракторов, рабочего тягла, семян, прицепного тракторного и конного инвентаря, сбури, приведя их в полную готовность [10, л. 3].

В период весеннего сева развернулось социалистическое соревнование за выполнение работ в сжатые сроки и с хорошим качеством. Первыми закончили сев колхозы «Заря» (председатель Акоев), «Красная Осетия» (председатель Гасиев), им. Орджоникидзе (председатель Балахтин), «Терхлоповод» (председатель Каргинов). Затем был организован уход за посевами, велась борьба с сорняками.

При среднем урожае зерновых культур по району 6,5 ц/га в ряде колхозов был получен более высокий урожай:

а) озимого ячменя – около 11,5 ц/га на площади 65 га в колхозе им. Ворошилова;

б) ярового ячменя – по 10 ц/га на площади 112 га в колхозе «Заря»;

в) могоара – по 2,8 ц/га на площади 22 га в колхозе им. Орджоникидзе;

г) кукурузы – по 20 ц/га на площади 268 га в колхозе «Красная Осетия»;

д) кукурузы – по 16,8 ц/га на площади 136 га в колхозе им. 17 партсъезда [10, л. 5].

По результатам поистине стахановской работы 20 звеньев вырастили на своих участках урожай выше планового задания и заработали натурой по закону о дополнительной оплате 757 ц зерновых. Звено З. Калоевой (колхоз «Красная Осетия») получило урожай кукурузы по 31 ц/га на площади 66 га, звено В.В. Алдашевой (колхоз «Терхлоповод») – по 13 ц/га проса на площади 20 га, по 20 ц/га кукурузы на площади 10 га, по 13,7 ц/га подсолнечника на площади 6 га, звено М.Ф. Хлыновой (колхоз «Страна Советов») – по 20 ц/га кукурузы на площади 25 га [8, л. 13].

В 1943 г. колхозы вырастили и сдали государству 400 тыс. пуд. хлеба. Из ассигнованных средств на восстановление народного хозяйства Моздокского района, несмотря на затруднения со стройматериалами, оборудованием, было освоено по коммунальному хозяйству – 779,1 тыс. р., по здравоохранению – 1588,5 тыс. р., по просвещению – 2698,5 тыс. р., по сельскому хозяйству – 123,7 тыс. р., по промышленности – 856, 5 тыс. р.

Таким образом, предусмотренный по бюджету 1943 г. план доходов был перевыполнен. Трудящиеся не только расплатились с государством по обязательным платежам, но, будучи полны патриотических чувств к своей стране, внесли в 1943 г. на строительство танковой колонны «Ставропольский колхозник» и эскадрилью самолётов 554 тыс. р.

В семенной фонд было собрано и засыпано 6541 ц зерна различных культур; подготовлено 1090 единиц живого тягла для работы на весеннем севе. Отремонтировано по МТС и совхозам 189 тракторов, 175 тракторных плугов, 50 тракторных сеялок, 49 тракторных луцильников, конный инвентарь – 230 плугов, 30 сеялок, 1150 борон и др. Восстанавливались мастерские в МТС, совхозах, производственные постройки в колхозах [10, л. 3].

Перед животноводами Моздокского района стояла важная народно-хозяйственная задача: как можно больше увеличить производство продуктов

питания для армии и населения, сырья – для промышленности и восстановить потери в животноводстве, причинённые району немецкими захватчиками. Для роста поголовья скота и повышения его продуктивности решающее значение имеют создание прочной кормовой базы и организация правильного кормления животных [8, л. 15].

3 марта 1944 г. в связи с включением Моздокского района в Северную Осетию со стороны вышестоящих партийных и советских органов была оказана максимальная помощь в восстановлении и развитии народного хозяйства района.

В военные годы широкое распространение получило патриотическое движение. Так, например, почин саратовского колхозника Ферапонта Голова-того, построившего два боевых самолёта на свои личные сбережения, нашёл отклик среди колхозников артелей «Заря» и «Красная Осетия» Моздокского района. Они собрали 101 тыс. р. в фонд строительства эскадрильи боевых самолётов «Социалистическая Осетия». А 6 июля 1944 г. получили телеграмму от Сталина с благодарностью за заботу о Красной Армии. Позже колхозники решили провести дополнительный сбор средств для Красной Армии. Так, в сельхозартели «Заря» было собрано 100 тыс. р. на приобретение боевого самолёта последней конструкции, переданного от имени колхоза летчику-земляку Геннадию Цоколаеву. Не остались в артели «Красная Осетия». Также 100 тыс. р. пошли на строительство новейшего самолёта, врученного лётчику майору Клименко. При сборе средств вносились крупные личные суммы. Так, председатель колхоза «Заря» Н. Акоев внёс 8 тыс. р., Н. Дзбоева и Г. Дзокаев – по 2 тыс. р., А. Гасиев и И. Албегов – по 10 тыс. р., инвалиды Великой Отечественной войны А. Дулаев, М. Гасиев и колхозница Л. Колиева – по 3 тыс. р. [11].

Сбор средств на боевые машины вызвал необыкновенный трудовой подъём. Члены колхозов обязались ещё выше поднять качество всех сельскохозяйственных работ. По итогам социалистического соревнования районов и колхозов республики по выполнению плана развития животноводства на 1 июля 1944 г., бюро обкома ВКП(б) и Совнарком Северо-Осетинской АССР постановил:

1. Вручить переходящее Красное Знамя обкома ВКП(б) и Совнаркома Северо-Осетинской АССР Моздокскому району (секретарь райкома ВКП(б) Копейка, председатель райисполкома Усанов), выполнившего план развития животноводства по лошадям на 96,2 %, крупному рогатому скоту – на 150,6 %, овцам и козам – на 232 %, добившемуся хороших результатов по сохранению молодняка

скота, увеличению продуктивности животных и выполнившего план сеноуборки на 137,3 %.

2. Вручить переходящее Красное Знамя обкома ВКП(б) и Совнаркома Северо-Осетинской АССР за лучшие производственные показатели в деле развития общественного животноводства колхозу «Красная Осетия», сел. Весёловское Моздокского района (председатель колхоза Гасиев), добившемуся выполнения плана развития животноводства: по лошадям – на 97 %, крупному рогатому скоту – на 143 %, овцам и козам – на 298 %, свиньям – на 330 %.

Таких же высоких показателей добились труженики колхозов им. Кагановича Кировского района (председатель Моргоев) и им. Красных партизан сел. Дигора (председатель Дзоцоев) [12].

Тракторист Моздокской МТС Дмитрий Пекишев на тракторе СТЗ выработал 128 га в переводе на мягкую пахоту, сэкономив 320 кг горючего, или 18 %. Трактористка-комсомолка Раиса Полещук на тракторе СТЗ выработала 102 га, сэкономив 175 кг горючего, или 15 %. По условиям социалистического соревнования трактористов и бригадиров тракторных бригад Северной Осетии их признали победителями. Их примеру следовали и остальные [7].

Среди животноводов победителями соцсоревнования были названы доярка Матвеева (колхоз «Красный украинец»), добившаяся высоких показателей по выращиванию молодняка крупного рогатого скота, свинарь Кубрик, лучшие чабаны Цимбалов и Сержуков [13].

14 ноября 1944 г. передовикам были вручены медали «За оборону Кавказа» председателем Президиума Верховного Совета Северо-Осетинской АССР Гаглоевым. Награды удостоились участники строительства оборонительных сооружений в районе станицы Червлённой и города Моздока, животноводы, механизаторы, управляющие фермами, путевые обходчики, слесари по ремонту вагонов, дорожные мастера, машинисты, механики связи, осмотрщики вагонов, дежурные по станции, все те, кто своими руками восстанавливал разрушенное хозяйство района, выращивал высокие урожаи, помогал фронту [14].

Среди передовых хозяйств в газете «Социалистическая Осетия» упоминается колхоз «Пятилетка» (председатель Приданцев). Его труженики до 5 сентября 1944 г. подготовили более 280 га под осенний сев, а к 20 сентября без потерь убрали зерновые культуры на площади в 568 га, завершили обмолот и хлебозаготовки. К этому времени из 400 уже было вспахано более 350 га под озимые. Вместе 130 поднято 150 га паров. Колхоз полностью засыпал и семенной фонд – 530 ц. Но выполнение

плановых заданий давалось нелегкой ценой. Прежде всего не хватало техники, сеяли и пахали на лошадях и коровах. Качество выполненной работы проверялось контролерами, строго соблюдался график проведения подготовки почвы и сева. И в этих нелегких условиях люди брали повышенные сообразительности по сверхплановому посеву зерновых [15].

В октябре на полях колхозов Моздокского района полным ходом шел сев озимых. В передовом колхозе им. Ленина (председатель Демченко), отмечалось в газете «Социалистическая Осетия», при плане 400 га вспахано под озимые 320 га и засеяно уже около 200 га. Трактористы бригады Онищенко работают круглосуточно и на высоком агротехническом уровне. В колхозе «Красная Осетия» (председатель Гасиев) подготовлено для сева 470 га при плане 500 га, а засеяно 250 га. На полях этого колхоза работали 4 трактора бригадира Гуриева. Пахота и сев организованы круглосуточно. Выполняли намеченные планы и члены сельхозартели «Заря» (председатель Акоев), из плана 1000 га вспахано 560 и засеяно 220 га. Большое внимание качеству сева уделяет бригадир тракторной бригады Дулаев, работа ведется бесперебойно и круглосуточно [15].

В 1945 г. наряду с другими хозяйствами Северной Осетии на республиканскую Доску Почёта был занесен и колхоз «Заря» Моздокского района. Передовики были удостоены такой чести потому, что выполнили все свои обязательства перед государством, обеспечили себя семенами, оплатили трудодни колхозникам и нашли ещё возможность сдать дополнительно сверх плана в фонд Советской Армии тысячи пудов зерна [16].

С наступлением весны 1945 г. в колхозах Моздокского района возобновились полевые работы. Раньше других сев зерновых и подсолнечника начали сельхозартели «Красная Осетия», «Заря», им. Ленина.

С первых дней работы бригада П. Дулаева (колхоз «Красная Осетия»), отмечается в прессе, выполняет нормы выработки на 120–150 %, тракторист А. Калоев – на 164 %, а тракторист Хубецев – на 154 %. Тракторная бригада Х. Гуриева на полях колхоза «Красная Осетия» посеяла 35 га зерновых. Образцы производительной работы в колхозе «Ленинский Завет» показывает тракторная бригада З. Желаева [16].

Таким образом, огромный ущерб, нанесенный немецкими оккупантами народному хозяйству Моздокскому району, нехватка государственных

средств на восстановительные работы стали основой для поиска органами власти новых форм и методов организаторной деятельности среди местного населения. В ходе подъема разрушенного хозяйства выявлено немало фактов не только трудового героизма рабочего класса, но и их хозяйственной инициативы и предприимчивости, выискивания дополнительных ресурсов.

Литература

1. Газзаев А.П. Северная Осетия за тридцать лет советской власти. Дзауджикау, 1947. 77 с.
2. Плышевский В. В. Дзауджикау за годы советской власти. Очерки хозяйственного и культурного развития г. Дзауджикау. Дзауджикау, 1948. 56 с.
3. Дзокаев К. Х. Сельское хозяйство Северо-Осетинской АССР. Дзауджикау, 1950. 32 с.
4. Цуциев Б. А. Северная Осетия АССР – индустриальная республика. Дзауджикау, 1950. 22 с.
5. Фардзинов В. З. Важное исследование по экономике и культуре Северной Осетии // Известия СОНИИ. 1960. Т. 22, вып. 4. 212 с.
6. Гиоев М. И. Победа колхозного строя в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1967. 3 с.
7. ЦГА РСО-Алания. Ф. Р. 337. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.
8. Там же. Д. 16.
9. Город Моздок. Исторический очерк. Владикавказ, 1995. 189 с.
10. ЦГА РСО-Алания. Ф. Р. 337. Оп. 1. Д. 15.
11. Социалистическая Осетия. 1944. 11 авг.
12. Там же. 8 июля.
13. Там же. 15 нояб.
14. Там же. 3 окт.
15. Там же. 30 нояб.
16. Там же. 1945. 18 марта.

References

1. Gazzaev A.P. *Severnaya Osetiya za tridtsat' let sovetsoi vlasti* [North Ossetia Over Thirty Years of Soviet Power]. Dzaudzhikau, 1947, 77 p.
2. Plyshevskii V.V. *Dzaudzhikau za gody sovetsoi vlasti. Ocherki khozyaistvennogo i kul'turnogo razvitiya g. Dzaudzhikau* [Dzaudzhikau during the Soviet Era. Essays on the Economic and Cultural Development of Dzaudzhikau]. Dzaudzhikau, 1948, 56 p.
3. Dzokaev K.Kh. *Sel'skoe khozyaistvo Severo-Osetinskoj ASSR* [Agriculture of North Ossetian ASSR]. Dzaudzhikau, 1950, 32 p.

4. Tsutsiev B.A. *Severnaya Osetiya ASSR – industrial'naya respublika* [Autonomous Republic of North Ossetia - Industrial Republic]. Dzauzhikau, 1950, 22 p.
5. Fardzinov V.Z. Vazhnoe issledovanie po ekonomike i kul'ture Severnoi Osetii [An Important Study on the Economy and Culture of North Ossetia]. *Izvestiya SONII*, 1960, vol. 22, issue 4, 212 p.
6. Gioev M.I. *Pobeda kolkhoznoho stroya v Severnoi Osetii* [The Victory of the Collective Farm System in North Ossetia]. Ordzhonikidze, 1967, p. 3.
7. *TsGA RSO-Alaniya*. F. R. 337. Op. 1. D. 18. L. 7.
8. Tam zhe [The same source]. D. 16.
9. *Gorod Mozdok. Istoricheskii ocherk*. Vladikavkaz, 1995, 189 p.
10. *TsGA RSO-Alaniya*. F. R. 337. Op. 1. D. 15.
11. *Sotsialisticheskaya Osetiya* [Socialist Ossetia]. 1944. 11 August.
12. Tam zhe [The same source]. 8 July.
13. Tam zhe. [The same source]. 15 November.
14. Tam zhe. [The same source]. 3 October.
15. Tam zhe. [The same source]. 30 November.
16. Tam zhe. [The same source]. 1945. 18 March.

Поступила в редакцию

25 февраля 2015 г.

УДК 94(450)

МИЛОСЕРДИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ГОРОДСКОМ ОБЩЕСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© 2015 г. О.Ю. Орехова

Орехова Оксана Юрьевна – аспирант, кафедра археологии и всеобщей истории, Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, ул. Пушкина, 1, г. Ставрополь, 355009. E-mail: orehova-oksana@mail.ru

Orehova Oksana Yurievna – Graduate Student, Department of Archaeology and World History, Institute of Humanities of the North Caucasian Federal University, Pushkina St., 1, Stavropol, 355009, Russia. E-mail: orehova-oksana@mail.ru

На основе суждений выдающихся проповедников и моралистов эпохи итальянского Ренессанса, таких как Доменико Кавалька, Бернардино Сиенский и Фео Белькари, милосердие рассматривается как один из важнейших факторов духовной организации мировоззрения горожан в итальянских городах-государствах. Исследуется проблема отражения милосердия в религиозных практиках обычных верующих – как в рамках третьих орденов и братств, так и посредством проповедей монахов нищенствующих орденов.

Ключевые слова: милосердие, благотворительность, проповедь, горожане, религия, братство, города-государства.

On the basis of judgments of outstanding preachers and moralists of the Italian Renaissance, such as Domenico Cavalca, Bernardino of Siena and FeoBelkari, charity is considered as one of the most important factors in the spiritual world citizens organization in the Italian city-states. We investigate the problem of reflection of charity in religious practices ordinary believers - both within the Third Order and fraternities, and through the preaching of Friar.

Keywords: mercy, charity, preaching, citizens, religion, brotherhood, the city-state.

В эпоху средних веков итальянские города-государства оказывали огромное влияние на жизнь всей Европы. Так, например, во Флоренции XIV в. жили представители богатых купеческих родов, проповедовали одни из самых знаменитых монахов средневековья, творили гениальные литераторы эпохи – Данте Алигьери, Франческо Петрарка, Джованни Боккаччо и др. Церковь, которая несла на себе функцию формулирования и распространения в об-

ществе основных морально-нравственных ориентиров, должна была задуматься над спасением душ паствы, занятой подозрительными с религиозно-идеологической точки зрения делами – торговлей, или вовсе предосудительными – ростовщичеством. При ответе на вопрос, как богатому купцу, ростовщику или банкиру достичь царствия небесного, особую роль играли милосердие и благотворительность.

Милосердие – это одна из важнейших христианских добродетелей, которая проявляется в делах «милости телесных и духовных» [1]. К делам милости телесной можно отнести следующие: напоить жаждущего, одеть нагого, утешить больного, достойно погребать умерших. Дела милости духовные – добрым словом отвести грешника от заблуждения, подать ближнему добрый совет, молиться Богу за других, утешить печального. Таким образом, милосердие проявляется в двух формах: забота о душе и телесном благополучии другого человека.

Представления о милосердии и благотворительности находили свое отражение в трудах религиозных деятелей эпохи, а также в проповедях монахов нищенствующих орденов. Большое внимание проблеме милосердия уделял доминиканский проповедник Доменико Кавалька (ок. 1270 – 1342 гг.). Он отмечал, что в вопросах милосердия каждый должен стремиться уподобиться Христу: «Можно сказать, что наше милосердие по примеру милосердия Христа должно быть высоким и глубоким, широким и долгим... Власть Христа есть форма и пример для каждого нашего совершенства» [2, р. 535, 537]. Проповедник призывал свою паству быть постоянной в своем милосердии, проявлять его всегда, как бы ни была тяжела жизнь: «Милосердие должно быть долгим в своем постоянстве, чтобы быть крепким под всеми порывами ветра и устоять против любого испытания. И оно должно быть направлено против тех, которые не любят Бога... и надо служить ближнему, не только тогда, когда тебя восхваляют за это и благодарят, но и тогда, когда они не благодарят, когда грубы» [2, р. 540].

Кавалька призывал не просто быть милосердным, но и постоянно доказывать через милосердие любовь к Христу: «...Христос призвал нас к любви и желал, чтобы милосердие проявлялось в делах. И потому из благоговения перед учителем мы должны стремиться к милосердию и особенно потому, что милосердие Христос особо отличал и именно по нему видно, кто ученик Христа, а кто нет... Христос говорил: “Люди узнают, что вы мои ученики не по умению творить чудеса, не по великим знаниям и умению проповедовать, не по большой бороде, не по лохмотьям, а лишь если вы будете милосердны”» [2, р. 541].

Более того, проповедник считал милосердие лучшим средством борьбы с дьяволом и в подтверждение приводил изречение Григория I: «Враг не боится нашего воздержания, потому что он не ест, ни нашего бодрствования, потому что он не спит, ни целомудрия, поскольку он не похотлив, ни наших познаний, потому что он всё равно более

мудр, чем мы. Он боится лишь милосердия и непоколебимости нашей любви, которые мы проявляем на земле, а они подготавливают нас к небу» [2, р. 541], поэтому «наш вечный враг не столь забьется о том, чтобы лишить нас каких-либо вещей... но о том, чтобы внушить нам ненависть и потерю милосердия» [2, р. 541].

Идеи Д. Кавалька, как и других церковных деятелей эпохи, находили свое выражение в религиозных практиках обычных верующих.

Немаловажную роль в делах милосердия и благотворительности играли третьи ордена и братства – организации мирян, стремящихся вести праведную жизнь в миру, в соответствии с заветами Бога, как правило, частично принимая для себя какой-либо монашеский устав [3, р. 403 – 414]. Часто подобные объединения создавались по инициативе или находились под покровительством нищенствующих монашеских орденов. В третьи ордена вступали как обычные горожане и горожанки, так и представители знатных и богатых семей [4, с. 69]. Чаще всего эти организации активно занимались благотворительностью [3, р. 350–352]. Ярким примером благотворительной деятельности являлось наиболее влиятельное флорентийское братство Ор Сан-Микеле, учрежденное в 1291 г. по оказанию помощи бедным. Так как в него входили представители состоятельных семей, все нуждавшиеся, а в голодные годы их были тысячи, могли рассчитывать, что найдут у братства денежную помощь [5, с. 104]. В Ор Сан-Микеле вели списки получателей карточек, по которым предоставлялась помощь. В список включалось в среднем до ста человек (обычно те, кого традиционно считали «бедными Господа Бога») – матери многодетных семей, вдовы с детьми, старики, инвалиды [3, р. 403–414]. В голодные годы помощь получали до семи тысяч человек деньгами, продовольствием, предоставлением ночлега, одеждой [5, с. 104].

Кроме того, религиозные братства создавались и по инициативе самих горожан. В одном из таких братств состоял выдающийся литератор, поэт и моралист Фео Белькари (1410 – 1484 гг.) [6]. К нему, известному своим благочестием и поэтическим талантом, постоянно обращались за советом и помощью как поэты и писатели, так и обычные горожане, стремившиеся к спасению. В одном из своих писем к Пьеро ди Пиппо из Пистойи Белькари дает советы по регулированию работы нового братства Св. Иеронима [7, р. XLII]. Так, в качестве одной из главных задач братства помимо религиозной деятельности (молитвы, процессии и т.д.) автор считает оказание помощи своим членам, а также бедным и нуждающимся: «...и мы должны помогать

братьям в их духовных устремлениях и телесных нуждах, как и тем, кто находится вне нашей Компании, потому что все сыновья нашего Отца и главы Иисуса Христа, и члены его сообщества. Милосерден тот, кто старается убедить грешников вернуться к покаянию, чтобы снискать милость Господа... Кто убеждает братьев в милосердии и в других добродетелях, стараясь посеять в душу каждого страх и любовь к Богу» [8, р. 43–44]. Таким образом, братство позволяло своим членам с большим успехом совершенствоваться в делах милосердия как духовного, так и телесного [8, р. 32–33], а также надеяться на взаимную поддержку со стороны братьев, «ведь первоначальное намерение, ради которого создается Компания, это не изобретение церемоний, а помощь одного другому в деле спасения души» [8, р. 43].

В письме Белькари не просто отмечает необходимость милосердия и помощь ближнему, но и перечисляет конкретные примеры, в которых это милосердие может проявляться: 1) стараться «убедить грешников вернуться к покаянию, чтобы снискать милосердие Господа, если они отчаялись... чтобы идти по пути добродетели; потому что путь к спасению является самым трудным в начале» [8, р. 44]; 2) кратко с милосердием демонстрировать «ближнему его заблуждения, стараясь, насколько возможно, чтобы он их исправил» [8, р. 44]; 3) стараться «установить мир и согласие между теми, которые ненавидят друг друга или вступили в ссору» [8, р. 44]; 4) утешать «удрученных и терзаемых, склоняя их к покаянию, показывая им, что им сочувствуют» [8, р. 44]; 5) убеждать братьев в необходимости милосердия и других добродетелей, «стараясь посеять в душу каждого страх и любовь к Богу» [8, р. 44]; 6) особенно «следует поучать каждого устроить семью в собственном его доме, и производить все те дела, которые надлежит им делать ради чести Господа, и для собственного спасения» [8, р. 44].

Таким образом, существует множество способов проявить милосердие к ближним, помочь им на пути к спасению. Однако, как отмечает Ф. Белькари, «мало пользы можно принести другим, если прежде не очистить и не упорядочить себя самого... великая смелость нужна нам, чтобы пытаться заботиться о других в той болезни, от которой мы сами страдаем» [8, р. 45]. То есть недостаточно просто помогать ближнему, необходимо постоянно и смиренно работать над собой, совершенствовать себя самого на пути к спасению «и стремиться прямо идти по пути нашего призвания к службе Господу более делами, нежели словами, быть добрыми более по существу, нежели по

видимости, идя от добродетели к добродетели без всякого притворства, восхваляя Бога более сердцем, чем устами» [8, р. 45]. Таким образом, милосердие требует постоянной работы верующего над самим собой, его собственного духовного развития и совершенствования, чтобы делиться своим опытом с другими, помогать им и наставлять на пути к спасению, как это делал Белькари в своих письмах.

Однако для проявления милосердия было вовсе не обязательно вступать в братство. Любой верующий мог заниматься благотворительностью и другими богоугодными делами самостоятельно.

Так, францисканский проповедник Бернардино Сиенский (1380 – 1444 гг.) особенно призывал заниматься благотворительностью состоятельных граждан [3, р. 102–104], считая, что человек обязательно должен делиться с бедным, ведь для этого и дано ему богатство: «И если Господь дает тебе больше, чем бедняку, ты должен это понимать и стремиться поделиться с нищим из любви к нему» [9, р. 297, 293].

В проповедях Б. Сиенский, как и Д. Кавалька, определял главной целью истинно верующего христианина в его земной жизни добрые дела [10, с. 174]. И одной из первых добродетелей он называл милостыню: «Господь желает сопровождать тебя и говорит: “Хочешь дать милостыню? Дай ее”. Не можешь дать хлеба? Совсем? Дай хоть немного... не можешь одеть бедняка? Совсем? Дай ему, тем не менее, что можешь, рубашку или пару кальсон. Не можешь помочь больному? Тем не менее прояви участие: посочувствуй ему, утешь его словами» [9, р. 295, 308 – 309].

При этом проповедник отмечал, что нужно различать, кому следует подавать милостыню, а кому нет, имея в виду прежде всего традиционные категории бедности: вдов, сирот, больных и убогих, нищих [11, с. 10]. Он даже выстраивал своеобразную иерархию милостыни, которая зависит от достатка человека: трем категориям бедняков – нуждающимся, остро нуждающимся и доведенным до крайности – могут оказывать помощь богачи, люди среднего достатка и те, кто сам испытывает нехватки, но при этом только богатые могут оказывать помощь всем беднякам, люди среднего достатка должны помогать только представителям последних двух разрядов, а тот, кто сам испытывает нужду, может поддерживать только доведенных до крайности [10, с. 174; 9, р. 302], но важно, чтобы ни один проситель не был отвергнут.

Бернардино считал, что благотворительность заложена в самой человеческой природе: «Человек

рационален, поэтому только человек обязан и побуждаем природой подавать милостыню такому же облаченному разумом творению, как и он сам. В тебе самом обитает дух, побуждающий тебя сделать другому то, что и сам ты хотел бы получить». Проповедник также говорил, что «...мы всегда прибегали к милосердию Господа, и как мы просим милостыни у него, так мы должны предоставлять ее другим» [9, р. 284–286]. Таким образом, человек, подающий милостыню, приближается к Богу, прикасается к его святости, уподобляясь Всевышнему в своем благородном деянии. Но проповедник указывал и на то, что в деле милосердия не должно быть холодного расчета, подобный порыв должен исходить из души христианина, а не из стремления купить через милостыню себе спасение [3, р. 75]. А тем, кто боялся потерять в постоянной благотворительности своё состояние, он отвечал: «Поверьте мне, вы не найдете ни одного человека, который бы впал в бедность оттого, что раздавал милостыню» [9, р. 338].

Таким образом, проповедники и монахи призвали свою паству постоянно проявлять милость к окружающим, помогать страдающим, поддерживать слабых и тем самым «стараться и силиться, насколько возможно, исправить жизнь, очищая совесть и умеряя все желания и достигать святых добродетелей всеми возможными способами, которые доступны» [8, р. 45]. И одним из лучших способов сблизиться с Богом и спасти свою душу было милосердие, ведь именно «по своему милосердию человек объединяется с Богом» [2, р. 542]. Отсюда можно сделать вывод, что в средние века милосердие и благотворительность являлись обязательными условиями спасения души, ведь только верующий, помогающий ближнему, сострадающий несчастному, мог рассчитывать на милость Господа.

Литература

1. Библийская энциклопедия. М., 2005.
2. Cavalca D. Lo specchio della croce // *Mistici del duecento e del trecento*. A cura di A. Levasti. Milano; Roma, 1915.
3. Trexler Richard C. *Public life in Renaissance Florence*. New York, 1991.
4. Пименова Э.К. Франциск Ассизский. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1896.
5. Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М., 2004.
6. Дживелегов А., Бояджиев Г. История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года. URL: http://orpheusmusic.ru/publ/teatr_ehpokhi_renessansa/italjanskij_teatr_gumanizm_i_teatr/530-1-0-829 (дата обращения: 20.09.2014).
7. Moreni D. *Avvertimento // Lettere di Feo Belcari*. Firenze, 1825.
8. *Lettere di Feo Belcari* / Ed. D. Moreni. Firenze, 1825.
9. Bernardino da Siena. *Le prediche volgari*. Pistoia, 1934.
10. Краснова И.А. Бернардино Сиенский // *Культура Возрождения: энциклопедия*. Т.1. М., 2007.
11. Краснова И.А. Суждения о бедности и благотворительности в купеческой среде Флоренции XIV – XV вв. // *Средние века*. Вып. 59. М., 1997.

References

1. *Bibleiskaya entsiklopediya* [Bible Encyclopedia]. Moscow, 2005.
2. Cavalca D. *Lo specchio della croce. Mistici del duecento e del trecento*. A cura di A. Levasti. Milano; Roma, 1915.
3. Trexler Richard C. *Public life in Renaissance Florence*. New York, 1991.
4. Pimenova E.K. *Frantsisk Assizskii. Ego zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost'* [Francis of Assisi. His Life and Social Activities]. Saint Petersburg, 1896.
5. Antonetti P. *Povsednevnyaya zhizn' Florentsii vo vremena Dante* [Daily Life in the Time of Dante's Florence]. Moscow, 2004.
6. Dzhivelegov A., Boyadzhiev G. *Istoriya zapadnoevropeiskogo teatra ot vzniknoveniya do 1789 goda* [The history of Western Theater from the Beginning to 1789]. Available at: http://orpheusmusic.ru/publ/teatr_ehpokhi_renessansa/italjanskij_teatr_gumanizm_i_teatr/530-1-0-829 (accessed 20.09.2014).
7. Moreni D. *Avvertimento. Lettere di Feo Belcari*. Firenze, 1825.
8. *Lettere di Feo Belcar*. Ed. D. Moreni. Firenze, 1825.
9. Bernardino da Siena. *Le prediche volgari*. Pistoia, 1934.
10. Krasnova I.A. [Bernardino of Siena]. *Kul'tura Vozrozhdeniya. Entsiklopediya* [Culture of the Renaissance]. Vol. 1. Moscow, 2007.
11. Krasnova I.A. *Suzhdeniya o bednosti i blagotvoritel'nosti v kupecheskoi srede Florentsii XIV-XV vv.* [Judgments about Poverty and Charity among the Merchants of Florence XIV-XV Centuries]. *Srednie veka*. Issue 59. Moscow, 1997.

УДК 821.133.1+94(44)

ПАТРИОТИЗМ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ 1870–1871 ГОДОВ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)

© 2015 г. В.П. Подольников

Подольников Владимир Павлович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра зарубежной истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, ул. Б. Садовая, 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006. E-mail: podolnikov@list.ru

Podol'nikov Vladimir Pavlovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations of the Southern Federal University, B. Sadovaya St., 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russia. E-mail: podolnikov@list.ru

Изучается феномен патриотизма французского общества на начальном этапе франко-прусской войны 1870–1871 гг., отраженного в произведениях французских писателей-современников войны. Литературные произведения рассматриваются как форма познания исторической действительности. Романы писателей позволяют раскрыть исторические, политические, психологические и социальные корни патриотизма французов в первые дни войны, а также показать факты его конкретного проявления.

Ключевые слова: война, роман, исторический источник, литературное произведение, патриотизм, правительство, режим, общество.

The article considers the phenomenon of patriotism of French society at the beginning of the Franko-Prussian war of 1870–1871, as it was reflected in the works of French writers of the contemporary warfare. In this article the literary works are regarded as a form of study of historical reality. Novels allow to reveal the historical, political, psychological and social roots of the patriotism of the French in the early days of the war, as well as to show its specific manifestations.

Keywords: war, novel, historical source, literary work, patriotism, government, regime, society.

Начало любой войны, как правило, сопровождается бурным всплеском патриотических настроений в обществе. Не исключением были и первые дни франко-прусской войны 1870–1871 гг. Феномен французского патриотизма не являлся предметом специального исследования в отечественной историографии войны, уделявшей внимание лишь военно-политическим аспектам проблемы. Но он тем не менее представляет большой исторический, политический и научный интерес и не теряет своей актуальности в современном мире.

Проанализировать сущность этого явления позволяют произведения французских писателей – современников и участников тех событий, поскольку художественная литература – важный исторический источник, реконструирующий психологический и духовный мир людей, их мысли, переживания, мировосприятие, которые и формируют в сознании человека патриотические чувства. Причем, отражая общественное сознание, искусство, создающее обобщенный образ, имеет, по словам историка А.В. Предтеченского, даже преимущество перед обычным источником, в котором представлена

психология единственного и неповторимого человека. «Черты эпохи становятся заметнее, – пишет он, – когда они запечатлены в образе, чем когда они проявляются в изображении индивидуума. Писатель, обобщая образ, проводит работу, очень помогающую познанию исторической действительности, поскольку она нашла свое выражение в образе» [1, с. 84] Исторический материал в произведениях художественного творчества во многом дополняет информацию, извлеченную из традиционных источников, а зачастую является единственным оригинальным каналом ее получения.

Патриотизм французов, вызванный объявлением Францией войны Пруссии в июле 1870 г., нашел свое образное выражение в романах «Разгром» классика мировой литературы Э. Золя и «Прусский шпион» малоизвестного автора В. Вальмона [2, 3]. Являясь современниками описываемых событий и обобщив помимо личных впечатлений большой пласт источникового материала, авторы сумели воссоздать психологическую атмосферу, вызвавшую необычайный патриотический подъем в стране летом 1870 г.

Писатели единодушны в том, что искренне-эмоциональный патриотический порыв охватил подавляющую часть французского общества, приняв буквально характер эпидемии. В ярких зарисовках на страницах обоих романов представлена картина причудливой смеси революционно-имперских и воинственно-националистических настроений, легко воспламенивших парижскую толпу, привыкшую в случае возникновения кризисных ситуаций за последние три четверти века прибегать к активным политическим действиям. Поражает экзальтация людей, явно преувеличенная степень выражения ими своих патриотических чувств. «...Бульвары кишели толпой, – читаем мы в романе “Разгром”, – люди потрясали факелами, крича: “На Берлин! На Берлин!” Перед Ратушей... высокая красавица с царственным профилем завернулась в полотнище флага и запела “Марсельезу”» [2, с. 15]. «“Да здравствует война! Да здравствует война!” неслось со всех сторон, – вторит автор романа “Прусский шпион”. – Вскоре послышался другой крик, произносимый с такой же яростью: “В Берлин! В Берлин!”;... толпа молодых людей, выйдя из Латинского квартала, прошла все бульвары, начиная с предместья Монмартра до площади Маделены, распевая патриотические песни и перемешивая их восторженными криками: “Да здравствует император! Долой Пруссию! Да здравствует война!”... Патриотические песни мешались с возгласами: “Долой пруссаков! Долой Бисмарка!”» [3, с. 5–6, 9, 33]. «Нет ни одной газеты, ни одного частного письма, которые бы не приносили известия о постоянном заявлении патриотических чувств», – говорит героиня романа Альбертина [3, с. 40].

Избыточный патриотизм, подмеченный французскими писателями, во многом объясняется царящими тогда в Париже шовинистическими настроениями, связанными с неофициальным празднованием Дня взятия Бастилии (14 июля).

Вместе с тем парадоксальная особенность этого патриотизма, на которую обратил внимание Э. Золя, состояла в том, что страна была вовлечена в войну фатально, помимо воли народа, который к тому же не понимал ее необходимости: «...Франция... не хотела войны..., и никто уже не знал, откуда исходит провокация; осталась только неизбежность, роковой закон, по которому в назначенный час один народ идет против другого народа» [2, с. 15]. Правительство не смогло дать внятного и убедительного объяснения причин и целей военного конфликта, ограничившись туманными рассуждениями о попытках Пруссии нарушить европейский баланс сил.

Не видя смысла войны и не осознавая те национальные интересы, которые она должна была отстаивать, население Франции инстинктивно сужало содержание своих патриотических чувств до банальной воинственности, крайнего национализма и культивируемой официальными кругами ненависти к потенциальному врагу, что нашло отражение в лозунгах толпы.

Произведения французских писателей – современников событий позволяют через обобщенное мировосприятие литературных образов, созданных ими, проследить исторические и психологические корни гражданского патриотизма начального периода войны, показать его политическую и социальную подоплеку.

Милитаристский характер патриотических чувств присущ, по мнению В. Вальмона, самой генетике французского народа. «Патриотизм врожден французам, – пишет он, – ...Франция – нация крайне воинственная. Лишь только они услышат запах пороха, как делаются сумасшедшими от энтузиазма. Всякая война будет популярна между ними» [3, с. 40]. Одновременно этот патриотизм подпитывался укоренившейся в стране еще со времен Наполеона I легендой о непобедимости французской армии. Герой романа Э. Золя лейтенант Рош хвастливо и задиристо перечисляет победы французов: «Австрийцев мы поколотили под Кастильоне, под Маренго, под Аустерлицем, под Ваграмом! Пруссаков мы поколотили под Эйлау, под Иеной, под Лютценом! Русских мы поколотили под Фридрихсдорфом, под Смоленском, под Москвой! Испанцев, англичан мы поколотили всюду! Весь земной шар мы поколотили сверху донизу, вдоль и поперек!... И чтобы теперь поколотили нас? Как так? Разве мир изменился?» [2, с. 23].

Вся последующая военная история уже второй империи во Франции, с ее победой в Крымской войне, выигранными сражениями против австрийцев и итальянцев, успешными колониальными экспедициями еще более укрепили в общественном сознании это мнение, создавая впечатление, что «...французский солдат разгуливает по всему свету, деля досуг между своей милой и бутылкой доброго вина; он завоевал всю землю, напевая веселые песенки. Один капрал, четыре солдата – и целые армии врагов разбиты в пух и прах» [2, с. 22].

Сама славная история французского оружия как бы вдохновляла общество на высокий патриотический подъем и внушала иллюзию скорой и легкой победы, выраженную словами героев романов В. Вальмона и Э. Золя, молодого офицера Генерального штаба Эрнеста де Мирвилля и добровольца

Мориса: «Я думаю через две недели или через месяц мы будем в Берлине» [3, с. 14], – говорит первый; «... простая военная прогулка от Страсбурга до Берлина» [2, с. 16], – вторит другой. Эти наблюдения французских писателей нашли многочисленные подтверждения в мемуарной литературе: «Без сомнения будущность мне готовила случай танцевать в Майнце, в Мюнхене или Берлине» [4 с. 166–167], – читаем в воспоминаниях современника. Или: «На бульварах и улицах только и раздавались восклицания: “Наша непобедимая армия!”, “Наши храбрые солдаты!”, “Наши африканские генералы!” Не было ни одного мирного буржуа, которому не чудился бы запах пороха, и многие заблаговременно запасались уже планками и флагами» [5, с. 459].

Однако высокий накал патриотических страстей, основанный лишь на эксплуатации исторической памяти народа, не мог быть длительным и прочным. Требовалось обосновать необходимость и справедливость войны, убедить общество в полной готовности и быстрой победе в ней, создать непривлекательный образ коварного и бесчестного врага. Бонапартистское правительство понимало это. Вся политическая мощь режима была брошена на то, чтобы использовать патриотический порыв населения для мобилизации и сплочения масс, превратив его в действенный инструмент поддержки официальной политики. Этой цели служили публичные выступления членов правительства в парламенте, культивирование в сознании масс шпионмании, подчинение средств массовой информации и, наконец, прямое полицейское давление.

Выступая в парламенте, руководители государства обвинили немцев в развязывании войны и заверили страну в неизбежности победы. В романе В. Вальмона содержится интересный материал о речи 15 июля 1870 г. министра иностранных дел герцога де Грамона в сенате, который «поддержал воинственную политику правительства», и заявлении премьер-министра Оливье в законодательном корпусе, вызвавшем «рукоплескания большинства». «Правительство, без сомнения, одержало полнейшую победу; воинственная политика торжествовала в обеих палатах» [3, с. 7–9]. На приеме у императора Наполеона III в Сен-Клу 16 июля президент сената Руэр в своей фразе, дословно цитируемой Вальмоном – «Благодаря Вам, государь, Франция готова», – показал, что лживые уверения правительства, в частности военного министра Лебефа, о полной готовности к войне вплоть «до последней пуговицы на солдатских гетрах» [6, с. 142], вводили в заблуждение не только простой народ, но и политическую элиту госу-

дарства. При этом авторы лжи сами же превращались в ее жертв. По мнению писателя, лично император «обманывался на счет положения и готовности Франции» [3, с. 32]. Как позже правильно прокомментировал сложившуюся ситуацию У. Черчилль: «Из-за недостатка военной информации некоторые высшие государственные лица Франции полагали, что их страна подготовлена к войне лучше, чем Пруссия» [7, с. 301]. «Все это, – напишет в своей работе о франко-прусской войне Жан Жорес, – было логическим последствием и выражением непрочности режима, который не сумел ничего ни предусмотреть, ни хотеть, ни организовать» [8, с. 381].

Действительно, не предусмотрено было очень многое и, самое главное, масштабы военного столкновения. Ни один из лозунгов воинствующих парижских манифестантов не содержит в себе в целом антигерманских настроений, лишь антипрусские. Правительство заверяло страну, что «Франция объявляет войну не Германии, а только одной Пруссии. Она обещает уважать права и независимость остальных государств и говорит, что взялась за оружие в защиту собственной безопасности и для сохранения европейского равновесия» [3, с. 39]. Та же мысль высказана устами героя романа «Разгром» эльзасца Вейса: «Да, мы желали войны с Пруссией, мы уже давно ждали случая разрешить наш старый спор. Но это не мешало нашим добрососедским отношениям с Баденом и с Баварией; у нас у всех по ту сторону Рейна родственники или друзья. Мы считали, что и они мечтают, как мы, сбить с пруссаков их невыносимую спесь» [2, с. 18–19].

Это был крупный политический просчет бонапартистского режима, который в связи с плохой организацией разведывательной службы за рубежом не знал о том, что Бисмарк «после уничтожения Австрии (в войне 1866 г. – *В.П.*)... принудил государства Южного Союза (Бавария, Вюртемберг, Гессен. – *В.П.*) заключить тайные трактаты с Пруссией, – говорит герой романа В. Вальмона, прусский шпион Гробен. – По этим трактатам он заставил их, во-первых, усвоить нашу военную организацию; во-вторых, идти вместе с нами в случае войны, предоставляя Пруссии главное начальство над всей армией» [3, с. 55].

Но вместе с тем даже собственные промахи в организации разведки правительство пыталось обратить в свою же пользу, раздувая в стране лжепатриотические настроения с помощью шпионмании, ловко используя при этом такое присущее французам качество, отраженное в художественных произведениях, как презрительное отношение к шпионам и надменно-высокомерное – к немцам в целом. «У

нас, во Франции, – пишет Э. Золя, – людям противно прикоснуться к шпиону, а у них, в Германии, шпионство почетное дело, похвальный способ служения родине...» [2, с. 463]. На это же указывает В. Вальмон: «Пруссия охватила всю Францию сетью шпионства, – поступок настолько противный французскому чувству, что эта благородная и доверчивая нация не могла даже и подозревать его» [3, с. 80].

Шпиономания, насаждаемая режимом, превратилась в мощное средство его борьбы со своими политическими противниками. «В сельских местностях провокационная политика правительства, натравливавшего крестьян на республиканцев, выдаваемых за прусских шпионов, привела к самосудам над этими мнимыми преступниками. Бонапартистская пресса поощряла подобные расправы, изображая их как справедливую месть народа “изменникам родины”» [9, с. 383].

В произведениях французских писателей находит отражение и роль средств массовой информации (газеты, телеграф) в манипулировании со стороны власти общественным мнением внутри страны. «... Все корреспонденты, – пишет В. Вальмон, – были удалены из главных квартир (ставки командования. – В.П.). Водворился один официальный источник гласности: только отсюда и можно было почерпнуть сведения на счет военных операций в продолжение всей кампании...; правительство доставляло восставшей против него журналистике копии с телеграмм» [3, с. 89–90]. В результате этого пресса превращалась в орудие дезинформации масс и, выполнив вначале функцию патриотического стимулятора, в конечном итоге лишилась доверия населения. «Вдруг... грянуло известие о победе под Саарбрюкеном..., – читаем в романе Э. Золя «Разгром». – О большой победе? Неизвестно. Но газеты захлебывались от восторга: это вторжение в Германию – первый шаг в славном наступлении; наследный принц хладнокровно поднял пулю на поле сражения, – это начало легенды о нем. А два дня спустя узнали, что под Виссембургом французы были застигнуты врасплох и разбиты; из груди у всех вырвался крик бешенства» [2, с. 17].

Лживый тон французских газет находит подтверждение и в воспоминаниях современников: «...Вся пресса точно сговорилась лгать и льстить национальному тщеславию... О наших поражениях говорили, что они славнее побед, а о сражении при Верте отзывались как о торжествующей неудаче. Отступления наших войск провозгласили со славою и восторгались геройством солдат, совершавших эти отступления» [5, с. 459–460].

И, наконец, палитра средств патриотического одурманивания масс включала в себя излюбленные всеми антидемократическими режимами методы полицейского давления и открытых репрессий. «... В Париже и даже в провинциях, – говорит герой романа «Прусский шпион», – полиция устраивает все эти патриотические заявления и... тотчас же арестует всякого, кто, ею же обманутый, заходит слишком далеко» [3, с. 41]. Увидев, что патриотические манифестации приобретают слишком бурный, неуправляемый и опасный характер «...полиция получила приказания предотвращать их... Сверх того, правительство... начинало побаиваться, как бы пение “марсельезы и жирондистов” (так в тексте. – В.П.) не повело за собой какой-нибудь инсurreкционной (вооруженное восстание. – В.П.) попытки» [3, с. 78].

Но вместе с тем следует признать, что, используя всю силу административного аппарата для разжигания ура-патриотических настроений в обществе, власть на начальном этапе войны добилась своих целей – большинство населения Франции поддержало войну. «Раздор партий забыт теперь. Все департаменты одного мнения с Парижем» [3, с. 40].

Это означало, что официальный патриотизм нашел отклик в определенных социальных группах французского населения. Художественная литература содержит кое-какую информацию и по этому вопросу. Воинственно-патриотические чувства, искусственно подогреваемые правительством, по мнению В. Вальмона, были присущи в первую очередь максималистско-настроенной молодежи, сознание которой легко поддавалось идеологической и психологической обработке. Воинственный ум Франции «был таков, что для него не нужно было большего стимула, чтобы война сделалась популярною между молодежью страны» [3, с. 81]. Герой романа Э. Золя, молодой доброволец, бонапартист Морис, также «был за войну, считал ее неизбежной, необходимой для самого существования народов...; он вспомнил, как его охватил великий порыв, когда ему явилась мысль стать солдатом, идти сражаться за родину...» [2, с. 15].

Менее отчетливо в романах прослеживается социальная и политическая принадлежность тех истинных патриотов, составляющих пока еще несомненное меньшинство общества, которые, несмотря на колоссальное давление пропаганды и полицейские репрессии, сумели сохранить трезвый взгляд на предстоящую войну. «Кое-где, – пишет В. Вальмон, – можно было заметить несколько человек с озабоченными, серьезными лицами: без сомнения они размышляли о важных последствиях

готовящихся событий. Но большая часть этих людей быстро исчезала» [3, с. 6]. В условиях псевдопатриотического угара толпы инакомыслие единиц становилось небезопасным: «Несколько человек, – продолжает В. Вальмон, – остались было прогуляться по Парижу с белым знаменем и с криками “Да здравствует мир!” Но эти прогулки кончились тем, что знамя было вырвано, брошено в реку и им самим едва не пришлось подвергнуться той же участи» [3, с. 77].

И, несмотря на это, во Франции нашлись люди, которые смело и откровенно, основываясь на объективном и беспристрастном анализе реальной ситуации, высказали свое мнение о войне и ее возможных перспективах. Прежде всего это была республиканская оппозиция (Тьер, Жюль Фавр, Гамбетта) в Законодательном корпусе, которая после выступления там 15 июля премьер-министра Оливье «сильно протестовала против войны и действий правительства», заявляя, «что война – неблагоприятна сама по себе и не оправдывается обстоятельствами» [3, с. 8]. Носителем аналогичных настроений в романе Э. Золя является представитель среднего класса французского общества, хорошо образованный мастер крупного промышленного предприятия Вейс, который, сравнив государственное устройство и вооруженные силы Пруссии и Франции, не оставляет последней никаких надежд на успешный исход военной кампании [2, с. 20–21]. Такого же мнения придерживается и герой романа В. Вальмона, корреспондент «Биржевой газеты» Гробен, говоря, что «Французскую армию нельзя и сравнивать с немецкой: она уступает последней и численностью и организацией... Но Франция ослеплена, и это ослепление приведет ее к гибели» [3, с. 38].

Оппозиционные по отношению к войне настроения незначительной части французского общества находят подтверждения и в традиционных исторических источниках. Один из лидеров радикалов Жозеф Кайо в развитие этой темы писал в своих мемуарах: «Мне и сейчас слышится, как все близкие, мои дядя, мои двоюродные братья, когда была объявлена война 1870 года, предсказывали быстрый и блестящий успех нашим армиям. Сомнения моего отца по этому поводу никем не разделялись» [10, с. 20].

Однако прозрение большинства населения наступит позже, после первых поражений французской армии. Осознание реальностей приведет к изменению характера патриотических чувств народа. Но это будет потом. Сейчас же основная масса людей, одурманенная лживой пропагандой, искренне

поддерживала Наполеона III и политику его правительства. Проявлением этой искренности стало широкое волонтерское движение – добровольная запись в солдаты и организация походных госпиталей. Из романа «Прусский шпион» мы узнаем, что «в продолжение нескольких дней 15 000 человек в Париже и 85 000 в департаментах записались в солдаты; из них значительная часть принадлежала к лучшим семействам Франции. Введение походных госпиталей вызвало новый порыв самоотвержения. Большая часть волонтеров, богатые и влиятельные классы, добровольно предложили свою помощь. Мужчины и женщины соперничали в рвении. Начиная от громадных зданий, замков, до самых скромных домиков, где могла поместиться одна кровать, – все было предложено к услугам больных и раненых. Патриотические пожертвования, очень часто анонимные, стекались с самого начала в большом количестве» [3, с. 77–78].

Таким образом, благодаря произведениям французских писателей – современников событий, мы узнаем, что в начальный период франко-прусской войны 1870–1871 гг. большинство населения Франции и в первую очередь молодежь было охвачено искренним, но во многом искусственно подогреваемым патриотическим подъемом с явно выраженным шовинистическим и милитаристским оттенком, в основе которого лежали глубокие исторические традиции и мощная политическая подпитка. Народ, обманутый правительством с помощью средств массовой информации о готовности страны к войне, поверил в силу французской армии и в скорую, легкую победу над врагом. Лишь незначительная часть образованных людей смогла реально оценить текущую ситуацию и предстоящие последствия войны. Но голос меньшинства был едва слышен в ревущем потоке массового патриотического угара.

Литература

1. *Предтеченский А.В.* Художественная литература как исторический источник // Вестн. Ленингр. ун-та. 1964. № 14, вып. 3.
2. *Золя Э.* Разгром // Собр. соч.: в 26 т. М., 1964. Т. 15.
3. *Вальмон В.* Прусский шпион: роман из последней Франко-Германской войны: пер. с фр. М., 1873.
4. Воспоминания о франко-прусской войне. Шуточный солдат // Гражданин. 1876. № 6.
5. Рецензия на книгу Франциска Сарсэ «Осада Парижа 1870-1871 гг. Впечатления и воспоминания». СПб., 1871 // Вестник Европы. 1871. Т. 4.
6. *Ротштейн Ф.А.* Из истории прусско-германской империи. Две прусские войны. М.; Л., 1948.

7. Черчилль У.С. История англоязычных народов: пер. с англ. Т. 4. Великие демократии. Екатеринбург, 2012.
8. Тома А., Жорес Ж. История второй империи. СПб., 1908.
9. История Франции. Т. 2. М., 1973.
10. Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870–1918. М., 1986.

References

1. Predtechenskii A.V. Khudozhestvennaya literatura kak istoricheskii istochnik [Fiction as a Historical Source]. *Vestnik Leningradskogo universiteta*. 1964, no 14, vol. 3.
2. Zolya E. Razgrom [Defeat]. *Sobr. soch.*: 26 vol. Moscow, 1964, vol. 15.
3. Val'mon V. *Prusskii shpion: roman iz poslednei Franko-Germanskoi voiny* [Prussian Spy: Novel of the Last Franco-German War]. Moscow, 1873.
4. Vospominaniya o franko-prusskoi voine. Shutochnyi soldat [Memories of the Franco-Prussian War. Comic Soldier]. *Grazhdanin*. 1876, no 6.
5. Retsenziya na knigu Frantsiska Sarse «Osada Parizha 1870-1871 gg. Vpechatleniya i vospominaniya». SPb., 1871 [Review of the Book of Francis Sarse "Siege of Paris of 1870-1871. Impressions and Memories"]. *Vestnik Evropy*, 1871, vol. 4.
6. Rotshtein F.A. *Iz istorii prussko-germanskoi imperii. Dve prusskie voiny* [From the History of the Prussian-German Empire. Two Prussian Wars]. Moscow; Leningrad, 1948.
7. Cherrhill' U.S. *Istoriya angloyazychnykh narodov* [A History of English-Speaking Peoples]. Vol. 4. Velikie demokrati. Ekaterinburg, 2012.
8. Toma A., Zhores Zh. *Istoriya vtoroi imperii* [History of the Second Empire]. Saint Petersburg, 1908.
9. *Istoriya Frantsii* [History of France]. Vol. 2. Moscow, 1973.
10. Antyukhina-Moskovchenko V.I. *Tret'ya respublika vo Frantsii. 1870-1918* [Third Republic in France. 1870-1918]. Moscow, 1986.

Поступила в редакцию

17 декабря 2014 г.

ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 340.6

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© 2015 г. А.А. Арзуманян

Арзуманян Андрей Арсентьевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Ростовский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, ул. 14-я Линия, 50, г. Ростов-на-Дону, 344019. E-mail: info@rui-rpa.ru

Arzumanyan Andrey Arsent'evich – Candidate of Jurudical Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Rostov Juridical Institute (Branch) of Russian Academy of Law of the Russian Federation Ministry of Justice, 14-ya Liniya St., 50, Rostov-on-Don, 344019, Russia. E-mail: info@rui-rpa.ru

Рассматриваются виды экспертно-криминалистических учетов, основные проблемы, возникающие в процессе их применения в раскрытии и расследовании преступлений, сформулированы приоритетные направления их совершенствования. Выделяются новые виды экспертно-криминалистических учетов ввиду появления новых объектов. В связи с отсутствием правовых оснований использования информации, хранимой в криминалистических учетах в качестве доказательств по уголовному делу для раскрытия и расследования преступлений, предлагается принять ФЗ «О криминалистической регистрации в Российской Федерации».

Ключевые слова: *криминалистическая регистрация, экспертно-криминалистический учёт, экспертиза, картотека, преступление, дознаватель, следователь.*

This article considers the types of forensic accounting, the main problems arising in the course of their use in the detection and investigation of crimes, formulates priorities for improvement. The author defines new types of forensic surveys due to the appearance of new objects. In the absence of a legal basis for using the information stored in the criminal records as evidence in a criminal case for the disclosure and investigation of crimes, the author proposes the adoption of the Federal Law «On criminalistics registration in the Russian Federation».

Keywords: *forensic registration, forensic accounting, examination, file cabinet, crime Investigator.*

В органах МВД России ведутся учеты, которые в соответствии со своим функциональным предназначением делятся на три основные группы: оперативно-справочные, криминалистические и розыскные, экспертно-криминалистические.

О розыскных и криминалистических учетах можно сказать, что они содержат информацию, необходимую для предупреждения, раскрытия и расследования особо опасных преступлений и наряду с оперативно-справочными выполняют не только функцию сравнения установочных данных, но также отслеживают сходство этих объектов по внешним описаниям. Особенность экспертно-криминалистических учетов, созданных для рационального и эффективного функционирования экспертных подразделений, выражается прежде всего в объектах – носителях индивидуально-криминалистической информации и идентификационных проверок, проводимых по ним [1].

В 2014 г. в системе МВД России функционировало 1848 экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов всех уровней общей численностью более 15 тыс. чел., включающих в себя специалистов по 46 экспертным специальностям.

Только в 2013 г. сотрудниками ведомственной экспертной службы произведено свыше 2,3 млн экспертиз и исследований по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, принято участие в более чем 1,3 млн осмотрах мест происшествий. Использование экспертно-криминалистических учетов позволило получить информацию, значимую для расследования почти 240 тыс. преступлений [2].

По данным Главного информационного центра МВД, в последние годы в России с помощью информации, содержащейся в криминалистических учетах, раскрывается в среднем от 19 до 30 % совершаемых преступлений.

К сожалению, как указывал Р.С. Белкин, потенциальные возможности использования экспертно-криминалистических учетов для раскрытия и расследования преступлений реализуются не в полную силу. В результате чего, именно это обстоятельство заставляет не только пересмотреть, но и внести конкретные поправки в научную и прежде всего правовую основу частной теории о криминалистической регистрации [3].

Выделяют несколько уровней экспертно-криминалистического учета. Так, централизованно-местный учет включает: коллекцию пуль, гильз и патронов со следами оружия. Такой учет ведется в ЭКЦ МВД (федеральная пулегильзотека) и в региональных экспертных подразделениях МВД, ГУВД и т.д. (региональные пулегильзотеки). Федеральная пулегильзотека включает в себя три коллекции: боеприпасы, изъятые при осмотре места происшествия; контрольные пули и гильзы утраченного (похищенного) нарезного табельного оружия; пули и гильзы изъятого или добровольно сданного оружия. Внутри каждой коллекции подучетные объекты группируются по виду, модели, калибру. Региональные пулегильзотеки ведутся в экспертно-криминалистических подразделениях МВД, ГУВД, УВД.

Кроме того, к централизованно-местному учету относится картотека поддельных денежных знаков и ценных бумаг, а также денежных знаков с измененным номиналом.

Централизованный учет включает в себя картотеку поддельных документов, изготовленных полиграфическим способом. Картотека состоит из идентификационной карточки, содержащей фотографию подделанного документа в равном масштабе, место и время обнаружения документа, владельца документа, его серию, номер, данные об изготовителе и сбытчике, а также сведения об уголовном деле и экспертном заключении по данному документу.

К централизованному учету относится фонотека голоса и речи лиц, которые представляют оперативный интерес. Она состоит из двух баз данных: фонограмм известных преступников и фонограмм голоса и речи неизвестных лиц, использованных в качестве вещественных доказательств.

Некоторые авторы выделяют экспертно-криминалистический справочно-вспомогательный учет, который состоит из следотек следов пальцев рук с места происшествия; следотек орудий взлома, подошв обуви и протекторов шин автотранспортных средств; картотек микрообъектов; коллекций поддельных медицинских рецептов на получение наркотических и сильнодействующих лекарственных

средств и образцов почерка лиц, занимающихся их подделкой; картотек субъективных портретов неустановленных преступников; коллекций наркотических и сильнодействующих ядовитых веществ, огнестрельного оружия и боеприпасов, фарных рассеивателей, горючесмазочных и волоконистых материалов, лакокрасочных покрытий и т.д.

Значительная часть криминалистически значимой информации, содержащейся в следах, изъятых по фактам преступлений, совершенных в условиях неочевидности, должна быть обработана и сосредоточена в экспертно-криминалистических учетах, а затем использована при расследовании и раскрытии преступлений. Эффективность использования органами предварительного следствия информации, содержащейся в экспертно-криминалистических учетах, зависит от того, насколько своевременно они направят объекты в эти учеты, насколько правильно оценят ее [4].

Обязательной постановке на экспертно-криминалистический учет подлежат информация о следующих объектах:

- следы рук неустановленных лиц, изъятые с мест преступлений;
- данные ДНК биологических объектов, изъятых с мест преступлений;
- данные ДНК неопознанных трупов, установить личность которых иными методами не представлялось возможным;
- пули, гильзы и патроны со следами нарезного ручного стрелкового огнестрельного оружия, изъятые с мест происшествий и преступлений;
- контрольные пули и гильзы утраченного служебного, гражданского и боевого оружия;
- самодельное (переделанное) оружие;
- самодельные взрывные устройства и их части;
- поддельные денежные билеты, ценные бумаги и документы;
- поддельные монеты;
- фонограммы речи (голоса) неустановленных лиц;
- следы подошв обуви;
- следы орудий взлома;
- следы протекторов колес транспортных средств;
- субъективные портреты устанавливаемых и (или) разыскиваемых лиц;
- микрообъекты (микроволокна, частицы лакокрасочных покрытий, полимеров и металла);
- черепа неопознанных трупов, установить личность которых иными способами не представляется возможным.

При этом объект регистрации определяет вид криминалистического учета как его подсистемы, и с появлением новых видов объектов регистрации появляются новые виды учета.

Так, «за последние 3 года в ЭКЦ ГУВД по Ростовской области организовано производство 14-ти новых видов судебных экспертиз. В 2010 году введен новый вид экспертных исследований – товароведческие» [5].

П.Г. Вельш, выделяя как острую и злободневную проблему несовершенство теоретической базы создания и функционирования криминалистических учетов, констатирует, что многие учеты дублируются, не обновляя информацию. Он обосновывает необходимость создания новых АИПС, например АИПС контрафактных изделий автомобильной промышленности в виде их коллекции [6].

Дознаватель, следователь или сотрудник оперативного подразделения обязан при наличии оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством и законодательством об оперативно-розыскной деятельности, планировать и осуществлять следственные действия либо оперативно-розыскные мероприятия, направленные на изъятие предметов и следов, которые могут стать объектами учета или проверки, либо получение проверочной информации об объектах проверки. Своевременно в установленном порядке направлять объекты учета и проверки в экспертно-криминалистические подразделения для их исследования в целях выявления, закрепления экспертно-криминалистической информации, исключения лиц (объектов), не причастных к совершению преступлений, проверки и постановки на экспертно-криминалистический учет. Информировать экспертно-криминалистическое подразделение о реализации результатов использования экспертно-криминалистических учетов и возможности снятия объектов с учета. В установленном порядке привлекать специалистов экспертно-криминалистических подразделений для оказания помощи при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на изъятие предметов и следов, которые могут стать объектами учета или проверки, а также получение проверочной информации об объектах проверки.

Следователь или дознаватель в случае установления совпадений (единого источника происхождения) объектов учета, изъятых по разным уголовным делам, принимает меры по объединению дел. Ответственный сотрудник ЭКП осуществляет постановку и направление информационных карт на имеющиеся уровни соответствующего вида учета, а

также объектов исследования, при этом письменно информирует о постановке объектов на учет. Проверяет поступившие информационные карты и натурные объекты по массиву информационных карт и натуральных объектов соответствующего вида учета. В случае совпадения объектов учета составляет справку и направляет ее во все подразделения дознания, следствия или оперативные подразделения, представившие на учет совпавшие объекты, в информационных картах объектов учета делает отметки о совпадениях с другими объектами учета.

В настоящее время одним из перспективных направлений использования научно-технических достижений в правоохранительной деятельности является идентификация личности методом ДНК-анализа, который оказывает значительную помощь при решении вопросов розыска лиц, пропавших без вести, установления по неопознанным трупам личности человека, установления личности граждан, не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. Метод ДНК-анализа занимает лидирующее положение в практике экспертно-криминалистических служб ведущих зарубежных стран (Англии, США, Германии и др.).

В целях информационного обеспечения оперативно-розыскных мероприятий по розыску лиц, причастных к совершенным преступлениям, установлению личностей неопознанных трупов, оперативной проверке лиц и объектов представляющих оперативный интерес в ЭКЦ при ГУВД Ростовской области функционируют все экспертно-криминалистические учеты регионального уровня (дактилоскопический, трасологические, субъективных портретов, поддельных денежных билетов, объектов баллистики и др.).

С марта 2013 г. Федеральная служба исполнения наказаний России приступила к реализации совместного с МВД масштабного проекта по созданию генетической базы всех российских осужденных.

В соответствии с законодательством, обязательной геномной регистрации подлежат осужденные, отбывающие наказание за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

«В учреждениях ГУФСИН России по Ростовской области порядка 13 тысяч человек подлежат обязательной геномной регистрации, что составляет более 88 процентов от общего количества осужденных. По состоянию на конец июля 2013 года в экспертно-криминалистический центр

ГУ МВД России по Ростовской области уже направлено 1246 карт с геномным материалом. Сейчас в каждом учреждении уголовно-исправительной системы Ростовской области созданы специальные комиссии по организации обязательной геномной регистрации, в состав которых вошли сотрудники отделов специального учета, медицинской службы, воспитательной работы с осужденными, – сообщили в пресс-службе ГУФСИН России по Ростовской области» [7].

Следы рук являются основными, а часто и единственными вещественными доказательствами, способствующими установлению преступника или лица, имеющего отношение к совершенным преступлениям. Несмотря на эффективность использования АДИС «Папилон» и экспертно-криминалистических учетов в целом в раскрытии и расследовании преступлений, установлению неопознанных трупов, выполнении других задач, связанных с идентификацией личности, имеются и определенные издержки:

1. При работе на месте происшествия недостаточно внимания уделяется работе с дактилоскопическими следами как наиболее значимыми вещественными доказательствами при идентификации лица, совершившего преступление.

2. Имеют место факты неполного поступления следов на экспертизу, несвоевременно поступают следы рук на проверку по АДИС ГУВД РО.

3. В ЭКЦ ГУВД порой не представляются отпечатки подошв обуви лиц, задержанных за совершенные преступления.

4. Не направляются на проверку в ЭКЦ ГУВД субъективные портреты, составленные в ЭКП (большинство РОВД области).

Эффективность использования составляемых в ЭКЦ фотороботов преступников зависит от комплекса предпринятых мер, начиная от своевременного направления потерпевших или свидетелей в экспертные подразделения и заканчивая обеспечением субъективными портретами всех сотрудников оперативных служб, ППС, участковых, дежурных частей.

В январе 2011 г. в ЭКЦ ГУВД по Ростовской области запущена и успешно действует новая система АИПС «Портрет–Поиск», которая позволяет идентифицировать преступников по субъективным портретам (фотороботам) составленных со слов потерпевших.

Во многих зарубежных странах не ограничились ведением лишь криминалистических учетов следов преступлений и лиц, их совершивших, а пошли дальше – на регистрацию всего населения, считая

это эффективным средством борьбы с преступностью. Полагаем, что взять от них в этом плане все положительное – перспективная цель. Система контроля публичных интересов общества должна стать не ведомственной, а государственной [8].

Кроме того, многие преступления осложнены иностранным элементом, поэтому необходимо вести учет не только населения своего государства, но и граждан иностранных государств, которые находятся на территории РФ.

На сегодняшний день информация, хранящаяся в криминалистических учетах, широко используется в процессе раскрытия и расследования преступлений, приобретая доказательственный аспект. Тем не менее в уголовно-процессуальном законодательстве РФ нет даже упоминания о криминалистической регистрации и криминалистических учетах, что, конечно, не согласуется с современными требованиями, предъявляемыми к органам расследования, чья деятельность направляется на защиту конституционных прав и свобод граждан. П.Н. Заблочный считает, что «важно придать ей соответствующее правовое положение и законодательное оформление путем принятия на Федеральном уровне закона “О криминалистической регистрации в Российской Федерации”, в котором должны быть определены понятие криминалистической регистрации, ее цели и задачи, органы, осуществляющие регистрационную деятельность, принципы и ряд других положений» [9].

Необходимость принятия этого закона обусловлена рядом объективных причин, среди которых рост преступности, в том числе транснациональной, возникновение новых видов преступлений, увеличение числа объектов, подлежащих регистрации.

Таким образом, вид объекта криминалистической регистрации предопределяет вид экспертно-криминалистического учета. Причем в настоящее время наблюдается тенденция к появлению новых видов экспертных исследований.

Так как сегодня отсутствуют правовые основания использования информации, хранимой в криминалистических учетах в качестве доказательств по уголовному делу для раскрытия и расследования преступлений, считаем, необходимым принятие соответствующего ФЗ «О криминалистической регистрации в Российской Федерации».

Полагаем, положительным опытом зарубежных стран является регистрация всего населения страны, а учитывая транснациональный характер некоторых преступлений, – также всех иностранных граждан, прибывающих на территорию РФ.

Литература

1. Кочерга А.А. Объективный взгляд на потенциальное доказательственное значение криминалистических учетов с позиции эффективности их использования // Общество и право. 2011. № 1. С. 195.

2. В Волгограде выбрали лучших экспертов-криминалистов. Официальный сайт МВД РФ. URL: http://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/IEkspertno_kriminalisticheskij_centr/Publikacii_i_vistuplenija/item/2328880/ (дата обращения: 01.11.2014).

3. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. 272 с.

4. Аминев Ф.Г. Комплексное использование экспертно-криминалистических учетов в информационном обеспечении расследования и раскрытия преступлений: дис. ... канд. юр. наук. Уфа, 2001. С. 254.

5. Ростовские эксперты-криминалисты отмечают профессиональный праздник. Официальный сайт МВД РФ. URL: <http://mvd.ru/news/item/173528> (дата обращения: 01.11.2014).

6. Вельи П.Г. Особенности применения специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с нарушением авторских и смежных прав: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Владимир, 2012. С. 23.

7. Зеки сдают ДНК. Человек и закон. ЭКСПРЕСС газета online. URL: <http://www.eg.ru/print/crime/39423/> (дата обращения: 01.11.2014).

8. Морозов А.В. Виды и перспективы развития криминалистических учетов материальных следов преступления. URL: dom-hors.ru/issue/pep/8-2011-1/moroz.pdf (дата обращения: 01.11.2014).

9. Заблоцкий П.Н. Совершенствование деятельности по использованию криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2005. С. 221.

References

1. Kocherga A.A. Ob"ektivnyi vzglyad na potentsial'noe dokazatel'stvennoe znachenie kriminalisticheskikh uchetov s

pozitsii effektivnosti ikh ispol'zovaniya [Objective Look at the Potential Evidentiary Value of Criminal Record from the Position of the Effectiveness]. *Obshchestvo i pravo*. 2011, no 1, p. 195.

2. V Volgograde vybrali luchshikh ekspertov-kriminalistov. Ofitsial'nyi sait MVD RF [The Best experts Criminalists were chosen in Volgograd]. Available at: http://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/IEkspertno_kriminalisticheskij_centr/Publikacii_i_vistuplenija/item/2328880/ (accessed 01.11.2014).

3. Belkin R.S. *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Criminalistic Encyclopedia]. Moscow, 2000, 272 p.

4. Aminev F.G. *Kompleksnoe ispol'zovanie ekspertno-kriminalisticheskikh uchetov v informatsionnom obespechenii rassledovaniya i raskrytiya prestuplenii*: dis. ... kand. yur. nauk [Integrated Use of Forensic Counts in the Information Support at Investigation and Disclosing Crimes]. Ufa, 2001, p. 254.

5. *Rostovskie eksperty-kriminalisty otmeyayut professional'nyi prazdnik*. Ofitsial'nyi sait MVD RF. Available at: <http://mvd.ru/news/item/173528> (accessed 01.11.2014).

6. Vel'sh P.G. *Osobennosti primeneniya spetsial'nykh znaniy pri raskrytii i rassledovanii prestuplenii, svyazannykh s narusheniem avtorskikh i smezhnykh prav*: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk [Features of Special Knowledge Application in Detection and Investigation of Crimes Related to Violation of Copyright and Related Rights]. Vladimir, 2012, p. 23.

7. Zeki sdayut DNK [Prisoners pass DNA test]. *Chelovek i zakon. EKSPRESS gazeta online*. Available at: <http://www.eg.ru/print/crime/39423/> (accessed 01.11.2014).

8. Morozov A.V. *Vidy i perspektivy razvitiya kriminalisticheskikh uchetov material'nykh sledov prestupleniya* [Types and perspectives of development of forensic account of material traces of the crime]. Available at: dom-hors.ru/issue/pep/8-2011-1/moroz.pdf (accessed 01.11.2014).

9. Zablotskii P.N. *Sovershenstvovanie deyatel'nosti po ispol'zovaniyu kriminalisticheskikh uchetov v raskrytii i rassledovanii prestuplenii*: dis. ... kand. yur. nauk. [Improvement of the Use of Criminal Accounts in the Detection and Investigation of Crimes]. Volgograd, 2005, p. 221.

УДК 343

ЗНАЧЕНИЕ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И ИРАКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2015 г. Ахмед Камаран Сабех

Ахмед Камаран Сабех –
аспирант, кафедра уголовного процесса
и криминалистики, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
ул. М. Горького, 88, г. Ростов-на-Дону, 344007.
E-mail: kamaran2010@mail.ru

Ahmad Kamaran Sabah –
Postgraduate Student, Department of Criminal
Procedure and Criminalistics, Faculty of Law,
South Federal University,
M. Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don, 344007, Russia.
E-mail: kamaran2010@mail.ru

Рассматриваются вопросы реализации гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве России и Ирака. Проводится сравнительный анализ российского и иракского уголовно-процессуального законодательства, выявляются схожие и отличительные особенности обеспечения гарантий прав личности в уголовном процессе России и Ирака. Обосновывается необходимость внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство Ирака, способствующих обеспечению механизма реализации гарантий прав личности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные гарантии, гарантии прав личности, принципы уголовного процесса, принцип состязательности, презумпция невиновности, назначение уголовного процесса.

Issues of implementation of individual rights guarantees in the criminal trial of Russia and Iraq are considered. Comparative analysis of the Russian and Iraqi criminal procedure law is carried out; similar and different features of individual rights guarantee in the criminal trial of Russia and Iraq are revealed. The author justifies the need to amend the criminal procedure Law in Iraq, contributing to ensuring a mechanism for implementing human rights guarantees.

Keywords: criminal procedural guarantees, guarantees of individual rights, principles of criminal process, the principle of competitiveness, presumption of innocence, the purpose of criminal proceedings.

Неотъемлемой характеристикой любого демократического государства является наличие системы гарантий прав личности. В законодательство современной России инкорпорированы важнейшие общепризнанные принципы и нормы международного права, предусмотрена также и развернутая система гарантий прав личности. Однако их реализация в правоприменительной практике требует своего научного осмысления применительно к различным отраслям российского права.

История института гарантий прав личности в иракской правовой системе является еще молодой по сравнению с российской. Лишь недавно Ирак включил в свою правовую систему международные стандарты прав и свобод человека и гражданина, в связи с чем в 2005 г. Конституция Ирака была подвергнута существенным изменениям, введены европейские стандарты, направленные на установление в стране демократического режима, при котором обеспечивается максимальная защита граждан, в том числе и в уголовном процессе. Основанная на мировом опыте система гарантий в большей или меньшей степени нашла свое отражение в законодательстве Ирака.

Как для России, так и для Ирака на современном этапе важно обеспечение прав человека, в том

числе и в уголовном судопроизводстве. Безусловно, научно-практическая мысль двух государств наделяет различным содержанием категорию «гарантии прав человека» с учетом своих культурно-исторических, экономических и иных особенностей, беря за основу единые стандарты.

В общем понимании гарантии прав личности выступают теми правовыми средствами и механизмами, с помощью которых достигаются цели правового регулирования и защита прав и свобод человека.

Главным предназначением гарантий является обеспечение фактической реализации прав личности, создание уверенности каждого в том, что нет права без возможности его осуществления. Нормы права, провозглашающие права и свободы без гарантий их реализации, так и останутся чисто декларативными [1].

Гарантии, заложенные в конституционных нормах, выступают базой для построения всей системы гарантий в отраслевом законодательстве. В уголовно-процессуальном законодательстве гарантии прав человека приобретают особую актуальность в связи с тем, что уголовный процесс непосредственно связан с наличием властных полномочий у одной из сторон процесса, применением мер процессуального принуждения, ограничением прав и свобод и т.д.

Только лишь с помощью гарантий в уголовном процессе возможно воспрепятствовать субъективизму при установлении вины в уголовном деле, обеспечить необходимую достаточность ограничений прав и свобод личности, налагаемых в ходе уголовного судопроизводства [2].

В связи с особым характером уголовного судопроизводства его участникам предоставлен значительный комплекс прав. Согласно ст. 6 УПК РФ, уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

- 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Исходя из текста ст. 6 УПК РФ, следует констатировать, что задача органов и должностных лиц в уголовном процессе заключается в защите лиц от преступлений и от незаконного и необоснованного уголовного преследования. В то же время возникает закономерный вопрос о взаимосвязи задач уголовного процесса и гарантий прав личности, в частности, способны ли процессуальные гарантии обеспечить достижение назначения уголовного судопроизводства.

По мнению С.С. Цыганенко, гарантии в уголовном процессе представляют собой систему правовых средств, установленных законом для осуществления надлежащего отправления правосудия, защиты прав и свобод человека в уголовном процессе, осуществления задач судопроизводства по уголовным делам [3].

В.Ю. Мельников под процессуальными гарантиями участников уголовного судопроизводства понимает «предусмотренный уголовно-процессуальным законом порядок вовлечения гражданина в уголовный процесс в указанном качестве, совокупность его прав на защиту на стадии предварительного расследования. Это органическая целостность процессуальных средств и способов, взаимодействующих между собой при обеспечении прав и законных интересов участников уголовного процесса в целях установления истины по уголовному делу» [4, с. 36].

На современном этапе большинство ученых придерживаются позиции, что уголовно-процессуальными гарантиями являются правовые средства, содержащиеся в законодательстве, обеспечивающие возможность участникам уголовно-процессуального судопроизводства реализовать свои права и выполнить возложенные на них обязанности. Так, П.А. Лупинская считает, что процессуально-правовые гарантии – «это содержащиеся в нормах права

правовые средства, обеспечивающие всем субъектам уголовно-процессуальной деятельности возможность выполнять свои обязанности и использовать предоставленные права» [5, с. 62].

При этом нельзя не согласиться с мнением Ю.А. Ляхова в вопросе понимания уголовно-процессуальных гарантий как правовых средств и способов, обеспечивающих решение задач уголовного процесса, а также защиту прав и законных интересов личности. По его мнению, такое определение уголовно-процессуальных гарантий в целом является правильным и соответствует общетеоретическому понятию правовых гарантий. В то же время для уголовного судопроизводства имеет особую практическую значимость вопрос о том, что из себя представляют эти средства и способы, с помощью которых решаются задачи уголовного процесса и защищаются права участников судопроизводства [6].

В качестве таковых следует назвать:

- 1) уголовно-процессуальные нормы, закрепляющие порядок производства по уголовному делу, который должен приводить к выполнению задач уголовного процесса. К ним относятся те уголовно-процессуальные нормы, которые наделяют участников судопроизводства соответствующими правами и возлагают на них обязанности с целью охраны их законных интересов;

- 2) процессуально-правовая деятельность, предусмотренная уголовно-процессуальным законом и связанная с конкретными правами и обязанностями должностных лиц и самого правообладателя.

Следует констатировать, что только совокупность уголовно-процессуальных норм и уголовно-процессуальной деятельности позволяет утверждать о наличии реальных гарантий в уголовном судопроизводстве.

В науке уголовного процесса систему процессуальных гарантий принято подразделять на гарантии, обеспечивающие осуществление правосудия по уголовным делам, и защиту прав и законных интересов личности [2, с. 71–72].

Но имеет место точка зрения, что существуют только уголовно-процессуальные гарантии правосудия, выделять из них гарантии прав личности не имеет оснований, поскольку у государства и личности в уголовном процессе имеется общий интерес [7]. Данная позиция представляется ошибочной, поскольку не всегда у личности и государства в уголовном деле есть общий интерес, и при таком подходе отсутствуют пределы процессуальной деятельности властных органов, что может повлечь произвол с их стороны.

Именно гарантии прав личности в уголовном процессе играют существенную роль в обеспечении прав и законных интересов граждан и юридических лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Уголовно-процессуальные нормы и соответствующая им деятельность, непосредственной задачей которых является обеспечение прав и законных интересов граждан и юридических лиц, значительны и реальны в уголовном процессе [6].

Гарантии прав личности обогащаются гарантиями правосудия и в свою очередь также являются их неотъемлемой частью. Рассмотрение системы процессуальных гарантий, их содержания возможно только в их органической взаимосвязи. Бесспорна позиция М.Ю. Арчакова, согласно которой «попытки выявить какой-либо основной (решающий или главенствующий) элемент в определении системы процессуальных гарантий малоперспективны и нецелесообразны. Только в совокупности, в целостном восприятии и понимании эти элементы могут определить содержание системы уголовно-процессуальных гарантий, позволяющих, с одной стороны, эффективно добиться достоверного результата, необходимого для принятия процессуальных решений по уголовному делу, а с другой – обеспечить в ходе уголовного судопроизводства (на всех его стадиях) соблюдение прав и свобод личности, вовлеченной в орбиту производства по уголовному делу» [8, с. 16].

Под процессуальными гарантиями участников уголовного судопроизводства следует понимать систему основанных на Конституции РФ, общепризнанных нормах международного права и закрепленных в уголовно-процессуальном законе правовых средств и условий, которые в состоянии реально обеспечить права и свободы личности в процессе уголовного судопроизводства, реализацию объективного и справедливого правосудия. Основную роль при этом играют принципы уголовного процесса, под которыми понимаются исходные правовые положения, определяющие назначение уголовного судопроизводства и построение всех его стадий, институтов, отдельных процедур (форм) [5].

Значение принципов уголовного судопроизводства заключается в том, что они обеспечивают организацию и функционирование уголовного судопроизводства в целом, всех его стадий, особых производств и институтов уголовного процесса; они являются нормативными ориентирами при необходимости использования аналогии права или закона, которая отвергается официальной доктриной; и наконец

при противоречивости отдельных положений уголовно-процессуального закона принципам уголовного процесса верховенство (преимущество) должно быть отдано последним [9].

Нормы УПК Ирака сформированы таким образом, что не содержат непосредственно гарантий прав личности – они рассматриваются как конституционные принципы, имеющие непосредственное, прямое действие. В юридической литературе Ирака процессуальные гарантии изучаются при производстве каждого следственного действия и на каждой стадии уголовного процесса.

Непосредственно к гарантиям прав человека в уголовном процессе относятся отдельные положения, которые в том числе могут быть закреплены в Конституции, но могут и вытекать из текста УПК Ирака. Так, принцип состязательности прямо не закреплен ни в одном из указанных документов. В связи с этим представляет интерес анализ отдельных положений иракского законодательства, регламентирующего вопросы распределения функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела.

Как и в российском, в иракском уголовно-процессуальном законодательстве функция разрешения дел по существу осуществляется только судом первой инстанции. Функция обвинения, согласно ст. 51 УПК Ирака, – следственным судом, состоящим из судебного следователя и следственного судьи, функция защиты – адвокатом.

Статья 39 УПК Ирака определила круг лиц, наделенных полномочиями выявлять преступления и проверять информацию о преступлениях, а также уведомлять об этом органы расследования (полицейские офицеры и комиссары, мэр деревни и района, директор железнодорожной станции, его помощник и комиссар поезда, капитан корабля или самолета, начальник морского порта, начальник отдела правительства или учреждения и любое должностное лицо наделены правом проверять информацию, поступившую в сообщении о преступлении в пределах, определенных законом).

Следует отметить, что законодатель предоставил полицейским офицерам и комиссарам полиции полномочия расследовать уголовное дело. Статья 50 УПК Ирака гласит: «Полицейский вправе расследовать любое преступление по поручению следственного судьи или судебного следователя, а также когда передача сообщения о преступлении следственному судье или судебному следователю приведет к затягиванию производства, утере следов преступления, повредит расследованию или способствует сокрытию подозреваемого». Таким обра-

зом, полицейские могут получить статус следователя и проводить расследование по всем преступлениям на основе поручения следственного судьи или судебного следователя, а также на основе решения полицейского органа о том, что передача сообщения следственному судье или судебному следователю приведет к вышеуказанным последствиям.

Ненормальность этого положения отмечается и в иракской литературе. Однако указывается при этом только на то, что полицейские не могут расследовать преступления, поскольку многие из них не имеют высшего юридического образования [10]. Недопустимость такого положения объясняется еще и тем, что в уголовном судопроизводстве нельзя объединять в одном лице полномочия по расследованию и проведение оперативно-розыскной деятельности. Иными словами, можно было бы заимствовать такой запрет из УПК РФ (ч. 2 ст. 41).

Согласно ст. 3 Закона о прокуратуре № 159 1979 г. Ирака, прокурор выступает в качестве следственного судьи в случае отсутствия последнего на месте преступления. По прибытии следственного судьи прокурор может продолжить расследование только по его поручению.

При этом законодатель неудачно решил вопрос о возможности расследования преступления прокурором, поскольку тот, с одной стороны, осуществляет функцию надзора за деятельностью следственного судьи, с другой – по поручению следственного судьи и под его контролем расследует дело. Следовательно, прокурор одновременно надзирает за деятельностью следственного судьи и находится в определенных случаях под его контролем [11].

В отличие от российского уголовного процесса в Ираке прокурор соблюдает интересы не только потерпевшего и государства, но и в отдельных случаях интересы подсудимого. Если прокурор придет к выводу, что подсудимый не совершал преступления и в деле имеются доказательства его невиновности, либо обстоятельства, смягчающие назначение наказания, либо права подсудимого нарушены, он может выступить в защиту прав подсудимого.

Следует констатировать, что сегодня в иракском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует принцип состязательности сторон, который мог бы явиться эффективной гарантией прав граждан в уголовном процессе.

В Конституции Ирака есть прямое указание на принцип презумпции невиновности, который одновременно выступает уголовно-процессуальной гарантией. Согласно п. 5 ст. 19 Конституции Ирака, обвиняемый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в ходе справедливого судебного

разбирательства, и обвиняемый не может быть осужден за одно и то же деяние дважды за исключением случаев появления новых доказательств. Несмотря на то, что УПК Ирака не содержит данный принцип, этой гарантией пронизан весь текст данного нормативного правового акта, принцип презумпции невиновности охватывает весь уголовный процесс.

В соответствии с пунктом «е» ст. 19 Закона Республики Ирак «О Высшем иракском уголовном Суде» № 10 от 2005 г. при допросе обвиняемый вправе не отвечать на вопросы следственного органа, что полностью отражает мировые тенденции и достижения в развитии данной гарантии.

Право на защиту обвиняемого предусмотрено ст. 123, 144 УПК Ирака, ст. 22 Закона «О Верховном уголовном суде» и ст. 66–73 Закона «Об адвокатуре» № 173. В соответствии с указанными статьями органы расследования не вправе проводить следственные действия, пока не решен вопрос о присутствии защитника подозреваемого (обвиняемого). В случае если указанное лицо самостоятельно не может обеспечить участие защитника, ему предоставляется адвокат за счет государства. При апелляционных судах действует совет адвокатов, состоящий из трех адвокатов, цель которого – предоставление обвиняемым и осужденным квалифицированной юридической помощи, если к нему обращаются заинтересованные лица [12].

В отличие от российского уголовного процесса защитник приглашается не во всех случаях, а лишь по делам о тех преступлениях, наказание за которые предусмотрено в виде штрафа более 200 000 динаров или лишения свободы свыше 3 месяцев. Однако это не мешает следственным органам предварительно квалифицировать совершенное деяние по более мягкой статье, заменив потом обвинение на более жесткую после проведения следственных действий в отсутствие защитника. Подобные нарушения, приводящие к произволу и откровенному игнорированию базовых процессуальных прав обвиняемого, столь удачно закрепленных в Конституции Ирака, наводят на мысль о необходимости обновления уголовно-процессуального законодательства Ирака.

Следовательно, гарантии прав участников процесса, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве Ирака, имеют колоссальное значение при достижении целей уголовного судопроизводства, которые сформулированы аналогично российскому уголовному процессу.

В то же время в самом УПК Ирака не содержится норм, отражающих назначение уголовного судопроизводства, а также не указаны принципы

уголовного процесса, что, по нашему мнению, является существенным недостатком уголовно-процессуального законодательства Ирака. Как представляется, в УПК Ирака необходимо включить главу, аналогичную гл. 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства», в которой следует определить назначение уголовного процесса, указать принципы уголовного судопроизводства и раскрыть их содержание. Закрепление основных задач и принципов как основополагающих начал уголовного судопроизводства в отраслевом законодательстве будет способствовать обеспечению механизма реализации гарантий прав личности как на законодательном уровне, так и в рамках уголовно-процессуальной деятельности.

Литература

1. Федорин В.П. Гарантии конституционных прав и свобод человека и гражданина: учеб. пособие. Хабаровск, 2009.
2. Уголовный процесс. Общая часть: учебник / под ред. Ю.А. Ляхова. Ростов н/Д., 2008.
3. Цыганенко С.С. Производства по уголовным делам в российском уголовном процессе. Ростов н/Д., 2003. 445 с.
4. Мельников В.Ю. Гарантии прав личности в уголовном процессе // Российский судья. 2008. № 3.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2011.
6. Производство по уголовным делам, подсудным мировым судьям / под ред. В.Н. Ткачева, Ю.А. Ляхова. Ростов н/Д., 2011.
7. Каминская В.И. В чем значение процессуальных гарантий в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1950. № 5.
8. Арчаков М.Ю. Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения реализации прав несовершеннолетних потерпевших // Российский следователь. 2011. № 12.
9. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов. М., 2010.
10. Талиб Нур Шарих. Критерий справедливости в УПК Ирака (пер. с араб. – Ахмеда Камаран Сабах). Багдад, 2007.
11. Абдул Эмир Ягели и Салим Ибрагим Арба. Изложение иракского УПК, первая часть (пер. с араб. – Ахмеда Камаран Сабах). Багдад, 1980–1981.

12. Абд Алсатар Алкубаиси. Гарантии обвиняемого в досудебной и судебной стадии: сравнительный анализ (пер. с араб. – Ахмеда Камаран Сабах). Кайра, 1981.

References

1. Fedorin V.P. *Garantii konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina: ucheb. posobie* [Guarantee of Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen]. Khabarovsk, 2009.
2. *Ugolovnyi protsess. Obshchaya chast'*: uchebnik [Criminal Process]. Ed. Yu.A. Lyakhov. Rostov-on-Don, 2008.
3. Tsyganenko S.S. *Proizvodstva po ugovolnym delam v rossiiskom ugovolnom protsesse* [Criminal Proceedings in the Russian Criminal Trial]. Rostov-on-Don, 2003, 445 p.
4. Mel'nikov V.Yu. *Garantii prav lichnosti v ugovolnom protsesse* [Guarantee of Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen]. *Rossiiskii sud'ya*. 2008, no 3.
5. *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik* [Criminal Procedure Law of the Russian Federation]. Ed. P.A. Lupinskaya. Moscow, 2011.
6. *Proizvodstvo po ugovolnym delam, podsudnym mirovym sud'yam* [Criminal Proceedings within the Jurisdiction of Magistrate Judges]. Ed. V.N. Tkachev, Yu.A. Lyakhov. Rostov-on-Don, 2011.
7. Kaminskaya V.I. *V chem znachenie protsessual'nykh garantii v sovetskom ugovolnom protsesse* [What is the Significance of Procedural Guarantees in the Soviet Criminal Trial]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1950, no 5.
8. Archakov M.Yu. *Ugolovno-protsessual'nye garantii obespecheniya realizatsii prav nesovershennoletnikh poterpvshikh* [Criminal Procedural Guarantees to Ensure the Rights of Minor Victims]. *Rossiiskii sledovatel'*. 2011, no 12.
9. Vandyshev V.V. *Ugolovnyi protsess. Obshchaya i Osobennaya chast': uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov* [Criminal Trial. General and Special Parts]. Moscow, 2010.
10. Talib Nur Sharikh. *Kriterii spravedlivosti v UPK Iraka* [Criterion Validity of the CPC Iraq]. Bagdad, 2007.
11. Abdul Emir Yageli i Salim Ibragim Arba. *Izlozhenie irakskogo UPK, pervaya chast'* [Presentation of the Iraqi Code of Criminal Procedure]. Bagdad, 1980–1981.
12. Abd Alsatar Alkubaisi. *Garantii obvinyaemogo v dosudebnoi i sudebnoi stadii: sravnitel'nyi analiz* [Guarantees of the Accused in Pre-trial and Trial Stage: a Comparative Analysis]. Kaira, 1981.

УДК 342.1

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА

© 2015 г. К.Т. Бураева

Бураева Кристина Тузаровна –
аспирант,
Северо-Осетинский государственный
университет,
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025.
E-mail: nosu@nosu.ru

Buraeva Kristina Tuzarovna –
Postgraduate,
North Ossetian State
University,
Vatutina St., 44-46, Vladikavkaz, 362025, Russia.
E-mail: nosu@nosu.ru

Рассматривается проблема федеративного государства и его преимуществ. Цель федерализма состоит в урегулировании противоречий в обществе и достижения согласия, межнационального и межконфессионального мира в процессе осуществления государственной власти и ее разделения по вертикали. Приводятся конкретные доказательства на примере Российской Федерации.

Ключевые слова: федерализм, межнациональные отношения, национальная политика, федеративное устройство, федеральный центр, унитарное государство, сепаратизм, интеграция, история, политология, социология, юриспруденция, анализ, концепция, Швейцарская конфедерация, учение, федеративная доктрина.

The article deals with the problems of federative state and its advantages. The aim of the federalism is to regulate the contradictions in the society, to achieve mutual consent, international and interconfessional peace in the process of the state authority realization and the division of this according to the vertical line. Some concrete examples are given to confirm all said above. As an example the Russian Federation is taken.

Keywords: federalism, international relations, national policy, federative structure, federal centre, unitary state, separatism, integration, history, politology, sociology, jurisprudence, analysis, conception, Swiss Conference, teaching, federative doctrine.

В мире существуют около 200 различных государств, признанных ООН. Из них около 50 являются федеративными, в том числе Российская Федерация, США, Федеративная Республика Германия, Индия, Бразилия. «Создание столь сложной формы политико-территориального устройства должно преследовать те или иные цели, причем достаточно значимые для того, чтобы сделать оправданным существование федеративного государства» [1, с. 66].

Во второй половине XX в. большинство вооруженных конфликтов и войн происходило не только между государствами, но и внутри них. Причем внутригосударственные конфликты и войны можно охарактеризовать как межнациональные. В результате межнациональных конфликтов и войн внутри отдельно взятых государств погибло значительно больше людей по сравнению с межгосударственными войнами [2, с. 14; 3, с. 200].

Стали очевидными многие проблемы в сфере национальной политики и межнациональных отношений на Кавказе накануне и в период распада Советского Союза [4]. В 90-е гг. XX в. отечественные специалисты по проблемам федерализма и национальной политики предлагали различные варианты государственного строительства для Российской

Федерации. Одни считали нужным оставить федеративное устройство России без всяких дополнений и корректив. Другие хотели двигаться от советской формы федерации к конфедеративному устройству России. На фоне воинственного сепаратизма Чеченской Республики – Ичкерии менее безобидной выглядела идея движения от федеративного устройства Российской Федерации к конфедеративному. Ее проповедовали некоторые националистические силы, в том числе на Северном Кавказе, которые мечтали о большей свободе и независимости, но открыто не солидаризировались с генералом Д.Дудаевым, руководившим сепаратистской Чеченской Республикой – Ичкерией.

Современный этап становления и развития российского федерализма требует огромных усилий не только со стороны ученых, но и со стороны государственных деятелей, общественных и религиозных организаций, политических партий, культурно-национальных обществ и т.д. Для его совершенствования необходимо, на наш взгляд, применять целый арсенал методов глубокого научного исследования проблемы. Следует выделить, например, междисциплинарный подход, который предполагает четкое взаимодействие родственных наук, –

истории, политологии, социологии, юриспруденции и т.д. Он позволит ввести в оборот научного познания различные концепции, парадигмы, теории, которые в той или иной степени имеют отношение к проблеме федерализма.

Большая роль в глубоком научном познании федерализма принадлежит истории и социологии. Вряд ли будет вызывать сомнения необходимость тесной связи этих двух наук, исторических и социологических методов познания сути федерализма. Исторические позволяют ответить на вопросы, как предмет возник, какие этапы пережил в своем развитии, какие трудности при этом испытал, какие из существенных черт явления сохранились до настоящего времени. Что касается социологических методов, то они позволяют проникнуть в суть социального явления, дать классификацию проблеме, разделив его на несколько этапов, а также определить закономерности развития. Единство исторических и социологических методов позволяет ученому проникнуть в глубь проблемы, оберегая его от конъюнктурных выводов, гарантируя научные результаты, созданные по принципам объективности, научности, правдивости, историзма и т.д.

Еще Г.В. Плеханов писал о том, что «история становится научной лишь постольку, поскольку ей удастся объяснить изображаемые ею процессы с точки зрения социологии» [5, с. 575]. Историческое изучение общественно значимого события, как правило, начинается с установления точных фактов о возникновении, функционировании и развитии изучаемого объекта. После этого уточняются и другие моменты, например, условия появления объекта, а затем делаются выводы о закономерностях и иных связях.

Чтобы глубже понять место и суть федерализма, необходимо проследить основные этапы становления и совершенствования концепции федерации. Это достаточно сложная задача, так как федерализм имеет многовековую историю. Элементы федерации появились еще в древнем мире. Затем они получили свое дальнейшее развитие в средневековом обществе, а более зрелые формы федеративных отношений утвердились уже в XX в. Что касается России, то здесь федеративные отношения официально были узаконены в 1918 г. Потребность в федеративной политической системе возникает в многонациональных и многоконфессиональных обществах, где всегда имеется опасность распада территориально-целостного государства. Именно для сохранения целостности государства и было создано федеративное государство, которое является проверенным способом сохранения единства.

Выдающимся достижением федерализма в Европе стала Швейцарская конфедерация [6, с. 393], которую в начале XXI в. ставят в пример другим государствам, обдумывающим проблему сохранения своей целостности и политического устройства. «Вечный союз» представлял собой не просто объединение трех швейцарских кантонов, но и рассчитанную на более длительный срок тесный союз трех земель (территорий). Идея федеративного общества восходит к федеративной доктрине народного суверенитета, который, как известно, был значительно развит Й. Альтузиусом (1557–1638). В его учении, изложенном в труде «Политика» в 1603 г., государственная структура показана в форме многоуровневой системы союзов, созданных на основе договора. Большое внимание Альтузиус уделял и проблеме суверенитета (от фр. *souverainete* – верховная власть) – «верховенство и независимость власти» [7, с. 829]. Ученый писал, что люди добровольно соединяются в семьи и различные корпорации (например, цеха или гильдии), которые, вступая в договорной союз друг с другом, образуют общину. Союз общин составляет провинцию, а союз провинции и городов образует государство. Носителем суверенитета в нем будет сообщество граждан, которые при помощи заключенных договоров передают часть исполнительных функций правительству в лице монарха или совета республики. В то же время автор подчеркивал, что это не означает отказ от суверенитета или его разделения, так как суверенитет неотчуждаем и неделим, он полностью принадлежит народу [8, с. 707]. Отсюда можно сделать вывод, что во времена Альтузиуса, т.е. в конце XVI – начале XVII в. общественно-политическое сознание признавало модель общества как договорного союза или федеративного образования.

Многие государства Нового времени в определенном смысле носили признаки федеративного общества, так как в своем составе имели различные народы, исповедовавшие разные религии и культуры. Вообще федерализм как средство соединения различных частей в единое целое может рассматриваться как уникальное явление, которое проявляется и в общественных институтах, например, в политических партиях, общественных объединениях, различных формах местного самоуправления и т.д. В силу объективных причин общественно-политическая мысль в России отставала во времени от уровня развитых в экономическом и политическом отношениях стран Европы (Англии, Франции, Испании, Голландии и др.). Первый политический трактат «Политика» был написан русским мыслителем

телем Ю. Крижаничем только в XVII в. [9]. В последующие годы в России выросли замечательные мыслители, которые большое внимание уделяли совершенствованию Российского государства. Среди них выделялся А.Н. Радищев, оригинальные мысли которого до сих пор не теряют актуальности. В поисках наиболее оптимальной концепции государственного строя России он прошел несколько этапов, в процессе которых отдавал свои симпатии сначала «просвещенному абсолютизму», затем «конституционной монархии». И только потом пришел к выводу, что самой лучшей формой государственного устройства России является демократическая республика. До сих пор не теряет своей актуальности его вывод о том, что высшим органом власти в России должно стать общероссийское выборное представительное собрание, под контролем которого работал бы исполнительный административный аппарат [10]. Он считал республику наиболее приемлемым и логичным вариантом существования Российского государства, где народ может сам управлять своей страной.

В плеяде видных мыслителей России можно назвать и другие имена. Так, П.И. Пестель, будучи одним из руководителей декабрьского вооруженного восстания в Петербурге в 1825 г. (после восстания был арестован и казнен), разработал даже проект Конституции России. И хотя она в силу многих объективных обстоятельств не была принята, тем не менее сам факт создания Конституции свидетельствует об оригинальности этого человека, выступавшего за кардинальные демократические реформы в России. В то же время он был противником федерализма. Любую автономию для любого региона России он воспринимал как вариант конфедеративный и нежелательный. По мнению П.И. Пестеля, Древняя Русь была федерацией, что стало причиной ее развала.

Талантливый российский историк Н.И. Костомаров, создавший оригинальные научные труды по истории России, считал, что в Древней Руси было много элементов федеративного общества. Он утверждал, что сущность федерации проявлялась в равноправном существовании шести народностей – южнорусской, севернорусской, белорусской, великорусской, псковской и новгородской, что в основе федерализма Древней Руси лежал этнографический принцип, сохранивший свое значение для многих славянских государств, в том числе России, Белоруссии, Украины. Н. Костомаров писал: «И природа, и обстоятельства – все вело жизнь русского народа к самобытности земель с тем, чтобы между всеми землями образовалась и поддерживалась неустанно

связь. Так, Русь стремилась к федерации, и федерация была той формой, в которую она начала облекаться. Вся история Руси удельного периода есть постепенное развитие федеративного начала, но вместе с тем и борьба его с началом единодержавия» [11].

Эту точку зрения поддерживал другой известный мыслитель и ученый А.С. Яценко, который утверждал, что в Древней Руси существовала «федерация самостоятельных государств, из которых в каждом был свой князь и свое вече» [12, с. 137]. В одной из своих главных работ «Что такое федеративная республика и желательна ли она для России» А.С. Яценко пытался рассмотреть проблему федеративного устройства России и доказывал, что «всякий национальный, раздробляющий федерализм есть лишь крайнее выражение провинциализма, пережитой стадией политической жизни человечества, где областные различия стремятся бороться против более высокой и совершенной формы государственного бытия» [13, с. 68]. Осуществлять путем федерализма национальную программу, по убеждению А.С. Яценко, является попыткой повернуть назад весь исторический ход человечества [12, с. 140]. Более того, по мнению ученого, те, кто предлагает федерализацию России, должны твердо помнить и ясно сознавать, что они призывают к разделению России на ряд независимых государств [12, с. 140]. Разумеется, в конкретных исторических условиях, когда Россия была одной из самых мощных империй мира, когда ее сила и могущество в основном опирались на военную составляющую, трудно было даже вообразить федеративное устройство, так как федеративное строительство предполагает демократическое общество. В дореволюционной России действительно невозможны были какие-то позитивные результаты от федеративного устройства. Федерализм – это не просто декларации, заявления, намерения, благие пожелания и т.д. Для федеративного переустройства государства необходимо провести хотя бы элементарные реформы в правовой и политической сферах, чего не было в Российской империи.

Элементы федеративного устройства России можно увидеть при внимательном и объективном анализе истории отдельных территорий, населенных нерусскими народами, обладавшими относительной самостоятельностью. Например, Финляндия, Польша, Тифлисская и Кутаисская губернии, Хивинское ханство и т.д. Почти все они имели свои специфические органы власти и элементы федерализма. Большими правами обладали и места расселения казачьих войск, которые также имели определенные автономные права. В то же

время в условиях Российской империи в целом трудно было говорить о федерации. Элементы федерализма, которые кое-где имели место, не могут характеризовать Российскую империю как федеративную державу.

Теоретически большое значение имеет также план федеративного устройства России, который был разработан известным декабристом и просветителем Н. Муравьевым. Он предлагал два проекта Конституции России на федеративных началах [12, с. 138]. По его мнению, политическую и гражданскую суть должны были определять, с одной стороны, «величие народов», населяющих Россию, с другой – «максимальная свобода граждан».

Известные российские писатели, публицисты А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский, стоявшие на революционно-демократических позициях, также стремились к переустройству России по образцам развитых демократических государств Европы. При этом они подчеркивали, что в переустроенной России необходимо учитывать не только русский фактор, но и инонациональный, т.е. межнациональный. В.Д. Дзидзоев пишет: «Нет сомнения в том, что история и современность тесно связаны и переплетены. Объективное и научное осмысление прошлого, правильная оценка настоящего и прогнозирование будущего представляют для науки сложную задачу» [14, с. 185].

Объективно оценивая историческое прошлое наших народов, следует подчеркнуть, что дореволюционный период истории Российской империи был сложным и противоречивым. Вместе с тем невозможно отрицать огромный созидательный труд ее народов, десятков миллионов людей разных национальностей и вероисповеданий. В их числе были и коренные народы Северного Кавказа. В общей массе российских народов «были достигнуты внушительные успехи в экономике и культуре» [14, с. 185]. Это в полной мере относится к коренным народам Северного Кавказа, «которые в составе Российского, затем Советского государства, во многом благодаря помощи более развитых народов создали мощную экономику и развитую культуру. Огромную роль в истории и судьбе горцев сыграла передовая русская и советская культура» [14, с. 185]. Следует подчеркнуть, что эти успехи, о которых говорит известный специалист, стали возможны, благодаря федеративному устройству нашего многонационального Отечества, советской национальной политике, которая учитывала интересы всех народов страны, особенно малочисленных коренных народов, для которых создавались

идеальные условия для достижения больших успехов во всех сферах жизни.

Литература

1. Киселева А.В., Нестеренко А.В. Теория федерализма. М., 2002.
2. Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование). Владикавказ, 2000. С. 14.
3. Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. 2-е изд. Владикавказ, 1998.
4. Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе: 3-е изд. Владикавказ, 2000.
5. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1957. Т. 3.
6. Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. 1989. Вып. 33. М., 1989.
7. Юридическая энциклопедия. М., 2007.
8. См.: Социологическая энциклопедия: в 2 т. М., 2003. Т. 2.
9. См.: Крижанич Ю. Политика // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 3. М., 1997.
10. См.: Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: в 2 т. / под ред. В.В. Каллаша. Т. 1. М., 1907.
11. Костомаров Н. Мысли о федеративном начале Древней Руси // Отечественные записки. Кн. 2. СПб., 1861. С. 53–66.
12. Яценко А.С. Русский федерализм // Федерализм. 1996. № 1.
13. Цит. по: Шевцов В.С. Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). М., 1978.
14. Дзидзоев В.Д. Военно-политическое и межнациональное противостояние на Северном Кавказе в 1917–1925 гг. (к вопросу периодизации вооруженной борьбы в регионе) // Научная мысль Кавказа. Междисциплинарные и специальные исследования. 2008. № 3. С. 50.

References

1. Kiseleva A.V., Nesterenko A.V. *Teoriya federalizma* [Theory of Federalism]. Moscow, 2002.
2. Dzidzoev V.D. *Kavkaz kontsa XX veka: tendentsii etnopoliticheskogo razvitiya (istoriko-politologicheskoe issledovanie)* [Caucasus at the end of XX century: ethno-political development trends (historical and political research)]. Vladikavkaz, 2000, p. 14.
3. Dzidzoev V.D. *Natsional'nye otosheniya na Kavkaze* [National Relations on the Caucasus]. 2nd edition. Vladikavkaz, 1998.
4. Dzidzoev V.D. *Natsional'nye otosheniya na Kavkaze* [National Relations on the Caucasus]. 3rd edition. Vladikavkaz, 2000.

5. Plekhanov G.V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow, 1957, vol. 3.
6. *Ezhгодnik Bol'shoi Sovetskoj Entsiklopedii* [Yearbook of the Big Soviet Encyclopedia]. 1989. Ed. 33. Moscow, 1989.
7. *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal Encyclopedia]. Moscow, 2007.
8. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Sociological Encyclopedia]. 2 vol. Moscow, 2003, vol. 2.
9. Krizhanich Yu. *Politika* [Politics]. *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli*: in 5 vol. Vol. 3. Moscow, 1997.
10. Radishchev A.N. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Ed. V.V. Kallash. Vol. I. Moscow, 1907.
11. Kostomarov N. *Mysli o federativnom nachale Drevnei Rusi* [Thoughts on Federal Basis of Ancient Russia]. *Otechestvennye zapiski*. Vol. 2. Saint Petersburg, 1861, pp. 53-66.
12. Yashchenko A.S. *Russkii federalizm* [Russian Federalism]. *Federalizm*. 1996, no 1.
13. Shevtsov V.S. *Natsional'nyi suverenitet (problemy teorii i metodologii)* [National Sovereignty (theory and methodology)]. Moscow, 1978.
14. Dzidzoev V.D. *Voенно-politicheskoe i mezhnatsional'noe protivostoyanie na Severnom Kavkaze v 1917-1925 gg. (k voprosu periodizatsii vooruzhennoi bor'by v regione)* [Military-political and inter-ethnic conflict in the North Caucasus in 1917-1925 (the question of periodization of warfare in the region)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza. Mezhdistsiplinarnye i spetsial'nye issledovaniya*. 2008, no 3, p. 50.

Поступила в редакцию

13 марта 2015 г.

УДК 343

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ НЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2015 г. А.Н. Леплявкин

Леплявкин Андрей Николаевич – подполковник, заместитель начальника оперативного отделения штаба войсковой части 3660 Северо-Кавказского регионального командования внутренних войск МВД России, пр. Баклановский, 77, г. Новочеркасск, 346411. E-mail: lan_13@mail.ru

Leplyavkin Andrey Nikolaevich – Lt. Col., Deputy Chief of Staff, Operations Branch of the Military Unit 3660 of the North Caucasian Regional Command of Internal Troops of the RIM, Baklanovskii Ave., 77, Novocheerkassk, 346411, Russia. E-mail: lan_13@mail.ru

Раскрываются основные проблемы совершенствования уголовно-правовой нормы, закрепленной в ст. 343 УК РФ «Нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности». Выявляются основные пробелы диспозиции ч. 1 ст. 343 УК РФ, проблемы, возникающие при квалификации по данной норме. Рассматривается вопрос о целесообразности включения в ст. 343 УК РФ примечания, согласно которому военнослужащий, впервые совершивший преступление, может быть освобожден от ответственности, если преступление явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств.

Ключевые слова: *правила несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, диспозиция, военнослужащий, войсковой наряд, вред, тяжкие последствия, квалификация преступлений, совокупность преступлений.*

The article describes the main challenges of improving the criminal law as enshrined in Art. 343 of the Criminal Code «Violation of the rules of service for the protection of public order and public security». The author reveals major gaps disposition of Part 1 of Article 343 of the Criminal Code, the problems that arise when training on the norm. In addition, the article deals with the question of whether to include in Article 343 of the Criminal Code notes, according to which a soldier who has committed a crime may be relieved of liability if the crime was the result of exceptional circumstances.

Keywords: *rules of service for the protection of public order and public security, disposition, soldier, military outfit harm grave consequences, qualification of crimes set of crimes.*

Важнейшую роль в обеспечении защиты безопасности государства и его территориальной целостности играет правовое регулирование порядка

прохождения военной службы, исполнения военнослужащими своих обязанностей и ответственности за нарушения установленного порядка.

В соответствии с Федеральным законом от 06.02.1997 г. № 27-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г.) «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» (далее – Закон) внутренние войска входят в состав системы МВД России и предназначены для обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных и других противоправных посягательств. Первоочередной задачей внутренних войск является участие совместно с органами внутренних дел в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения [1].

Статьи 25–29 Закона закрепляют условия и пределы применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники при выполнении внутренними войсками возложенных на них задач.

Согласно ст. 17 Закона, военная служба по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности осуществляется посредством боевой службы в составе войскового наряда. Перечень обязанностей военнослужащих внутренних войск, несущих службу в составе войскового наряда, закреплен не только в Законе, но и в ведомственных нормативных актах МВД России, приказах, инструкциях и распоряжениях должностных лиц внутренних войск.

В ст. 343 «Нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности» УК РФ [2] установлена ответственность за нарушение правил несения службы лицом, входящим в состав войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, если это деяние причинило вред правам и законным интересам граждан (ч. 1) или повлекло тяжкие последствия (ч. 2).

Нарушение правил применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники при несении службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности может быть связано с применением насилия. Исходя из этого, некоторые авторы относят это преступление к разряду насильственных.

Следует отметить, что особенности уголовной ответственности за нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности являются малоисследованными в уголовно-правовой науке, а в разрезе исследования обоснованности криминализации и пенализации данного деяния практически не изучены.

Согласно ч. 1 ст. 343 УК РФ, установлена ответственность за нарушение правил несения службы лицом, входящим в состав войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, если это деяние причинило вред правам и законным интересам граждан.

Считаем, что такое указание на граждан как потерпевших противоречит общим принципам российского и международного права, сужая круг субъектов уголовно-правовой охраны. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 2 УК РФ, «задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина...», т. е. любого человека безотносительно принадлежности к гражданству. Поэтому предлагаем изложить диспозицию ч. 1 ст. 343 УК РФ следующим образом: «...нарушение правил несения службы лицом, входящим в состав войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, если это деяние причинило вред правам и законным интересам человека и гражданина».

Как показывает анализ судебной практики по делам о воинских насильственных преступлениях, сложности в квалификации этих деяний заключаются в основном в уголовно-правовой оценке насилия.

Насильственный характер нарушения правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности может проявляться, например: а) в применении общественной силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники без предупреждения в тех случаях, когда такое предупреждение является обязательным; б) в применении физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, при отсутствии для этого законных оснований; в) в применении оружия в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен военнослужащему внутренних войск, кроме тех случаев, когда такое применение является допустимым, и т. д.

Посягательство считается оконченным в момент причинения вреда правам и законным интересам граждан. Он состоит в нарушении физической неприкосновенности, причинении легкого, средней тяжести вреда здоровью, ущемлении чести и достоинства, нарушении неприкосновенности жилища и др. [3].

Обязательным признаком составов преступлений, указанных в ст. 343 УК РФ, является причинение вреда правам и законным интересам граждан (ч. 1 ст. 343 УК РФ) либо наступление тяжких последствий (ч. 2 ст. 343 УК РФ).

Этот вред может выражаться в причинении имущественного ущерба гражданину, физических или нравственных страданий. В последнем случае, исходя из характера и степени общественной опасности, отраженных в признаке наказуемости, объем такого вреда ограничивается причинением средней тяжести вреда здоровью потерпевшего.

Согласно ст. 151 ГК РФ, моральный вред заключается в причинении гражданину физических или нравственных страданий действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему другие нематериальные блага. В доктрине гражданского права к нематериальным благам принято относить жизнь и здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, право свободного передвижения и другие объекты, перечисленные в ст. 150 ГК РФ.

Причинение иного вреда правам и законным интересам граждан может выражаться в необоснованном задержании, обыске, неправомерном применении физической силы, специальных средств, оружия [4, с. 433].

Часть 2 ст. 343 УК РФ содержит диспозицию следующего содержания: «То же деяние, повлекшее тяжкие последствия». Ввиду оценочности данного понятия «тяжкие последствия» в научной литературе спорным является вопрос, что следует к ним относить.

В.М. Лебедев, А.В. Галахова считают, что к тяжким последствиям может быть отнесено «причинение опасного для жизни и здоровья вреда гражданам в результате незаконного и необоснованного применения физической силы, специальных средств и оружия, существенного материального вреда, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего или иной тяжкий вред» [5].

А.В. Бриллиантова полагает, что к числу тяжких последствий можно отнести «причинение смерти или тяжкого вреда здоровью граждан, нанесение крупного материального вреда, подрыв авторитета внутренних войск и др.» [6].

«Военным судом Одинцовского гарнизона Ларионов признан виновным в нарушении правил несения службы в составе войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, повлекшем тяжкие последствия. Эти его действия квалифицированы судом по ч. 2 ст. 343 УК.

Согласно приговору, Ларионов, применяя приемы борьбы, несколько раз бросал Скворцова и Же-

лонкина на землю, причинив им тем самым физическую боль. Кроме того, своим ударом он сломал нижнюю челюсть Гриневичу, то есть причинил последнему вред здоровью средней тяжести.

При рассмотрении данного дела в порядке надзора Военная коллегия указала, что тяжкими последствиями по смыслу ч. 2 ст. 343 УК следует признавать причинение тяжкого вреда здоровью в результате незаконного применения физической силы, специальных средств и табельного оружия или же нанесение в совокупности различного вреда здоровью нескольким гражданам.

Поскольку действиями Ларионова потерпевшему Гриневичу причинен вред здоровью средней тяжести, а Скворцову и Желонкину нанесены побои, у суда не имелось достаточных оснований для вывода о наступлении тяжких последствий от действий осужденного.

С учетом изложенного содеянное Ларионовым Военная коллегия переклассифицировала с ч. 2 на ч. 1 ст. 343 УК» [7].

Н.А. Петухов справедливо отмечает, что «содержание понятия «тяжкие последствия» обусловлено объектом уголовно-правовой охраны соответствующей нормы. Поэтому различный по характеру вред должен включаться в понятие «тяжкие последствия» не произвольно, а с учетом его взаимосвязи с указанным объектом» [8, с. 328].

Тяжкими последствиями по смыслу ст. 343 УК РФ следует признавать реально наступившие обстоятельства, наносящие значительный ущерб интересам безопасности государства, боеготовности частей и подразделений, а также объектам, находящимся под охраной караула и войскового наряда по охране общественного порядка, внутреннего наряда.

В Обзоре судебной практики Верховного суда РФ 2001 г. указано, что под «тяжкими последствиями» по смыслу ст. ст. 340, 341, 342, 343 и 344 УК следует признавать реально наступившие обстоятельства, наносящие значительный ущерб интересам безопасности государства, боеготовности частей и подразделений, а также объектам, находящимся под охраной караула и войскового наряда по охране общественного порядка, внутреннего наряда.

К ним могут быть отнесены, в частности, не предотвращенное вооруженное вторжение на территорию Российской Федерации, вооруженная провокация, проникновение диверсантов, нападение на пограничные заставы и посты, повлекшие гибель людей, причинение значительного материального ущерба, выход из строя боевой техники, срыв зада-

ния, неисполнение приказа, а также другие последствия, существенно влияющие на снижение боеготовности частей и подразделений и т.д.

Этот вред, к примеру, может выражаться в уничтожении, повреждении или хищении находящегося под охраной караула имущества в крупном размере, значительного количества оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, иных источников повышенной опасности или предметов, изъятых из гражданского оборота.

В определенных случаях к тяжким последствиям названных преступлений может быть отнесено причинение вреда жизни или здоровью военнослужащих и других лиц (например, содержащихся на гауптвахте или в дисциплинарной воинской части)» [7].

Р.В. Закомолдин предлагает частично конкретизировать содержание тяжких последствий в диспозиции ч.2 ст.343 УК РФ и изложить её в следующей редакции:

«2. То же деяние, если оно повлекло по неосторожности: а) смерть человека; б) тяжкий и средней тяжести вред здоровью; в) имущественный ущерб в крупном размере; г) значительный имущественный ущерб; д) вред в отношении двух и более лиц или иные тяжкие последствия» [9].

Однако такая позиция представляется неоправданной по двум причинам: во-первых, перечень не является исчерпывающим (что невозможно по объективным причинам), а значит, не решит обозначенной проблемы, а во-вторых, в самом перечне содержатся оценочные понятия (например, значительный ущерб).

Нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности может совершаться в совокупности с другими преступлениями. Сложность в ряде случаев вызывала оценка одного преступного действия, содержащего признаки разных преступлений.

Применение физического насилия при нарушении правил несения специальных видов военной службы может повлечь различные последствия физического характера: боль, вред здоровью, смерть, ограничение свободы. В связи с этим в литературе и на практике возникает вопрос о том, какой объем («размер») этих последствий охватывается соответствующими нормами гл. 33 УК РФ, а в каких случаях требуется квалификация по совокупности с преступлениями против личности.

В этой связи О. Зателепин предлагает применять два критерия. «Первый – при определении содержания (объема) физического вреда в ст. 342, 343 и 344

УК РФ необходимо сопоставлять строгость санкций этих статей и статей, предусматривающих ответственность за насильственные посягательства против личности. Дело в том, что характер общественной опасности преступления и прежде всего степень важности того или иного объекта (объектов) уголовно-правовой охраны формально отражены в санкциях. В санкциях воинских статей отражена совокупная общественная опасность, которая определяется не только вредом боевой готовности воинских частей, но и объемом физического вреда, причиняемого в результате нарушений правил несения той или иной службы.

Вторым критерием следует признать «насильственное» содержание оценочного понятия «тяжкие последствия»» [10, с. 55].

Представляется, что умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью нескольких лиц также требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 112 и ч. 2 ст. 343 УК РФ. Дело в том, что санкции за эти преступления одинаковые (лишение свободы на срок до пяти лет). В юридической литературе обоснованно утверждается, что при совпадении пределов санкций в подобных случаях необходима квалификация по совокупности, «так как “дополнительное” деяние, – пишет А.В. Наумов, – приобретает тогда равную общественную опасность с составным преступлением, в то время как степень общественной опасности последнего должна быть всегда более высокой по сравнению с опасностью образующих его частей» [11, с. 58].

Причинение физической боли, легкого вреда здоровью, ограничение свободы должны квалифицироваться только по ч. 1 ст. 343 УК РФ. Умышленное же причинение средней тяжести вреда здоровью необходимо оценивать по ч. 1 ст. 343 УК РФ и по ст. 112 УК РФ. Если в результате нарушения правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности умышленно причинены тяжкий вред здоровью или смерть, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 343 и ст. 111 или ст. 105 УК РФ. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью нескольким лицам также требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 112 и ч. 2 ст. 343 УК РФ. Причинение легкого вреда здоровью нескольким лицам охватывается ч. 2 ст. 343 УК РФ.

Рассматривая вопросы совершенствования уголовно-правовой нормы об ответственности за нару-

шение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, необходимо отметить, что два состава преступлений (ст. 337 и 338 УК РФ) в гл. 33 содержат примечания, согласно которым военнослужащий, впервые совершивший деяние, может быть освобожден от уголовной ответственности, если совершение преступления является следствием стечения тяжелых обстоятельств. Полагаем, что такое примечание должно найти отражение и в ст. 343.1 УК РФ.

Действительно, если проанализировать причины нарушения правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, то в их основе лежат те явления и процессы, которые привели к неосторожному совершению военнослужащим данного деяния. Именно «неосторожность» исключает целенаправленность преступного деяния, которая характеризует сложившийся противоправный тип преступника.

Исходя из этого, считаем целесообразным дополнить ст.343 УК РФ примечанием следующего содержания: «Военнослужащий, впервые совершивший при смягчающих обстоятельствах деяние, предусмотренное ч. 1 настоящей статьи, может быть освобождён от уголовной ответственности».

Вышеизложенное позволяет предложить следующую редакцию ст.343 УК РФ:

1. Нарушение правил несения службы лицом, входящим в состав войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, если это деяние причинило вред правам и законным интересам человека и гражданина, наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, повлекшее тяжкие последствия, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Примечание: военнослужащий, впервые совершивший при смягчающих обстоятельствах деяние, предусмотренное ч. 1 настоящей статьи, может быть освобождён от уголовной ответственности».

Литература

1. Уголовное право России. Часть Особенная. 4-е изд. / под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2014. 836 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.02.2015) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

3. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2013. 710 с.

4. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова [и др.]; под ред. А.В. Галаховой. М., 2014. 736 с.

5. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации. Комментарий. Судебная практика. Статистика / под общ. ред. В.М. Лебедева; отв. ред. А.В. Галахова. М., 2009. С. 1097.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Т. 2 / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. 1154 с.

7. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими» // Обзор судебной практики военных судов Российской Федерации по уголовным делам (1996–2001 гг.). URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 11.12.2013).

8. Петухов Н.А., Хомчик В.В. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации. Комментарий. Судебная практика. Статистика... 1098 с.

9. Закомолдин Р.В. Ответственность за нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности по уголовному законодательству России: дис. ... канд. юр. наук. Самара, 2001. 256 с.

10. Замелепин О.К. Уголовно-правовая охрана военной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2013. 66 с.

11. Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. 139 с.

References

1. *Ugolovnoe pravo Rossii* [Criminal Law of Russia]. Chast' Osobennaya. 4-e iss. Ed. L.L. Kruglikova. Moscow, 2014, 836 p.
2. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 N 63-FZ* (ed. on 03.02.2015) [The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ]. *SZ RF*. 17.06.1996, no 25, art. 2954.
3. *Ugolovnoe pravo Rossii* [Criminal Law of Russia]. Osobennaya chast' / pod red. A.I. Raroga. Moscow, 2013, 710 p.
4. *Otsenochnye priznaki v Ugolovnom kodekse Rossiiskoi Federatsii: nauchnoe i sudebnoe tolkovanie* [Assessment Signs of the Criminal Code of the Russian Federation: the Scientific and Judicial Interpretation]. Yu.I. Antonov, V.B. Borovikov, A.V. Galakhova [and others.]; ed. A.V. Galakhovoi. Moscow, 2014, 736 p.

5. *Osobennaya chast' Uголовного кодекса Rossiiskoi Federatsii. Kommentarii. Sudebnaya praktika. Statistika* [A Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Comments. Litigation. Statistics]. Ed. V.M. Lebedev; ch.ed. A.V. Galakhova. Moscow, 2009, p. 1097.

6. *Kommentarii k Uголовному кодексу Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Vol. 2. Ed. A.V. Brilliantov. Moscow, 2015, 1154 p.

7. [Judicial Review of the Supreme Court "Review of judicial practice in cases of crimes against military service and some malfeasance committed by military personnel"]. *Obzor sudebnoi praktiki voennykh sudov Rossiiskoi Federatsii po uголовnym delam (1996–2001 gg.)* [Review of judicial practice of the military courts of the Russian Federation Criminal (1996-2001)]. Available at: <http://base.consultant.ru/> (accessed 11.12.2013).

8. Petukhov N.A., Khomchik V.V. *Osobennaya chast' Uголовного кодекса Rossiiskoi Federatsii. Kommentarii.*

Sudebnaya praktika. Statistika [The Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Comments. Litigation. Statistics]... 1098 p.

9. Zakomoldin R.V. *Otvetstvennost' za narushenie pravil neseniya sluzhby po okhrane obshchestvennogo poryadka i obespecheniyu obshchestvennoi bezopasnosti po uголовному zakonodatel'stvu Rossii*: dis. ... kand. jur. nauk [Responsibility for Violation of the Rules of Service for the Protection of Public Order and Public Security in the Criminal Legislation of Russia]. Samara, 2001, 256 p.

10. Zatelepin O.K. *Uголовно-правовая okhrana voennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii*: avtoref. dis. ... d-ra jur. nauk [Criminal-law protection of the military security of the Russian Federation]. Moscow, 2013, 66 p.

11. *Uголовно-правовое znachenie nasiliya. Nasil'stvennaya prestupnost'* [Criminal legal significance of violence. Violent Crime]. Ed. V.N. Kudryavtsev, A.V. Naumov. Moscow, 1997, 139 p.

Поступила в редакцию

24 марта 2015 г.

УДК 342

ИСТОЧНИКИ И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ОБЫЧНОГО ПРАВА САЛАТАВИИ

© 2015 г. С.И. Омарова

Омарова Саният Исаевна – преподаватель, Филиал Южного федерального университета в г. Махачкала, ул. Юсупова, 51, г. Махачкала, 367013. E-mail: isaevna.ru@mail.ru

Omarova Saniyat Isayevna – Lecturer, Branch of the Southern Federal University in Makhachkala, Yusupova St., 51, Makhachkala, 367013, Russia. E-mail: isaevna.ru@mail.ru

Изучение источников и основных черт по древней и средневековой истории государства и права Салатавии – территории Дагестана – показало, что правовые отношения горцев изложены в адатах. Горские адатно-правовые нормы включали обычаи, решения сельских сходов, соглашения между аулами, акты ханов. Правовая система основывалась не только на адате, но и шариате. Среди источников права, как и в мусульманском мире в целом, выступают Коран и сунны. В Салатавии обществом управляли избираемые в каждом селе всем джамаатом судьи, или карты – старики, старейшины.

Ключевые слова: Салатавия, джамаат, кадий, тухум, адат, годекан, ишкиль, община, поселение, Дагестан, старины, обычное право.

The study of the sources and the main features on the Ancient and Medieval history of state and law of Salataviya - the territory of Dagestan showed that the legal relations of mountaineers were set out in adats. Mountain adat-legal norms included customs, solutions of village congregation, the agreement between the auls, khan acts. The legal system is based not only on adat, but Sharia as well. Among the sources of law, as well as in the whole Muslim world, there are the Qur'an and the Sunnah. Salatavian community was ruled by judges - the elders elected in village congregation.

Keywords: Salataviya, Jamaat, Qadi, tukhum, adat, godekan, ishkil, community, settlement, Dagestan, elders, customary law.

Наименее изученным вопросом в истории государства и права Дагестана является история государственности и правовых институтов сельских обществ.

Салатавский союз сельских обществ – один из интересных в научном плане мест Дагестана. Территория, на которой живут салатавцы, была заселена еще в первобытные времена [1].

Салатавское общество объединяет поселения, которые претендуют на древность своего происхождения. До присоединения Дагестана к России салатавцы в политическом отношении представляли единое целое.

Научные работы по древней и средневековой истории государства и права Салатавии почти отсутствуют, в связи с чем крайне трудно представить историческую картину прошлого салатавцев. В обычном праве народов Дагестана, возникшем и действовавшем на базе отсталого натурального хозяйства, процесс отмирания норм родоплеменного строя затянулся на длительный исторический период. Обычное право кавказских горцев, в том числе и горцев Дагестана, привлекло внимание Ф.И. Леонтовича [2].

Начало правовых отношений горцев изложено в адатах. Значительная трудность в их изучении состоит в том, что они неупорядочены и противоречивы, многие содержат архаичные нормы. Другая трудность заключается в том, что адаты в своем абсолютном большинстве не были записаны, они передавались от поколения к поколению, как и всякое право, развивались и изменялись вместе с происходящими в экономической и политической жизни сдвигами. Одни адаты исчезали, а другие появлялись [3]. Так или иначе, адаты отражали уровень развития современного общества. Нередко механизм принятия нового адата сводился к тому, что он лишь тогда приобретал силу закона, когда за него голосовали на собрании схода все его члены.

Многие нормы и представления обычного права действительно имеют идейную связь с первобытными религиями, в частности с анимизмом и его проявлением – культом предков. Одним из первых попытался проследить связь родового быта с культом предков М.М. Ковалевский [4].

Источниками обычного права являются: третейский суд, судебная практика феодальных правителей, договоры между селами и внутри сел, деятельность сельских джамаатов. Важное значение в выработке новых адатных норм имело и общее собрание союзов сельских обществ. Обязательными становились условия для разрешения длительных споров между двумя аулами из-за пастбищ.

По мере развития абстрактного мышления осложнялись религиозные верования людей. Важным этапом в этом процессе было появление представления о дуализме человека, о смертном теле и бессмертной душе. С этого времени жизнь человека и его смерть связывались с душой [5].

Соблюдение религиозных верований людей сохраняло живую силу и честь рода, отсюда возникла традиция кровной мести [6]. Общественность

также придавала ей большое значение. Отказ от кровной мести считался позором, вызывал насмешки и презрение односельчан. Кровная месть связана с более поздней традицией диет-возмездия. Получение диет среди большинства народа расценивалось как продажа родного человека [7]. Поэтому прибегали к кровной мести, хотя в душе чуть ли не все осуждали ее. К тому же нужно иметь в виду, что не только в тот период, когда жили родами, но и позднее, вплоть до полного утверждения влияния России, в Дагестане не было сильной публичной власти, которая могла принудительно регулировать гражданскую жизнь горцев. Поэтому каждый род, тухум сам должен был отстаивать свои интересы. Орудием же защиты могла быть только сила.

Следует отметить, что горские адатно-правовые нормы, возникли на местной социальной почве. В обычном праве народов Дагестана сохранились родовые обычаи с некоторыми видоизменениями. В то же время члены рода не считали позором похищение или воровство, совершенные в отношении чужеродца. Видимо, с этими обычаями связаны по своему происхождению установления обычного права ряда обществ об умерщвлении родившихся вне народа и семьи детей, а также убийство виновников прелюбодеяния.

Важным источником права в Дагестане служили обычаи, решения сельских сходо, соглашения между аулами, акты ханов. Правовая система основывалась не только на адате, но и шариате. Среди источников права в Дагестане, как и в мусульманском мире в целом, выступают Коран и сунна.

С появлением частной собственности понятие справедливости приобретает другой смысл – права на частную собственность и ее неприкосновенность. Так было и в Дагестане. Мы сопоставили понятие справедливости в адатах родового строя и феодализма. Обычаи и нравы явились выражением таких понятий, как дисциплина и ответственность за общее дело, а также определенных требований коллектива по отношению к его членам. Конечно же они не сразу приобрели устойчивый характер. У первобытных людей развивались определенные моральные чувства и представления о своих обязанностях и ответственности перед коллективом. Но для того чтобы они стали субъективной потребностью индивидов, их осознанным моральным долгом, требовалось немало времени. Таким образом, возникновение нравов и обычаев, регулировавших взаимоотношения людей, относится к раннему периоду человеческого общежития. Требования жизни держалось тогда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода или женщины, в то

время занимавшие не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко более высокое [8].

Но в тех редких случаях, когда обычаи оказывались недостаточными, дельные члены общины допускали отклонение от норм, на помощь приходило общественное мнение, которое имело значение предостерегаемого авторитета. Здесь нужно отметить, что дисциплинированность и исполнительность в родовых общинах находилась на высоком уровне.

Не у всех народов Дагестана существовал обычай барамты, или ишкиль – право истца, потерявшего надежду на мирное возвращение вещи или долга, силой отнимать какую-нибудь вещь у должника или родственника. Она возвращалась по удовлетворению ответчиком истца. Этот обычай служил поводом к грабежам и разбоям. Но нельзя рассматривать его врожденным свойством природы горцев. Не выдерживает критики и попытка Ф.И. Леонтовича представить дело так, будто хищничество, т. е. воровство, грабеж и разбой отвечают характеру и потребностям горцев, и, передаваясь по поколениям, приобрели силу непреложного закона [2]. Такое понимание противоречит научным фактам и исторической действительности.

Как отмечалось, адаты как явления духовной культуры в конечном счете отражали экономические отношения. Но влияние последних на адаты трудно уловимы, так как они выступают в основном через посредство социально-политических отношений. Разумеется, в родовом строе не было классов, стало быть и политики, являющейся выражением взаимодействия между классами. Вряд ли будет ошибкой, если скажем, что родоплеменные пережитки сохранились в этом регионе вплоть до конца XIX в. Поэтому правомерно подчеркнуть, что в Дагестане социальные отношения выступали в сложном переплетении [9]. Наряду с феодальными отношениями, определявшими в основном характер существующего общественного строя, здесь бытовали остатки отжившего родового общества и, начиная со второй половины XIX в., – элементы нового, капиталистического строя. Все это в своеобразной форме нашло отражение в адатах, возникших в родовом строе как обычаи и нравы, регулирующие жизнь людей. Но с формированием феодальных отношений они во многом трансформировались. В том виде, в каком они дошли до нас, дагестанские адаты представляют собой сложное образование, в котором правовые нормы феодального характера соседствуют с родовыми обычаями. В адатах «вольных» обществ родовые нормы сохранились в большей степени, чем в адатах феодальных владений. Последние приспособлены самой

феодальной верхушкой к своим интересам. В XIX в. и адаты «вольных» обществ во многом носили феодальный характер.

Отсюда создается впечатление, что обычное право с самого начала было феодальным. Не учитывается также, что в адатах «вольных» обществ сохранились еще родовые установления, не способствующие в прямом смысле закреплению феодальной эксплуатации. Процесс трансформации родовых адатов в феодальные шел вслед за процессом формирования феодальных отношений. Но в распоряжении исследователей обычного права «народов Дагестана нет пока других сколько-нибудь серьезных, научных работ, относящихся к XVII в.» [10].

Русские ученые М.М. Ковалевский [4], Ф.И. Леонтович [2], изучавшие общественный строй и право горцев Дагестана, подчеркивали большую научную значимость юридических сборников, являвшихся результатом кодификаторской деятельности феодальных правителей. Наиболее важные вопросы внутреннего управления общины, распределения общинных земель, выбор должностных лиц, организация сельскохозяйственных работ, вопросы политической жизни общины решались на сельском сходе, где принимали участие все совершеннолетние мужчины джамаата. Собирался народ на сходы исполнителями по решению совета старейшин, старшины или кадия. Местом сбора народных сходов была площадь у мечети, называемая у аварцев «годекан», или другие специально для этого отведенные места. На них решались наиболее главные вопросы внутренней жизни джамаата: распределение общественных земель (пашни, покосы, пастбища), исправление старых и проведение новых дорог, оросительных канав, мостов, выборы сельских административных и духовных лиц, судебных заседателей, назначение исполнителей, наем общественных пастухов. На сходах также принимали новые адатные нормы, которые становились обязательными для всех членов общины. Однако в изучаемое время сельские «богатеи» использовали народный сход в своих интересах, навязывали те решения, которые были направлены на защиту частной собственности [11].

Между сходами эти же функции по салатавским адатам выполнял совет старейшин, который состоял из выборных и почетных представителей каждого тухума, приобретших общее доверие своею опытностью. Называли их в Салатавии «джамаатчи» (почетные старики), избираемые сходом для контроля деятельности сельской администрации.

Фактически, как об этом свидетельствуют письменные и устные источники, в совет старейшин выдвигались представители состоятельной сельской

верхушки, принимавшие угодные для нее решения. Затем совет старейшин, опираясь на свой авторитет, проводил их в жизнь от имени всего джамаата.

Каждое сельское общество в зависимости от его величины управлялось одним или несколькими старшинами. У салатавцев своих владельцев не было, «а было в каждой деревне по несколько старшин» [9]. Их в народе называли «чухби» (справедливые люди или судьи). В начале XIX в. с дальнейшим укреплением позиции шариата в селениях Чиркее и Чирюрте, относящихся к Салатавии, старшин стали называть арабским словом «магкамачи» (судья), в остальных общинах – «карт» (букв. старик, старейшина), которые соблюдали светские порядки по адату. Избирались старшины всем обществом из людей добросовестных и хорошо знающих сельские порядки и адаты по одному из каждого тухума или по одному с каждого мечетского прихода, и назначались двое старшин в таком селении, в котором одна мечеть. Нужно заметить, что в большинстве случаев старшинами выбирали членов из состоятельных тухумов. Однако адаты салатавцев ставили старшин в привилегированное положение и давали им большие права. «За слушание старшине и обществу, – говорится в салатавских адатах, – взыскивался штраф 5 руб. сер. В Чиркее точно установленного размера штрафа не существовало, его назначали при объявлении приговора».

Для разбора возникших в селении различных тяжб старшины выходили к мечети или на специально избранное для суда место [12]. Там они разбирали дела, преимущественно подлежащие решению по адату, и тот же час приводили в исполнение (если дело не сложное); в противном случае, при запутанности дела, к которому трудно подвести существующие адаты, или же если стороны недовольны решением старшин, тогда представляли дело на обсуждение всего джамаата или же давали на обсуждение почетных стариков, приобретших всеобщее доверие своею опытностью. Они участвовали в обсуждении всех важных вопросов и общественных дел. Называли их в Салатавии «Гадатчи» (человек, знающий хорошо народные адаты и имеющий вес в обществе). Если после окончательного приговора одна из сторон оставалась недовольной, то она обращалась к посредникам. В таких случаях, – писал А.В. Комаров, – для решения дел особой важности или при явно неудовлетворительном решении дела картами своего селения спорящие обращались к картам селений, издавна приобретшим известность своею непогрешимостью» [3]. Таким селом для жителей Присулакских селений был Цоботль «Зубутли» (территория Салатавии).

В каждом джамаате требовалось определенное число присягателей, которое зависело от важности дела и от стоимости иска. В записках о правах и об адатах жителей присулакского наибства говорится: «В Салатавии присутствовали на суде по воровству от 2 до 6 человек, грабежу – 12 человек, в убийстве и прелюбодеянии – 12 человек присягателей» По адату салатавцев, как и у других народов Дагестана, безнаказанным считалось убийство кровного врага, человека, нанесшего бесчестье целому семейству, объявленного врагом общества, нападающего из засады, вора на месте преступления, жены, матери, сестры и их любовников, если они застигнуты в момент близости, похитителя жены при его преследовании и т. д. [13].

В джамаатах для решения духовных дел имелся кадий (судья по шариатским делам и глава духовенства). Салатавцы кадия называли иногда равнозначным для них словом «дибир» (букв. писарь – иранское слово). Вероятно, причиной этого факта было то, что в Салатавии джамаатскую переписку вел кадий или кто-то от его имени. Кадия «избирали» на джамаатском сходе из лиц, известных своею ученостью, знанием корана, шариата и хорошей нравственностью. В обязанности кадия входило исполнение духовных требований, наблюдение за сельчанами по исполнению требований обрядов ислама и разбор тяжбных дел по шариату без права приводить в исполнение свои решения. Следовательно, несмотря на то, что духовная власть обладала большими полномочиями в джамаате, решающее слово в судебно-административной системе принадлежало светской власти. Однако в исследуемый период в Салатавии с дальнейшим усилением экономического положения духовенства шел процесс укрепления власти кадия.

В 20-х гг. XIX в. с распространением мюридизма и укреплением позиции шариата в Салатавии чиркеевский кадий, так же как и старшина, получили право на исполнение своих решений на месте, после чего кадий приобрел себе большую власть в джамаате как в духовных, так и в светских делах. С усилением власти кадия в это время наблюдается передача этой должности по наследству.

Кадии за свою службу получали установленную плату деньгами или хлебом. Кроме этого, кадии имели большой доход за разбор дел по шариату. Они были освобождены от податей и повинностей и получали определенную часть из «закята», «фитры», «напака» («напака» – часть дохода, вносимого в пользу мечети, которая назначалась на содержание мутаалимов) и из других доходов, выделяемых на содержание представителей духовенства, мечетей и мутаалимов при них, а также за исполнение конкретных своих обязанностей: при погребении – верхнюю

и нижнюю одежду покойного и с поминков половину барана и поднос сладостей и чурек; на совершение обряда бракосочетания – от 50 коп. до 1 руб. сер.: в праздник курбан-байрама – по ляжке со всех жертвенных баранов; при разделе наследства – соразмерно количеству одного и добровольное приношение наследников от 20 коп. до 3 руб. и более. Все решения сельской администрации и джамаата претворялись в жизнь через органы исполнительной власти. В Салатавии они назывались «тургаками» или «туркаками» (от тюркского слова «турггахъ» – сельская стража, исполнительный орган, обязанный наблюдать за порядком). Их также называли «алабами» или «росдал-алаби» (букв. сельские исполнители). Выбирали исполнителей по несколько человек в зависимости от величины села на общественном сходе, как правило, сроком на один год. Если исполнитель справлялся с этой должностью, то его избирали и на больший срок. Они также доводили до каждого члена общины все решения совета старейшин, суда картов и кадия, участвовали на суде и приводили в исполнение все решения, следили за правильным владением и использованием общественных земель, состоянием дорог, мостов, родников и др. [11].

Сельские «исполнители» были избавлены от всех повинностей, получали от общества плату деньгами или хлебом, пользовались везде и всегда определенной частью штрафов, взыскиваемых с виновников и слушников. Поэтому они проявляли инициативу в деле взыскания штрафов с населения.

Следовательно, община, формально сохраняя свои основные институты, выборность органов правления, принятие решений в результате голосования, создавала в глазах общинников иллюзию того, что эти органы принадлежат народу. Иначе говоря, общинный демократизм был условным.

Литература

1. Алиев Б.Г., Ахмедов Ш.М., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.
2. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1868.
3. Комаров А.В. Адамы и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 10.
4. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе: в 2 т. М., 1890.
5. Ламберт Д. Доисторический человек. Л., 1991.
6. Ковлер А.И. Исторические формы демократии. М., 1990.
7. Массон В.М. Первые цивилизации. М., 1989. С. 34.

8. Хашаев Х.-М.О. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. М., 1965. С. 5.

9. Ахмедов Ш.М. Сельская община в раннесредневековом Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974.

10. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана. Махачкала, 1997.

11. Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // История, география, этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М.О. Косвена, Х.-М.О. Хашаева. М., 1958.

12. Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 9.

13. ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 2. Д. 7. Л. 272.

References

1. Aliev B.G., Akhmedov Sh.M., Umakhanov M.-S. *Iz istorii srednevekovogo Dagestana* [From the History of Medieval Dagestan]. Makhachkala, 1970.
2. Leontovich F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev* [Adats of Caucasian Highlanders]. Odessa, 1868.
3. Komarov A.V. [Adats and proceedings in accordance with them]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian Highlanders]. Issue 1. Tiflis, 1868, p. 10.
4. Kovalevskii M.M. *Zakon i obychai na Kavkaze* [Laws and Customs of the Caucasus]: in 2 vol. Moscow, 1890.
5. Lambert D. *Doistoricheskii chelovek* [Prehistoric Man]. Leningrad, 1991.
6. Kovler A.I. *Istoricheskie formy demokratii* [Historical Forms of Democracy]. Moscow, 1990.
7. Masson V.M. *Pervye tsivilizatsii* [The First Civilization]. Moscow, 1989, p. 34.
8. Khashaev Kh.-M.O. *Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVII–XIX* [Monuments of Customary Law Dagestan of 17-19 Centuries]. Moscow, 1965, p. 5.
9. Akhmedov Sh.M. *Sel'skaya obshchina v rannesrednevekovom Dagestane* [Rural Communities in the Early Medieval Dagestan]. *Voprosy istorii Dagestana*. Makhachkala, 1974.
10. *Khrestomatiya po istorii prava i gosudarstva Dagestana* [Chrestomathy on the History of Law and State of Dagestan]. Makhachkala, 1997.
11. Rozen R.F. [Description of Chechnya and Dagestan. 1830]. *Istoriya, gegrafiya, etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv.* Arkhivnye materialy [History, Geography, Ethnography of Dagestan XVIII-XIX Centuries]. Archival materials. Ed. M.O. Kosven, Kh.-M.O. Khashaev. Moscow, 1958.
12. *Rukopisnyi fond IIAE DNTs RAN* [Manuscript Fund]. F. 1. Op. 1. D. 169. L. 9.
13. *TsGA RD*. F. 147. Op. P. D. 7. L. 272.

УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ АФФЕКТЕ КАК ПСИХИЧЕСКОЙ АНОМАЛИИ

© 2015 г. И.А. Семенцова

Семенцова Ирина Анатольевна –
кандидат юридических наук, доцент,
Ростовский юридический институт,
ул. Маршала Еременко, 83,
г. Ростов-на-Дону, 344015.
E-mail: irina_semen@inbox.ru

Sementsova Irina Anatol'evna –
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Rostov Institute of Law,
Marshala Eremenko St., 83, Rostov-on-Don,
344015, Russia.
E-mail: irina_semen@inbox.ru

Рассматривается проблема аффекта как одна из дискуссионных в юридической и неюридических науках. Так как аффект в уголовно-правовой науке по своему содержанию не тождествен аффекту в психиатрии (а в психологии вообще данный термин не употребляется), то предлагается заменить его на понятие «эмоциональный процесс, оказывающий влияние на сознание и волю лица». Кроме того, аффект обладает двумя основными признаками (интеллектуальным и волевым), которые присущи психическим расстройствам, не исключаям вменяемости лица, что позволяет его относить к психической аномалии со всеми вытекающими юридическими последствиями.

Ключевые слова: аффект, психические расстройства, не исключаяющие вменяемости, эмоциональное расстройство, психические аномалии, уголовно-релевантные психические состояния, физиологический аффект, патологический аффект, уголовная ответственность.

The problem of affect of the legal and non-legal sciences is considered. Since the affect in criminal science in their content is not identical to the affect in psychiatry (and psychology in general, this term is not used), the author suggests that it is possible to replace the term "affect" with the term "emotional process that affects the mind and will of the person". In addition, the author concludes that the affect has two main features (intellectual and volitional), which are inherent to a mental disorder not excluding sanity face, allowing it to treat them with all the attendant legal consequences.

Keywords: affect, mental disorders not excluding sanity, emotional distress, mental abnormalities, criminal relevant mental states, affect, the physiological, pathological affect, criminal liability.

Совершение преступления зачастую связано с расстройством психики субъекта. Наиболее распространенными психическими отклонениями среди преступников являются невротические на почве стресса и соматоформные; психические и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ; расстройства настроения (аффективные), умственная отсталость [1].

Нередко преступление бывает опосредовано эмоциональным переживанием субъекта, в связи с этим проблема аффекта имеет большое значение для уголовного права.

Уголовный закон характеризует аффект как «внезапно сильное душевное волнение» (ст. 107, 113 УК РФ) [2]. При этом стоит отметить, что законодательство не относит состояние аффекта к психическим расстройствам. Из перечня обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ), законодатель неоправданно исключил сильное душевное волнение, гомологом которого являются аффективные состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение субъекта преступления [3].

В УК РФ только за два преступления, совершенные в состоянии аффекта, установлена пониженная

ответственность: это убийство (ст. 107), причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью (ст. 113). Состояние аффекта при совершении иных преступлений не признается смягчающим ответственность обстоятельством, хотя может быть расценено как обстоятельство, смягчающее наказание. Разница между обстоятельством, смягчающим ответственность, и обстоятельством, смягчающим наказание, заключается в следующем. Первое учитывается при конструировании состава преступления и его наличие находит отражение в санкции статьи. Второе учитывается лишь при назначении наказания и не влияет на квалификацию содеянного. Данное положение считаем неоправданным, поскольку представляется, что аффект является психическим расстройством, не исключаям вменяемости.

В юридической литературе аффект принято рассматривать как психолого-юридический феномен. Однако в психологии термин «сильное душевное волнение» не употребляется, здесь существует синоним «аффекта» – «эмоциональный процесс», представляющий собой психофизиологический процесс внутренней регуляции деятельности и отражающий бессознательную субъективную оценку текущей ситуации.

Под аффектом понимают бурно протекающий кратковременный эмоциональный процесс, имеющий специфическую динамику и оказывающий существенное влияние на сознание человека и высшие психические функции [4]. При этом «он сопровождается таким чрезмерным нервно-психическим перевозбуждением, которое приводит к временной дезорганизации сознания и крайней активизации импульсивных действий. В стрессе проявляются максимальные адаптационные возможности индивида. Стресс – необходим для жизни, аффект – опасен для нее» [5].

Следует отметить, что по-своему содержанию юридическое понятие «аффект» не тождественно с психологическим. Поэтому, на наш взгляд, наиболее удачной формулировкой с точки зрения единообразного понимания аффекта в уголовный закон следует ввести «эмоциональный процесс, оказывающий влияние на сознание и волю лица».

В психиатрии же употребляется термин «аффективные расстройства» (расстройства настроения) – общее название группы психических расстройств, связанных с нарушениями аффекта. Присутствует в МКБ. В классификации DSM объединяет несколько диагнозов, когда основным признаком предполагается нарушение эмоционального состояния [6]. Кроме того, аффект обозначает степень интенсивности эмоций, в этом смысле «уплощенный аффект» означает сглаживание, низкую интенсивность эмоций (например, при шизофрении). Аффективным дефектом называется то же самое, либо полная невозможность переживать некоторые эмоции (иногда даже – все эмоции).

Иногда термин «аффект» используют как синоним эмоционального процесса вообще. Например, «недержанием аффекта» называют неспособность сдерживать проявления эмоций; «аффект недоумения» – синоним растерянности [7, с. 751].

Для состояния аффекта характерно сужение сознания, при коем внимание целиком поглощается породившими аффект обстоятельствами и навязанными им действиями. Нарушения сознания могут привести к неспособности впоследствии вспомнить отдельные эпизоды события, а в случае исключительно сильного аффекта могут завершиться потерей сознания и полной амнезией.

В научной литературе аффект не рассматривается в структуре психических расстройств, не исключая вменяемости. Однако в настоящем исследовании нами будет проанализирован этот феномен через призму психических аномалий, т. е. психических отклонений, которые снижают уровень сознательно-волевой регуляции лица на момент совершения им общественно опасного деяния.

Аффект имеет свойство блокировать сдерживающие центры и растормаживать бессознательные влечения и инстинкты. В состоянии аффекта человек в сущности поработается охватившим его импульсом, хотя при этом имеет возможность принять иное решение. Возможность эта, однако, затруднена в связи с доминирующим «аффективным» импульсом [8, с. 6–7].

Лицо, находящееся в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), не в полной мере осознает фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо не в полной мере руководит ими [9].

Иными словами, состояние аффекта нарушает волю в выборе поведения, резко изменяет привычное поведение человека, деформирует его установки, жизненные позиции, нарушает способность к установлению взаимосвязей между явлениями.

В научной литературе бытует мнение, что аффект следует относить к психическим аномалиям в рамках вменяемости. Так, П.А. Кокорин отмечает: «С уголовно-правовой точки зрения аффект также обладает рядом специфических признаков, которые позволяют говорить о нем как о психической аномалии:

1) во-первых, законодатель говорит о несоответствии реакции провоцирующему воздействию (несоответствие фактического содержания и общественной опасности аффективных действий аналогичным характеристикам неправомерного поведения потерпевшего). А основным критерием психической аномалии и является неадекватность реакции;

2) во-вторых, в нормах уголовного закона говорится о том, что преступление всегда носит более тяжкий характер, чем действия потерпевшего. Это косвенно свидетельствует об искажениях в оценке и реакции лица на ситуацию;

3) в-третьих, законодатель, говоря о преступлении, совершенном в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, называет это состояние аффектом, тем самым констатируя невозможность делать вывод о наличии или отсутствии “внезапно сильного душевного волнения” по одним лишь объективным данным (предшествовавшие преступлению неправомерное поведение потерпевшего, характер действий лица, заявления подозреваемого (обвиняемого) и т.д.), указывая категорично, что здесь необходимы специальные познания. Безусловно, состояние аффекта не относится к состоянию невменяемости» [5].

В психиатрии существует мнение, что в основе аффекта лежит эмоциональное неустойчивое расстройство личности, которое относится к психиче-

ским, не исключаяющим вменяемости [10, с.23]. Недаром, в ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» создано специальное отделение аффективной патологии.

В структуре психических расстройств, не исключаяющих вменяемости, Г.В. Назаренко выделяет «уголовно-релевантные психические состояния», которые представляют собой психические расстройства, не исключаяющие вменяемости, состояния атипичного опьянения, отдельные случаи физиологического опьянения, аффекты и близкие к ним эмоциональные состояния субъекта преступления, вызванные противоправным или аморальным поведением потерпевшего либо психотравмирующей ситуацией» [3].

При этом он относит к ним хронические и временные психические расстройства, слабоумие и иные болезненные состояния психики, в существенной степени снижающие интеллектуально-волевые возможности субъекта во время совершения им преступления, но не лишаящие его возможности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими.

Одним из важнейших свойств аффекта является иррадированный характер, т. е. распространение на все стороны поведения. В результате аффекта изменяются сложные интеллектуальные и волевые процессы, при этом максимальные отклонения происходят именно в высших психических функциях, мышлении, речи и др.[11].

Следует отметить, что психически здоровые лица менее подвержены аффективным состояниям. Так, Н.Г. Иванов отмечает: «Лица же, характеризующиеся аномалиями, подвержены аффективным реакциям гораздо в большей степени, чем субъекты, у которых процессы возбуждения и торможения находятся в норме. И это обстоятельство должно учитываться судебными органами. Законодатель в определенной мере обязывает правоприменителей учитывать влияние аномалий на преступное поведение, предусмотрев в пункте “з” ст. 61 УК Российской Федерации соответствующее смягчающее обстоятельство, которое по отношению к обстоятельствам, перечисленным в ст. 107 и 113, является родовым. Буквальное толкование этого пункта позволяет предположить, что практически любое эмоциогенное воздействие способно вызывать аффективную реакцию. Однако следует учитывать, во-первых, возможность широкого понимания права, а во-вторых, различную реакцию людей на однородные раздражители» [12].

В экспертной практике обычно делят аффекты на патологический и физиологический. Однако основания для дифференциальной диагностики этих

состояний длительное время являлись предметом дискуссий и споров.

Понятие «физиологический аффект» (по существу тождественное психологическому) возникло и укрепилось в литературе и экспертной практике в связи с терминологической необходимостью отграничения аффекта как нормального психического состояния от патологического.

Физиологический аффект – бурно протекающая эмоциональная вспышка, захватывающая всю личность и ощутимо влияющая на поведение человека. Речь идет об аффектах, возникающих у алкоголиков, психопатов, истеричных лиц, т. е. у лиц с психическими расстройствами в рамках вменяемости. Так как лицо не обладает полной свободой воли, то, на наш взгляд, оно не должно нести и полную юридическую ответственность за совершенные в таком состоянии деяния. Это положение вытекает из психологической природы аффекта как особого состояния лица и является юридическим основанием и предпосылкой возможности признания аффекта смягчающим вину обстоятельством. Однако, как отмечают А.В. Коломина, Л.К. Комарова, «юридическая оценка правонарушения, совершенного в состоянии аффекта, не может ограничиваться установлением аффекта вообще, а предполагает наличие так называемого оправданного аффекта, вызванного извинительными с позиции нашей морали обстоятельствами. Поэтому закон устанавливает необходимый признак таких эмоциональных состояний – вызванность неправомерными действиями потерпевшего» [13, с. 260–261].

Если обратиться к разделу психиатрии об острых реактивных состояниях [14, с. 15], то физиологический аффект вполне вписывается в континуум таких состояний, расположенных по интенсивности и глубине следующим образом: аффективные реакции психически здоровых лиц – физиологический аффект – патологический аффект – острое реактивное психомоторное возбуждение, вплоть до «двигательной бури». Здесь следует отметить, что известен и второй тип реакций – реакция бегства, к которой следует относить помимо собственно бегства и внезапно возникающую психомоторную заторможенность, характеризующуюся различной глубиной и продолжительностью вплоть до развития ступорозного состояния. Судебно-психиатрическое значение этих реакций иное. Они чаще возникают уже после содеянного и не имеют отношения к определению вменяемости–невменяемости субъекта.

При патологическом аффекте расстройство психики характеризуется болезненным состоянием, и человек не отдает отчета в своих действиях и не может

руководить ими. Патологический аффект является временным расстройством психической деятельности человека. Он возникает, как правило, в ответ на неожиданный сильный раздражитель, однако в некоторых случаях, как отмечается в психиатрической литературе, это состояние может возникать без внешнего повода (повод может быть воображаемым, надуманным, существующем только в болезненном сознании человека), что несвойственно физиологическому аффекту.

Патологический характер аффекта проявляется в глубоком помрачении сознания с бурным двигательным возбуждением и автоматическими бесцельными агрессивными действиями, с последующим состоянием полной прострации. Специфическим признаком патологического аффекта является характерное развитие этого состояния во времени.

При воздействии необычного сверхсильного раздражителя, «запредельно» напрягающего эти процессы, происходит нервный срыв, проявляющийся в нарушении нормального взаимодействия между раздражительным и тормозным процессами в коре головного мозга. Возникает запредельно охранительное торможение, как бы охраняющее перенапряженные нервные клетки от полного истощения и создающее условия для их восстановления. Это торможение хотя и служит защитным механизмом организма, но одновременно является и патогенным, вызывая те или иные проявления нарушений высшей нервной деятельности. Чаще всего таким срывам подвержены люди с неполноценной нервной системой, хотя такое состояние не исключается и у любого человека при достаточном сильном травмирующем раздражителе [13].

В юридической литературе выделяют и другие виды аффекта: кумулятивный (накопительный, при нем накапливается негативное эмоциональное напряжение) и аномальный (реактивное состояние).

Достаточно часто следственные и судебные органы допускают ошибки, связанные с установлением аффекта: так, «по статистике судебных органов России, лишь в 26,2 % случаев наличие аффекта было правильно установлено на стадии предварительного расследования; в 62,2 % случаев неправильная квалификация деяния была исправлена судом при вынесении приговора; в 11,6 % случаев ошибка была исправлена лишь при пересмотре дела вышестоящей судебной инстанцией» [15].

Обозначенная проблема, на наш взгляд, связана именно с тем, что в настоящее время законодательство не рассматривает аффект как психическое расстройство. Считаем, что в каждом конкретном случае должна проводиться именно комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Ее

результаты должны учитываться судом при назначении наказания или для назначения принудительных мер медицинского характера.

Итак, аффект в уголовном праве рассматривается как эмоциональное состояние, достигающее такой силы, когда лицо, его испытывающее, не в полной мере может его осознавать, а также контролировать. Исходя из этого, аффекту, как и другим психическим аномалиям, присущи интеллектуальный и волевой дефект. Поэтому, учитывая специфику аффективных состояний, их следует относить к временным психическим расстройствам, не исключающим вменяемости лица. Исходя из этого, полагаем необходимым применять положения ст. 22 «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости» к лицам, совершившим преступление в состоянии аффекта.

Литература

1. *Гомонов Н.Д.* Психические девиации и преступное поведение: Криминологический и уголовно-правовой анализ: дис. ... д-ра юр. наук. СПб., 2002. 496 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/psikhicheskie-deviatsii-i-prestupnoepovedenie-kriminologicheskii-i-ugolovno-pravovoi-analiz> (дата обращения: 06.03.2015).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.02.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
3. *Назаренко Г.В.* Уголовно-релевантные психические состояния субъекта преступления и лиц, совершивших общественно опасные деяния: дис. ... канд. юр. наук. М., 2001. 287 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/ugolovno-relevantnye-psikhicheskie-sostoyaniya-subekta-prestupleniya-i-lits-sovershivshikh>-о (дата обращения: 06.03.2015).
4. *Пуляева Е.В.* Аффект: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юр. наук. Тамбов, 2007. 235 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/afekt-ugolovno-pravovaya-i-kriminologicheskaya-karakteristika> (дата обращения: 06.03.2015).
5. *Кокорин П.А.* Экспертиза аффекта // Сибирский юр. вестн. 2000. № 2. URL: <http://www.lawinstitut.ru/ru/science/vestnik/20002/kokorin.html> (дата обращения: 06.03.2015).
6. Аффективные расстройства. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%84%D1%84%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0 (дата обращения: 06.03.2015).
7. Руководство по психиатрии / под ред. А.С. Тиганова. М., 1999. Т. 2. 784 с.

8. Мельниченко А.Б. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями, совершенными в состоянии сильного душевного волнения: учеб. пособие. Ростов н/Д., 1995. 47 с.

9. Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера: Теория, уголовно-правовое регулирование, практика: дис. ... канд. юр. наук. Архангельск, 2004. 368 с. URL: <http://www.dissertac.com/content/prinuditelnye-mery-meditsinskogo-kharaktera-teoriya-ugolovno-pravovoe-regulirovanie-praktika> (дата обращения: 06.03.2015).

10. Горинов В.В., Пережогин Л.О., Николаева Т.А., Цехмистро О.Ю., Егорова Е.Ю. Психические расстройства, не исключающие вменяемости (расстройства личности, умственная отсталость). М., 2008. 207 с.

11. Ситковская О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта: метод. пособие. М., 1983. С. 8.

12. Иванов Н. Аномальный субъект преступления. Проблемы уголовной ответственности. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/ivan/04.php (дата обращения: 06.03.2015).

13. Коломина А.В., Комарова Л.К. Презумпция аффекта в праве // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 259–261.

14. Фелинская Н.И. Реактивные состояния в судебно-психиатрической клинике. М., 1968. 292 с.

15. Гасанова Я.О. Убийство в состоянии аффекта: актуальные проблемы и особенности нормы // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 06.03.2015).

References

1. Gomonov N.D. *Psikhicheskie deviatsii i prestupnoe povedenie: Kriminologicheskii i ugovolno-pravovoi analiz*: dis. ... d-ra yur. nauk [Mental Deviation and Criminal Behavior: Criminological and Legal Analysis]. Saint Petersburg, 2002, 496 p. Available at: <http://www.dissertac.com/content/psikhicheskie-deviatsii-i-prestupnoepovedenie-kriminologicheskii-i-ugolovno-pravovoi-analiz> (accessed 06.03.2015).

2. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 N 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996] (ed. 03.02.2015). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 17.06.1996, no 25, art. 2954.

3. Nazarenko G.V. *Ugolovno-relevantnye psikhicheskie sostoyaniya sub"ekta prestupleniya i lits, sovershivshikh obshchestvenno opasnye deyaniya*: dis. ... kand. yur. nauk [Criminal Relevant Mental State of the Perpetrator and Those Who Committed Socially Dangerous Acts]. Moscow, 2001, 287 p. Available at: <http://www.dissertac.com/content/ugolovno-relevantnye-psikhicheskie-sostoyaniya-subekta-prestupleniya-i-lits-sovershivshikh-o> (accessed 06.03.2015).

4. Pulyaeva E.V. *Affekt: ugovolno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika*: dis. ... kand. yur. nauk [Affect:

Criminally-legal and Criminological Characteristics]. Tambov, 2007, 235 p. Available at: <http://www.dissertac.com/content/affekt-ugolovno-pravovaya-i-kriminologicheskaya-kharakteristika> (accessed 06.03.2015).

5. Kokorin P.A. *Ekspertiza affekta* [Expertise of Affect]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*. 2000, no 2. Available at: <http://www.lawinstitut.ru/science/vestnik/20002/kokorin.html> (accessed 06.03.2015).

6. *Affektivnye rasstroistva* [Affective Disorders]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%84%D1%84%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0 (accessed 06.03.2015).

7. *Rukovodstvo po psikhiiatrii* [Manual of Psychiatry]. Ed. A.S. Tiganov. Moscow, 1999, Vol. 2, 784 p.

8. Mel'nichenko A.B. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty bor'by s prestupleniyami, sovershennymi v sostoyanii sil'nogo dushevno volneniya* [Criminal Law and Criminological Aspects of the Struggle Against Crimes Committed in the Heat of Passion]. Rostov-on-Don, 1995, 47 p.

9. Spasennikov B.A. *Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera: Teoriya, ugovolno-pravovoe regulirovanie, praktika*: dis. ... kand. yur. nauk [Coercive Medical Measures: Theory, Criminal Law Regulation, Practice]. Arkhangel'sk, 2004, 368 p. Available at: <http://www.dissertac.com/content/prinuditelnye-mery-meditsinskogo-kharaktera-teoriya-ugolovno-pravovoe-regulirovanie-praktika> (accessed 06.03.2015).

10. Gorinov V.V., Perezhogin L.O., Nikolaeva T.A., Tsekhmistro O.Yu., Egorova E.Yu. *Psikhicheskie rasstroistva, ne isklyuchayushchie vmenyaemosti (rasstroistva lichnosti, umstvennaya otstalost')* [Mental Disorders not Excluding Imputability (Personality Disorder, Mental Retardation)]. Moscow, 2008, 207 p.

11. Sitkovskaya O.D. *Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza affekta* [Forensic Psychiatric Examination of Affect]. Moscow, 1983, p. 8.

12. Ivanov N. *Anomal'nyi sub"ekt prestupleniya. Problemy ugovolnoi otvetstvennosti* [Abnormal Perpetrator. Problems of Criminal Responsibility]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/ivan/04.php (accessed 06.03.2015).

13. Kolomina A.V., Komarova L.K. Презумпция аффекта в праве [Presumption of Affect in Law]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2010, no 4, pp. 259–261.

14. Felinskaya N.I. *Reaktivnye sostoyaniya v sudebno-psikhiiatricheskoi klinike* [Reactive States in the Forensic Psychiatric Clinic]. Moscow, 1968, 292 p.

15. Gasanova Ya.O. *Ubiystvo v sostoyanii affekta: aktual'nye problemy i osobennosti normy* [Murder in the Heat of Passion: Current Problems and Specification of Norms]. SPS «Konsul'tant Plyus» (accessed 06.03.2015).

УДК 342

ПРОФИЛАКТИКА КИБЕРАДДИКЦИИ КАК ОСНОВА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С ПОГРАНИЧНЫМ СОСТОЯНИЕМ ПСИХИКИ

© 2015 г. А.И. Фоменко, И.А. Семенцова

Фоменко Андрей Иванович –
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Институт управления, бизнеса и права,
пр. Нагибина, 33А/47, г. Ростов-на-Дону, 344068.
E-mail: iubip@iubip.ru

Fomenko Andrey Ivanovich –
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department "Criminal Law",
Institute of Management, Business and Law,
Nagibina Ave., 33A/47, Rostov-on-Don, 344068, Russia.
E-mail: iubip@iubip.ru

Семенцова Ирина Анатольевна –
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права и криминологии,
Ростовский юридический институт,
ул. Маршала Еременко, 83, г. Ростов-на-Дону, 344015.
E-mail: irina_semen@inbox.ru

Sementsova Irina Anatol'evna –
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Criminal Law and Criminology Department,
Rostov Law Institute,
Marshala Eremenko St., 83, Rostov-on-Don, 344015, Russia.
E-mail irina_semen@inbox.ru

Компьютерная зависимость (кибераддикция) рассматривается как психическое расстройство, не исключающее вменяемости лица. Исследуется первичная, вторичная и третичная профилактика кибераддикции. Основным средством профилактики является психологическое воздействие, а главным субъектом – семья. Комплексное решение данной проблемы невозможно без участия в ней СМИ, на представителей которых должна быть возложена моральная ответственность за качество информационной продукции и ее содержание. Необходимо работать над созданием информационно-психологической безопасной среды, привлекая для этого все возможности.

Ключевые слова: аддикт, компьютер, психическое расстройство, компьютерные игры, агрессия, убийство, подростки, профилактика.

Computer addiction (cyberaddiction) is regarded as a mental disorder, not excluding sanity of a man. The authors investigate the primary, secondary and tertiary prevention of cyberaddiction. The primary means of prevention is the psychological impact, and the main subject - the family. The complete solution of this problem is impossible without the participation of the media, representatives of which should be entrusted with the moral responsibility for the quality of information products and content. It is necessary to work on the creation of information-psychological security environment, involving all opportunities for this purpose.

Keywords: addict, computer, mental disorder, computer games, aggression, murder, teenagers, prophylaxis.

Зависимость от компьютерных игр (кибераддикция) в настоящее время в России официально не признана психическим расстройством. Однако в последнее время все чаще приходится слышать о бессмысленных кровавых убийствах, совершенных подростками.

Анализ зарубежной статистики и отечественная судебная практика показывают, что зачастую на почве компьютерных игр совершаются преступления, причем с особой жестокостью, что характерно для некоторых психических расстройств. Самое опасное заключается в том, что такой зависимости подвержены преимущественно лица подросткового возраста.

В последнее время сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних сталкиваются с такой формой зависимости несовершеннолетних – компьютерной аддикцией. В отказных материалах,

составленных в отношении 20 % малолетних, имеется информация о том, что они часто проводят время в компьютерных салонах, многие из них совершают кражи и грабежи, чтобы оплатить время пребывания там [1]. Группу риска для развития компьютерной зависимости составляют подростки в возрасте 10–17 лет.

В России преступления из-за компьютерных игр совершаются в основном на фоне психического расстройства, сопровождающегося внезапно возникшей агрессией. Однако официальная статистика в России отсутствует.

Врач-психиатр Центра охраны психического здоровья детей и подростков рассказывает: «Практически все подростковые ролевые компьютерные игры построены на агрессии и убийствах. А ведь ролевая игра не простое развлечение. В таких играх быстро усваиваются модели поведения. Поэтому в

ряде стран детям до 18 лет запрещено играть в некоторые особо агрессивные компьютерные игры, так как они могут подвигнуть незрелую, неразвитую личность на реализацию агрессивных импульсов уже не в игре, а в жизни.

Приведу несколько примеров такого поведения, произошедших в России.

– В Туапсе подросток из-за того, что родители отобрали у него клавиатуру компьютера, чтобы он не смог ночью играть в свою любимую игру “Тотика”, убил спящего отца, нанеся ему шесть ударов молотком по голове, а затем позвал мать и под страхом смерти заставил ее вернуть отобранную клавиатуру, после чего спокойно пошел доигрывать.

– В Питере молодому геймеру во время игры поступил приказ из виртуального пространства убить собственного отца: он нанес отцу несколько ударов ножом, один из которых оказался смертельным.

– Уфимский студент ранил ножом отца за то, что тот уже глубокой ночью вырвал провода из компьютера, не дав ему доиграть эпизод в World of Warcraft, а затем выбросился из окна и разбился насмерть.

– В Удмуртии подросток убил отца из-за компьютерной игры.

Этот список можно было бы продолжать долго» [2].

Исследователи установили, что подростки, которые слишком увлекаются Интернетом, более склонны к агрессии и асоциальному поведению. Чрезмерное количество часов, проведенных в Интернет-пространстве, формировали предпосылки для агрессивного поведения.

Пребывание за компьютером до 16–18 ч в сутки иногда может сопровождаться периодическими расстройствами желудка (без каких-либо диагностируемых заболеваний). Вероятнее всего, что молодой организм таким образом проявляет защитные реакции. Наблюдаются серьезные отклонения от нормы в поведении, реакциях, неадекватная эмоциональность либо заторможенность, наличие импульсивности в поведении, истеричность, резкая смена эмоций в их крайнем проявлении, отсутствие эмоционального и поведенческого самоконтроля.

Подросток начинает слышать голоса, команды, взгляд становится отсутствующим, пустым, потухшим, происходит потеря аппетита и интереса к жизни. Наступают необратимые изменения в мозге. Нередко необходимы изоляция и лечение, как при шизофрении.

Представляет интерес зарубежная официальная статистика. «Более 80 процентов преступников, отбывающих наказание в тюрьмах Китая, совершили свои преступления из-за компьютерных онлайн игр. Такие шокирующие данные были обнаружены в эфире телепередачи “Исповедь убийцы”,

вышедшей на Центральном телевидении Китая (CCTV). Так, статистика, обнаруженная властями Китая, потрясает воображение – более 210 миллионов человек регулярно играет в онлайн игры, и, что страшнее всего, – совершают преступления под их влиянием» [3].

Киберзависимые могут страдать от галлюцинаций. У некоторых возникает мания величия и нарциссизм. Поведение игромана делается антиобщественным, заболевание иногда перерастает в иные формы зависимости. Это пагубное пристрастие может протекать отдельно или быть симптомом иного психического нарушения, например, шизофрении, депрессии, различных маниакальных состояний. Кибераддикции способствуют патопсихологические, биологические и нейрохимические расстройства.

Само понятие зависимости приравнивается к психозам. Его называют «третьим эндогенным заболеванием» и даже считают одним из вариантов развития шизофрении [4].

Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления на почве компьютерной зависимости, показывает что «из всех типов акцентуаций наиболее подвержены риску развития виртуальной аддикции неустойчивый и шизоидный, реже другие типы. К психологическим факторам, способствующим развитию виртуальной аддикции, следует отнести также привлекательность переживаний, выработку гедонистической установки (получение удовольствия любой ценой), реакции имитации, компенсации, группирования» [5].

Ученые сходятся во мнении, что компьютерная зависимость полностью не исключает возможность контролировать свои поступки. Исходя из этого, лицо страдающее зависимостью от компьютерных игр и совершившее преступление, не может быть признано невменяемым, поскольку присутствует волевой признак юридического критерия невменяемости. Поэтому с уголовно-правовой точки зрения можно условно назвать зависимость от компьютерных игр психическим расстройством, не исключая вменяемость лица.

Вышесказанное обосновывает актуальность профилактики компьютерной игровой зависимости особенно в подростковом возрасте.

Но следует отметить, что вопросы профилактики интернет-зависимости в настоящее время практически не разработаны. Ряд зарубежных исследователей предлагают использовать для профилактики и коррекции Интернет-аддикции (зависимости) online-психотерапию, другие – считают недопустимым применение компьютерных технологий и компьютера в процессе коррекции и лечения компьютерных аддиктов.

Следует учитывать, что индивидуально-личностными особенностями возникновения игровой компьютерной зависимости в младшем подростковом возрасте являются неадекватная, чаще завышенная самооценка, повышенное стремление к риску и поиску острых ощущений, слабый волевой потенциал, несбалансированное развитие параметров субъектности ребенка (осознание способности к рефлексии; осознание свободы выбора и ответственности за него; понимание и принятие другого, осознание саморазвития). Социально-психологические особенности возникновения игровой компьютерной зависимости в младшем подростковом возрасте представляют собой совокупность, обуславливающую детско-родительские отношения и характер взаимодействия ребенка со сверстниками [6].

Специалисты рекомендуют родителям использовать следующие стратегии для профилактики развития компьютерной зависимости:

1. Показывать личный положительный пример. Важно, чтобы слова не расходились с делом. И если отец разрешает сыну играть за компьютером не более часа в день, то и сам он не должен играть по три-четыре часа.

2. Ограничить время работы с компьютером, объяснив, что компьютер – не право, а привилегия, поэтому общение с ним подлежит контролю со стороны родителей. Резко запрещать работать на компьютере нельзя. Если ребенок склонен к компьютерной зависимости, он может проводить за компьютером два часа в будний день и три – в выходной. Обязательно с перерывами.

3. Предложить другие возможности времяпровождения. Можно составить список дел, которыми можно заняться в свободное время. Желательно, чтобы в списке были совместные занятия (походы в кино, на природу, игра в шахматы и т. д.).

4. Использовать компьютер как элемент эффективного воспитания, в качестве поощрения (например, за правильно и вовремя сделанное домашнее задание, уборку квартиры и т. д.).

5. Обращать внимание на игры, в которые играют дети, так как некоторые из них могут стать причиной бессонницы, раздражительности, агрессивности, специфических страхов.

6. Обсуждать игры вместе с ребенком. Отдавать предпочтение развивающим играм. Крайне важно научить ребенка критически относиться к компьютерным играм, показывать, что это очень малая часть доступных развлечений, жизнь гораздо разнообразней и игра не заменит общения.

7. В случаях, если родители самостоятельно не могут справиться с проблемой, обращаться к психологам, в специализированные центры.

Профилактика аддиктивного поведения приобретает особенную значимость в подростковом возрасте. Но особенно нужно уделять внимание тем, у кого уход от реальности еще не нашел своего яркого выражения, кто только начинает усваивать аддиктивные паттерны поведения в тяжелых спорах с потребностями среды, кто потенциально может быть вовлечен в разные виды аддиктивной реализации.

Специалисты отмечают, что в соответствии с терминологией ВОЗ, выделяют первичную, вторичную и третичную профилактику. Предупреждение развития патологического использования компьютеров относится к заданиям первичной профилактики. Она осуществляется по четырем основным направлениям и представляет, во-первых, широкую воспитательную работу среди молодежи, во-вторых, санитарно-гигиеническое воспитание населения, в-третьих, общественные мероприятия по работе с компьютерными технологиями, в-четвертых, административно-законодательные мероприятия [7].

Нужно отметить значимость технологий занятости. Для подросткового возраста характерен поиск себя в мире. Клубная работа – спортивные секции, художественные кружки, дополнительное образование, факультативы; кружки уменьшают запас свободного времени и увеличивают количество заданий, которые требуют не только времени, но и занимают внимание подростка. Временное или частичное трудоустройство молодого человека поможет найти свое предназначение в жизни.

Большое значение имеют семейные технологии. Формирование гармоничных взаимоотношений в семье, доверительные отношения между родителями и детьми, общие интересы всех членов семьи – неотъемлемая часть полноценного развития ребенка. Подросток нуждается в умеренном контроле над его действиями и умеренной опеке с тенденцией к развитию самостоятельности и умения принимать ответственность за свою личную жизнь.

Однако, как показывают данные социологического опроса, 36 % опрошенных родителей считают, что компьютерные игры безопасны для ребенка. При этом средний возраст, с которого родители разрешают играть в компьютерные игры, составляет 8 лет. Это тот возраст, когда ребенок не способен контролировать свои желания и поступки и нуждается в помощи взрослых [8]. Поэтому профилактику компьютерной игровой зависимости нужно проводить не только с детьми, но и с их родителями.

Исследования психологов показали, что в семьях подростков, страдающих компьютерной зависимостью, чаще используются негармоничные стили воспитания. В этих семьях преобладает хаотический уровень адаптации. Это означает, что члены семьи в конфликтных ситуациях не способны конструктивно решать возникающие проблемы. Все члены семьи дистанцированы друг от друга. Так, например, у каждого из них свои интересы, которые не согласуются с интересами других членов семьи, поэтому им трудно принимать совместные решения. Кроме того, для них характерна неэффективная коммуникация, которая может проявляться в неадекватном взаимном восприятии членами семьи друг друга и собственной семьи в целом, в наличии множество «закрытых» для обсуждения тем и т.д. Все это приводит к формированию коммуникативных и личностных проблем у ребенка, иллюзорное решение которых становится возможным, в частности, в условиях виртуальной реальности, т.е. повышает риск развития компьютерной зависимости.

Неоценимый вклад в профилактику аддикции может внести культура религиозных чувств, если она ориентирована не на отход от реальности существующего мира, а напротив, наделяет человека высшей духовной и этической силой для противостояния трудностям и аддиктивным влечениям. Духовное развитие также имеет значение для формирования почтительного отношения к своей личности и окружающим, что выступает крепким фундаментом для построения межличностных отношений.

Вторичная профилактика основана на познании личности компьютерных аддиктов с учетом генеза и механизмов их поведения и направлена на предупреждение развития компьютерной зависимости и возобновление личностного и социального статусов пациента.

Отмеченные профилактические технологии были применены по отношению к ученикам лицеев и лично к 63 ученикам группы риска с целью предупреждения последующего формирования компьютерной зависимости. Все ученики из группы риска согласились на участие в проведении беседы на тему «Проблема компьютерной зависимости», где обсуждались вопросы факторов риска, первых признаков формирования компьютерной зависимости, роль индивидуальных особенностей и характерные признаки аддиктивной личности. Почти все лицеисты вступили в контакт с дополнительными вопросами о компьютерной зависимости, некото-

рые ученики просили дать рекомендации психотерапевта в городе проживания. Лишь у пяти (8 %) учеников через полгода (данные клинико-катамнестического метода) были выявлены признаки психической аномалии [9].

Первичная профилактика компьютерной и игровой зависимости – это комплекс профилактических и воспитательных психолого-педагогических мероприятий, обеспечивающих устойчивость к агрессивному воздействию информационной среды, позволяющий предупредить угрозы формирования зависимости среди несовершеннолетних [10].

О.В. Литвиненко предлагает профилактику компьютерной игровой зависимости среди детей, подростков и молодежи осуществлять на социально-общественном, социально-средовом и индивидуальном уровнях с участием органов законодательной и исполнительной власти, школы, семьи, подростков, школьников и студентов. Первый уровень должен предусматривать разработку закона «Информационно-психологическая безопасность личности» с подразделом по обеспечению информационно-психологической безопасности от компьютерных игр; организацию экспертизы (сертификации) компьютерных игр, запрещение распространения и использования компьютерных игр, негативно воздействующих на психику; контроль деятельности компьютерных клубов; разработку и реализацию социальных программ по профилактике компьютерной зависимости [11].

В настоящее время отсутствие проблемы информационно-психологических угроз в правовом поле существенно тормозит научное и практическое решение поставленных вопросов, несмотря на то, что в мировом опыте, в том числе опыте нашей организации, уже существуют технические решения, принесшие бы значительную пользу нашему обществу. Государство, безусловно, вправе и должно регулировать степень присутствия и предельные уровни угроз, сохраняя тем самым конституционные свободы граждан.

Считаем, что продажа компьютерных игр, в которых много насилия и жестокости, должна быть ограничена в России. Соответствующий законопроект, внесен в Госдуму. В некоторых зарубежных странах уже введен запрет на компьютерные игры с элементами насилия (Китай, Япония, Германия и др.) и на законодательном уровне утвержден целый список таких игр, запрещенных к продаже.

Комплексное решение данной проблемы позволило бы приблизиться к созданию информационно-психологически безопасной среды в ее идеальной

форме – фактической иммунности нации к информационно-психологическим угрозам.

Полноценная профилактика аддиктивного поведения невозможна без участия в ней СМИ – авторитетного и популярного пропагандистского органа. На представителей этой мощной индустрии должна быть возложена моральная ответственность за качество информационной продукции и за ее содержание. В печатных изданиях и телевизионных программах информация для подрастающего поколения в настоящее время носит в основном развлекательный характер. Дети воспринимают СМИ, особенно телевидение, только как развлечение, что может уводить их от проблем реального мира в целом и проблем подросткового возраста в частности.

Таким образом, профилактика компьютерной игровой зависимости как психического расстройства, не исключающего возможность контролировать свои действия, должна носить комплексный характер, основные ее элементы – психологические методы воздействия, а главный субъект – семья.

Литература

1. Практическая психология образования: учеб. пособие для студентов вузов и практических работников / под ред. И.В. Дубровиной. М., 2000. 528 с.
2. Нравственность. Репродуктивное здоровье. Демография-2011. URL: <http://kazak.by/index.php/gbn/296-morality-reproductive-health-demographics-2011> (дата обращения: 30.10.2014).
3. Китай захлестнула волна преступлений, совершенных на почве компьютерных игр. URL: <http://globalist.org.ua/novosti/society-news/prestupleniya-iz-za-kompyuternykh-igr-no26872.html> (дата обращения: 30.10.2014).
4. Сухаревич К. Психиатр: компьютерная зависимость сегодня неизлечима. URL: http://www.health.ej.by/health/2014/04/14/psihiatr_komp_yuternaya_zavisimost_segodnya_ne_izlechima.html (дата обращения: 30.10.2014).
5. Личко А.Е., Иванов Н.Я. Словарь современной американской психиатрической терминологии с ее отличиями от принятой в России // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 1992. № 4. С. 63–84.
6. Гришина А.В. Психологические факторы возникновения и преодоления игровой компьютерной зависимости в младшем подростковом возрасте: дис... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2011. С. 196.
7. Юрьева Л.Н., Бальбот Т.Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. М., 2006. 196 с.
8. Жук Л.А., Бай Е.А. Профилактика риска развития компьютерной зависимости у младших школьников.

URL: <http://mosi.ru/ru/conf/articles/zhuk-la-bay-ea-profilaktika-riska-razvitiya-kompyuternoy-zavisimosti-u-mladshih> (дата обращения: 30.10.2014).

9. Руководство по аддиктологии / под ред. В.Д. Менделевича. СПб., 2007. 768 с.

10. Программа первичной профилактики компьютерной и игровой зависимости как необходимое условие психологической безопасности несовершеннолетних / руководитель коррекционно-диагностического отдела, педагог-психолог ЦППРК «Практик» И.А. Кобыгина.

11. Литвиненко О.В. Психологические детерминанты компьютерной игровой зависимости и особенности ее психопрофилактики: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2008. С. 142.

References

1. *Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya* [Practical Psychology of Education]: ucheb. posobie dlya studentov vuzov i prakticheskikh rabotnikov. Ed. I.V. Dubrovina. Moscow, 2000, 528 p.
2. *Nravstvennost'. Reproductivnoe zdorov'e. Demografiya-2011* [Morality. Reproductive Health. Demographics 2011]. Available at: <http://kazak.by/index.php/gbn/296-morality-reproductive-health-demographics-2011> (accessed 30.10.2014).
3. *Kitai zakhlestnula volna prestuplenii, sovershennykh na pochve komp'yuternykh igr* [China is Flooded With Crimes Committed on the Grounds of Computer Games]. Available at: <http://globalist.org.ua/novosti/society-news/prestupleniya-iz-za-kompyuternykh-igr-no26872.html> (accessed 30.10.2014).
4. Sukharevich K. *Psikhiatr: komp'yuternaya zavisimost' segodnya neizlechima* [Psychiatrist: Computer addiction is incurable today]. Available at: http://www.health.ej.by/health/2014/04/14/psihiatr_komp_yuternaya_zavisimost_segodnya_ne_izlechima.html (accessed 30.10.2014).
5. Lichko A.E., Ivanov N.Ya. Slovar' sovremennoi amerikanskoi psikhiatricheskoi terminologii s ee otlichiyami ot prinyatoi v Rossii [Dictionary of Contemporary American Psychiatric Terminology With the Differences from the Accepted in Russia] *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V. M. Bekhtereva*, 1992, no 4, pp. 63-84.
6. Grishina A.V. *Psikhologicheskie faktory vozniknoveniya i preodoleniya igrovoi komp'yuternoi zavisimosti v mladshem podrostkovom vozraste: dis... kand. psikhol. nauk.* [Psychological Factors of Occurrence and Overcoming of Computer Game Addiction in Younger Teenage Age]. N. Novgorod, 2011, 196 p.
7. Yur'eva L.N., Bol'bot T.Yu. *Komp'yuternaya zavisimost': formirovanie, diagnostika, korrektsiya i profilaktika* [Computer Addiction: Formation, Diagnostics, Correction and Prevention]. Moscow, 2006, 196 p.
8. Zhuk L.A., Bai E.A. *Profilaktika riska razvitiya komp'yuternoi zavisimosti u mladshikh shkol'nikov* [Preventing the Risk of Computer Addiction of Younger students].

Available at: <http://mosi.ru/ru/conf/articles/zhuk-la-bay-ea-profilaktika-riska-razvitiya-kompyuternoy-zavisimosti-u-mladshih> (accessed 30.10.2014).

9. *Rukovodstvo po addiktologii* [Guidelines for Addictology]. Ed. V. D. Mendelevich. Saint Petersburg, 2007, 768 p.

10. *Programma pervichnoi profilaktiki kompyuternoi i igrovoi zavisimosti kak neobkhodimoe uslovie psikhologicheskoi bezopasnosti nesovershennoletnikh* [The Program of

Primary Prevention of Computer Game Addiction as a Condition of Psychological Safety of Minors]. Lead. I.A. Konygina.

11. Litvinenko O.V. *Psikhologicheskie determinanty kompyuternoi igrovoi zavisimosti i osobennosti ee psikhoprofilaktiki*: dis. ... kand. psikhol. nauk [Psychological Determinants of Computer Game Addiction and Features of its Psychoprophylaxis]. Saint Petersburg, 2008, 142 p.

Поступила в редакцию

24 марта 2015 г.

УДК 347.4

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ

© 2015 г. М.А. Цакоева

Цакоева Мадина Артуровна –
аспирант,
Российский государственный
гуманитарный университет,
Миусская площадь, 6, г. Москва, 125993.
E-mail: tsakoeva.madina@gmail.com

Tsakoeva Madina Arturovna –
Postgraduate Student,
Russian State
Humanitarian University,
Miusskaya Sq., 6, Moscow, 125993, Russia.
E-mail: tsakoeva.madina@gmail.com

Анализируются основные этапы развития принципа добросовестности в обязательственном праве, начиная с римского частного права, заканчивая современным гражданским законодательством. Обосновывается вывод, что применение критерия добросовестности на протяжении веков позволяло эффективно воздействовать на поведение участников обязательств. Вместе с тем само понятие добросовестности сегодня требует глубокого теоретического осмысления, без которого реализация этого принципа не может быть полноценной.

Ключевые слова: добросовестность, недобросовестность, Гражданский кодекс, обязательственное право, договор, гражданский оборот, римское частное право.

The main stages of development of the principle of good faith in contractual law, from Roman private law to modern civil law are analyzed in the article. This study allows to substantiate the conclusion that the use of the good faith criterion during the centuries allowed to influence effectively on the behaviour of the parties of the obligations. However, the concept of good faith requires a deep theoretical understanding, without which the realization of the principle of good faith cannot be complete.

Keywords: good faith, unfairness, Civil Code, law of obligations, contract, civil turnover, Roman private law.

Принцип добросовестности в отечественное гражданское законодательство был введен относительно недавно, с принятием Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [1]. Данная новелла была обусловлена потребностями отечественного гражданского оборота, который в последние годы столкнулся с серьезной проблемой значительного роста числа недобросовестных действий его участников. Законодатель был вынужден указать участникам оборота на ожидаемое от них поведение, которое при нормальном развитии общественных отношений является обычным.

В отечественной научной литературе это нововведение оценивается неоднозначно. В частности, В. Андреев сомневается в том, что признание доброй совести в качестве правового принципа укрепит нравственные начала правового регулирования [2, с. 28]. А.М. Мамаев, напротив, полагает, что через закрепление принципа добросовестности станет возможным воспитательное воздействие гражданского права на общественные отношения [3].

Принцип добросовестности предусматривается в п. 3 ст. 1 ГК РФ, согласно которому участники гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, исполнении обязанностей должны действовать добросо-

вестно. При этом субъектам гражданского права запрещено извлекать преимущества из своего недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Как видно из содержания приведенных норм, понятие добросовестности не раскрывается, что, полагаем, с одной стороны, вполне объяснимо, поскольку, как показывает анализ судебной практики [4], оно наполняется содержанием в зависимости от конкретной ситуации, с другой – суды фактически лишены необходимых ориентиров в применении соответствующих норм. Именно поэтому дискуссия о понятии и содержании принципа добросовестности в отечественной цивилистике с принятием указанных новелл не только не прекратилась, но обрела новую силу [5, с. 133 – 140; 6, с. 17–19]. Речь идет, прежде всего, о допустимости использования подобных нравственных по своей сути категорий в юридической, строго формализованной, практике.

Положительный ответ на данный вопрос дали еще древнеримские юристы, которые обратились к сугубо нравственным категориям под влиянием объективных закономерностей развития гражданского оборота. Именно римскому частному праву принадлежит первенство в предъявлении к своим субъектам особого требования – вести себя добросовестно.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что древнейшее квирическое право не знало требования добросовестности и не предусматривало негативные последствия, например за обман или насилие, способствовавшее заключению сделок [7, с. 161]. В более поздний период добросовестность в качестве критерия оценки поведения лица оказалась необходимым элементом юридической практики, активно применяемым, прежде всего, преторами при разрешении конкретных споров. Преторские иски *bonae fidei* позволяли защищать права и интересы, которые не могли быть обеспечены с помощью норм строгого права, но гарантировались с учетом соображений доброй совести. В то же время в юридической практике нередко оценивалась добросовестность и истца, наличие или отсутствие которой позволяло исключить или, напротив, признать неосновательным предъявление иска. Ответчик даже был наделен правом требовать от истца присяги в том, что он инициировал рассмотрение спора в суде добросовестно [8, с. 77].

Надо отметить, что особенностью понимания сути добросовестности в римском частном праве являлось то, что она рассматривалась как синоним порядочности. При этом признавалась презумпция того, что сторона обязательства действовала в соответствии с правилами доброй совести, отвечала признакам «добротного мужа» [9, с. 118].

В целом анализ источников римского частного права позволяет нам сделать вывод о том, что категория доброй совести использовалась в юридической практике весьма широко. Об этом, в частности, свидетельствуют обнаруживаемые в Дигестах правила, согласно которым «добрая совесть не терпит, чтобы одно и то же взыскивалось дважды», «добрая совесть несовместима, противна обману и умыслу» [8]. Данный вывод позволяет нам предположить, что добрая совесть являлась общим критерием оценки поведения участников гражданского оборота в целом и обязательственных правоотношений в частности.

Следующий исторический этап охватывает период Средневековья, когда категория добросовестности сохраняла свое значение в качестве мерила надлежащего поведения. Как отмечает А.М. Карпова, в этот период времени она означала необходимость «держаться слова, избегать обмана и хитрости, уважать обязательства» [10]. В правиле о добросовестном поведении, признаваемом средневековыми юристами, автор обнаруживает нравственные представления, а само правило относит к требованиям естественного права [10].

Несмотря на то что категория доброй совести была известна правоведам на протяжении веков, вплоть до XIX в. она не отражалась в законодательстве. Первым нормативно-правовым актом, предусматривавшим требование добросовестного поведения, стал Кодекс Наполеона 1804 г. Примечательно, что оно относилось к сфере обязательственного права и указывало на то, что «соглашения должны исполняться добросовестно» (§ 3 ст. 1134 Кодекса) [10].

Как известно, французская кодификация оказала предопределяющее влияние на развитие всего европейского права. Поэтому не случайно вслед за французским законодательством требование добросовестного поведения было закреплено в германском гражданском праве. При этом особый акцент был сделан на добросовестности участников именно обязательственных правоотношений. Так, согласно § 242 Германского Гражданского уложения, должник обязан исполнять обязательство добросовестно, «как этого требуют обычаи оборота» [11, с. 121]. Таким образом, содержание добросовестности привязывается к сложившимся в обороте представлениям о надлежащем поведении, что позволяет сделать вывод об отказе законодателя формулировать четкие признаки данной категории и связывать суды строго определенным взглядом на ее понятие. Полагаем, что такой подход вполне отвечает потребностям правоприменительной практики, поскольку обычаи гражданского оборота не

остаются неизменными на всем протяжении его развития и наполняются новым содержанием под влиянием целого ряда объективных факторов.

В целом, в современных подходах к пониманию добросовестности в иностранном гражданском праве обнаруживается его связь с понятием *bona fides* в римском праве. При этом сами зарубежные ученые отмечают, что данное понимание во многом зависит от особенностей конкретной спорной ситуации [12, с. 36–38].

Что касается развития принципа добросовестности в отечественном обязательственном праве, то оно во многом было обусловлено влиянием зарубежных правовых порядков на российскую систему права в целом. Эволюция отечественного гражданского права предопределялась как потребностями имущественного оборота, так и тенденциями эволюционирования основных гражданско-правовых институтов частного права, прежде всего Германии и Франции. Этот объективный фактор во многом объясняет, почему в XIX в. в отечественной цивилистике возникла дискуссия относительно того, необходимо ли отражать принцип добросовестности в гражданском законодательстве или нет. В частности, И.Б. Новицкий, который глубоко исследовал данный вопрос, полагал верным положительный ответ на него, поскольку считал, что закрепление данного принципа позволит устанавливать пределы осуществления субъективных гражданских прав [13, с. 87, 93].

Дискуссия в дореволюционной цивилистике относительно признания принципа добросовестности правовым и отражения его в законодательстве временно прекратилась в период Октябрьской революции. Сам принцип так и не был закреплен в законе, поскольку проект Гражданского Уложения Российской Империи не был принят.

Однако в 20-е гг. XX в. дискуссия возобновилась с новой силой. Особенно активизировалась она в момент подготовки проекта Гражданского кодекса РСФСР, который был принят в 1922 г. Воспрепятствовал отражению принципа добросовестности в Кодексе П.И. Стучка, полагавший, что в законе нельзя предусматривать аморфные категории, понятия которых не раскрыты, поскольку это может повлечь за собой множество проблем в практической деятельности [14, с. 78].

Вместе с тем развитие отечественного гражданского оборота к тому времени остро нуждалось в подкреплении своей устойчивости требованием добросовестного поведения. Об этом ярко свидетельствует судебная практика 20-х гг. XX в., которая нередко применяла критерий добросовестности для оценки пове-

дения сторон обязательств. Именно суды приспособили для разрешения конкретных споров санкцию ст. 1 ГК РСФСР 1922 г., позволяющую отказывать в защите права лицам, поведение которых признавалось недобросовестным [15, с. 625].

Кроме того, отсутствие в советском гражданском законодательстве требования добросовестности не препятствовало ученым того времени признавать его принципом гражданского права. Например, С.Н. Братусь выводил данный принцип из общего смысла отраслевых нормативных требований к поведению субъектов гражданского права [16, с. 48–49].

Как уже отмечалось ранее, отражение принципа добросовестности в Гражданском кодексе России стало достижением лишь современного законодателя. При этом его намерение упрочить действие данного общеправового принципа проявляется в отражении в новых нормах гражданского законодательства специальных правил, призванных обеспечить добросовестное поведение субъектов гражданского права. Так, Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [17] требование о добросовестности в обязательственных правоотношениях было предусмотрено в п. 3 ст. 307, п. 3 ст. 432, п. 2, 5 ст. 434.1, п. 4 ст. 450, п. 1 ст. 450.1 ГК РФ. Толкование п. 3 ст. 307 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что добросовестным признается поведение сторон обязательства, если они учитывают права и законные интересы друг друга, взаимно оказывают друг другу содействие для достижения цели обязательств, предоставляют необходимую информацию. Таким образом, сугубо моральные требования к поведению человека трансформируются в нормативное требование, исполнение которого обеспечивается гражданско-правовой санкцией.

Важно подчеркнуть, что признание принципа добросовестности не решает всех проблем его использования в практической деятельности. Такая ситуация обусловлена дискуссионностью самого понятия доброй совести, что уже вызывает определенные затруднения у судов, применяющих данную категорию в своей практике. Именно потому данное понятие сегодня требует глубокого теоретического осмысления, без которого реализация этого принципа не может быть полноценной.

Литература

1. Российская газета. 2013. № 3.
2. Андреев В. Соответствует ли Концепция развития гражданского законодательства потребностям российского общества и государства // Хозяйство и право. 2010. № 4.

3. *Мамаев А.М.* Социальные функции российского гражданского права // Научный вестн. Уральского академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2010. № 2 (11). URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/about/> (дата обращения: 20.01.2012).

4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.04.2015 № С01-286/2015 по делу № А07-8834/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2014 № 12АП-12684/2014 по делу № А12-24981/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

5. *Ульянов А.В.* Добросовестность в гражданском праве // Журн. рос. права. 2014. № 6.

6. *Коваленко Е.И.* Добросовестность и разумность как факторы снижения риска возникновения корпоративного конфликта // Безопасность бизнеса. 2014. № 2.

7. *Муromтцев С. А.* Определение и основное разделение права. СПб., 2004.

8. Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1999. С. 77.

9. *Графский В.Г.* Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. 1998. № 8.

10. *Карпова А.М.* Особенности становления и содержания института добросовестности в частном праве // Адвокат. 2013. № 8.

11. Гражданское уложение Германии: ввод. закон к Гражд. Уложению: пер. с нем. / [В. Бергманн, введ., сост.]; науч. ред. В. Бергманн и др. М., 2008.

12. *Яценко Т.С.* Понятие добросовестного поведения в зарубежном гражданском праве // Нотариус. 2013. № 8. С. 36 – 38.

13. *Новицкий И.Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестн. гражданского права. 1916. № 8.

14. *Новицкая Т.Е.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М., 2002.

15. *Фарбштейн А.* Статья 1 Гражданского кодекса и права госорганов по договорам // Еженедельник Советской юстиции. 1924. № 27.

16. *Братусь С.Н.* Принципы советского гражданского права // Правоведение. 1960. № 1.

17. Российская газета. 2015. № 52.

References

1. *Rossiiskaya gazeta.* 2013, no 3.
2. *Andreev V.* Sootvetstviye li kontseptsiiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva potrebnostyam rossiiskogo obshchestva i gosudarstva [Does the Concept of Civil Legislation Development Meets the Needs of Russian Society and the State]. *Khozyaistvo i pravo*, 2010, no 4.

3. *Mamaev A.M.* Sotsial'nye funktsii rossiiskogo grazhdanskogo prava [The Social Function of the Russian Civil Law]. *Nauchnyi vestnik Ural'skoi akademii gosudarstvennoi sluzhby: politologiya, ekonomika, sotsiologiya, pravo.* 2010, no 2(11). Available at: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/about/> (accessed 20.01.2012).

4. *Postanovlenie Suda po intellektual'nyim pravam ot 16.04.2015* [The Decision of the Court of Intellectual Property Rights on 16.04.2015] № S01-286/2015 po delu № A07-8834/2014. SPS Konsul'tantPlyus; *Postanovlenie Dvenadsatogo arbitrazhnogo apel'yatsionnogo suda ot 24.12.2014 № 12AP-12684/2014 po delu № A12-24981/2014.* SPS Konsul'tant Plyus.

5. *Ul'yanov A.V.* Dobrosovestnost' v grazhdanskom prave [Good Faith in the Civil Law]. *Zhurnal rossiiskogo prava.* 2014, no 6.

6. *Kovalenko E.I.* Dobrosovestnost' i razumnost' kak faktory snizheniya riska vzniknoveniya korporativnogo konflikta [Good Faith and Intelligence as Factors in Reducing the Risk of Corporate Conflict]. *Bezopasnost' biznesa.* 2014, no 2.

7. *Muromtsev S. A.* *Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava* [The Definition and the Basic Division of Law]. Saint Petersburg, 2004.

8. *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik* [Roman Private Law]. Ed. I.B. Novitskii, I.S. Pereterskii. Moscow, 1999, p. 77.

9. *Grafskii V.G.* Pravo i moral' v istorii: problemy tsenostnogo podkhoda [Law and Morality in History: Problems of Axiological Approach]. *Gosudarstvo i pravo.* 1998, no 8.

10. *Karpova A.M.* Osobennosti stanovleniya i sodержaniya instituta dobrosovestnosti v chastnom prave [Peculiarities of the Formation and Content of the Institute of Good Faith in Private Law]. *Advokat*, 2013, no 8.

11. *Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: vvod. zakon k Grazhd. Ulozheniyu* [Civil Code of Germany]; per. s nem. Ed. V. Bergmann and al. Moscow, 2008.

12. *Yatsenko T.S.* Ponyatie dobrosovestnogo povedeniya v zarubezhnom grazhdanskom prave [The Concept of Fair Conduct in Foreign Civil Law]. *Notarius*, 2013, no 8, pp. 36-38.

13. *Novitskii I.B.* Printsip dobrooi sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava [The Principle of a Good Conscience in the Draft Law of Obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 1916, no 8.

14. *Novitskaya T.E.* *Grazhdanskii kodeks RSFSR 1922 goda* [The Civil Code of RSFSR 1922]. Moscow, 2002.

15. *Farbshtein A.* Stat'ya 1 Grazhdanskogo kodeksa i prava gosorganov po dogovorom [Article 1 of the Civil Code and Law of Government Agencies under Contracts]. *Ezhenedel'nik Sovetskoi yustitsii*, 1924, no 27.

16. *Bratus' S.N.* Printsipy sovetskogo grazhdanskogo prava [The Principles of Soviet Civil Law]. *Pravovedenie*, 1960, no 1.

17. *Rossiiskaya gazeta*, 2015, no 52.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ФИЛОЛОГИИ

УДК 811.161.1

О СОЦИАЛЬНОЙ И ВЕРБАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ КОНЦЕПТА

© 2015 г. А.С. Акопов

Акопов Антон Самвелович –
аспирант, кафедра русского языка,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета,
пер. Университетский, 93,
г. Ростов-на-Дону, 344006.
E-mail: anton.s.akopov@gmail.com

Akopov Anton Samvelovich –
Postgraduate Student,
Department of Russian Language,
Institute of Philology, Journalism and Intercultural
Communication of the Southern Federal University,
Universitetskii Lane, 93,
Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: anton.s.akopov@gmail.com

Рассматривается концепт как главное понятие когнитивной лингвистики в его социокультурном аспекте, соотношение индивидуального и общественного в концепте и концептосфере, а также соотношение концептосферы и языковой картины мира. Особое внимание уделяется вопросу вербальности концепта, анализируются позиции различных исследователей, возможность существования невербальных концептов. Освещается неоднозначность таких понятий, как «языковое выражение» и «имя» концепта. Предпринимается попытка найти однозначные материальные критерии для выделения концептуальных единиц в сознании.

Ключевые слова: вербальность, когнитивистика, концепт, концептология, концептосфера, лингвокультурология, сознание, языковая картина мира.

The article considers the concept as the main term of cognitive linguistics and its socio-cultural aspect. We examine the relation between the social and the individual in the concept and the conceptosphere as well as correlation between the conceptosphere and the linguistic worldview. Special attention is paid to the issue of the verbality of the concept; we analyze approaches of various researches and explore the possibility of the existence of non-verbal concepts. We highlight the confusing nature of such terms as “the name” and “the verbal expression” of the concept. An attempt is made to find a material approach to isolation of conceptualized units.

Keywords: cognitive studies, concept, conceptology, conceptosphere, consciousness, cultural linguistics, linguistic worldview, verbality.

В конце XX – начале XXI в. во многих сферах научного знания, в том числе и в лингвистике, отмечается рост интереса к когнитивизму. При этом когнитивный подход к языку, т.е. изучение связи языка и мышления, языка и процесса познания в значительной степени основывается на одном ключевом понятии – понятии концепта. Именно оно оказалось наиболее устойчивым в когнитивном языкознании среди других, выдвигавшихся в последние годы. Как отмечает С.Г. Воркачѳ, «в конкурентной борьбе в российской лингвистической литературе с начала 90-х годов прошлого века столкнулись “концепт” (Арутюнова 1993; Лихачев 1993; Степанов 1997, Ляпин 1997; Нерознак 1998; и др.), “лингвокультураема” (Воробьев 1997), “мифологема” (Ляхтезняка 1999; Базылев 2000), “логоэпистема” (Верещагин–Костомаров 1999; Костомаров–Бурвикова 2000, 2001), однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался “концепт”, по частоте употребления значительно опередивший все

прочие протерминологические новообразования» [1, с. 41]. О концепте как о главном понятии когнитивной лингвистики пишут З.Д. Попова и И.А. Стернин [2, с. 21]. В рамках нашей работы достаточно размытое понятие концепта (о неоднозначности которого будем говорить далее) мы рассматриваем в социальном аспекте. Поскольку язык существует и подвергается анализу, в первую очередь в коммуникации именно социокультурная сторона концепта представляется наиболее «осязаемым» и значимым объектом исследования. Из этого подхода вытекает ключевой для данной статьи вопрос вербальности концепта.

Впервые понятие концепта было сформулировано С.А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 г., который определял его как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределѳенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода» [3, с. 269]. Что примечательно, учёный уже тогда говорит о существовании разных подходов к пониманию концепта – в

том числе, концепт может пониматься и как «чисто умственное образование», и как часть объективной действительности, может подчёркиваться его общность, либо же его индивидуальность [3, с. 268–269]. Далее понятие концепта развивалось и углублялось многими исследователями, занимавшимися концептуальным подходом. Д.С. Лихачёв уточняет: «Я полагаю, что концепт существует не для самого слова, а, во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно» [4, с. 4]. При этом отмечает его индивидуальную и одновременно национальную природу: «Какое из словарных значений слова замещает собой концепт, выясняется обычно из контекста, а иногда даже из общей ситуации. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [4, с. 4]. Другие известные определения концепта приводили такие исследователи, как Е.С. Кубрякова: «*Концепт* – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [5, с. 90–92], В. Красных: «Максимально абстрагированная идея “культурного предмета”, не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные» [6, с. 272], В.И. Карасик: «Основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт – *многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны*» [7, с. 132]; С.Г. Воркачёв: «Концепт как операционная единица мысли – это способ и результат квантификации и категоризации знания» [1, с. 35], «концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [1, с. 41]; З.Д. Попова и И.А. Стернин: «Дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [2, с. 24].

При всей популярности лингвоконцептологии понятие концепта остаётся достаточно размытым. Ю.Е. Прохоров отмечает: «В филологии, как и в

любой науке, есть два типа терминов: свои и заимствованные. И принцип пользования ими также не оригинален: как и всюду, договориться о хотя бы приблизительно общем их понимании практически невозможно» [8, с. 74]. Об этой высокой степени неопределённости такого ключевого понятия, как «концепт», негативно отзываясь А.В. Кравченко, крайне критически характеризующий проблему неоднозначности предмета концептологии. Он отмечает, что большинство дефиниций концепта в лингвистике пытаются определить его через иные, не менее неопределённые и неоднозначные понятия [9, с. 248–249], которые никак не объясняют суть этого явления. Следует признать, что понятие концепта носит «ускользающий» характер, и исследователи в значительной степени исповедуют индивидуальные подходы к его определению. Однако, несмотря на неоднозначность этого термина, в различных подходах к его пониманию можно выделить определённые тенденции, которые позволяют составить общее представление о том, как концепт воспринимается учёными-когнитивистами: в определениях концепта легко прослеживаются такие регулярно возникающие формулировки, как «ментальная единица» [10], «ментальное образование» [7], «единица памяти» [5], «единица сознания» или «единица знания» [1], «идея предмета» [6], «квант знания» [5] или «квант сознания» [7]. Эти наблюдения позволяют нам вывести базовое и в значительной степени общее для всех исследователей понимание концепта: это некая минимальная, неделимая единица, имеющая исключительно ментальную природу (так или иначе существующая в нашем сознании) и взаимодействующая и со знаниями и опытом человека, и с внешним миром.

Говоря о проблеме соотношения индивидуального и общего в понимании концепта, необходимо упомянуть понятие концептосферы. Впервые оно было предложено Д.С. Лихачёвым по аналогии с биосферой и, в особенности, ноосферой В.И. Вернадского [11], причём у него концептосфера рассматривается как общекультурное, а не сугубо лингвистическое явление. Примечательно, что Д.С. Лихачёв говорит о существовании разных концептосфер в рамках одного языка: «Отдельных вариантов концептосферы национального языка очень много. <...> Одна концептосфера может сочетаться с другой – скажем, концептосфера русского языка в целом, но в ней концептосфера инженера-практика, а в ней концептосфера семьи, а в ней индивидуальная концептосфера» [4, с. 5]. З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют концептосферу как «область знаний, составленную из концептов как ее единиц» [2, с. 25] и

далее как «упорядоченную совокупность концептов народа, информационную базу мышления» [2, с. 26], что не даёт чёткого представления о её природе, однако далее исследователи также говорят о существовании «групповых концептосфер (профессиональная, возрастная, гендерная и т.д.)» [2, с. 27], которые можно сопоставлять. Таким образом, подобно Д.С. Лихачёву, авторы рассматривают существование и взаимодействие множества концептосфер.

В целом, можно заметить, что если определение концепту дали многие ученые, и существуют десятки различных подходов к этому термину, то понятие концептосферы проработано значительно слабее и носит даже более неоднозначный характер. Не будем подробно останавливаться на этой проблеме в рамках данной работы, однако важно то, что именно через концептосферу мы можем рассмотреть вопрос вербальности концепта. В ходе роста популярности когнитивного подхода в лингвистике понятие концептосферы стало тесно сосуществовать с понятием языковой картины мира, и в этой связи интересно определение, которое З.Д. Попова и И.А. Стернин дают семантическому пространству языка (они рассматривают его как синоним языковой картины мира): «Семантическое пространство языка – это та *часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков* [курсив мой. – А.А.], совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка» [2, с. 44; о синонимичности с языковой картиной мира см. там же, с. 45]. С.Н. Плотникова пишет о «понимании языковой картины мира как особой категоризации и концептуализации действительности при помощи языка» [12, с. 74]. В.И. Карасик также говорит о «наличии имён концептов» как об одном из компонентов языковой картины мира [7, с. 132–133], при этом под именами концептов понимается «однословное обозначение» концептуализированной единицы [7, с. 132–133]. По таким определениям можно заключить, что, подобно тому как концепты называются компонентами концептосферы (и в некотором смысле компонентами культуры, если мы говорим о лингвокультурном подходе), их языковые выражения рассматриваются как компоненты языковой картины мира. Однако здесь мы сталкиваемся с рядом противоречий.

Во-первых, существует определённая путаница на уровне терминологии. Не вполне понятно, отличаются ли друг от друга чем-нибудь «выражение концепта», «языковое выражение концепта», «название концепта», «имя концепта» и тому подобные термины. Так, В.И. Карасик говорит об именах концепта, которые, по его мнению, можно

выделять только тогда, когда у концепта есть однословное обозначение; однако этот же автор понимает языковое выражение шире, чем просто лексему: «Выражение концепта – это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [7, с. 133] (далее В.И. Карасик приводит пример, как концепт может быть раскрыт в тексте ситуативно, вообще без прямого названия). Получается, что имя концепта присутствует в языковой картине мира, а выражение концепта – нет; но тогда возникают простые вопросы – например, как быть, если выражение концепта не имеет определённой постоянной формы, но является чисто вербальным? Может ли имя концепта состоять более чем из одного слова? Соотношение выражения и имени концепта остаётся не вполне понятным. Вербальное обозначение концепта представляется нам проблемной темой и по другой причине: хотя для когнитивных исследований и типично использовать такие формулировки, как, например, «концепт вождя в советской публицистике», надо понимать, что в подобной ситуации само слово «вождь», хотя его и можно было бы назвать «именем концепта», является лишь удобным для исследователя указанием на концепт, но оно никак не выражает всей глубины данного концепта, поскольку концепт в первую очередь является мысленным представлением, которое невозможно «сжать» до одного слова. Тем более, говоря об ассоциативном аспекте, слово «вождь» может заставить слушателя подумать, например, об индейских племенах, а не о советской действительности, поэтому в приведённом примере выражением концепта должна служить вся фраза «концепт вождя в советской публицистике», а никак не одно слово «вождь», поскольку только эта фраза должным образом обозначает границы концептуализированного представления, о котором идёт речь (вспомним слова Д.С. Лихачёва: «Какое из словарных значений слова замещает собой концепт, выясняется обычно из контекста, а иногда даже из общей ситуации» [4, с. 4]).

Во-вторых, важно заметить, что все авторы в той или иной форме сходятся на том, что концепт и концептосфера имеют ментальную природу, пребывают в сознании, в то время как с точки зрения лингвистики мы никак не можем изучать сознание непосредственно. Очевидно, что исследователи-лингвисты имеют дело только с продуктами умственной деятельности в языке и речи, т.е. взаимодействуют только с вышеупомянутыми выражениями концептов: «Значительная часть концептосферы народа представлена в семантическом пространстве его

языка, что и делает семантическое пространство языка предметом изучения когнитивной лингвистики» [2, с. 44]. В то же время, из приведённой цитаты следует, что, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, не вся концептосфера представлена в языковой картине мира, а только её часть. Сходным образом Е.С. Кубрякова полагает, что в языке отражены не все концепты, а только самые важные из них [5, с. 90–92]. З.Д. Попова и И.А. Стернин также пишут: «С нашей точки зрения, концепт не обязательно имеет *языковое выражение* – существует много концептов, которые не имеют устойчивого названия (курсив мой. – А.А.) и при этом их концептуальный статус не вызывает сомнения (ср. есть концепт и слово “молодожены”, но нет слова “старожены”, хотя такой концепт в концептосфере народа несомненно есть)» [2, с. 25]. Здесь идёт речь о названии концепта и о его языковом выражении (которые авторы не разделяют), и из цитаты следует, что такое название/выражение должно быть одним словом, что вызывает у нас закономерный вопрос: если у концепта нет однословного названия, значит ли это, что он вообще не присутствует в языке? Если это так, то каким образом с точки зрения лингвистики можно делать утверждение, что такой концепт вообще существует? Такое утверждение выглядело бы голословным, потому что его было бы невозможно подтвердить языковым материалом. В то же время, если признать существование концепта, обозначенного З.Д. Поповой и И.А. Стерниным как «старожёны», вполне очевидно, что в диалоге между знакомыми с этим концептом коммуникантами один может вызвать образ этого концепта в сознании другого, используя просто описательный метод – и подобное описание (например, «люди, давно состоящие в браке» или «пожилая женатая пара») будет являться ничем иным как языковым выражением концепта, хотя и не будет его однословным «именем». Конечно, можно предположить существование невербальных концептов в рамках индивидуальных концептосфер, когда мы говорим о каких-либо идеях и представлениях в сознании отдельного индивида (которые тот просто не желает привносить в коммуникацию), однако их ненаблюдаемость делает их интересность как объекта лингвистического исследования сомнительной.

Из вышеизложенного следует:

1. Если концепт находит какое-либо выражение в языковой коммуникации, это автоматически означает, что он имеет какое-либо вербальное выражение, хотя это выражение может не иметь определённой неизменной формы.

2. С позиций лингвистики у нас нет возможности утверждать факт существования какого-либо концепта, который никак не выражен в языке.

3. Любое название концепта (т.е. такое вербальное выражение, которое имеет более или менее неизменную и общеизвестную форму, позволяет легко указать на него) является всего лишь его условным обозначением, которое служит для указания на него в лингвистических исследованиях или в коммуникации, не выражает всей ассоциативной глубины его значений и требует употребления в определенном лингвистическом и/или экстралингвистическом контексте.

В завершение хотелось бы отметить, что весь вопрос вербальности концепта, по нашему мнению, имеет смысл рассматривать только когда речь идёт именно о возможности (реальной или потенциальной) вербализации концепта. Если же говорить о том, как концептуальные единицы кодируются в человеческом сознании, то нам представляется сомнительным, что такое разностороннее явление, как концепт, может кодироваться с помощью только вербальных средств, однако этот вопрос лежит за пределами данной работы и, возможно, за пределами лингвистики.

Литература

1. Воркачёв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004. С. 9–40.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
3. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 267–279.
4. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. 1993. № 1. С. 3–9.
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
6. Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.
8. Прохоров Ю.Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2005. Вып. 30.
9. Кравченко А.В. Что изучает концептология? // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы 1-й междунар. конф. 5–7 окт. 2011. Барнаул, 2011. С. 248–251.

10. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 53–64.
11. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Труды по философии естествознания. М., 2000. С. 308–315.
12. Плотникова С.Н. Холистичность языковой картины мира // Вестн. ИГЛУ. Сер. Филология. 2011. № 1. С. 70–77.

References

1. Vorkachev S.G. *Schast'e kak lingvokul'turnyi kontsept* [Happiness as Linguocultural Concept]. Moscow, 2004, pp. 9-40.
2. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, 2007.
3. Askol'dov-Alekseev S.A. [The Concept and the Word]. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of the Text. Anthology]. Ed. V.P. Neroznaka. Moscow, 1997, pp. 267-279.
4. Likhachev D.S. *Kontseptosfera russkogo yazyka* [Conceptosphere of Russian Language]. *Izv. RAN*. 1993, no 1, pp. 3-9.
5. Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, 1996.

6. Krasnykh V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost' ["Ours" among "Theirs": Myth or Reality?]. Moscow, 2003.
7. Karasik V.I. *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002, 477 p.
8. Prokhorov Yu.E. К проблеме «kontsepta» i «kontseptosfery» [On the Problem of "Concept" and "Conceptosphere"] *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*: Col of art. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. Moscow, 2005. Issue 30.
9. Kravchenko A.V. [What Does Conceptology Study?]. *Funktional'no-kognitivnyi analiz yazykovykh edinit i ego aplikativnyi potentsial: materialy 1-i mezhdunar. konf. 5-7 okt. 2011* [Functional-cognitive Analysis of Linguistic Units and its Applicative Potential: materials of Int. Conf. 5-7 October. 2011]. Barnaul, 2011, pp. 248-251.
10. Nikitin M.V. Razvernutyte tezisy o kontseptakh [Detailed Abstracts of Concepts]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2004, no 1, pp. 53-64.
11. Vernadskii V.I. [A Few Words about the Noosphere]. *Trudy po filosofii estestvoznaniya* [Works on Philosophy of Science.]. Moscow, 2000, pp. 308-315.
12. Plotnikova S.N. *Kholistichnost' yazykovoï kartiny mira* [Holistic Nature of Linguistic World View]. *Vestnik IGLU. Ser. Filologiya*. 2011, no 1, pp. 70-77.

Поступила в редакцию

12 марта 2015 г.

УДК 727.1

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПРОЦЕССУ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ШКОЛЬНЫХ ЗДАНИЙ

© 2015 г. М.В. Барабаш

Барабаш Мария Витальевна – аспирант, кафедра дизайна архитектурной среды, Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета, пр. Буденновский, 39, г. Ростов-на-Дону, 344082. E-mail: mary.mazurik@yandex.ru

Barabash Maria Vitalyevna – Graduate, Department of Design of Architectural Environment, Academy of Architecture and Arts of the Southern Federal University, Budennovsky Ave., 39, Rostov-on-Don, 344082, Russia. E-mail: mary.mazurik@yandex.ru

Рассматриваются вопросы формирования архитектуры школьного здания на основе поиска новых подходов. Проанализированы современные системы образовательных процессов и их требования к функционально-планировочной и архитектурно-пространственной организации школьной среды. Выявлены две основные подсистемы в структуре школы. На основе системного подхода обозначен ряд приемов формирования архитектурной среды.

Ключевые слова: устойчивое развитие, архитектурная среда, проектирование школ, система.

The article deals with the formation of the architecture school building based on the search for new approaches. The author analyzes the modern system of educational processes and their requirements for functional planning, architectural and spatial organization of the school environment. Two major subsystems in the structure of the school are revealed. On the basis of a systematic approach the author identifies a number of methods of the architectural environment formation

Keywords: sustainable development, architectural environment, design of schools, system.

В настоящее время архитектура школьных зданий находится в динамичном процессе поиска новых современных подходов в проектировании. В мировой практике, а в большей мере в России, это связано с разработкой новых педагогических основ в теории и практике формирования школы нового типа, которая должна отвечать современным требованиям в области эффективного образования, а отсюда и развития устойчивой архитектуры школьных зданий в постиндустриальном обществе.

Система внутренних процессов школьного образования подвергается изменениям и постоянно развивается. Требования к совершенствованию педагогических процессов растут значительно быстрее, чем школьное здание может быть к ним адаптировано. Сегодня архитектурные требования к проектированию школьного здания должны обладать инновационными и опережающими качествами, иметь прогностический характер для того, чтобы адаптироваться к быстро меняющимся и прогрессирующим педагогическим требованиям общества [1, 2]. Вместе с тем школьная архитектура должна представлять собой целостную систему взаимно интегрирующих направлений, таких как социально-экономическое, культурно-гуманитарное, экологическое, идеологическое и др., а также приемов, формирующих архитектурную среду здания школы, которые в свою очередь влияют на жизнь общества и страны в целом [3].

В каком-то смысле школьное здание перестает быть закрытым пространством, в котором внутренние процессы отделены от внешних, и школа, особенно это важно для сельской местности, становится коммуникативным, спортивным, культурно-просветительским центром притяжения молодежи. Таким образом, школа является сложной системой функциональных процессов, происходящих в ней, ее участников (учеников, педагогов, родителей, воспитателей, обслуживающего персонала) и самого школьного здания с его архитектурным пространством – средой [4]. Для того чтобы школьное здание считалось устойчивым в своем развитии, его архитектурная среда должна своевременно реагировать на происходящие изменения во внутренних и внешних функционально-технологических процессах. Следовательно, при проектировании архитектор должен заложить возможность перестраиваться архитектурному пространству в школьном здании так, чтобы быть максимально адаптивным к периодическим изменениям в педагогическом процессе, с возможностью формирования гибких связей между различными его частями.

Анализируя современные системы образовательных процессов в зарубежной и отечественной

архитектурной практике и их требования к функционально-планировочной и архитектурно-пространственной организации школьной среды, можно их представить как динамически развивающуюся концепцию формирования средовой системы школьных зданий.

В любых сложных системах существуют множественные связи между различными ее частями, так называемыми подсистемами. Основными механизмами развития сложной школьной системы являются **объединение и разделение ее элементов**. Взаимосвязь этих приемов в функционально-планировочной и объемно-пространственной организации школьного здания, а также процессов, происходящих в ней, можно рассматривать как положительное движение (динамику) в рамках ее (фиксированной) структуры при формировании архитектурного пространства школы [5].

Сложную, многофункциональную систему школы условно можно разделить на **материальную подсистему**, составляющую здания школы, и подсистему **процессов**, в которой участвуют субъекты (учебные программы, школьники, педагоги). В свою очередь в этих подсистемах можно выделить **собственные группы элементов**. Так, в материальную подсистему входят конструктивные элементы здания, инженерные сети, оборудование здания и инфраструктура, а подсистема процессов – это ее физические участники и обучающие программы.

Возможность применения **синергетического** подхода к функционированию подсистем и групп их элементов в общей системе объемно-пространственной и педагогической организации школьной среды, не нарушая их, даст возможность необходимого своевременного корректирования, увеличения или уменьшения каждой группы в процессе эксплуатации всей системы. Особенно важным подход синергетического функционирования является в условиях постоянно меняющихся требований к архитектурной, материальной среде школы и частой смены величины контингента учащихся. Синергетическое функционирование системы в данном случае сводится к выявлению оппонирующих параметров ее порядка, наиболее медленно меняющихся переменных, например такие базовые конструктивные элементы, как лестницы или входные зоны, под которые подстраиваются все остальные управляемые параметры, а также анализ уровня функционального баланса между ними [6, 7].

В свою очередь каждая группа подсистемы, формирующая архитектурную и образовательные среды, может быть определена как более или менее **стабильная или нестабильная** (подвижная).

Несущий каркас школьного здания и вертикальные коммуникации выступают как основные стабильные группы подсистемы, а наименее стабильными являются группы технического и инженерного оснащения здания (искусственное освещение, канализация, отопление, вентиляция, сети интернет и др.).

Архитектурно-пространственная модель здания школы будет устойчива в своем развитии, если при проектировании следовать стратегии разделения конструктивных элементов по сроку службы. В пространственном решении закрепляются так называемые «базовые» элементы несущего конструктивного каркаса и вертикальные коммуникации как наиболее устойчивая и долговечная часть здания. При этом остается возможность свободы выбора в дальнейшем, определении формы и размеров внутренних помещений (классных комнат, лабораторий, кабинетов и др.), а также в подборе систем ограждающих конструкций, технических систем сетей жизнеобеспечения, формирующих общую архитектурную среду школьных зданий [8].

Рассматривая группу подсистемы процессов, о которых было сказано выше, следует обозначить их как наиболее подвижные и часто подвергаемые изменениям. В свою очередь их можно разделить на постоянные и изменяемые, где к постоянным относятся антропометрические, гигиенические, природно-климатические, физиологические характеристики региона и участников процесса, а все что связано с образовательным и воспитательным процессом в школе может быть подвержено совершенствованию [9, 10]. В процессе функционирования школы зачастую происходит изменение величины контингента участников процесса, что требует гибкого подхода и к архитектурной модернизации здания.

В связи с этим на стадии проектирования следует закладывать и прогнозировать возможное применение различных вариаций внутри планировочной организации здания, расширение и достраивание, возможное использование здания в качестве обучающего центра. Размеры и форма помещений могут иметь возможность изменяться в зависимости от смены требований образовательных процессов, следовательно, архитектура школы предполагает быть адаптивной.

Таким образом, разделяя подсистемы и процессы на группы и выделяя среди них наиболее устойчивые в «базовые» зоны, можно фиксировать их в проектом решении, при этом оставляя возможность вариативности для более подвижных, спонтанно развивающихся групп школьной системы.

Важным моментом при формировании архитектурной среды школьных зданий является выделение и закрепление школьных процессов, для этого необходимо применить дифференцированный подход. Чем больше возможность трансформации одного и того же пространства, тем эффективнее использование школьного здания. Основными группами школьных пространств, объединенных однородными процессами, являются: *обучающие пространства* – в которых непосредственно идет процесс обучения (аудитории, лаборатории, мастерские и т.п.); *коммуникативные пространства* – места внеурочного общения различных групп участников процесса, *локальные зоны* – места индивидуального, тихого пребывания; *свободно-групповые зоны* – места, в которых могут происходить спонтанные или запланированные мероприятия; *порталы или входные зоны*; *инфраструктурная сеть* – места, эксплуатируемые не только во время учебного процесса (кафе, автоматы по продаже напитков, гардеробы, туалеты, места для хранения личных вещей и школьного имущества); *физкультурно-оздоровительные пространства* – спортивный зал, бассейн, открытые площадки для занятий спортом на свежем воздухе; *зрелищные пространства* – танцевальные залы, театральный или актовый зал, кинозал; *информационная сеть* – библиотеки, зоны (wi-fi), места, оборудованные для доступа к печати материалов, входы в информационную систему, оборудованные аудио и видео информационными панелями оповещения о событиях школы, учебных планах, текущих проектах, результатах обучения.

Следует также сказать, что современное школьное здание, базирующееся на принципах устойчивого развития, стремится отвечать экологичности и энергоэффективности с учетом прогнозируемого будущего и обладать возможностью разукрупнения и утилизации в случае необходимости [11].

Итак, можно выделить следующие приемы, основанные на системном подходе к формированию архитектурной среды школьного здания: *коммуникативность, адаптивность, надежность и интерактивность*.

1. Коммуникативность находит реализацию в трех направлениях: объемно-пространственная – архитектурная среда школьного здания «рассказывает» о себе; социальная коммуникативность – здание школы объединяет людей всех возрастов и является местом для обучения и их социальных контактов для жителей близлежащей застройки; технологическая коммуникативность – использование

современных средств коммуникаций в школьном здании.

2. **Адаптивность** архитектуры школьного здания может рассматриваться в следующих направлениях: конструктивная – способность конструктивной системы здания, не нарушая всей схемы в целом, менять конфигурацию пространств; архитектурно-планировочная – способность здания к планировочной трансформации внутреннего пространства школьных помещений в зависимости от смены функциональных процессов; технологическая – способность конструктивной системы, сохраняя свою устойчивость и несущую способность, трансформироваться на уровне перегородок с возможностью наращивания инфраструктурной сети, или их замену на более совершенную; эмоционально психологическая – возможность создания в школьном здании различных эмоционально-психологических зон от коллективных пространств до локальных зон уединения ребенка, при этом среда школьного здания должна быть максимально прозрачна.

3. **Надежность** архитектуры школьного здания подразумевает: конструктивную – возможность замены вышедших из строя элементов конструкций без нарушения целостности функционирования; архитектурно-планировочную – целесообразное резервирование пространств для дальнейшего расширения здания и архитектурно-планировочной автономности отдельных блоков; технологическую – автономность систем жизнеобеспечения школьного здания и использование альтернативных источников энергии.

4. **Интерактивность** в проектировании школьного здания имеет следующие составляющие: архитектурно-планировочная – возможность допроектирования и перепроектирования школьного здания, в зависимости от потребностей образовательного процесса [12].

Систематизация основных приемов формирования архитектурной среды при проектировании школьного здания должна позволить создать гибкую, адаптивную, энергоэффективную, экологичную архитектуру школьных зданий, сбалансировать возможные вариации развития образования в будущем и максимально приблизить срок актуальной эксплуатации здания к его физическому износу.

Литература

1. Президентская инициатива Наша новая школа. URL: <http://nasha-novaya-shkola.ru> (дата обращения: 18.08.2012).
2. Днепрова Э.Д. Образовательный стандарт – инструмент обновления содержания общего образования // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 77–117. URL:

<http://vo.hse.ru/2004--3/26555619.html> (дата обращения: 18.08.2012).

3. ОСЭКО – образование для устойчивого развития // Устойчивое развитие. URL: <http://www.ustoichivo.ru/biblio/view/150.html> (дата обращения: 02.08.2014).

4. Better learning by design [Лучшие школьные проекты] // Интерактивный журнал 2014. URL: <http://pubs.royle.com/publication/?i=226171> (дата обращения: 19.11.2014).

5. Isakova S.A., Morgun N.A., Evtushenko-Mulukaeva N.M. Space-Planning Modernization Methods for Educational Buildings of the Southern Federal University // Scopus, Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 17 (10). P. 1412–1418.

6. Бабич В.Н., Кремлев А.Г., Холодова Л.П. Методология системного анализа в архитектуре // Архитектон: известия вузов. 2011. № 34. URL: http://archvuz.ru/2011_2/3 (дата обращения: 22.08.2014).

7. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М., 2009. 240 с.

8. Анисимов В.Ю. Системный подход к проектированию школьных зданий // Архитектон: известия вузов. 2012. № 38. URL: <http://archvuz.ru/node/287> (дата обращения: 22.08.2014).

9. Карпова Г.Ф. Общеобразовательная школа как объект стратегического педагогического проектирования и моделирования // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2011. № 6. С. 137–143.

10. Образование в средней школе XXI века: анализ современных педагогических подходов и идей / под общ. ред. О.И. Кирипова. Воронеж, 2010. С. 245–255.

11. Ненорада В.И. Основные архитектурные тезисы в концепции развития современных школ // Рус. наука. Строительство. 2013. URL: http://www.rusnauka.com/1_NIO_2013/Stroitelstvo/1_124028.doc.htm (дата обращения: 19.08.2014).

12. Барабаш М.В. Проблемы архитектуры школьного фонда Приднестровья в современных условиях // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: материалы междунар. конф. Москва, 2013. М., 2013. Ч. 5. С. 9–11.

References

1. *Prezidentskaya initsiativa Nasha novaya shkola* [Presidential Initiative Our New School]. Available at: <http://nasha-novaya-shkola.ru> (accessed 18.08.2012).
2. Dneprov E.D. *Obrazovatelnyiy standart – instrument obnovleniya soderzhaniya obschego obrazovaniya* [Educational Standard – the Tool to Update General Education]. *Voprosyi obrazovaniya*. 2004, no 3, pp. 77-117. Available at: <http://vo.hse.ru/2004--3/26555619.html> (accessed 18.08.2012).
3. OSEKO – obrazovanie dlya ustoychivogo razvitiya [OSEKO - Education for Sustainable Development].

Ustoychivoe razvitiye. Available at: <http://www.ustoichivo.ru/biblio/view/150.html> (accessed 02.08.2014).

4. *Better learning by design*. 2014. Available at: <http://pubs.royle.com/publication/?i=226171> (accessed 19.11.2014).

5. Isakova S.A., Morgun N.A., Evtushenko-Mulukhaeva N.M. Space-Planning Modernization Methods for Educational Buildings of the Southern Federal University. *Scopus, Middle-East Journal of Scientific Research*. 2013, vol. 17 (10), pp. 1412-1418.

6. Babich V.N., Kremlev A.G., Holodova L.P. Metodologiya sistemnogo analiza v arhitekture [The Methodology of System Analysis in Architecture]. *Arhitekton: izvestiya vuzov*. 2011, no 34. Available at: http://archvuz.ru/2011_2/3 (accessed 22.08.2014).

7. Budanov V.G. *Metodologiya sinergetiki v postneklasicheskoy nauke i v obrazovanii* [Methodology of Synergy in Postnonclassical Science and Education]. Moscow, 2009, 240 p.

8. Anisimov V.Yu. Sistemnyiy podhod k proektirovaniyu shkolnykh zdaniy [A Systematic Approach to the Design of School Buildings]. *Arhitekton: izvestiya vuzov*. 2012, no 38. Available at: <http://archvuz.ru/node/287> (accessed 22.08.2014).

9. Karpova G.F. Obshcheobrazovatel'naya shkola kak ob"ekt strategicheskogo pedagogicheskogo proektirovaniya i modelirovaniya [School as an Object of Strategic Pedagogical Designing and Modeling] *Izvestiya vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2011, no 6, pp. 137-143.

10. *Obrazovanie v srednei shkole XXI veka: analiz sovremennykh pedagogicheskikh podkhodov i idei* [Education in High School 21 century: Analysis of Modern Pedagogical Approaches and Ideas]. Ed. O.I. Kiripova. Voronezh, 2010, pp. 245-255.

11. Noporada V. I. Osnovnyie arhitekturnye tezisy v kontseptsii razvitiya sovremennykh [Main architectural Thesis in the Concept of Modern Schools]. *Rus. nauka. Stroitelstvo*. 2013. Available at: http://www.rusnauka.com/1_NIO_2013/Stroitelstvo/1_124028.doc.htm (accessed 19.08.2014).

12. Barabash M.V. Problemyi arhitektury shkolnogo fonda Pridnestrovya v sovremennykh usloviyah [Problems of Architecture School Fund of Prednestrovye in Modern Conditions]. *Science, Education, Society: Trends and Prospects: Proceedings of the international. Conf. Moscow, January 31. 2013. Moscow, 2013. Part 5, pp. 9-11.*

Поступила в редакцию

4 марта 2015 г.

УДК 37.026

АКТИВНОЕ САМООБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ РЕФЛЕКСИИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

© 2015 г. Ю.А. Гузь, О.А. Жарина

Гузь Юлия Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, пер. Университетский, 93, г. Ростов-на-Дону, 344006. E-mail: kuzminajulia80@mail.ru

Guz Yulia Alekseevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, German Philology Department, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Universitetskii Lane, 93, Rostov-on-Don, 344006, Russia. E-mail: kuzminajulia80@mail.ru

Жарина Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по социальной работе, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, пер. Университетский, 93, г. Ростов-на-Дону, 344006. E-mail: oazharina@sfnu.ru

Zharina Olga Alexandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Deputy Director of Social Work, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Universitetskii Lane, 93, Rostov-on-Don, 344006, Russia. E-mail: oazharina@sfnu.ru

Раскрывается методология самообучения студентов в соответствии с новыми российскими образовательными стандартами. Определяющим понятием в рамках саморазвития личности выступает рефлексия – обращение сознания на совершенные поступки, действия человека, обращенность его на самого себя с целью выявления своих просчетов для дальней-

шего их исправления. Описывается позиция преподавателя и студента в процессе становления автономного изучения иностранного языка. Показано, что задача преподавателя поддерживать обучающихся и содействовать их автономии, направлять на целеполагание на занятии и в самостоятельной работе, развивать языковые и личностные компетенции, раскрывать мотивацию и побуждать к активным действиям во время и вне занятий.

Ключевые слова: самообразование, активные методы и приемы, рефлексия изучения иностранного языка, само-рефлексия, уровни рефлексии, тьютор, целеполагание, языковой портфель, языковые компетенции, обучение через действие, эффективная организация занятия, межкультурная коммуникация.

The article considers methodology of self-training of students according to new Russian educational standards. The reflection appears as the defining concept within self-development of the personality - the address of consciousness on perfect acts, actions of the person, its frontage on itself, for the purpose of detection of the miscalculations for their further correction acts. Further the position of the teacher and students in the course of formation of autonomous learning of foreign language is described. The conducted experiment showed that the task of the teacher is to support them and to promote their autonomy, to direct students on self-training and independent work, to develop language and personal competences, to open motivation and to encourage them to active actions at the time and after the classes.

Keywords: self-education, active methods and receptions, reflection of learning of foreign language, self-reflection, reflection levels, tutor, goal-setting, language portfolio, language competences, training through action, effective organization of occupation, intercultural communication.

Процесс изменений, происходящих в современном мире, настолько стремителен, что знания, полученные в школе или высшем учебном заведении, либо быстро утрачивают актуальность, либо становятся недостаточными для человека в дальнейшей жизни и для его карьеры. В связи с этим возникает проблема необходимости постоянного самообучения и саморазвития, а для этого нам необходимы определенные умения и навыки: добывать новые знания, анализировать, систематизировать их, правильно оценивать фактический уровень знаний, планировать собственные образовательные траектории, рефлексировать свою учебную деятельность и вносить в нее необходимые коррективы [1–7]. Определяющим понятием в рамках саморазвития личности выступает рефлексия – обращение сознания на совершенные поступки, действия человека, обращенность его на самого себя с целью выявления своих просчетов для дальнейшего их исправления.

Размышления о том, как правильно изучать что-либо, например иностранные языки, возникают у детей уже на начальной ступени и продолжают на протяжении всей учебной деятельности до достижения ими взрослого возраста. Как когнитивные, так и конструктивные теории обучения придерживаются той точки зрения, что осознание того, что, как и зачем ты учишь – это важная предпосылка хорошей успеваемости. Осознание смысла собственного самостоятельного учения и первые успехи начинаются с того, как только дети познают способ учиться с удовольствием.

Ответ на этот очевидный и простой вопрос, как учиться и как учиться с радостью, не всегда так просто получить. Он заключается в том, насколько активно учащийся владеет собственными компетенци-

ями и разбирается в своих предпочтениях. Как правило, преподаватель лучше всего может проявить себя в этом случае помощником-консультантом, предлагая указания и стимулы, в которых нуждаются учащиеся. Такая помощь в образовании сегодня называется «тьюторство», где преподаватели выступают тьюторами, в переводе с английского (англ. tutor) – особая педагогическая должность. Тьютор разрабатывает индивидуальные образовательные программы для учащихся и студентов и сопровождает процесс индивидуального образования в школе и вузе. Под внимательным сопровождением преподавателя-тьютора обучаемые должны прежде всего ознакомиться с различными возможностями и способами учиться, чтобы знать, какие для них предпочтительнее и какие наиболее эффективны. Чтобы выяснить, когда они учатся с удовольствием, нет необходимости задавать буквально этот вопрос и ждать спонтанного ответа. Целесообразно предложить учащимся различные пути или способы учиться, чтобы затем решить, что понравилось им больше всего и главное, что функционирует действительно лучше всего.

Наша задача на современном этапе образования как преподавателей-тьюторов поддержать учащихся в апробации данных способов учения, мотивировать их посредством вопросов и заданий на то, чтобы они постоянно размышляли, анализировали, оценивали свою учебную деятельность. Для возможности управлять этим процессом (регулирование учебной деятельности самими учащимися) необходимо подробно остановиться на определенной «рефлексия» учебного процесса.

Рефлексия в переводе – отражение, самоанализ, размышление. Совершив какой-либо поступок, мы

неосознанно его анализируем, чтобы впредь избежать неудач или, наоборот, повторить и преувеличить успех данного действия. То же самое происходит и в учебном процессе, но здесь уже речь идет не о спонтанном стихийном размышлении, случайном анализе своей учебы, а об осознанном оценивании и планировании своих самостоятельных занятий для достижения поставленных целей в обучении.

Рефлексия – оценка собственной деятельности. Посредством ее совершенные действия и полученный опыт подвержены анализу и критике. Учащиеся размышляют над своей учебной деятельностью и оценивают, что и как они уже выучили и как учатся сейчас. Это может происходить относительно конкретных учебных заданий или учебных действий, которые продолжаются более длительный период. Фокусируя внимание на этом, учащиеся получают возможность изменить свою самостоятельную работу или оптимизировать ее. Речь не идет о том, что нужно подражать какому-то идеалу, отличнику в группе, игнорируя свою собственную личность. Рефлексия состоит в оценивании самого себя в разные промежутки учебного процесса. Если учащиеся размышляют над собственными интересами, желаниями, так же как и над своей неуверенностью, своим незнанием, становится возможным избавиться от своих страхов, ориентироваться в обучении прежде всего на мотивацию. Вследствие успеха и внутренний рост наиболее очевидны.

Рефлексия особенно эффективна, если она имеет место во время или непосредственно после выполнения конкретного учебного действия (например, выучить список новых слов наизусть). Таким способом можно проанализировать не только результат работы, но и путь, который привел к этому результату. Изучающие язык уверены в том, что важнее всего получить готовые знания, например, они осознают, сколько новых слов и какие названия крупных немецких городов они знают, могут воспроизвести и употребить. Эти знания преподаватели часто проверяют в тестовой форме. Но на самом деле намного важнее проанализировать учебную деятельность и не ограничиваться запоминанием знаний. Общий план «Немецкий язык как иностранный» для школьного образования вне Германии обозначает целью обучения не сами знания, а рефлексию языковых знаний и языковой коммуникации. В плане делается акцент на том, что «учащиеся располагают в конце четвертой ступени образования расширенными знаниями о структуре, функциональности и употреблении современного немецкого языка. Они могут рефлексировать и анализировать эти знания дифференцированно как в устной, так и письменной сфере об-

щения; при этом они преследуют цель дальше развивать свои языковые компетенции самостоятельно, так же как и свой индивидуальный опыт многоязычия. Они могут использовать знания об иностранном языке и языковые феномены как в работе с текстами и средствами массовой информации, так и в интерпретациях сложных коммуникативных ситуаций» [8, S. 48]. Требования образования и в нашей стране на сегодняшний день говорят о том, что гораздо важнее уметь оперировать полученными знаниями, чем иметь их много, но в пассивном состоянии.

Для обработки полученных знаний немецкие ученые-методисты выделяют когнитивный, метакогнитивный и аффективный уровни рефлексии учебной деятельности. Изучение нового материала или иностранного языка в целом может происходить следующих образом:

– на познавательном (когнитивном) уровне: Что я могу уже говорить по-немецки, что я уже знаю и какова моя следующая цель учебы?

– на личностном уровне (метакогнитивном): Как я учусь успешно? Как развивается мое изучение иностранного языка?

– на эмоциональном (аффективном) уровне: Как я учусь с удовольствием?

На познавательном уровне речь идет о рефлексии полученных знаний и умений. Здесь отображается различное содержание учебных занятий, например, правила по грамматике, знание о том, что принимают за вежливость в культурном кругу изучаемого языка, умение вести телефонный разговор на немецком языке или прочитать в интернете короткий текст на страноведческую тему. На личностном уровне рефлексиируются способы, необходимые для более успешной и эффективной учебы. На эмоциональном – речь идет о желании учить и учиться, о предпочтениях в учебной деятельности и мотивации изучения немецкого языка. Рефлексию можно осуществлять на различных этапах занятия и на различных уровнях, но следует отметить, что когнитивному уровню рефлексии в процессе обучения уделяется больше внимания. В процессе самостоятельного изучения необходимо обращаться ко всем уровням рефлексии равным образом, чтобы лучше узнать свой тип учащегося и добиться высоких результатов.

Если вы побуждаете учащихся к тому, чтобы они провели рефлексию собственной учебной деятельности, вы должны обратиться по возможности к более конкретной ситуации. На одном из занятий по теме «Essen», цель и содержание «Über Essen und Trinken in Deutschland sprechen, Dialoge im Restaurant (разговаривать о еде и напитках, вести диалоги в

кафе Германии), студентам были предложены конкретные вопросы по выполненным учебным действиям. Вопрос для познавательного уровня рефлексии был сформулирован так: Was Neues haben Sie über Kultur und Essgewohnheiten der Deutschen erfahren? (Что нового вы узнали о культуре и привычках в еде у немцев?). На этом уровне учащиеся проверяют знания страноведческого материала, умения вести диалог, грамматические навыки при помощи Was-Fragen (что?). Для личностного уровня рефлексии был поставлен вопрос: Wie haben Sie den Wortschatz zum Thema systematisiert? (Как вы систематизировали вокабуляр по теме?). Здесь также можно спросить с помощью Wie-Frage (как?), как студенты составляют диалоги и как они учатся вести спонтанное общение на определенную тему. На уровне эмоциональном или мотивационном задаются вопросы о том, что понравилось или было сложным в учебной деятельности, что и как студенты учат охотно, для чего они это учат: Haben Sie gern kommunikative Situationen in Cafés inszeniert? Welche grammatischen Strukturen fielen Ihnen besonders schwer? Welche Spezialität möchten Sie in einem deutschen Restaurant probieren? (Вам понравилось инсценировать коммуникативные ситуации в кафе? Какие грамматические структуры вам особенно тяжело даются в этой теме? Что бы вы хотели попробовать в настоящем немецком ресторане?). Это задание проанализировать не только выполненную работу, но и способы подготовки к ней вызвало интерес у студентов. Они без труда объяснили, для чего мы выполняем этот вид работы и как сделать его эффективнее. Студентам предложено было также самим оценить свои диалоги, что вызвало их смущение. Данный вид работы практикуется в нашем образовании не так часто, в связи с этим подготовленная анкета с Kann-Beschreibungen (описание умений) была уместна и студенты за 2 минуты успешно оценили свою деятельность.

Подготовка и организация рефлексии не должна занимать много времени. Учащиеся могут отвечать на вопросы в тестовой форме, письменно, устно без предварительной подготовки, в парах, с преподавателем, дома, на занятии; главное – чтобы проделанные учебные действия были проанализированы самими учащимися. Достаточно составить краткие вопросы, анкеты с вариантами ответов, чтобы стимулировать учащихся к размышлению об учебной деятельности. Перечисленные формы имеют свои плюсы и минусы. В общей дискуссии учащиеся могут познакомиться с мнениями, мыслями и способами обучения с одноклассниками и извлечь

пользу из их опыта. С другой стороны, они, вероятно, не осмеливаются говорить о том, что их интересует или в каких моментах они не уверены. Работа в малых группах и в паре представляет хорошую альтернативу: возможен обмен мнениями, но обсуждение более приватно. Индивидуальная рефлексия предполагает самый честный анализ собственной проделанной работы, но она может часто предъявлять чрезмерные требования к учащимся, если у них не было опыта исследования собственной учебы. Они не знают, с чего они должны начинать. Особенно сложно оценить свою деятельность, если нет подготовленных заданий, анкеты или основных вопросов рефлексии. Для индивидуальной рефлексии рекомендуется пользоваться подготовленными вопросами или рекомендациями. В современных учебниках предлагается такая поддержка. Она представлена в виде таблицы или анкеты, которые ориентированы на необходимые умения (Kann-Beschreibungen) общеевропейского стандарта владения языком. Более объемная и подробная рефлексия предполагает учебные дневники и языковое портфолио, которые ведут учащиеся с помощью учебников или преподавателей. Языковое портфолио представляет собой пакет документов, в которых его обладатель в течение длительного времени фиксирует свои достижения и опыт в овладении языком, полученные квалификации, а также отдельные виды выполненных им работ. По нашему мнению, языковые портфолио более актуальны для неязыковых факультетов, так как там общее количество учебных часов по иностранному языку и объем материала гораздо меньше, чем на языковых специальностях, где все дисциплины с различными видами работ, часы, оценивание фиксируются документально в обязательном порядке.

Использование рефлексии на занятиях и во время самостоятельного изучения иностранного языка неоспоримо. С одной стороны, рефлексия позволяет развивать самостоятельность, умение определять цели и принимать ответственность за свои учебные действия – что, как, когда и с кем их выполнять, умение анализировать и оценивать свой внутренний рост, успехи в учебе. С другой стороны, рефлексия является инструментом автономного изучения языка, средством накопления опыта через индивидуальную подборку достижений. Задача преподавателя поддерживать обучающихся и содействовать их автономии, направлять на целеполагание на занятии и в самостоятельной работе, развивать языковые и личностные компетенции, раскрывать мотивацию и побуждать к активным

действиям во время и вне занятий. Задания в учебнике на ведение языкового портфеля или дневника являются средством объективной самооценки для студента и объективной оценки для преподавателя. Таким образом, рефлексия в образовательном процессе – это совместная деятельность преподавателя и учащихся, которая позволяет улучшить процесс обучения, ставя в центр образовательной деятельности личность каждого студента. Саморефлексия как внутреннее осмысление проделанной работы, осознание минусов и плюсов – основа успешной деятельности преподавателя, в которой цели образовательного процесса достигаются наиболее приемлемыми способами.

Литература

1. Гузь Ю.А. Действие как концептуальная основа интерактивного обучения иностранным языкам // Сб. науч. тр. Sworld. 2013. Т. 27, № 4. С. 14–17.
2. Носачева Е.А. Проблемы подготовки профессионально автономного преподавателя иностранных языков как консультанта по учебе // Изв. ЮФУ. Пед. науки. 2008. № 12. С. 134–139.
3. Шаповалова Л.И. Международные тенденции в системе повышения квалификации преподавателей // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2005. № 4. С. 191–194.
4. Bimmel P., Rampillon U. Lernerautonomie und Lernstrategien. Fernstudieneinheit 23. Berlin, 2000.
5. EUROPARAT. Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: Lernen, lehren, beurteilen. Berlin, 2001.
6. Europäisches Sprachenportfolio. Für Schülerinnen und Schüler von 11 bis 14 Jahren (2005). Von der Autonomen Provinz Bozen.
7. Kleppin K. Die Förderung der Fähigkeit Selbstevaluation beim Fremdsprachenlernen // Niemals zu früh und selten

zu spät. Fremdsprachenunterricht in Schule und Erwachsenenbildung. Festschrift für Jürgen Quetz. / E. Burwitz-Melzer (Hrsg.). Berlin, 2005. S. 107–118.

8. Zentralstelle für das Auslandsschulwesen. Rahmenplan "Deutsch als Fremdsprache" für das Auslandsschulwesen. Köln, 2009.

References

1. Guz' Yu.A. Deistvie kak kontseptual'naya osnova interaktivnogo obucheniya inostrannym yazykam [Action as a Conceptual Framework for Interactive Learning Foreign Languages]. *Sbornik nauchnykh trudov Sworld*, 2013, vol. 27, no 4, pp. 14-17.
2. Nosacheva E.A. Problemy podgotovki professional'no avtonomnogo prepodavatelya inostrannykh yazykov kak konsul'tanta po uchebe [Problems of Training Professional Autonomy of the Teacher of Foreign Languages as a Consultant of Study]. *Izvestiya YuFU. Ped. nauki*. 2008, no 12, pp. 134-139.
3. Shapovalova L.I. Mezhdunarodnye tendentsii v sisteme povysheniya kvalifikatsii prepodavatelei [International Trends in the Training of Teachers]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2005, no 4, pp. 191-194.
4. Bimmel P., Rampillon U. *Lernerautonomie und Lernstrategien*. Fernstudieneinheit 23. Berlin, 2000.
5. EUROPARAT. *Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: Lernen, lehren, beurteilen*. Berlin, 2001.
6. *Europäisches Sprachenportfolio*. Für Schülerinnen und Schüler von 11 bis 14 Jahren (2005). Von der Autonomen Provinz Bozen.
7. Kleppin K. Die Förderung der Fähigkeit Selbstevaluation beim Fremdsprachenlernen. *Niemals zu früh und selten zu spät. Fremdsprachenunterricht in Schule und Erwachsenenbildung*. Festschrift für Jürgen Quetz. E. Burwitz-Melzer (Hrsg.). Berlin, 2005, S. 107-118.
8. *Zentralstelle für das Auslandsschulwesen*. Rahmenplan "Deutsch als Fremdsprache" für das Auslandsschulwesen. Köln, 2009.

УДК 742.1

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ РАКУРСНЫХ СОКРАЩЕНИЙ В СВЯЗИ С ЗАДАЧАМИ ОБУЧЕНИЯ РЕАЛИСТИЧЕСКОМУ РИСУНКУ

© 2015 г. С.А. Писаренко

Писаренко Сергей Александрович – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра живописи и скульптуры, Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета, пр. Буденновский, 39, г. Ростов-на-Дону, 344082. E-mail: Pisarenko-21@yandex.ru

Pisarenko Sergey Alexandrovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Painting and Sculpture, Academy of Architecture and Arts of the Southern Federal University, Budenkovskii Ave., 39, Rostov-on-Don, 344082, Russia. E-mail: Pisarenko-21@yandex.ru

Дается качественная и количественная оценка степени отличия параметров формы в рисунках испытуемых (студентов дизайнерских специальностей) от действительных проекционных отношений. Раскрыты аспекты, характеризующие восприятие формы в ракурсе и процесс выполнения перспективного изображения. На основании анализа результатов эксперимента сделаны выводы о некоторых закономерностях изобразительной деятельности студентов, обучающихся основам академического рисунка.

Ключевые слова: *перспектива, ракурс, рисунок, константность и аконстантность восприятия, изобразительная деятельность.*

The author gives a qualitative and quantitative assessment of the differences between the shape parameters in the drawings of subjects (students design majors) from the actual projection relations. Aspects that characterize the perception of form and perspective in the process of implementing the perspective image are uncovered. Based on the analysis of the experimental results some conclusions about patterns of graphic activity students the basics of academic drawing are made.

Keywords: *perspective, foreshortening, drawing, constant and aconstant perception, depictive activity.*

Развитие способности к передаче ракурсных сокращений в изображении является одной из центральных задач при обучении рисунку в высших и средних специальных учебных заведениях. Во многих учебных пособиях рассматриваются вопросы передачи видимых перспективных изменений формы при рисовании геометрических тел, предметов быта, интерьера, пейзажа, головы и фигуры человека [1–4]. Задачи развития способностей к выполнению ракурсных изображений не обойдены вниманием и в диссертационных исследованиях [5, 6]. В различных публикациях дается качественная характеристика учебных работ и излагаются методические указания по совершенствованию умения передавать в рисунке видимые ракурсные изменения формы. Интерес для методики обучения рисунку представляют также психологические исследования феноменов константности и аконстантности зрительного восприятия [7, 8]. Под перцептивной константностью принято понимать способность воспринимать действительные параметры, присущие видимым объектам (в данном случае речь идет о предметной форме и величине). В свою очередь аконстантность предполагает умение видеть и верно оценивать перспективные сокращения, что имеет большое значение для рисовальщика.

В методических пособиях и специальных исследованиях редко дается количественная оценка степени отличия показанных в изображении ракурсных сокращений от наблюдаемых в действительности проекционных отношений. О точной количественной характеристике подобных отличий, как правило, речь не идет по ряду причин. В качестве первой причины можно отметить, что при выполнении рисунка не принято пользоваться измерительными инструментами (за исключением метода визирирования, предполагающего, что карандаш или кисть используются для приблизительной оценки пропорций). Кроме того, при работе с натуры каждый рисовальщик выполняет изображение со своего ракурса – в этом случае можно говорить о качественных различиях рисунков, но затруднительно дать количественную оценку этих различий. Еще одной причиной можно считать то, что даже геометрически правильные перспективные построения не гарантируют полного соответствия изображения впечатлениям от реальной действительности. Так на фотографиях малогабаритные помещения кажутся более просторными, и это не единственный пример перспективных искажений. Чтобы минимизировать подобные искажения, существуют требования к выполнению перспектив-

ных изображений, определяющие взаимное расположение наблюдателя, изображаемого объекта и картинной плоскости, а также размеры угла зрения.

Между тем количественное оценивание результатов восприятия перспективных сокращений осуществить сравнительно нетрудно, примером чего может служить, в частности, исследование Н.Н. Волкова, выполненное более 50 лет назад [9]. В нем изложены данные, характеризующие степень отличия субъективно воспринимаемого сокращения формы в ракурсе от ее действительного сокращения (от испытуемых требовалось не изобразить перспективные сокращения формы, а только визуально оценить их).

Может возникнуть вопрос – чем обусловлены ошибки начинающих рисовальщиков при передаче в изображении ракурсных сокращений – неумением воспринимать эти сокращения или же неумением передавать их в своих работах? С большой долей уверенности можно предположить, что обе эти причины влияют на изобразительную деятельность тех, кто осваивает основы рисунка, но каков «удельный вес» этих причин?

Для более глубокого понимания процесса развития способности к передаче в изображении ракурсных сокращений представляется целесообразным разработать такой эксперимент, по итогам которого можно было бы оценить как особенности восприятия, так и особенности изображения этих сокращений. Подобный эксперимент был проведен со студентами Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета.

При планировании эксперимента были поставлены следующие задачи:

- 1) дать количественную оценку степени отклонений в рисунках испытуемых от наблюдаемых в натуре действительных ракурсных сокращений;
- 2) определить, в какой степени ошибки в учебных рисунках обусловлены затруднениями при восприятии формы в ракурсе и в какой мере связаны с особенностями самого процесса изображения;
- 3) выяснить динамику изменения особенностей восприятия и изображения формы в ракурсе у студентов разных курсов.

В ходе эксперимента испытуемые (студенты академии) выполняли линейный рисунок книги, размещенной перед ними на столе. Расположение книги и точка зрения испытуемых были строго фиксированными и являлись одинаковыми для всех участников эксперимента. Чтобы облегчить сравнение рисунков после проведения эксперимента, на листах бумаги, выдаваемых испытуемым перед началом работы, предварительно были намечены на определенном

расстоянии правый и левый края, в пределах которых должно располагаться изображение книги. Таким образом, ширина изображения книги должна была быть одинаковой для всех испытуемых, а высота могла быть различной в зависимости от точности передачи ракурсных сокращений.

Образцом, с которым сравнивались рисунки после проведения эксперимента, являлось изображение книги, предварительно выполненное следующим образом. Экспериментатором, расположившись так, чтобы воспринимать книгу с той же точки зрения, что и студенты, был обведен контур книги на стекле, поставленном вертикально между рисующим и книгой. При этом стекло располагалось на таком расстоянии, что ширина изображения на нем совпадала с шириной изображения на рисунках.

Прежде чем перейти к изложению итогов эксперимента, можно задать вопрос – допустимо ли говорить о том, что в эталонном рисунке на стекле отсутствовали перспективные искажения? В большинстве случаев перспективное изображение выполняется на плоской поверхности, в то время как идеальной моделью проецирующей поверхности может служить сфера, в центре которой находится точка зрения наблюдателя. При небольшом угле зрения участок сферической поверхности, ограниченный данным углом, приближается по форме к плоскости и в этом случае изображения на плоской и сферической поверхностях практически идентичны. При проведении эксперимента расстояние от точки зрения рисующего до изображаемой книги в 4,5 раза превышало расстояние от нижнего края книги до плоскости горизонта. В этом случае угловое расстояние от нижнего края книги до плоскости горизонта составляло около 12° . Между тем при выполнении перспективных построений считается допустимым, если расстояние от края угла зрения до плоскости горизонта при вертикально расположенной картинной плоскости не превышает 40° [10]. Таким образом, при наблюдавшемся в эксперименте расположении книги различия между ее воображаемыми проекциями на вертикальную картинную плоскость и на сферическую проецирующую поверхность являлись незначительными, и, следовательно, можно говорить о том, что в рисунке на стекле, используемом в качестве эталона, перспективные искажения практически отсутствовали.

В эксперименте приняли участие 36 студентов 1–4 курсов дизайнерских специальностей. Полученные рисунки анализировались по следующим параметрам. Первым параметром являлось отношение высоты обложки книги к ее ширине (a / b , рис. 1).

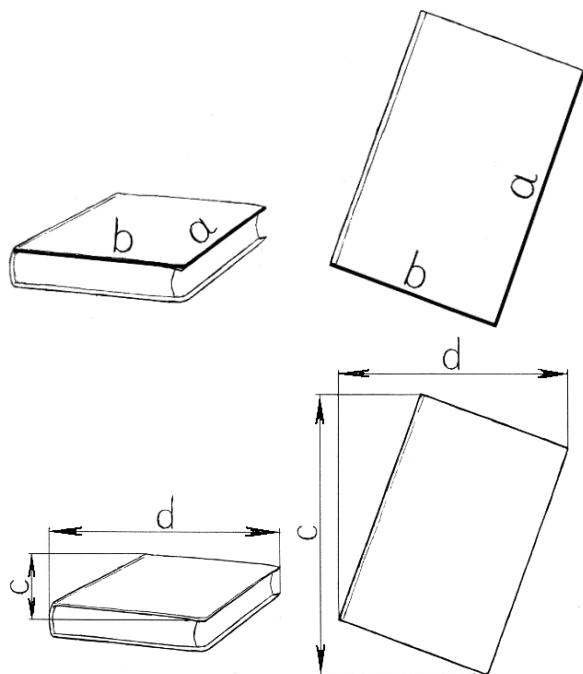

Рис. 1. Параметры обложки книги и расстояния между ее краями. Слева – с точки зрения рисующего, справа – действительные параметры на виде сверху. Наклон книги на виде сверху соответствует ее расположению относительно рисующего

Если рассматривать действительные параметры книги, что соответствует константному восприятию, то ее высота заметно превышает ширину ($a_{\text{кон}} > b_{\text{кон}}$). Если же рассматривать проекционные параметры на эталонном перспективном изображении, то получается соотношение, соответствующее аконстантному восприятию ($a_{\text{ак}} < b_{\text{ак}}$). Эти же величины замерялись на студенческих рисунках после проведения эксперимента ($a_{\text{ст}}$ и $b_{\text{ст}}$). Степень отличия этих параметров в студенческих работах от точного перспективного изображения вычислялась по формуле:

$$X = \frac{(a_{\text{ст}}/b_{\text{ст}} - a_{\text{ак}}/b_{\text{ак}}) \cdot 100 \%}{(a_{\text{кон}}/b_{\text{кон}} - a_{\text{ак}}/b_{\text{ак}})}$$

В то же время отрезки $a_{\text{ст}}$ и $b_{\text{ст}}$ могут быть по-разному расположены на рисунках. Поэтому в качестве еще одного параметра было выбрано отношение расстояния между верхним и нижним краями книги к расстоянию между ее правым и левым краями на изображении (c/d , рис. 1). При этом замерялись величины на фронтальном изображении книги, соответствующем константному восприятию ($c_{\text{кон}}$ и $d_{\text{кон}}$), на эталонном перспективном изображении ($c_{\text{ак}}$ и $d_{\text{ак}}$) и на студенческих рисунках ($c_{\text{ст}}$ и $d_{\text{ст}}$). Отличие этих величин на студенческих рисунках от эталона определялось по формуле:

$$Y = \frac{(c_{\text{ст}}/d_{\text{ст}} - c_{\text{ак}}/d_{\text{ак}}) \cdot 100 \%}{(c_{\text{кон}}/d_{\text{кон}} - c_{\text{ак}}/d_{\text{ак}})}$$

Стоит заметить, что каждый из этих двух параметров по отдельности дает приблизительное представление о качестве рисунков, однако использование обоих параметров значительно повышает объективность оценки полученных данных. Для каждого курса по итогам эксперимента вычислялись средние арифметические показатели, приведенные в табл. 1.

Таблица 1

Показатели отличия пропорций в рисунках от пропорций на перспективном эталоне

Курс	Параметр «X», %	Параметр «Y», %
Первый (9 чел.)	44,7	22,7
Второй (10 чел.)	39,7	15,4
Третий (8 чел.)	32,2	13,0
Четвертый (9 чел.)	37,1	10,0

Как видно из таблицы, рисунки испытуемых представляли собой нечто среднее между отображением точных проекционных соотношений в перспективном эталоне и действительными пропорциями книги. Этот факт хорошо согласуется с данными психологических исследований, свидетельствующих о том, что результаты восприятия испытуемых обычно находятся в промежутке между полной константностью и аконстантным видением [7]. Кроме того, на основании опыта проведения занятий по рисунку также можно сказать, что начинающие рисовальщики при изображении поверхностей в ракурсе зачастую словно бы разворачивают их на зрителя, по причине недостаточного развития зрительного восприятия и соответствующих практических навыков.

Студентов, которые бы преувеличили в рисунках ракурсные сокращения, среди участников эксперимента выявлено не было. В качестве исключения можно было бы назвать студентку 4-го курса Е.Я., в рисунке которой параметр «Y» составил -2 %, однако параметр «X» в ее работе, напротив, оказался весьма значительным (55 %). Наиболее верную передачу ракурсных сокращений в рисунке продемонстрировала студентка 3-го курса А.В. ($X = 2 \%$, $Y = 0 \%$). Изображением, наименее убедительно передающим перспективное положение изображаемой формы, можно считать рисунок студентки 1-го курса Д.К. ($X = 81 \%$, $Y = 26 \%$).

Большинство студентов старших курсов обозначили в своих рисунках проекционные отношения

точнее, чем студенты младших курсов, и это представляется закономерным. При этом, однако, эксперимент не выявил преимуществ студентов 4-го курса по сравнению со студентами 3-го курса. Возможно, это связано с тем, что на четвертом курсе значительную часть составляют задания, предполагающие выполнение декоративных изображений и не способствующие развитию восприятия ракурсных сокращений.

Чтобы определить, хотя бы приблизительно, в какой мере неточности в студенческих работах обусловлены особенностями восприятия ракурсных сокращений, а в какой мере связаны с процессом выполнения изображения, студентам после выполнения рисунка предлагалось выбрать из 12 изображений книги (рис. 2) наиболее соответствующее ракурсному расположению, с которого был сделан рисунок.

Можно отметить, что все изображения на рис. 2 точно воспроизводят контур книг на основе фотографий, выполненных с разных точек зрения. Расстояние между точками зрения, с которых выполнялись фотографии, служащие основой для этих рисунков, являлось небольшим, но достаточным для того, чтобы исключить вероятность спорной трактовки при выборе нужного изображения. Итоги выполнения данного задания представлены в табл. 2.

Из таблицы видно, что выбор подавляющего большинства испытуемых представляет собой нечто промежуточное между восприятием действительных параметров книги (перцептивная константность) и точным восприятием проекционных отношений (перцептивная аконстантность), т. е. в устных ответах студентов проявилась примерно та же тенденция, что и в изображениях. Для всех 12 рисунков были подсчитаны параметры «X» и «Y»

аналогично тому, как это было сделано для изображений, выполненных студентами, после чего для каждого курса были выведены средние арифметические значения, характеризующие степень отличия результатов восприятия от полной аконстантности (табл. 3).

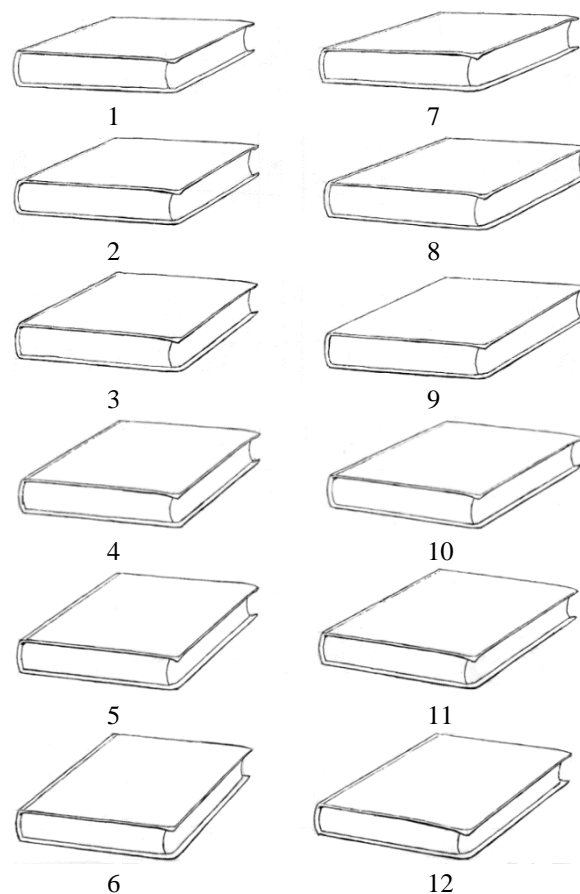

Рис. 2. Варианты расположения книги в ракурсе. Вариант 3 соответствует действительному ракурсному расположению

Таблица 2

Результаты выбора вариантов перспективного изображения, соответствующего расположению книги.

3* – верный вариант ответа

Курс	Варианты ответов											
	1	2	3*	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Первый (9 чел.)	-	-	1	4	2	-	-	-	-	2	-	-
Второй (10 чел.)	-	-	-	2	4	-	-	1	1	2	-	-
Третий (8 чел.)	-	-	1	2	2	-	-	-	-	1	2	-
Четвертый (9 чел.)	-	-	1	1	1	-	-	-	1	2	3	-

Сравнивая данные, приведенные в табл. 1 и 3, можно заметить, что при выборе вариантов ответа из имеющихся изображений тенденция к акон-

стантному видению проекционных отношений оказалась гораздо более выражена, чем при выполнении рисунков. Отсюда можно сделать вывод, что

ошибки при передаче ракурсных сокращений в рисунках студентов во многом связаны не с неумением воспринимать эти сокращения в натуре, а со спецификой изобразительного процесса.

Таблица 3

Показатели отличия результатов восприятия от абсолютной аконстантности

Курс	Параметр «Х», %	Параметр «У», %
Первый (9 чел.)	6,7	3,8
Второй (10 чел.)	9,3	4,0
Третий (8 чел.)	9,0	5,0
Четвертый (9 чел.)	12,3	5,2

Представляется неожиданным тот факт, что у студентов старших курсов отличие результатов восприятия от полной аконстантности при выборе верного варианта изображения оказалось более выраженным, чем у первокурсников. Однако, поскольку разница показателей по выделенным параметрам находится в пределах нескольких процентов, то не исключено, что причиной таких результатов может быть погрешность эксперимента. Другая вероятная причина может состоять в том, что студенты старших курсов интуитивно стремились к соответствию между выбором изображений и результатами собственного рисования (хотя о полном соответствии говорить не приходится). У студентов же младших курсов разница между «результатами рисования» и «результатами восприятия», согласно итогам эксперимента, проявилась в гораздо большей степени, чем у старшекурсников.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Параметры изображаемой формы в рисунках испытуемых оказались расположенными в промежутке между проекционными отношениями, наблюдаемыми с конкретной точки зрения, и действительными инвариантными пропорциями книги. Этот факт хорошо согласуется с данными психологических исследований и опытом, накопленным в методике обучения изобразительных дисциплин. Студенты старших курсов передали перспективные сокращения в своих рисунках точнее по сравнению со студентами младших курсов. Однако и в работах старшекурсников наблюдались значительные неточности при изображении формы в ракурсе.

Отличие от перспективного эталона проявилось в рисунках испытуемых гораздо сильнее, чем при выборе вариантов ответа из уже имеющихся изображений. Таким образом, затруднения студентов

оказались во многом связаны не только с особенностями восприятия, но и с самим процессом выполнения изображения, – это обстоятельство необходимо учитывать для дальнейшего совершенствования методики обучения реалистическому рисунку.

Литература

1. Вердели А. Искусство рисунка: учебник для начинающих художников. М., 2010. 175 с.
2. Ли Н.Г. Рисунок. Основы учебного академического рисунка. М., 2006. 480 с.
3. Могилевцев В.А. Учебный рисунок. СПб., 2007. 72 с.
4. Тихонов С.В., Демьянов В.Г., Подрезков В.Б. Рисунок. М., 2001. 296 с.
5. Лебедко В.К. Пространственные представления в творческом развитии художника-педагога: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1994.
6. Савинов А.М. Активизация процесса освоения методических принципов работы над академическими рисунками на начальных этапах обучения студентов художественно-графических факультетов педагогических институтов: дис. ... канд. пед. наук. М., 1999. 175 с.
7. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1987. 31 с.
8. Шеварев П.А. Проблемы константности зрительного восприятия // Познавательные процессы: ощущения, восприятие: сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Запорожец. М., 1982. С. 277–299.
9. Волков Н.Н. Восприятие предмета и рисунка. М., 1950. 507 с.
10. Короев Ю.И. Начертательная геометрия. М., 2006. 424 с.

References

1. Verdelli A. *Iskusstvo risunka: uchebnik dlya nachinayushchikh khudozhnikov* [Art of Drawing: Textbook for Novice Artists]. Moscow, 2010, 175 p.
2. Li N.G. *Risunok. Osnovy uchebnogo akademicheskogo risunka* [Fundamentals of Academic Drawing Training]. Moscow, 2006, 480 p.
3. Mogilevtsev V.A. *Uchebnyi risunok* [Training Drawing]. Saint Petersburg, 2007, 72 p.
4. Tikhonov S.V., Dem'yanov V.G., Podrezkov V.B. *Risunok* [Drawing]. Moscow, 2001, 296 p.
5. Lebedko V.K. *Prostranstvennye predstavleniya v tvorcheskom razvitii khudozhnika-pedagoga: dis. ... d-ra ped. nauk* [Spatial Submission in the Creative Development of the Artist-teacher]. Moscow, 1994.
6. Savinov A.M. *Aktivizatsiya protsessa osvoeniya metodicheskikh printsipov raboty nad akademicheskimi*

risunkami na nachal'nykh etapakh obucheniya studentov khudozhestvenno-graficheskikh fakul'tetov pedagogicheskikh institutov: dis. ... kand. ped. nauk [Intensification of the Development Work on the Methodological Principles of Academic Drawing in the Early Stages of Training of Art-graphic Faculties Students of Pedagogical Institutes]. Moscow, 1999, 175 p.

7. Mirakyan A.I. *Konstantnost' i polifunksional'nost' vospriyatiya: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk. [Constancy and Multifunctionality of Perception]. Moscow, 1987, 31 p.*

8. Shevarev P.A. [Problems of Constancy of Visual Perception]. *Poznavatel'nye protsessy: oshchushcheniya, vospriyatie: sb. nauch. tr. [Cognitive Processes: Sensation, Perception]. Ed. A.V. Zaporozhets. Moscow, 1982, pp. 277-299.*

9. Volkov N.N. *Vospriyatie predmeta i risunka [The Perception of the Subject and Drawing]. Moscow, 1950, 507 p.*

10. Koroev Yu.I. *Nachertatel'naya geometriya [Descriptive Geometry]. Moscow, 2006, 424 p.*

Поступила в редакцию

27 февраля 2015 г.

УДК 811.161.1'367.625'373.611/.612-112

РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ ПРИСТАВОЧНЫЕ ДЕРИВАТЫ ПОЗИЦИОННЫХ ГЛАГОЛОВ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

© 2015 г. Л.В. Табаченко

Табаченко Людмила Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой общего и сравнительного языкознания, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, пер. Университетский, 93, г. Ростов-на-Дону, 344006. E-mail: lyudmila-tabachenko@yandex.ru

Tabachenko Liudmila Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of General and Comparative Linguistics, Institute of Philology, Journalism and International Communication of the Southern Federal University Universitetskii Lane, 93, Rostov-on-Don, 344006, Russia. E-mail: lyudmila-tabachenko@yandex.ru

В истории русского языка результативность, развившаяся на базе предельности, стала обязательным семантическим компонентом каждой глагольной приставки. В памятниках письменности русского языка XI–XVII вв. круг результативных приставок был достаточно широким. С основами позиционных глаголов сочетались результативные приставки в-, вы-, от-, по-, с-. Результативная семантика приставок стала базой развития омонимичных пространственным модификационных фазисно-временных и мутационных словообразовательных типов при семантическом заражении от широкого контекста и от основ глагола с возможным влиянием генетико-прототипического значения префиксов.

Ключевые слова: история русского языка, позиционные глаголы, глагольные приставки, результативность.

In the history of Russian language resultativeness developed on the base of termination and became an imperative semantic component of every verbal prefix. In the written records of the XI–XVII centuries there were the variety of resultative prefixes. The resultative prefixes в-, вы-, от-, по-, с- (v-, vi-, ot-, po-, s-) combined with the stems of positional verbs. Resultative semantics of the prefixes became the foundation for the development of homonymic spacialmodificational phase-temporal and mutational derivation types by transferring the meaning from the broad context and from the verb stems with possible influence of the genetic and prototypic prefix meaning.

Keywords: history of Russian language, positional verbs, verbal prefixes, resultativeness.

Важным этапом в истории внутриглагольной префиксации было появление у приставок семантики результативности, ставшей источником развития новых, омонимичных пространственным, словообразовательных типов (СТ). Актуально для определения динамики русского приставочного глагольного словообразования изучение истории

результативных дериватов позиционных глаголов, онтологически неопределенных и нерезультативных, что еще не было объектом внимания историков русского языка. В данной статье исследуются семантические механизмы трансформации результативной семантики во вторичные значения глагольных приставок на материале памятников письменности и

исторических словарей. Сокращения названий анализируемых нами памятников письменности и источников Словаря русского языка XI–XVII вв. даются по изданию [1].

В истории внутриглагольной префиксации позиционных глаголов можно выделить следующие типы деривационных моделей: 1) пространственный, 2) результативный, 3) модификационный фазисно-временной и 4) мутационный. Наиболее древними были первые типа *обстояти*, *простояти*, *належати* и под. С развитием у приставок значений предельности и результативности возникало противоречие между такой семантикой пространственного префикса и статальностью основы, ставшее причиной исчезновения этих СТ. Результативность приставок развилась на базе предельности как естественный, «запланированный» результат прежде всего у эволютивных глаголов, обозначающих действие, стремящееся к его достижению [2, с. 29]. Затем она стала обязательным семантическим компонентом каждой глагольной приставки. В памятниках письменности русского языка XI–XVII вв. круг результативных приставок был достаточно широким, они относительно свободно варьировались в сочетании с основами (и позиционных глаголов в том числе), а результативные приставочные дериваты составляли значительный пласт глагольной лексики.

Позднее на базе семантики результативности оформляется ряд СТ с приставками, не связанными непосредственно с пространственными, – модификационными фазисно-временными и мутационными (подробнее о механизме развития модификационных и мутационных СТ см. [3; 4]).

В сочетании с основами позиционных глаголов результативное значение имели приставки *в-*, *вы-*, *от-*, *по-*, *с-*.

1. Дериваты с приставкой *в-*. Глагольная приставка *в-* в определенной степени уникальна, поскольку в современном русском языке она имеет только пространственное значение ‘направить действие внутрь чего-л.’, в то время как в истории русского языка у многих приставок, во-первых, оформились чистовидовые функции и, во-вторых, интенсивно развивались вторичные значения на основе их десемантизации и последующего семантического заражения от глагольных основ и широкого контекста.

В древнерусский период следует говорить о локально-результативной семантике префикса *в-*: в XII–XIV вв. эта приставка «уже входит в число результативных, однако еще тесно связана с первич-

ными пространственными представлениями, содержит генетическую локальную информацию» [5]. Пространственная семантика приставки у глаголов *влежати* и *всѣдѣти* в древнерусских текстах выражена неявно, ее можно установить при сравнении переводов с греческими оригиналами, вероятно, она и появилась, в частности у глагола *влежати*, как результат калькирования. В этих дериватах, развивших переносные значения, приставка использована в основном как результативная с семантическим оттенком локальности: *влежати* ‘иметься, быть в наличии’: *Ненавидяи обличении безъумень есть, нъ и вѣлежит в рѣдѣ страсти, а любяи явѣ есть, яко бестрасти.* (ἔγκειται) (Панд. Ант.) ВМЧ, Дек. 24, 2015. XVI в. ~ XI в. [6]; *всѣдѣти* ‘оставаться в доме умершего мужа (о вдове)’ [7]. «Собственно результативное употребление приставки *в-* относится примерно лишь к XVI в.» [5]. В XVII в., по мнению исследователя, началась утрата ее результативной функции.

Следы былой результативности приставки *в-* видны в современных русских говорах (*вдарить*, *вкатывать* ‘усиленно работать’), эта приставка используется в результативном значении и в современном болгарском языке (*вдигам*, *втрисам*, *вчесвам*, *вкочанявам*, *вледеня*) [5, 8]. Отсутствие других значений у приставки *в-* в современном русском языке связывают с тем, что она в своей истории не прошла этап десемантизации вследствие отсутствия в кругу эволютивных основ таких глаголов, семантика которых соответствовала бы локальному значению префикса, поэтому не могло быть и дальнейших этапов семантического заражения от основ и развития других значений [2, с. 191].

2. Дериваты с приставкой *вы-*. В качестве результативного можно рассматривать и приставочный глагол *выстояти* в значении ‘защитить, отстоять’: (1196): *Абы не стряпа всѣль на коня. а быхомъ снемьшеса. гдѣ любо помьстилъ обиду и сорома своего. и снѣца своего быхомъ выстояли.* Ипат. лет., 239. Ок. 1425 г. Глагол *стояти* среди прочих имел значение ‘заступаться, защищать’: (1397): *Князь великый отъ Новгорода хоцетъ васъ боронити, а за васъ хоцетъ стояти.* Новг. I лет. (Арх. сп.), поэтому *выстояти* – самое древнее результативное значение данного приставочного глагола, другие генетически результативные модификационные и мутационные значения появляются позже: ‘добиться сдачи путем длительной осады (стояния)’, которое можно рассматривать и в русле мутационного значения ‘добиться чего-л., получить что-л.’. Результативное значение, ставшее ос-

новным у глагола *выстоять* в современном русском языке и сближающееся с модификационным пердуративным – ‘простоять где-л. в течение какого-л., обычно длительного, времени’, – развивается с середины XVII в. С одной стороны, результативность префикса онтологически неопредельного глагола *стоять* переносится на ось протекания действия (механизм образования модификационных фазисно-временных СТ), и его объектом становится временной промежуток: *выстоял несколько часов*. С другой стороны, в ситуации приставочного глагола развивается и полиситуативная результативность (механизм образования мутационных СТ): его результатом становится объект из ситуации, сопутствующей основной, обозначаемой основой глагола, поэтому дериват *выстояти* можно считать и реализацией развивающегося мутационного СТ «выдержать что-л., вытерпеть в течение какого-то времени, совершая действие, названное мотивирующим словом» (о приставке как факторе, увеличивающем полиситуативность глагола, когда источник результативности находится в смежных слоях субъекта, см. [9]). Генетико-прототипическое экзоцентрическое значение префикса *вы-*, несомненно, повлияло на формирование вторичных значений приставки.

3. Дериваты с приставкой *от-*. К результативным приставкам относился и префикс *от-*, употреблявшийся в этом значении с широким кругом глаголов: *отжати* ‘сжать, скосить’; *отнемогати* ‘изнемогать, обессилевать’; *отпѣти* (*псалмы, литургию*) ‘спеть, пропеть’, *отрастити* (*плодь*) ‘вырастить’, *отслужити* (*службу*) ‘отбыть срок службы, прослужить’, *отслушати* ‘прослушать’ (*обѣдно*), ‘выслушать’ и др. [10].

В качестве результативного можно рассматривать и дериват *отстояти* ‘защитить от нападения неприятеля, не дать врагу захватить’, появившийся в старорусский период. Это результатив глагола *стояти* в значении ‘защищать, заступаться’ (см. выше *выстояти* с этой же семантикой). В ситуации лексико-семантического варианта *стояти* ‘защищать’ имеется импликация, связанная с отделительностью (от врага), поэтому дериват *отстояти* с той же результативно-целевой перспективой, что и беспривставочный глагол, можно считать результатом, хотя этот след отделительности в семантике приставки, конечно, сохранялся и делался, по видимому, ярче с архаизацией у глагола *стоять* значения ‘защищать’. В сочетании с этим глаголом обычно употреблялась предложно-падежная форма *отъ+род. п.* со значением нападающих лиц или действий посягательства, от кого (чего) защищали,

обороняли какой-л. объект: *И ты съ стрѣлицы... острогъ отъ нѣмецкихъ людей отстоялъ и наши волости... уберегъ*. ААЭ I, 368. 1580 г. [11]. В современном русском языке в подобных конструкциях форма *от+род. п.* употребляется редко.

Поскольку глагол *сѣдѣти* в старорусский период имел значение ‘защищать, оборонять город, крепость’ [12], с начала XVII в. у его деривата с приставкой *от-* развивается результативное значение ‘отстоять (город, крепость), выдержав осаду’. Семантика результативности здесь тоже совмещалась с прототипической семантикой отделительности.

4. Дериваты с приставкой *по-*. Вопрос о значении глагольной приставки *по-* в составе префиксальных глагольных образований в памятниках древнерусской письменности является дискуссионным. Исторические словари русского языка донационального периода отмечают только делимитативные и пердуративные значения *по-*приставочных дериватов позиционных глаголов, например, у глагола *постояти*: ‘стоять некоторое время’, ‘побыть в каком-л. месте некоторое время’, ‘подождать, помедлить’, ‘остановиться, временно поселиться где-л.; побыть на постое’ [13, 14]. Однако существует и другая точка зрения: делимитативный способ действия в древних славянских языках еще не сформировался, основным значением приставки *по-* было результативное [15].

Прояснить семантику приставки *по-* помогают и данные старославянского языка, в котором этот префикс в сочетании с позиционными глаголами имел результативное значение: результативно-ингрессивное ‘встать, подняться’ (т. е. «начать стояние»): *сѣкроушѣ ѿ ѿ не ѿмѣтъ мощи тѣ постоеѣти Пс 17, 39 Син* – и собственно результативное – ‘устоять, выдержать’ (положительный результат в попытке остаться в вертикальной позиции, т. е. на ногах → устоять → выдержать): *аште безаконниѣ назриши г<оспод>и • г<оспод>и кѣто постоитѣ Пс 129, 3 Син*. [16, с. 486].

Глагол *посѣдѣти*, зафиксированный в старославянских текстах только один раз – в Синайском евхологии (требнике) в форме повелительного наклонения: *рекѣ оученикомѣ своимѣ • посѣдите съде Евх 47а I*. [16, с. 487], авторами Старославянского словаря трактуется как делимитативный и переводится глаголом *посидеть* ‘сидеть некоторое время’. Однако, на наш взгляд, приставка в этом старославянском глаголе имела значение не делимитативности (ограниченности), а предельности и результативности (см. об этом [17]), как и в глаголах *поучити* ‘научить’, *поразоумѣти* ‘понять, уразуметь’, *потръзати* ‘рвать,

вырывать'. Часть этих дериватов с приставкой **по-**, омонимичных современным делимитативным, – глаголы несовершенного вида, синонимичные бесприставочным глаголам или имперфективам с другими приставками: **походити** *несов.* 'ходить, подходить, обходить', **почитати** *несов.* 'читать', **потръсати** *несов.* 'рвать, вырывать'. В сочетании со стательными глаголами (**потръпѣти** *соврем.* 'проявить терпение, потерпеть, подождать (с терпением)', **посъпати** *соврем.* 'поспать'), а также с глаголами, обозначающими гомогенные процессы (**потрудити** *сл соврем.* 'потрудиться (некоторое время), поработать', **поработати** *соврем.* 'послужить'), приставка **по-** в рамках общего значения результативности приобретала делимитативное значение – ограничение действия определенным временным отрезком. Семантика глагольных основ обусловила актуализацию аспекта протекания, результативность переносится на эту ось и ее источниками являются квантифицируемые фазы действия (в данном случае промежутки времени).

Этот же процесс наблюдается и в памятниках древнерусской письменности старшей поры. Следует отметить, что и в древнерусском языке глагол *посѣдѣти* мог употребляться и как перфектив, и как имперфектив. В переводных текстах этот глагол использовался для перевода греческого бесприставочного глагола $\kappa\alpha\theta\acute{\iota}\zeta\omega$: *Съ мужатицею отинудь не посѣди, и не побесѣди съ нею въ винѣ* ($\mu\eta\ \kappa\acute{\alpha}\theta\omega\upsilon$). Изб. Св. 1076 г., 372. Анализ древнерусских примеров показывает, что приставка **по-** с позиционными глаголами употреблялась, на наш взгляд, в общерезультативном значении, в рамках которого контекстуально могло реализовываться и значение делимитативности, обязательно поддерживаемое соответствующим контекстом (с указанием определенной порции времени): *мало, нѣколько дѣиш: И постоаявъ мало Агапий видѣ окръсть его лица члѣчьска многа* ($\sigma\tau\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\varsigma$). (Сказ. Агапия) Усп. сб., 469. XII–XIII вв. Собственно делимитативное значение у приставки **по-**, не поддерживаемое контекстуально, закрепилось позднее.

Таким образом, в истории русского языка глагольная приставка **по-**, как и ряд других приставок, широко использовалась в результативных значениях, контекстуально реализуя ту или иную количественно-временную семантику. Генетико-прототипическое значение приставки **по-** 'последовательное развертывание действия (по поверхности) по направлению к его пределу' повлияло на специфику вторичных результативных и количественно-временных значений – дистрибутивного,

делимитативного, ингрессивного, деминутивного (см. об этом [18]).

5. Дериваты с приставкой с-. Результативные значения приставки реализуются в сочетании с глаголом *стояти*: 1) *Аще черньць слышавъ борзья псалмы ти. излѣзеть изъ цркви, а не състоить до коньца. да поклониться .р̣.* . Правила. 37. XIII в.; 2) *Ноги у меня отняло, и состояти не могу.* Х. Вас. Гаг., 8. 1637 г. [19]. У глагола *стояти* актуализируются значения 'оставаться на месте' (1), 'оставаться на ногах' (2), соответственно *състояти* – 'остаться на месте, выстоять' (1); 'остаться на ногах, выстоять' (2).

В глаголе *състояти* 'существовать' значение приставки можно рассматривать и как результативное, и как комитативное. Впервые этот глагол употреблен в Житии Андрея Юродивого XII в. (список XIV в.), но постфиксальный по происхождению дериват *състоятися* в этом же значении использовался уже в памятнике XI в. – Изборнике Святослава 1073 г. Возможно старославянское происхождение этого деривата, где он появился посредством калькирования греческого $\sigma\upsilon\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\sigma\theta\alpha\iota$. Однако этот глагол употреблялся не только в книжно-славянских памятниках письменности, но и в ранних деловых текстах, например, в Грамоте князя Мстислава 1130 г.: *И ты, игумене Исаие, и вы, брати ѿ, донелѣже ся миръ състоить, молити Бѣа за мя.* Гр. кн. Мстислава. 1130 г. Широкая семантика мотивирующего позиционного глагола, в частности его непозиционные – локальные и экзистенциальные – значения и комитативная (или, возможно, результативная) семантика префикса, обусловили появление у приставочного глагола целого ряда значений.

В заключение отметим, что именно результативная семантика приставок стала базой развития омонимичных пространственным словообразовательных типов при семантическом заражении от широкого контекста и от основ глагола с возможным влиянием генетико-прототипического значения префиксов. И модификационные, и мутационные СТ, в том числе и от основ позиционных глаголов, развивались в недрах результативности, которая им предшествовала и хронологически, и генетически. Приставочные позиционные глаголы, как ядро стательных, не имеющих естественной предельности и результативности, в сочетании с результативными приставками могли реализовывать результативность на оси протекания действия, когда ограниченность каким-либо временным пределом выступала как определенный результат (модификационные СТ), и результативность полиситуативную (мутационные СТ).

Литература

1. Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М., 2001.
2. Неведьев М.В. Глаголы с приставками *на-, об- (обо-)* в русском языке XI–XVIII вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
3. Табаченко Л.В. Роль предельности и результативности в развитии внутривлагольной префиксации // Изв. ЮФУ. Филологические науки. 2011. № 2. С. 114–120.
4. Табаченко Л.В. К истории формирования мутационных типов деривации // Язык как система и деятельность: материалы Всерос. конф. Ростов-на-Дону, 15-18 сентября 2005 г. Ростов н/Д., 2005. С. 106–109.
5. Баженова С.И. К особенностям результативного способа действия в русском языке XII–XVII вв. // Вопросы становления и развития языковой системы. Тр. по рус. и славян. филологии. Тарту, 1981. (Учен. зап. / Тарт. гос. ун-т. Вып. 579). С. 127.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 224.
7. Там же. Вып. 3. С. 120.
8. Воробьева И.А. К вопросу о развитии глагольной префиксации в русском языке (история приставки *в-*): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1958. С. 205–216.
9. Лебедева Н.Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. М., 2010.
10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6. М., 2000. С. 237–284.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 37.
12. Там же. Вып. 24. М., 2000. С. 127.
13. Там же. Вып. 17. М., 1991. С. 252–253.
14. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 7. М., 2004. С. 303.
15. Сигалов П.С. История русских ограничительных глаголов // Тр. по рус. и славян. филологии. XXIII. Тарту, 1975. (Учен. зап. / Тарт. гос. ун-т. Серия лингвистич. Вып. 347). С. 141–181.
16. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М., 1999.
17. Табаченко Л.В. Приставочные позиционные глаголы в историко-этимологических словарях: проблемы и решения // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 247–252.
18. Дмитриева О.И. Динамическая модель русской внутривлагольной префиксации. Саратов, 2005.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. М., 2002. С. 217.

References

1. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language XI–XVII c.]. Spravochnyi vypusk. Moscow, 2001.
2. Nefed'ev M.V. *Glagoly s pristavkami na-, ob- (obo-) v russkom yazyke XI–XVIII vv.:* dis. ... kand. filol. nauk [Verbs with prefixes *na-, ob- (obo)* in Russian XI-century XVIII]. Moscow, 1992.
3. Tabachenko L.V. Rol' predel'nosti i rezul'tativnosti v razvitii vnutriglagol'noi prefiksatsii [The Role of Limitations and Efficiency in the Development of Inter-Verbal Prefixes]. *Izvestiya YFU. Filologicheskie nauki.* 2011, no 2, pp. 114-120.
4. Tabachenko L.V. [On the History of the Formation of the Mutation Type of Derivation]. *Yazyk kak sistema i deyatel'nost'*: materialy Vseros. konf. Rostov-na-Donu, 15-18 sentyabrya 2005 g. [Language as a System and Activity: Materials of Conf. Rostov-on-Don, 15-18 September 2005]. Rostov-on-Don, 2005, pp. 106-109.
5. Bazhenova S.I. [The Special Features of Effective Mode of Action in Russian XII-XVII Centuries]. *Voprosy stanovleniya i razvitiya yazykovoi sistemy.* Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii [Problems of Formation and Development of the Language System. Works on Russian and Slavic philology. Tartu, 1981]. Tartu, 1981. (Scient. notes. / Tart. st. un-ty. Issue. 579). P. 127.
6. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Russian Language Dictionary XI-XVII Centuries]. Issue 2. Moscow, 1975, p. 224.
7. Tam zhe [There]. Issue 3, p. 120.
8. Vorob'eva I.A. *K voprosu o razvitii glagol'noi prefiksatsii v russkom yazyke (istoriya pristavki v-):* dis. ... kand. filol. nauk [The Development of Verbal Prefixes in Russian (history of prefix *in-*)]. Tomsk, 1958, pp. 205-216.
9. Lebedeva N.B. *Polisituativnyi analiz glagol'noi semantiki* [Polisituative Analysis of Verb Semantics]. M., 2010.
10. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of Ancient Russian Language (XI-XIV c.)]. Vol. 6. Moscow, 2000, pp. 237-284.
11. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language XI-XIV c]. Issue 14. Moscow, 1988, p. 37.
12. Tam zhe [There]. Issue 24. Moscow, 2000, p. 127.
13. Tam zhe [There]. Issue 17. Moscow, 1991, pp. 252-253.
14. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of Ancient Russian Language (XI-XIV c.)]. Vol. 7. Moscow, 2004, p. 303.
15. Sigalov P.S. [The History of Russian Limiting Verbs]. *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii* [Works on Russian and Slavic Philology]. XXIII. Tartu, 1975. (Scien. notes / Tart. st. un-ty. Seriya lingvistich. Issue 347). Pp. 141-181.

16. *Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X-XI vekov)* [The Old Slavonic Dictionary (on manuscripts of X-XI centuries)]. Ed. R.M. Tseitlin, R. Večerka i E. Blagova. 2nd ed., stereotip. Moscow, 1999.

17. Tabachenko L.V. *Pristavochnye pozitsionnye glagoly v istoriko-etimologicheskikh slovaryakh: problemy i resheniya* [Prefixal Positional Verbs in the Histori-

cal and Etymological Dictionaries: Problems and Solutions]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2009, no 2 (24), pp. 247-252.

18. Dmitrieva O.I. *Dinamicheskaya model' russkoi vnutriglagol'noi prefiksatsii* [Dynamic Models of Russian Inter-verbal Prefixing]. Saratov, 2005.

19. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of Russian Language XI-XVII c.]. Issue 26. Moscow, 2002, p. 217.

Поступила в редакцию

16 апреля 2015 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Двенадцатые Международные гендерные чтения «Гендерные трансформации в современном мире»

27 марта 2015 г. впервые в стенах Института социологии и регионоведения – нового структурного подразделения Южного федерального университета – состоялись ежегодные, уже двенадцатые кряду, гендерные чтения «Гендерные трансформации в современном мире». Гендерные чтения проводились при участии Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор) и Донского философского общества. В этом году конференция собрала участников из разных стран, среди которых Беларусь, Германия, Монголия и Армения, приняли участие представители девяти вузов, в их числе Санкт-Петербургский государственный университет и Финансовый университет при Правительстве РФ.

Большую роль в организации и проведении конференции сыграли: Ю. Г. Волков, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, проф., директор ИСиР ЮФУ; Л.А. Савченко, председатель оргкомитета конференции, доктор философских наук, проф. кафедры отраслевой и прикладной социологии ИСиР ЮФУ; Наран Болдмаа, Phd, доцент кафедры социологии и социальной работы Монгольского государственного университета; А. В. Сериков, кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе и экспертной деятельности ИСиР ЮФУ; Л. В. Тарасенко, доктор социологических наук, проф., заместитель директора по образовательной деятельности и учебно-методической работе ИСиР ЮФУ; Т.Г. Лешкевич, доктор философских наук, проф. кафедры философии и методологии науки ЮФУ, председатель Донского философского общества; Н.А. Вялых, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований ИСиР ЮФУ; Д.Н. Брайко, преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии ИСиР ЮФУ.

Открывая гендерные чтения, проф. Л.А. Савченко зачитала приветственное слово участникам конференции от Заслуженного деятеля науки РФ, доктора философских наук, проф., заведующей кафедрой теоретической социологии Финансового университета при Правительстве РФ, председателя Исследовательского комитета Российского общества социологов Г. Г. Силласте. Напомним, что проф. Г. Г. Силласте, будучи поистине классиком современной гендерной социологии в России, несколько

раз принимала личное участие в гендерных чтениях, проводя мастер-классы и открытые лекции для студентов и преподавателей ЮФУ.

Пожелал научных успехов и удачи участникам гендерных чтений заместитель директора по научной работе и экспертной деятельности Института социологии и регионоведения ЮФУ А. В. Сериков, который сам был еще студентом факультета социологии и политологии во времена первых гендерных чтений.

В пленарном заседании с докладами выступили:

В. А. Лабунская, доктор психологических наук, проф., заведующая кафедрой социальной психологии Академии психологии и педагогики ЮФУ. «Arreagance»-стереотипы: этно-гендерный подход;

Э. Г. Куликова, доктор филологических наук, проф. кафедры журналистики РГЭУ (РИНХ). Гендерные асимметрии и языковая картина мира;

А. М. Старостин, доктор политических наук, проф., заведующий кафедрой философии и методологии науки ЮРИУ – филиал РАНХиГС;

Л.Г. Швеиц, доктор политических наук, проф. кафедры государственного и муниципального управления ЮРИУ – филиал РАНХиГС. Философская репрезентация гендерного подхода в политической науке;

Е. А. Золотилова, руководитель ресурсного центра для женщин и детей г. Ростова-на-Дону. Опыт социально ориентированных НКО в профилактике домашнего насилия.

Проф. В. А. Лабунская каждый год знакомит участников конференции с новыми результатами экспериментальных социально-психологических исследований, которые проводятся под ее научным руководством. В этот раз Вера Александровна с позиций психологии социального познания рассказала о гендерных особенностях оценивания различных компонентов этнокультурных типов внешнего облика в качестве предпосылки проявления дискриминационного отношения. По словам В. А. Лабунской, «женский славянский тип внешнего облика» рассматривается испытуемыми (русскими) как более женственный, аттрактивный по сравнению с женским кавказским и женским азиатским типами, а «мужской славянский тип внешнего облика» также получил большие оценки степени соответствия мужскому гендеру (в плане мужественности) в сравнении с мужским кавказским и мужским азиатским типами внешнего облика.

Неподдельный интерес вызвал и доклад проф. РГЭУ («РИНХ») Э. Г. Куликовой, в котором были освещены специфические черты русской гендерной лингвокультуры. Например, концепт «человек» ассоциируется в русской языковой культуре преимущественно с мужчиной. Э. Г. Куликова процитировала одно из объявлений о террористической угрозе, размещенное не так давно в различных учреждениях г. Ростова-на-Дону: «Уважаемые жители Ростовской области! ... если вы, находясь в общественном транспорте, заметили подозрительного человека (в том числе и женщину), имеющего при себе какую-нибудь ручную кладь, проконтролируйте их выход...». Однако большинство гендерных асимметрий в русском языке, по мнению филолога, связано скорее с профессиональной и социальной дискриминацией женщин в российском обществе.

Особое внимание участников ежегодных гендерных чтений всегда приковано к практикам – людям, которые занимаются гендерной проблематикой не только как ученые, но и как общественные деятели. Руководитель ресурсного центра для женщин и детей г. Ростова-на-Дону Е. А. Золотилова рассказала о деятельности общественных организаций, которые оказывают психологическую, юридическую и социальную помощь женщинам, пострадавшим от сексуального, психологического, физического насилия, и находящимся в других кризис-

ных ситуациях. В завершение доклада, Е. А. Золотилова продемонстрировала короткометражный социальный мультипликационный видеоролик о том, как не стать жертвой сексуального рабства за границей и в России.

Пленарное заседание завершилось нестандартным «докладом». Порою о некоторых вещах можно только спеть, а не сказать, что и сделала проф. Л. Г. Швец, блистательно исполнив ряд авторских композиций. Как говорится, талантливый человек – талантлив во всем!

Затем были заслушаны доклады студентов и аспирантов из различных институтов ЮФУ (был представлен даже Институт наук о Земле ЮФУ) и других вузов г. Ростова-на-Дону. Основные темы, затронутые на конференции: женщины, власть и общество в современном мире; однополые браки и их влияние на общество; проблемы материнства и детства в современной России; гендерные проблемы насилия в семье; гендерные особенности современного рынка труда; гендерные аспекты терроризма.

По итогам работы двенадцатых Международных гендерных чтений все доклады, рекомендованные оргкомитетом, будут опубликованы в сборнике научных статей «Гендерные трансформации в современном мире». Оргкомитет желает всем участникам конференции новых научных идей и будет рад всех приветствовать в следующем году на тринадцатых гендерных чтениях!

Л. А. Савченко, Н. А. Вялых

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Созидатель, ученый, учитель (к 75-летию В.Н. Овчинникова)

Виктор Николаевич родился 22 апреля 1940 г. в с. Самарское Ростовской области в семье сельских учителей Николая Александровича и Софьи Корнеевны Овчинниковых. В 1957 г. он окончил с золотой медалью среднюю школу, а затем физмат Ростовского педагогического института. В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию по политэкономии, в 1975 г. – докторскую по проблемам аграрной теории.

Научное творчество Виктора Николаевича начиналось в смежных отраслях знания на стыке математики и экономики. Одним из первых он поставил и решил проблемы оптимизации размеров хозяйств, предложил экономическую модель. Тогда же сложился его фирменный, исследовательский почерк: системность, скрупулезность, математическая строгость.

С 1981 по 1987 г. он занимал должность заведующего кафедрой истории экономических учений в Ростовском госуниверситете. Эти годы оказались решающими в становлении его как ученого, теоретика, организатора науки, образования, подготовки научных кадров.

В 80-х гг., будучи по натуре системщиком, ученый вторгся в новую для себя сферу – агроэкологию. Из-под его пера вышли одни из первых работ по проблемам совершенствования экономического механизма природопользования в контексте классической теории ренты.

Его увлечение агроэкономикой и экономикой природопользования выразилось не только в десятках статей и монографиях, но и в открытии первой на Юге аспирантуры, докторантуры, диссертационного Совета по специальностям АПК и экономики природопользования.

Следует отметить, что этому в немалой степени способствовал общий творческий фон в университете. В конце 80-х начинается новый этап творческой биографии Виктора Николаевича, связанный с созданием в университете крупного центра региональных исследований – Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем (СКНИИиСП). Развитая в рамках рыночной экономики ростовская школа региональной экономики, опираясь на первые опыты разработок СКНИИиСП в этой области, стремится на уровне модельных представлений к нейтрализации на мезо-уровне макроэкономических «провалов» рынка, к выработке стабилизационных технологий применительно к кризисному состоянию экономики. Эта исследовательская стратегия была реализована в первых региональных программах и сопутствующих им научно-практических конференциях по проблемам социально-экономического развития Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики, Ростовской области. Выходят десятки статей, монографий, сборников под редакцией В.Н. Овчинникова. Региональная экономика в Ростове уже в начале 90-х занимает свое важное место в системе экономических наук, получает статус институционализированной науки.

Именно тогда Виктор Николаевич инициировал проведение фундаментальных исследований по проблемам транзитивной экономики, предложил ряд новых концептуальных идей в области институциональных реформ в аграрной сфере, разработки адаптивной стратегии хозяйствования в условиях рынка, экологически устойчивого сельскохозяйственного производства, предложив свою оригинальную реформу земельных отношений, в которой центральное место отводилось, в отличие от многих моделей, не праву частной собственности на землю, а отношениям владения ею на основе аренды. И эту позицию он отстаивал на всех уровнях.

На Северном Кавказе, в научно-экономическом «поле» России уже много лет действует «невидимый колледж профессора Овчинникова». Своим учителем его могут назвать около 40 докторов и свыше 100 кандидатов наук, живущих и работающих не только в России, но и в Болгарии, Польше, Словакии, Египте, Ливане, Украине, Белоруссии, Узбекистане. С большой отдачей он работает и для университетов Адыгеи и Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии – Алании, Краснодара и Ставрополя. Около 20 лет он трудился (1988–2007 гг.) экспертом ВАКа России, представляя в Москве позиции и вузовской общественности Юга России.

Виктор Николаевич, будучи по натуре созидателем, много конструирует на поприще науки и образования, поскольку реформирование экономики не может осуществляться без творческих инициатив. Отсюда инициирование им создания в университете новых кафедр, специальностей, лабораторий, новых

направлений подготовки в аспирантуре, докторантуре, диссертационных советов, новых изданий и многого другого.

Им опубликовано более 360 научных работ (12 – за рубежом), в том числе свыше 40 индивидуальных и коллективных монографий по актуальным проблемам современной экономики, 22 учебника нового поколения, в том числе с участием зарубежных авторов. Являясь действительным членом (академиком) пяти отраслевых Российских академических сообществ, в том числе ряда диссертационных советов вузов региона, членом Президиума Южной секции содействия развития экономической науки отделения общественных наук РАН, экспертного Совета РГНФ, он член редсовета журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» входит в состав редколлегии других журналов. Виктор Николаевич неоднократный победитель грантовых конкурсов РФФИ, РГНФ, Минобрнауки, участник международных программ TACIS, TEMPUS, фонда Карнеги и др.

Он участник, а в ряде случаев и ключевой докладчик на пленарных заседаниях научных конференций, проводимых не только в России, но и в странах Европы и Америки – Греции, Нидерландах, США, Канаде, Великобритании, Германии, Франции, Венгрии, Польше, Бельгии, Литве, Словении, Украине, Болгарии, Армении.

В последние годы В.Н. Овчинников создает вокруг себя весьма обширную, насыщенную и интенсивную систему академических контактов: лекции на экономическом факультете для аспирантов, в ИППК РГУ, в рамках президентской программы подготовки высших управленческих кадров программы МБА, председательствует на государственных аттестационных комиссиях в ряде вузов региона (Ростов-на-Дону, Таганрог, Майкоп, Ставрополь), участвует в работе 4 диссертационных Советов, ежегодно участвует в работе аттестационно-аккредитационных комиссий Минобрнауки РФ, во всех крупных научных конференциях по экономическим наукам, проводимых в регионе, консультирует, проводит экспертизу, оппонирует и делает многое другое. К нему стягиваются все важнейшие информационные потоки о делах и проблемах экономистов на Юге России. В его записной книжке сотни номеров, адресов, фамилий... Он как личность действительно концентрирует гражданский потенциал, его влияние на экономическое сообщество многообразно, его открытость поражает, он знает практически всех активно работающих на экономическом поприще – в лицо и поименно.

Развитие новых направлений фундаментальных исследований, создание современного инструментального комплекса в региональных экономических исследованиях, внедрение новых образовательных технологий, магистерских программ, обновленная тематика диссертационных исследований, формирование учебно-научно-инновационного комплекса «Экономика. Управление. Социология» – все это в значительной мере результат конструктивной творческой активности Виктора Николаевича.

Под руководством В.Н. Овчинникова успешно реализуются исследовательские грантовые проекты в области эволюционной и институциональной экономики, совершенствования управления региональными социально-экономическими системами. Как ученый-экономист, он регулярно привлекается к обсуждению актуальных проблем экономической политики в регионе Ростовской Торгово-промышленной палатой, Ростовским отделением Союза промышленников и предпринимателей, администрациями субъектов РФ Юга России.

Орден Дружбы и Почета, нагрудный знак «Заслуженный деятель науки /Российской Федерации», премия и грамота губернатора Ростовской области как «Человеку года» свидетельствуют как и многочисленные общественные поощрения о значительном вкладе профессора В.Н. Овчинникова в науку и образование.

Все знающие Виктора Николаевича ценят его за доступность, он демократичен, толерантен. Это привлекает к нему самых разных по своему социальному статусу и мировосприятию людей, притягивает студентов, аспирантов, соискателей, докторантов. Он – магнит для молодежи. Он многозначен и полифункционален.

И сегодня В.Н. Овчинников полон творческой энергии и замыслов. Пусть ему сопутствуют успех и удача, новые открытия в «школе науки и жизни» – в этом бесконечно молодом пространстве.

Редакция журнала сердечно поздравляет Виктора Николаевича с 75-летием и желает крепкого здоровья, благополучия, процветания на долгие годы и покорения новых творческих вершин!

Е.Г. Гежа

Ученый-историк, исследователь, педагог Эмма Дмитриевна Осколкова

Эмма Дмитриевна родилась в 1929 г. в Ростове-на-Дону, пережила здесь подростком годы оккупации и в 1948 г. поступила в Ростовский госуниверситет. Закончив с отличием исторический факультет, а также годовичные курсы преподавателей общественных наук при МГУ, Э.Д. Осколкова работала в РГУ вплоть до ухода на пенсию. Вся ее жизнь была связана с этим университетом, к которому она относилась в высшей степени уважительно и трепетно.

Очень важно помнить основные характеристики того времени, в котором она реализовалась как личность и ученый, преподаватель курса истории правящей партии. Это вторая половина XX в. – вершина и заключительный этап функционирования советской власти и коммунистической партии как единственной направляющей силы страны. Для Эммы Дмитриевны – представителя послевоенного поколения победителей не было сомнений в правильности политики партии и СССР. Она с гордостью и высочайшей ответственностью выполняла свои обязанности преподавателя истории Коммунистической партии. На современном этапе как не оценивать роль КПСС, эта партия действительно была главным политическим субъектом исторического процесса XX в., начиная с 1917 г. История правящей партии была стержнем политической истории СССР, если не сказать больше. Поэтому изучение истории КПСС было фактически изучением политической истории СССР, исследованием внешней и внутренней политики этого государства.

На первом этапе своей карьеры Э.Д. Осколкова не только преподавала историю КПСС, но и активно работала в сети политического просвещения, ездила по области с лекциями, готовила методические материалы для Дома политпросвещения, членом методсовета которого она являлась. Но творческий ее ум нуждался в полноценной научной нагрузке. Первым крупным шагом в этом направлении была защита кандидатской диссертации после годичной аспирантуры в 1963 г. Тема «Партийное строительство в донской деревне в период нэпа (1921–1925)» включила в себя анализ всей общественной жизни донской деревни в период нэпа. Именно эта работа обусловила долговременный интерес Э.Д. Осколковой к проблематике нэпа середины 1920-х гг. Эта тема относилась к числу сложных и неоднозначных, так как побуждала историков осмысливать опыт функционирования рыночной экономики в условиях советской власти, что казалось излишним для страны «победившего социализма». Но Эмма Дмитриевна по своему характеру была чрезвычайно настойчивой и последовательной. Она нашла такой аспект проблемы, который позволял ей продолжать исследование через призму историографии, методологии и источниковедения. Более того, она включила в орбиту своей научной деятельности студентов и аспирантов исторического факультета, специализировавшихся по политической истории. На базе ее спецсеминаров по экономической истории СССР и НОКа (научно-образовательного кружка) по истории КПСС сложилась настоящая проблемная исследовательская группа, которая выполняла двойную задачу – воспитания нового поколения историков и апробации новаторских идей по осмыслению проблемы истории нэпа.

Она увлекала студентов занятиями исторической наукой и делала их настоящими исследователями. Большое место отводилось вопросам источниковедения и методам исторического исследования. С первого курса Эмма Дмитриевна учила студентов работать с историческими источниками, призывала не полагаться на чужое, даже очень авторитетное мнение, а уметь аргументировано отстаивать свое. В результате формировалось чувство ответственности за каждый сделанный вывод, приходило понимание, что только целенаправленный поиск и введение в научный оборот архивных документов и их критический анализ может радикально изменить представление о тех или иных исторических событиях. Эмма Дмитриевна находила для студентов такие темы, которые позволяли, с одной стороны, обойти слишком острые вопросы, а с другой – заинтересовать историко-партийной дисциплиной. Специализация по истории КПСС была достаточно догматичной и идеологизированной, но, тем не менее, она многое дала студентам не только в плане истории правящей партии как имманентной части общей истории СССР, но и в контексте общего понимания теории и практики политического процесса в мире. В известном смысле это были реальные элементы политической науки – политологии, хотя это название считалось в советское время неприемлемым. Ученики Эммы Дмитриевны неоднократно получали премии на конференциях и форумах.

Г.А. Матвеев вспоминает, что Эмма Дмитриевна была женщиной, которая сразу же обращала на себя внимание: красивая, с величественной осанкой, всегда одетая с большим вкусом, со скромным макияжем. Ее голос, тембр, манеру говорить, нельзя было спутать с другими. Очень четкая артикуляция звуков, слов, неторопливая взвешенность суждений, очевидно сформировавшихся в процессе многолетней преподавательской деятельности, свидетельствовали о чувстве собственного достоинства лектора.

Она была чрезвычайно требовательным и настойчивым наставником, любила определенность, аккуратность и ясность во всем. Логика в изложении материала для нее была главным фактором, имевшим особое значение. Работала системно, упорядоченно, многократно отработывая тексты, отдавая по мере возможности утренние 4 часа только науке. Конечно, она не могла контролировать и направлять каждый шаг своих аспирантов, тем более отвечать за них, так как это были взрослые люди, имевшие свои семьи, свои предпочтения, свои личные ошибки и просчеты, но регулярно, где-то раз в месяц она проводила собеседования со всеми аспирантами, каждого расспрашивала, что он читает, думает, что нового предлагает по теме научного исследования. Речь шла и о художественной литературе (например, о повести И. Грековой «Кафедра»), о премьерах в театрах, кинофильмах, литературной публицистике, общественных настроениях, материальных доходах, даже о родственниках аспирантов... Эмма Дмитриевна исподволь занималась воспитанием научной молодежи не только как исследователей, но и в человеческом плане. Причем это не было примитивным морализаторством и менторством. Она внимательно выслушивала мнение по тем или иным вопросам, даже по тем, которые касались ее лично. Надо признать, что не все ее аспиранты дошли до защиты, но таких было меньшинство. Основная часть выдержала «пожизненный» экзамен у Эммы Дмитриевны. Такой процесс взаимодействия не был формализованным, он развивался на протяжении всех лет аспирантуры, протекал по-разному, в зависимости от обстоятельств, времени, от настроения и т.п. Ученики, по крайней мере некоторые, стали частью жизни Эммы Дмитриевны.

Э.Д. Осколкова продолжала исследовательскую работу и в 1981 г. выпустила книгу «Проблемы методологии и историографии ленинской концепции нэпа», которая вызвала большой интерес и дискуссию в среде научной общественности. Она получила положительную оценку в центральной и местной научной печати. Главное и первичное в работе были именно процесс развития историографии и методологии нэпа, а не собственно конкретный план введения нэпа. Надо иметь в виду, что интерпретация нэповских идей В.И. Ленина в условиях «развитого социализма», когда нэпа уже не было и в помине, – дело достаточно непростое. Защита докторской диссертации прошла очень хорошо, и получила в области большой научный резонанс. Ссылки на ее монографию до сих пор прослеживаются в исторической литературе, а автор книги стала ведущим профессором кафедры и всего исторического факультета.

Вспоминая, проф. Г.А. Матвеев обратил внимание на то, что Эмма Дмитриевна как исследователь обладала незаурядной интуицией. Актуальность этой проблематики вновь стала очевидна в свете опыта модернизационных процессов в разных странах мира в последние десятилетия. Дискуссии о путях преодоления экономической отсталости, способах накопления средств для индустриализации, о соотношении институтов государства и рынка, которые бурно обсуждались в советском обществе в 1920-е – начале 1930-х гг., сегодня вновь привлекают внимание специалистов. Некоторые теоретические идеи и концепции, которые были отвергнуты в тот период в ходе ожесточенной внутрипартийной борьбы, в современных условиях в ряде стран показали свои преимущества, жизнеспособность и продуктивность. Обобщения и выводы, сделанные Э.Д. Осколковой в своих работах, отражали тогдашнее состояние общественных наук в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Тем не менее в процессе современной ревизии и переосмысления прежних концепций модернизационных процессов в свете нового исторического опыта полезно обратиться к историографическому анализу, проделанному Э.Д. Осколковой, особенно к ее исследовательским работам, опубликованным в 1990-е – начале нулевых годов XXI в.

С 1985 г. Э.Д. Осколкова начинает большую работу по созданию в структуре исторического факультета новой кафедры, которая впоследствии получила название «История политических партий и движений» (позднее – «Историческая политология»). Эта новая кафедра была чрезвычайно многообещающей в условиях перестроечного плюрализма и формирующейся многопартийности.

Проф. Н.А. Попова отмечает, что Эмма Дмитриевна создала и возглавила новую кафедру в очень сложное время, когда уходил в небытие сам предмет ее научных интересов и педагогических практик: история КПСС. Но изучение истории Отечества, которая всегда и для Эммы Дмитриевны, и для всех ее учеников была объектом исторического познания мира политического, позволило коллективу вновь созданной ею кафедры не растерять свой профессионализм с изменением официальной системы ценностных координат российского социума. Более того, в условиях иногда достаточно поспешно и безоговорочно меняющихся методологических подходов в исторической науке, ее открытый для всего нового, но взвешенный подход не дал впасть в искушение деидеологизации, привел к пониманию плюральности общенаучных и специально научных методов исследования. Этот тяжелый путь непрекращающегося процесса саморазвития стал частью повышения профессионализма каждого из нас, всего коллектива кафедры, который Эмма

Дмитриевна не только сформировала, но и задала высокую планку для его развития. Она заложила понимание того, что все новое, в том числе в области теории и методологии научного познания, становится еще одной гранью меняющегося мира, но не истиной в последней инстанции.

Все перипетии, связанные с формированием и деятельностью этой кафедры потребовали много сил и здоровья Эммы Дмитриевны и она передала заведование кафедрой своей ученице С.М. Смагиной. В дальнейшем, будучи профессором кафедры, Эмма Дмитриевна читала курсы: «Введение в специальность», «Деятельность КПСС по разработке и осуществлению Нэпа», «Экономическая политика КПСС», «Методика преподавания истории КПСС», «Актуальные проблемы истории КПСС переходного к социализму период» и др.

Нельзя не сказать о муже Эммы Дмитриевны – Евгении Николаевиче Осколкове, с которым она прошла бок о бок и по жизни, и по работе в РГУ. Доктор исторических наук, профессор, он руководил межфакультетской кафедрой истории КПСС РГУ. Позднее был директором ИПК при РГУ, руководителем редколлекции журнала «Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки», председателем диссертационного совета по историческим наукам. Несмотря на крайнюю загруженность по общественно-политической линии, он был крупным ученым, историком-аграрником, создателем научной школы.

Яркий союз или тандем Э.Д. и Е.Н. Осколковых вошел в историю РГУ, которому они служили всю жизнь. Они никогда не позволяли себе использовать близкие взаимоотношения для достижения каких-то дополнительных целей. Более того, Эмма Дмитриевна публично критиковала Евгения Николаевича и стремилась вести себя независимо от него, хотя это по-разному оценивалось коллегами. Спустя годы все это вспоминается как настоящая университетская легенда.

В 2013 г. ушла из жизни Э.Д. Осколкова. Она осталась в памяти ее учеников и коллег как крупный ученый, организатор учебного процесса на посту заведующего кафедрой и как талантливый, искренний и деликатный педагог.

За годы работы Эмма Дмитриевна подготовила 20 кандидатов и 4 докторов исторических наук (среди которых авторы этой статьи), сформировав тем самым свою научную школу исследования политической и экономической истории России советского периода, историографии и источниковедения этой темы. Она внесла значительный личный вклад в изучение новой экономической политики 1920-х гг. и заняла заслуженное место в историографии отечественной истории.

Н.А. Казарова, С.А. Кислицын

Воин, археолог, декан Г.А. Иноземцев

Несмотря на свою известность как Героя Советского Союза, Георгий Александрович Иноземцев недостаточно оценен как замечательный профессиональный историк. До сих пор его деятельность как ученого, археолога и краеведа остается в тени. На наш взгляд, это не просто штрихи к его портрету, а настоящая основа его незаурядной биографии.

Г. А. Иноземцев родился 17 апреля 1902 г. в селе Батайском Области войска Донского в семье фельдшера. После обучения в двухклассном железнодорожном училище он стал учиться в ростовской гимназии, которую закончил в 1920 г. В Гражданской войне не участвовал, хотя Ростов был в центре кровавых событий. Во-первых, был молод, во-вторых, не разделяя тогда, по-видимому, большевистских взглядов, он не стремился к борьбе с ними. В сложных экономических условиях послевоенного времени некоторое время работал подручным слесаря, конторщиком, но затем все-таки поступил в университет на обществоведческий факультет. Однако учеба не задалась.

В связи с радикальным пересмотром программ и состава преподавателей этот факультет был закрыт, и юноша стал искать новое место учебы. Он поступил в частный вуз – абсолютно аполитичный Донской археологический институт. Краеведение еще с дореволюционного периода имело сильные позиции в Ростове-на-Дону, где в 1910 г. усилиями Ростовского общества истории, древности и природы был создан городской краеведческий музей. В институте читали лекции руководители Общества А.М. Ильин – автор «Истории Ростова-на-Дону» и М.Б. Краснянский, составивший ряд библиографических указателей по

естественной истории Донской области, этнографии, истории народов, населяющих Донскую область, археологии, истории городов. Преподавали также известные ученые И. Воскресенский, В.Н. Вершковский, А.И. Яцимирский и др.

В свидетельстве об окончании вуза Г.А. Иноземцева были зафиксированы следующие предметы: история культуры, история религии, геология и палеонтология, археология, искусство Византии, искусство Европы и Востока, история театра, славяно-русская палеография, архивоведение и музееведение. После закрытия института в 1922 г. группа энтузиастов из числа преподавателей и слушателей во главе с профессором А.И. Яцимирским создала новое «Общество археологии и истории искусств». Выпускник археологического института Г.А. Иноземцев принял самое активное участие в его работе. Главным направлением деятельности Общества была организация открытых заседаний с заслушиванием докладов по археологии, славянской филологии, истории города Ростова. И Г.А. Иноземцев также выступил с докладом «Опыт науки о происхождении человека» (1923 г.). Открытый он не делал, но обратил на себя внимание как активист Общества. Г.А. Иноземцев работал в Донском архивном бюро, затем в Северо-Кавказской краевой плановой комиссии, где занимал должности заведующего архивом, зауправделами. На общественных началах принимал участие в работе вновь образованного Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии и краеведческого музея.

Когда Северо-Кавказский университет возобновил работу, он поступил на обществоведческое отделение педагогического факультета. На этом отделении СКГУ изучалась не только интерпретированная в марксистском духе всеобщая и отечественная история, но также преподавались знания по таким дисциплинам, как биология, землеведение, астрономия, химия, археология, анатомия, этнография. Преподаватели университета, многие из которых работали в бывшем Археологическом институте, часто выходили за пределы новых программ, расширяя кругозор студентов. Иноземцев с чувством глубокого уважения вспоминал преподавателей университета А.И. Яцимирского, Н.Н. Любовича, И.П. Козловского, Н.Н. Срененского, Н.П. Балагурова, Е.А. Черноусова. Кроме того, как он писал впоследствии, «в университете мы вели общественную работу, боролись за советизацию университета, получали хорошую политическую закалку, развивали чувство патриотизма. После университета я написал ряд работ по истории. Мое постоянное стремление заниматься историей пробудилось в стенах СКГУ, о котором у меня сохранились самые теплые воспоминания» [1].

В октябре 1927 г. Г.А. Иноземцев защитил дипломную работу на тему «Крестьяне и крестьянский быт по сочинениям Д.В. Григоровича». Повести этого писателя «Деревня» и «Антон Горемыка» показывают крепостного крестьянина в его ежедневной работе, в отношениях к кулаку и т.д. В поздних рассказах и романах Григоровича чувствуется склонность к сентиментальному изображению крестьянской психологии, народных обрядов, обычаев, суеверий, песен. В целом Григорович был показан типичным представителем так называемого «дворянского народничества».

Настоящим призванием Г.А. Иноземцева была археологическая история Донского края, которой он увлекся в 20-е гг. под влиянием ростовской школы археологии и краеведения. Уже в то время Г.А. Иноземцев подготовил к печати свою первую большую статью о результатах археологических раскопок в Танаисе – античном городе, функционировавшем с III в. до н. э. по V в. н. э. в устье р. Дон. Но в силу отсутствия необходимых условий для профессиональных занятий археологией, он был вынужден работать чиновником в хозяйственных структурах.

Немаловажное значение для будущего Г.А. Иноземцева имел тот факт, что во время годичной службы в армии он в 1927 г. закончил курсы при Владикавказской пехотной школе и получил квалификацию командира взвода.

Во время первой семидневной оккупации в 1941 г. Ростова Иноземцев находился в городе и после освобождения его вновь был назначен управляющим хозяйственного органа. В марте 1942 г. он был призван в действующую армию и направлен в 24-ю запасную бригаду командиром пулеметного взвода в звании младшего лейтенанта. Далее Г.А. Иноземцев командовал последовательно взводом противотанковых ружей, ротой, батальоном, полком и в конце войны даже гвардейской стрелковой дивизией.

В 1944 г. командир 201-го полка майор Г.А. Иноземцев особо отличился во время стратегической наступательной операции советских войск под названием «Багратион», за что получил звание Героя Советского Союза. Он был также награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны, медалями «За оборону Сталинграда», орденом Суворова 3-й степени и медалью «За отвагу» [2, 3]. В боях он был четырежды ранен, что свидетельствует о его личном мужестве.

Но археологию никогда не забывал. Известный ростовский археолог профессор В.Я. Кияшко, ученик Г.А. Иноземцева, вспоминал рассказ своего учителя о том, как на фронте во время обустройства позиций он нашел древние черепки. Эти артефакты Г.А. Иноземцев пронесил с собой всю войну как драгоценный трофей. Надо отметить, что внешний вид Г.А. Иноземцева сочетал в себе черты офицера и ученого. На фото военного времени мы видим подтянутого офицера с крупным выпуклым лбом, в очках и с профессорской бородкой клинышком.

После демобилизации полковник запаса Г.А. Иноземцев стал работать заместителем начальника военно-строительного управления Северо-Кавказского военного округа. Однако он стремился к занятиям исторической наукой, и его желание было властями учтено. Сначала в 1948–1951 гг. он заведовал Домом ученых, затем работал директором областной научной библиотеки имени Карла Маркса. В 1951–1953 гг. организовал первые послевоенные археологические экспедиции по изучению Танаиса. С сентября 1951 г. читал «Основы археологии» на историческом отделении историко-филологического факультета. В 1954 г. он был принят на должность старшего преподавателя по кафедре истории СССР РГУ. С 23 сентября 1955 г. Г.А. Иноземцев стал деканом историко-филологического факультета РГУ. Он опубликовал более 30 статей и книг по краеведению, в том числе брошюру «200 лет Ростова-на-Дону». Как автор этой пилотной работы, он стал научным руководителем и основным автором следующего официального, можно сказать фундаментального, издания «Ростов-на-Дону (1749–1949 гг.)», вышедшего к 200-летию юбилею города. Эта работа отличалась широкими хронологическими рамками от истории Дона с древнейших времен вплоть до возникновения Ростова и завершилась первой послевоенной пятилеткой. В книге была впервые представлена в обобщенном и систематизированном виде новейшая история донского региона XX в. до 1949 г. Первые четыре главы из девяти и восьмая были написаны ученым лично. Авторами остальных глав стали историк компартии П.В. Семернин и старый большевик Г.Н. Захарьянц, который тогда занимал видный пост в городском руководстве.

Но конечно, нельзя переоценивать эту работу, которая несла выраженную печать сталинской концепции отечественной истории, особенно истории XX в. В частности, в 5-й главе «Революционное прошлое Ростова» ее автор П.В. Семернин ничего не написал о выдающемся рабочем-большевике, герое баррикадных боев 1905 г. на Темернике С.Ф. Васильченко, который в сталинское время стал «фигурой умолчания» [4]. Зато им было написано, что во время Октябрьской революции один из ее руководителей в Ростове С.И. Сырцов и его сторонники, «следуя примеру презренных штрейкбрехеров Каменева, Рыкова и Зиновьева, стали на предательский путь». Но о борьбе председателя Совнаркома РСФСР С.И. Сырцова против сталинизма в 1929–1930 гг. не было даже упомянуто [5]. Освещавший период войны в 8-й главе Г.А. Иноземцев также не мог отразить все перипетии сражений за Ростов-на-Дону, в частности дело маршала Кулика. Но тем не менее глава о Ростове во время Великой Отечественной войны, на наш взгляд, является одной из лучших, так как ее писал, не просто историк и полководец, а один из очевидцев этих событий.

В 1955 г. Г.А. Иноземцев закончил начатую еще до войны кандидатскую диссертацию по теме «Бронзовый век Нижнего Дона» и представил ее на защиту в ученый совет РГУ. В этой обобщающей работе впервые была дана, как он писал в автореферате диссертации, «научная сводка» памятников этой эпохи, всего более 150 погребений и поселений, выявленных центральными и местными научными учреждениями. Диссертант проанализировал достижения как дореволюционных исследователей (Х.И. Попов, А.М. Ильин), так и советских археологов (С.А. Вязигин, Б.В. Лунин, С.А. Локтюшев), наконец результаты собственных раскопок. Г.А. Иноземцев предпринял попытку определить хронологические рамки бронзового века и дать собственную периодизацию той эпохи. В отношении каждого исторического периода была определена основная категория археологических памятников. Г.А. Иноземцев высказал предположение о значительном влиянии изменений природных условий на развитие общественных отношений. Защита диссертации на ученом совете РГУ вызвала острую дискуссию, но большинство членов совета проголосовало за присуждение автору ученой степени кандидата исторических наук.

Умер Г.А. Иноземцев скоропостижно от тяжелой болезни 16 февраля 1957 г. Похоронен на Братском кладбище Ростова. Его семья переехала в Ригу. Спустя годы в Батайске на Аллее Славы был установлен бюст Героя Советского Союза Г.А. Иноземцева, а в Ростове его именем назван переулок. В местной газете Батайска был опубликован целый цикл очерков из военной жизни Г.А. Иноземцева.

Однако факты довоенной и послевоенной биографии Г.А. Иноземцева свидетельствуют, что он вырос не просто в крупного ученого, но организатора исторической науки на Дону. Стал реальным воплощением связи и преемственности постреволюционной школы донского краеведения, воспитанником которой был,

и послевоенной исторической науки. Г.А. Иноземцев не только героически защищал Родину, но внес значительный вклад в возрождение и развитие донского краеведения и регионоведения.

Литература

1. Ростовский государственный университет. 1915–1965. Статьи. Воспоминания, документы. Ростов н/Д., 1965. С. 263.
2. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.12.2014).
3. Донская энциклопедия. Т. 1. Ростов н/Д., 2015.
4. *Кислицын С.А.* «Отчаянный». Революционер и писатель Семен Васильченко // Донской временник: краеведческий альманах. Вып. 22. Ростов н/Д., 2013.
5. *Кислицын С.А.* Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов. М., 2014.

С.А. Кислицын, И.Г. Кислицына

Ученый, педагог, руководитель, человек (к 90-летию со дня рождения Евгения Николаевича Осколкова)

Южный федеральный университет в этом году отмечает столетний юбилей. Исторический и современный образ университета нельзя представить, не обращаясь к его человеческому измерению, к тем ученым, преподавателям, сотрудникам, руководителям, которые внесли значительный вклад в его становление и развитие.

23 мая 2015 г. исполнилось 90 лет со дня рождения доктора исторических наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ Евгения Николаевича Осколкова. Родился Е.Н. Осколков в г. Петрозаводске, в семье офицера, его формирование происходило в интеллигентной высококультурной семье, любящей литературу, музыку, театр. Начавшаяся Великая Отечественная война и гибель отца на фронте под Москвой положили начало новому этапу в его жизни. Продолжая учебу в школе, Е.Н. Осколков пошел работать. В 1943 г. он был призван на военную службу в пограничных войсках. Семь лет службы на государственной границе были хорошей жизненной школой, сформировали такие черты его личности, как ответственность, дисциплинированность, высокое чувство долга, обеспечили хорошую физическую подготовку.

После демобилизации Евгений Николаевич поступил на юридический факультет РГУ, коллектив которого в сложный послевоенный период стремился продолжать традиции классического университетского образования. Учеба в университете дала пытливому юноше широкий гуманитарный и обществоведческий кругозор, стремление профессионально посвятить себя исследовательской деятельности. Еще студентом университета он активно включился в общественную работу: избирался профсоюзным лидером на юридическом факультете, с 1954 г. был членом парткома РГУ, в 1955–1956 гг. избирался председателем студенческого профкома университета.

Предложение заведовавшего в то время кафедрой истории КПСС известного ученого-аграрника, проф. П.В. Семернина о поступлении в аспирантуру при этой кафедре совпало со сложившимся у Е.Н. Осколкова еще в школе интересом к историческим наукам. В 1961 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Тактика КПСС в период завершения сплошной коллективизации в основных зерновых районах страны (1930–1931 гг.)». Преподавательская и исследовательская работа сочеталась у Е.Н. Осколкова с активной общественной деятельностью. В 1963–1964 гг. он избирался секретарем парткома РГУ, членом Кировского райкома партии г. Ростова-на-Дону.

В 1966–1976 гг. Евгений Николаевич – заведующий общеуниверситетской кафедрой истории КПСС. Несмотря на большую занятость организационной и общественной работой, он продолжал активную научно-исследовательскую деятельность, стал признанным лидером ростовской школы историков-аграрников. Основательное изучение и глубокий анализ документов позволили Е.Н. Осколкову в 1973 г. в монографии «Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа» поставить под сомнение некоторые из официальных оценок трагических событий, развернувшихся в крае в годы коллективизации. Книга и одноименная докторская диссертация были позитивно оценены научной общественностью.

Е.Н. Осколков много внимания уделял подготовке аспирантов. Здесь, как и в других сферах своей профессиональной деятельности, он с годами выработал эффективную систему работы с соискателями, которая включала систематическое содержательное общение с ними, регламентированное четким календарным планом, помощь в подготовке к кандидатскому экзамену по специальности, т.е. освоение ее теоретических и методологических основ, организацию педагогической практики и, конечно, четкое направление и контроль процесса подготовки диссертации, предусматривавшие основные этапы этой работы. Этот «фирменный стиль» научного руководства Е.Н. Осколкова обеспечил формирование его научно-педагогической школы, в рамках которой выполнено и защищено 3 докторских и 17 кандидатских диссертаций.

В деятельности Е.Н. Осколкова большое место занимала научно-организаторская работа. Он являлся членом оргкомитета Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории (отделения истории АН СССР); научно-методического и двух проблемных Советов Минвуза РСФСР («Методология и историография истории КПСС», «Аграрная политика КПСС и ее осуществление»), руководителем секции истории КПСС отделения общественных наук Северо-Кавказского научного центра высшей школы, проблемной группы по изучению аграрной истории Северо-Кавказского региона, председателем специализированного Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по истории КПСС и СССР при РГУ.

В 1972 г., когда был организован Северо-Кавказский научный центр высшей школы, его руководитель Ю.А. Жданов считал одним из важнейших инструментов интеграции ученых этого края создание научного журнала «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы» (теперь его название – «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион»). Зная об организационном таланте Е.Н. Осколкова, его высоком авторитете как ученого, безупречной моральной репутации, Ю.А. Жданов обратился к нему, убеждая занять пост заместителя главного редактора журнала, председателя его редакционной коллегии серии «Общественные науки» и ответственного редактора серии. Е.Н. Осколков вспоминал, что Ю.А. Жданов ему при этом сказал: «Будем создавать этот журнал, как В.И. Ленин в начале века организовывал издание газеты “Искра”». Больше 15 лет (1973–1989 гг.) Е.Н. Осколков занимался этой ответственной работой. Его высокий авторитет как ученого, талантливого организатора, требовательного редактора способствовали тому, что журнал стал одним из ведущих научных периодических изданий данного профиля, распространяющихся в нашей стране и за рубежом.

С 1976 по 1989 г. Е.Н. Осколков работал директором Института повышения квалификации преподавателей общественных наук, проректором РГУ. Несмотря на то, что у него большую часть времени стала занимать административная работа, он продолжал считать своим долгом чтение лекций и спецкурсов для слушателей не только по важнейшим проблемам историко-партийной науки, но и по актуальным обществоведческим проблемам. Стержневой его чертой как руководителя было убеждение, что, только предъявляя к себе самые высокие требования как к преподавателю вуза, он имеет право предъявлять их к коллегам на кафедре и в институте. Его лекции были образцом логической стройности, убедительности, композиционной продуманности. Когда в 70-х гг. в дидактической литературе был поставлен вопрос о преимуществах проблемного образования, он одним из первых на университетской кафедре, а затем в ИПК стал реализовывать в своих лекциях и семинарах установки образования проблемного типа. В начале 80-х гг. на первый план в педагогической практике была выдвинута проблема активного использования современных средств обучения. Евгений Николаевич считал своим долгом выступить пионером и в этом перспективном направлении повышения эффективности преподавательской работы. Незаурядные организационные способности Е.Н. Осколкова, его умение объединять вокруг себя коллег привели к тому, что, став директором ИПК при РГУ в сложную пору его развития, он сумел придать коллективу «второе дыхание», институт вошел в число лучших в стране учебных заведений этого типа.

В стиле Евгения Николаевича как руководителя кафедры, а затем ИПК при РГУ можно выделить следующие черты:

- интересы дела, а не личные симпатии или антипатии определяли не только его кадровую политику, но и прочие административные решения;
- четкий, ясный, открытый, аргументированный подход к разрешению возникавших проблем;
- решительность в действиях и поступках, когда он был убежден в своей правоте и, вместе с тем, постоянная готовность обсуждать с коллегами наиболее сложные вопросы, поэтому, как правило, возникала полемика по спорным проблемам, в которой и определялись те или иные решения;
- интеллигентность, тактичность, благожелательность в общении с коллегами, подчас жесткость, нелицеприятность в суждениях и оценках, но это никогда не было проявлением грубости.

Еще одно качество было свойственно Евгению Николаевичу как руководителю: он, зная себе цену, нередко иронизировал над своими действиями и поступками, когда находил их недостаточно обоснованными.

В конце 60-х – начале 80-х гг. Е.Н. Осколков все чаще стал задумываться над природой нараставших противоречий советского общества, обращал внимание на приметы его неблагополучия. Я помню, как, побывав в туристской поездке в ГДР, Евгений Николаевич с горечью говорил о том, что немцы, победенные в годы Второй мировой войны, живут намного лучше их главных победителей – советских людей. Он чувствовал нараставшую бюрократизацию партийно-советской системы управления страной, усиление застойных явлений в обществе в этот период.

В начале 90-х гг. Е.Н. Осколков опубликовал ряд работ о голоде в 1932–1933 гг. на Северном Кавказе, о трагедии «чернодсточных» станиц, основанных на новых документах и материалах, многие из которых были введены в научный оборот впервые [1]. Он стал разрабатывать новый курс «Исторические судьбы крестьянства в России. Раскрестьянивание: этапы и последствия», в котором он, привлекая большой массив новых материалов и опираясь на труды ведущих ученых-аграрников, стремился осмыслить раскрестьянивание как единый процесс, начавшийся во второй половине XIX в. и завершившийся в ходе коллективизации, его причины и объективные последствия [2].

Евгений Николаевич был очень цельной натурой, в которой были сплавлены профессиональные, общественно-политические, административные и человеческие качества. Он был образованным человеком с разносторонними интересами и запросами, не только штудировал труды историков, но и интересовался литературой в других областях обществоведения и гуманитарных наук, постоянно обращался к публицистике и художественной литературе, выписывал и читал, наряду с профессиональными, литературные журналы – «Новый мир», «Знамя», «Звезда» – был интересным глубоким и остроумным собеседником.

В семье, где он был единственным мужчиной, он считал, что все сложные проблемы должен взять на себя и неуклонно следовал этому правилу. Его рыцарское отношение к жене, дочери, трогательная забота о своих близких вызывали искреннее уважение и восхищение у тех, кто был невольным свидетелем атмосферы в этой семье.

Евгений Николаевич до последнего дня своей жизни был полон энергии, новых замыслов и творческих планов. Его внезапная преждевременная кончина 23 декабря 1995 г. в результате послеоперационных осложнений отозвалась глубокой болью в сердцах не только его родных и близких, но и всех, кто его знал. В памяти сотрудников, ученых, коллег, друзей Е.Н. Осколков остался масштабной личностью, крупным ученым, талантливым руководителем, педагогом, настоящим русским интеллигентом, обаятельным, нравственно чистым человеком.

Литература и примечания

1. *Осколков Е.Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991.
2. Фрагмент этого спецкурса опубликован в журнале «Изн. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки». 1996. № 4.

Г.А. Матвеев

Неутомимый труженик науки (к 65-летию В.Д. Дзидзоева)

Известного ученого-кавказоведа, политолога, доктора исторических наук, профессора Валерия Дударовича Дзидзоева смело можно отнести к категории деятелей, внесших весомый вклад в науку, в исследование истории осетинского народа.

65 лет – и не мало, и не так уж много в нашей жизни. Все зависит от того, насколько рационально они были использованы. По отношению же к нашему юбиляру можно сказать: учитывая присущие ему способности, целенаправленность и необыкновенное трудолюбие, прожитые годы были использованы с максимальной пользой и отдачей для развития научной мысли и общественной жизни родной Осетии. Зная долгие годы близко Валерия Дударовича, могу сказать, что в мою память он вошел как человек постоянно

занятый, перегруженный обязательствами перед своими учениками и аспирантами, решающий одновременно различные научно-организационные проблемы, словом, преуспевающий ученый. Последние два десятилетия он почти ежегодно издает книгу за книгой, систематически находится то в разъездах (научные форумы, конференции), то на защите диссертации своих аспирантов, оппонировании диссертации, печатает в СМИ статьи на самые различные актуальные темы. Порою обыкновенные цифры дают более яркое представление о личности, нежели словесные характеристики. Вот только несколько цифр из его научной биографии. Более чем за 35 лет интенсивной научно-исследовательской деятельности из-под пера ученого вышло в свет свыше 370 научных работ, из которых 27 – отдельные монографии и брошюры. В последние годы для определения ценности и эффективности научных исследований появился новый показатель – индекс цитирования. И здесь он – передовик; у него в РИНЦе зафиксировано 80 публикаций, на которые свыше 600 ссылок; индекс же Хирша составляет цифру 3. Из-под пера ученого вышли учебно-методические разработки, разделы в обобщающих монографиях, предисловия, свыше тысячи статей в средствах массовой информации, десятки рецензий на новинки литературы.

Разумеется, этим не ограничивается активная деятельность Дзидзоева, постоянно устремленного к новым научным высотам. А много ли таких ученых-трудооголиков, которые бы за без малого четыре десятилетия своей деятельности добились столь внушительных успехов?

А трудиться его научила многодетная трудовая семья из с. Дур-Дур, где он родился 29 марта 1950 г., провел свое детство и окончил среднюю школу. В 1970 г. осуществилась его юношеская мечта – стал студентом истфака Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. В университете оказался в благоприятной студенческой среде. Так было угодно судьбе, что в одной группе с ним (по специализации «этнография») учились будущие известные ученые Вилен Уарзиати, Александр Дзадзиев, Зухра Мадаева (из Чечни) и др. Научившись правильно распределять свое время, студент Дзидзоев преуспевал в учебе, выступал с докладами на научно-студенческих кружках и конференциях, хватало времени и на общественную работу, и на весьма успешные занятия спортом (стал мастером спорта по вольной борьбе).

Свою трудовую биографию он начал преподавателем Владикавказского горно-металлургического техникума, где с перерывом (служба в армии) проработал до 1978 г., когда стал аспирантом кафедры отечественной истории XX века родного университета. После успешной защиты кандидатской диссертации на тему: «Деятельность печати по интернациональному воспитанию трудящихся в годы 8-й и 9-й пятилеток» (1982 г.), молодой ученый продолжил интенсивную научно-педагогическую деятельность. В 1990 г. он поступил на общих основаниях в аспирантуру Ленинградского университета и успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальное движение на Северном Кавказе». Высокий научный уровень диссертационного труда отметили не только официальные оппоненты, но и другие ученые-специалисты.

Диапазон научных интересов Валерия Дударовича широк и охватывает довольно большие хронологические рамки: вопросы истории Осетии и всего Кавказа с позднего средневековья до наших дней, проблемы Кавказской и Великой Отечественной войны советского народа, национальная и федеративная политика, межнациональные отношения на Кавказе, этнополитические процессы и конфликты, проблемы сепаратизма, экстремизма и терроризма в постсоветский период в Российской Федерации, национально-государственное строительство на Кавказе.

Исследованию вопросов истории Осетии Дзидзоев посвятил такие труды, как «Осетия в системе взаимоотношений народов Кавказа в XVII – нач. XX в.», «Экономическое и общественно-политическое состояние Северной Осетии в начале XX в. (1900–1917)», главы для «Истории Северной Осетии. XX век» и др. К исследованию вопросов истории Осетии ученый постоянно возвращается и в обобщающих трудах по истории народов Кавказа, таких как «Из истории досоветских национально-государственных образований на Северном Кавказе», «От Союза объединения горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР», и др.

Перу В.Д. Дзидзоева принадлежит монография «Зарождение и развитие правовой мысли и общественно-политических процессов в Осетии во второй пол. XIX в.», за которую ему присуждено звание лауреата Всероссийского конкурса на лучшую научную работу года (2008) в номинации «Общественные и гуманитарные науки». А через год в г. Ростов-на-Дону проф. Дзидзоев стал лауреатом уже международного конкурса научных работ по кавказоведению и южно-российскому регионоведению имени Ю. А. Жданова.

Одна из важнейших и сложных проблем, которой ученый занимался и продолжает заниматься и ныне – национальная политика и межнациональные отношения, истории национально-государственных образований на Кавказе. По три издания выдержали его монографии, посвященные данной теме: «Национальная

политика: уроки опыта» и «Национальные отношения на Кавказе». Высокую оценку в научных кругах получила и другая монография «Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917–1918 гг.».

В разработке вопросов национальной политики и межнациональных отношений Валерий Дударович зарекомендовал себя признанным специалистом. Авторские идеи и концепции современной национальной политики, новых федеральных отношений в РФ получили положительные отклики у специалистов. Проф. Дзидзоев создал свою научную концепцию национальной политики и межнациональных отношений на Кавказе, межэтнических проблем и возможных вариантов их решения. В частности, ему принадлежит идея разработки конструктивных методов совершенствования современной национальной политики и межнациональных отношений, особенно на Северном Кавказе. Проф. Дзидзоев первым дал четкое определение понятиям «конфликт» и «война», доказал, что грузино-осетинское вооруженное противостояние имеет все основания называться не конфликтом, а войной. Он же обосновал необходимость формирования парламентов некоторых многонациональных республик (Дагестан, Кабардино-Балкария) из двух палат – Совета Республики и Совета Национальностей. Предложил конституционно закрепить механизм федеративного устройства некоторых многонациональных республик РФ, обосновал необходимость создания Северо-Кавказского научного центра межнациональных отношений. Одним словом, научные разработки В.Д. Дзидзоева востребованы не только учеными-специалистами и политологами, но и государственными деятелями, политическими партиями, общественными движениями, всеми теми, кто задействован в урегулировании межнациональных противостояний.

В портфеле ученого имеются и труды, посвященные анализу межнациональных отношений в отдельных национальных республиках Северного Кавказа. В одних из них содержится подробный анализ причин, характера, а также рекомендации по осетинско-ингушскому противостоянию. В соавторстве с Н.Н. Левченко им написана солидная монография, в которой проблемы экстремизма, терроризма и сепаратизма рассмотрены на базе основательного анализа событий, имевших место в Чеченской Республике с конца XX до начала XXI в.

Особенное внимание в научном творчестве ученого уделено постперестроечным временам Южной Осетии, растянувшимся на два десятилетия и не оставившим равнодушным никого. Своим пером и публичными выступлениями Валерий Дударович всегда был рядом с народом Южной Осетии в решении его насущных проблем, давал отповедь чудовищным искажениям грузино-осетинских исторических взаимоотношений, грузинским фальсификаторам истории. В 2000 г. вышла его солидная монография «Кавказ конца XX века: тенденция этнополитического развития», львиная доля объема которой посвящена аргументированному анализу грузино-осетинских исторических взаимоотношений, разоблачению позиций грузинских псевдо-ученых. В 2007 г. в соавторстве с К. Дзугаевым им издана другая монография «Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений». В этом основательном труде исследуются взаимоотношения осетинского и грузинского народов с древнейших времен до 1989 г. В книге проанализирован широкий спектр проблем, начиная с вопросов расселения осетин на юге Кавказа и взаимоотношений двух народов в средневековье (эпоха царицы Тамар и Сослан-Давида и др.) до проявления грузинского национал-шовинизма в советское время и ассимиляторской политики коммунистических властей Грузии. В ней раскрыта история освободительной войны южных осетин в начале XX в., исследованы причины геноцида южных осетин меньшевистским правительством в 1920 г., рассмотрена политическая и межнациональная борьба за автономию южных осетин, показаны проявления грузинского национал-экстремизма в советской Южной Осетии, формировании предпосылок юго-осетинского национального самоопределения. Материал книги используется в учебном процессе во многих вузах Осетии и России.

Исследования В.Д. Дзидзоева по грузино-осетинским взаимоотношениям не теряют своей актуальности и по настоящее время. Сегодня, спустя неполных семи лет после разыгравшейся в Южной Осетии августовской войны 2008 г., первопричины грузино-осетинского противостояния остаются в центре внимания мирового сообщества; в Женеве продолжают международные встречи и торги вокруг законности «рождения» новых независимых республик. Несомненно, что в новых геополитических обстоятельствах опыт и знания таких ученых-политологов, как В.Д. Дзидзоев, должны быть востребованы, найти достойное применение.

Ссылаясь на убедительные и политически-правовые аргументы, проф. Дзидзоев ратует за единство осетинского народа, нещадно критикуя своих оппонентов. Тут же хочется отметить, что под его руководством защищены три кандидатские диссертации по проблемам современной Южной Осетии.

У проф. Дзидзоева богатая педагогическая биография, которая начинается от преподавателя истории техникума и ассистента кафедры истории Отечества в Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии им. В.М. Кокова до зав. кафедрой политологии и декана истфака СОГУ. На сегодняшний день Валерий Дударович – зав. кафедрами теории государства и права и политологии Горского государственного аграрного университета, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

Круг читаемых им дисциплин довольно широк: отечественная история, история народов Северного Кавказа, политология, теория государства и права, межнациональные отношения на Кавказе, национально-государственное строительство на Кавказе, и др. Лекции и семинары ученого насыщены по содержанию и разнообразны по форме, что является важным критерием вузовского профессора.

Заниматься наукой и создавать ученые труды – нелегкая работа. Однако Дзидзоев успевает сочетать свою научно-исследовательскую деятельность с воспитанием молодых высококвалифицированных научных кадров. И в этом плане наш юбиляр не имеет себе равных, по крайней мере на Северном Кавказе. Через его руки как научного руководителя (через аспирантуру, соискательство) прошли и успешно защитили 8 человек докторские и 36 – кандидатские диссертации (?!). При такой нагрузке он еще находит время для оппонирования докторских и кандидатских диссертации.

Валерий Дударович систематически участвует и достойно представляет научную общественность республики на региональных, всероссийских и международных конгрессах и конференциях по актуальным проблемам современности, межнациональным отношениям и историческому кавказоведению. Такие конференции периодически созываются в Москве, Санкт-Петербурге, Махачкале, Нальчике, Пятигорске. По инициативе юбиляра не одна такая конференция прошла и во Владикавказе. Как признанный специалист-политолог проф. Дзидзоев дважды (2002 и 2005 гг.) приглашался (с докладами) в Государственную думу Федерального Собрания в качестве эксперта по Северному Кавказу.

Как востребованный ученый, проф. Дзидзоев – зам. главного редактора журнала «Вестник Владикавказского научного центра», научный редактор трудов «Вопросы политологии, истории и социологии», член Президиума Владикавказского научного центра РАН, член специализированного совета по защите докторских и кандидатских диссертации при СОГУ. Валерию Дударовичу присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки Республики Северная Осетия-Алания и Республики Южная Осетия, он награжден почетными грамотами парламентов Республики Южная Осетия, Кабардино-Балкарии, Дагестана.

Обозревая жизненную дорогу проф. Дзидзоева, внушительный след в научно-педагогической деятельности, с которым встречает свою очередную юбилейную дату, невольно напрашивается вопрос, под силу ли каждому нести по жизни такую благородную нагрузку? Под силу, если в человеке заложены патриотические чувства, и он не обделен всевышними способностями и талантом, если он целеустремлен, трудолюбив, и если выбранный жизненный путь превращается в страсть. Ни одним из таких качеств и особенностей Валерий Дударович не обделен. Именно поэтому к нему пришла известность ученого и гражданина, имя, которое с уважением и почтением произносят его многочисленные коллеги, бывшие и настоящие студенты как в Осетии, так и по всему Кавказу.

Многие Вам лета, наш дорогой коллега Валерий Дударович!

Л.А. Чибиров

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Осторожно: фальсификация истории русского, кавказских и других народов (Ольховский О.Ф. Древние русы и Кавказ (Кавказ – русская земля): 2-е изд., доп. Ростов н/Д., 2014. 288 с.)

Паранаучные сочинения особенно на темы древней и средневековой истории продолжают захлестывать информационное пространство, затемняя массовое сознание. В их ряду – рецензируемая книга. Что только автор не приписывает русам, их происхождению, и причем без ссылок на факты и доказательства. Для видимости в конце книги приводится список литературы. Указанные работы им не использованы и значительная часть их не имеет никакого отношения к теме.

Работа состоит из разделов «От автора», «Предисловия», восемнадцати глав, заключения и приложений.

Как считает О.Ф. Ольховский, русы и славяне не жили все время в одном месте. Для доказательства приводит названия различных континентов, стран, рек, городов, происхождение которых он связывает с русами. Чтобы придать патристический дух своей книге, автор пишет: «Нас стараются сделать “Иванами, родства не помнящими”, говорят нам, что мы нелюбознательны и нелюбопытны». По мнению О.Ф. Ольховского, с древнейших времен на Ближнем Востоке, Кавказе и в Европе жили русы, в обоснование чего он приводит топонимы, якобы связанные с русами: Кавказ (от касков и каспиев), гора Эльбрус (альб-белый и рус – царственный, леопард, красивый, рус).

В предисловии О.Ф. Ольховский пишет: «Цель этой книги – дать представление об истории русского народа, – последней стадии эволюции этноса русов, дать представление о тех русах, которые были тесно связаны с Кавказом, показать их влияние на развитие региона. Ведь в настоящее время у ряда народов Кавказа, особенно самых малочисленных, бытует обиходное представление о русских как о пришельцах на земли Кавказа в последние века нашей эры и даже как об оккупантах. Еще недавно от агрессивно настроенных жителей Чечни и Ингушетии, ваххабитствующих карачаев и балкар можно было услышать, что русских надо вытеснять за линию Ростов – Астрахань» (с. 7).

По мнению О.Ф. Ольховского, на территории Северного Кавказа, Закавказья и нынешнего Армянского нагорья 40–35 тыс. лет до н.э. шло смешение кроманьонцев – русов с неандертальцами и кавказским субстратом. Современная наука не

в состоянии дать определенного ответа, откуда взялись те или иные народы хотя бы в географическом плане, ссылаясь на то, что одни пришли из Месопотамии или Малой Азии, другие – из Скандинавии, третьи – из Сибири или Русского Севера, но никто не отвечает, откуда они появились в этих местах (с. 9).

И вот за решение этой задачи взялся О.Ф. Ольховский. Прародины индоевропейцев – русов как первичная, так и вторичная, по его мнению, находились в местах их обитания – на Ближнем Востоке, в Малой Азии, на Балканах, в Средиземноморье и по всей Европе и большей части Азии. Это мнение не аргументировано никакими научными данными. На той же странице книги дается хронологическая таблица русов, начиная с 40 тыс. лет до н.э. Излагая вопросы этимологии термина «рус», автор показывает не только незнание литературы о происхождении его, но и пишет, будто название «русь» происходит от Персии или Сирии. Например, По – Русия или от рыс- рысь и т.д. Вот такие «открытия» автора связаны с этим термином. «Можно утверждать, – пишет О.Ф. Ольховский, – что за 20–15 тыс. лет до н.э. русы – арии уже освоили земли Месопотамии, Ближнего Востока и прилегающих районов. Множество топонимов подтверждают это: Аравия, Иран-Яран, Армения, Иерусалим – Ярус, Иордан – Ярдан, Аракс, Иерихан, Ярихо, Арасани» (с. 13). Более того, он считает, что Ближневосточная прародина была вторичной, когда русы переместились туда в связи с мировым похолоданием. Как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров. Это подтверждают его слова: «Мы можем твердо говорить о существовании в верхнем палеолите пяти этническо-культурных ядер русов – бореалов: в центральной и восточной Европе, Сибири, Средней Азии и долине Инда и на Ближнем Востоке» (с. 20).

В разделе «Зарождение городов» первым настоящим городом в мире автор называет Иерихон (Ярихо, т.е. город ярьев – арьев, близ реки Ярдан, т.е. реки бога Яра), только, по его мнению, политизированные ученые, особенно западные, забывают упоминать при этом, что заселен он был не семитами, а русами – индоевропейцами. Семиты появились на землях Ближнего Востока только в конце 2 тыс. до н.э. (с. 23). О.Ф. Ольховский древними считает также города

Да-Маск – Москва, Киев – библейский Кириаф и т.д. (с. 26). По мнению автора, начало цивилизации долины Инда заложили еще проторусы. Славяно-арии, ведомые богом Солнца Яром, пришли с севера в Азию и основали великое царство в землях современной Индии, Пакистана и Семиречья (с. 47).

Раздел «Неолит на Кавказе» начинается словами: «В неолитический период русы – индоевропейцы с Армянского нагорья не только уходили на юг в Двуречье, но также активно осваивали территории Малого и Большого Кавказа». Более того, он осмелился не согласиться с известным ученым – археологом Р.М. Мунчаевым, утверждающим, что на протяжении неолитической эпохи земледелие и скотоводство являлись ведущими в экономике северо-восточных племен (с. 51). По его мнению, переселение русов с Армянского нагорья в Закавказье и на Северный Кавказ дало сильный толчок к развитию земледелия, скотоводства и ремесел (с. 56).

В разделе «Шумеры и Двуречье» О.Ф. Ольховский пишет: «Развитие суперэтноса русов шло одновременно в пяти-шести регионах Евразии и Африки, а Шумер в 4–2 тыс. лет до н.э. был не стволым, а вычленившимся побегом этнодеревя русов... Шумеры не совсем автохтоны Месопотамии, часть их пришла из Скифии, с Кавказа, Индостана» (с. 60).

Всякими нелепостями изобилует также раздел «Урарту – Вантит русов», где говорится: «Продолжительное и сильное влияние на все Закавказье, включая территорию Абхазии, оказало новое государство русов, образовавшееся в районе озера Ван после падения Трои» (с. 129). Речь идет о государстве Урарту, которое автор называет Вантит, а жителей – ваннами. Касаясь месхов, он пишет: «А вот месхи (мосхи) – кто они? Ведь название города Москва связано с именем потомка Ноя Мосхом (Мозгом). А название русского города Дамаск («да» – это артикль или предлог) означает «Моск-ва!» (с. 132). «Пало государство русов, Вантит, ... А куда девались основные народы – ванны и венеты? Почему все созданное ими досталось в основном племенам хайса, будущим армянам? Ведь даже нагорье, где было государство ванов, вскоре стали называть Армянским! ... Русы предпочли отправиться на свою старую родину – северное Причерноморье и Кавказ» (с. 142).

Не используя и не ссылаясь ни на один авторитетный труд, посвященный Кавказской Албании, отдельный раздел О.Ф. Ольховский озаглавливает «Кавказ. Албания». «На территории теперешнего Азербайджана, Восточной части Грузии и Южного Дагестана, от Аракса и Се-

вана на юге до реки Сулак на севере формируется государство русов – ванов, венетов, савиров и асов – Албания (древнерус. “алб”, напоминаем, означает “белый”))» (с. 177). На с. 178 опубликована карта археологических памятников из книги проф. А.Дж. Халилова «Кавказская Албания». Однако, из чьей работы взята карта, О.Ф. Ольховский не указывает.

В рецензируемой работе множество и других неточностей, антинаучных суждений, останавливаться на которых нет смысла.

В заключение автор пишет: «Русы – кроманьонцы появились на Кавказе в каменном веке, когда здесь на равнинах и в предгорьях обитали неандертальцы. Оттеснив будущих предков некоторых нынешних жителей Кавказа в горы, русы начали активно осваивать пригодные для охоты и собирательства, а затем и скотоводства земли предгорий и равнин» (с. 246–247)... «Печально, что эти люди (“ученые”) не хотят видеть родства между арьями, киммерийцами, скифами, сарматами, славянами и аланами, которые являлись русами, предками нынешних русских. Особенно это касается алан, которых чуть ли не все народы Кавказа в той или иной степени записывают в свои предки и потому не хотят видеть в них русов, пришедших последними из русов на Кавказ, с давно обжитых ими на Востоке мест (Алтай, Центральная Азия, Тяньшань, Памир, Средняя Азия). Этому способствуют и малоквалифицированные, “толерантные” российские историки, работающие на западную пропаганду» (с. 248).

«С точки зрения экономики и культуры, – пишет автор, – Кавказ России ничего не давал, но оглядываться на него приходилось постоянно» (с. 248).

Здесь же О.Ф. Ольховский критикует М. Аджи, как не опирающегося на источники и хронологию истинных событий, описанных авторами разных времен и народов. Сказанное многократно относится к самому О.Ф. Ольховскому.

Совершенно непонятно, что он хотел сказать в так называемых приложениях. В них затрагиваются те вопросы, о которых речь шла в разделах.

Так, в приложении 1 «От вездизма к христианству» автор показывает полное незнание многих вопросов, связанных с историей и распространением христианства на Кавказе.

«Район восточнее Пятигорья, – говорится здесь, – контролировала Восточная Алания (государство Сарир, т.е. “Царство иров” – восточных алан). Это явно ошибочное мнение автора. О Сарире в раннесредневековых источниках содержатся сведения как о самостоятельном владении, занимавшем территорию нагорного Дагестана.

Сарир и Алания поддерживали между собой разносторонние связи.

Подытоживая изложенное, хотелось бы сказать, что история русского народа не нуждается в защите таких лжеученых, как О.Ф. Ольховский и ему подобных. Историю русского народа надо изучать по трудам великих историков Татищева, Карамзина, Соловьева, Ключевского, Грекова,

Сахарова и многих других видных ученых, их последователей.

В своей работе О.Ф. Ольховский не освещает историю русского народа, а фальсифицирует ее. Более того, он противопоставляет историю многих народов мира истории русского народа. К чему ведут «безобидные» фальсификации истории показывает трагический опыт Украины.

М.Р. Гасанов

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Непосредственно транслитерацию можно сделать на сайте <http://translit.net/>, выбрав вкладку Варианты – BSI. Примеры для ее оформления даны ниже.

Монографии, книги целиком

Naimark M.A. *Lineinye differentsial'nye operatory* [Linear differential operators]. Moscow, 1969, 526 p.
Flora Nizhnego Dona [Flora of the Lower Don]. Ed. G.M. Zozulin, V.V. Fedyaeva. Rostov-on-Don, 1984, Ch. 1; 1985, Ch. 2.

Статьи в журналах

Pechentsov A.S. Kraevye zadachi dlya differentsial'nykh uravnenii, sodержashchikh parametr, s kratnymi kornymi kharakteristicheskogo uravneniya [Boundary value problems for differential equations containing a parameter with multiple roots of the characteristic equation]. *Dif. uravneniya*, 1984, vol. 20, no 2, pp. 263-273.

Диссертации, авторефераты

Saakian N.S. *Kraevye zadachi dlya differentsial'nogo uravneniya chetvertogo poryadka v sluchae kratnykh kornei kharakteristicheskogo uravneniya*: dis. ... kand. fiz.-mat. nauk [Boundary value problems for differential equations of the fourth order in the case of multiple roots of the characteristic equation]. Baku, 1985, 135 p.

Авторские свидетельства, патенты

Grezin V.S., Novosyadlyi V.A. *Programmnoe sredstvo avtomaticheskogo opredeleniya vozrasta uchastnika sotsial'noi seti Ageception. Versiya 1.1* [The software tool automatically determine the age of the participant social network Ageception. Version 1.1]. Certificate, no 2014614425, 24.04.2013.

Электронные источники, интернет-сайты

Available at: www.ecoternopil.gov.ua (accessed 11.10.2014).

Ivanov S.E. *Morskaya industriya i global'nyi krizis - nablyudeniya sudobrokera* [Marine industry and the global crisis - monitoring of codebroker]. Available at: http://www.korabel.ru/news/comments/morskaya_industriya_i_globalniy_krizis_-_nablyudeniya_sudobrokera.html (accessed 11.12.2013).

Нормативные документы

Ob utverzhdenii normativov kachestva vody vodnykh ob'ektov rybokhozyaistvennogo znacheniya, v tom chisle normativov predel'no dopustimyykh konsentratsii vrednykh veshchestv v vodakh vodnykh ob'ektov rybokhozyaistvennogo znacheniya [On approval of the water quality standards fishery water bodies, including the maximum permissible concentrations of harmful substances in the waters of fishery water bodies]: приказ Rosrybolovstva № 20 от 18.01.2010. Moscow, 2010.

GOST 10444.9-88. Produkty pishchevye. Metod opredeleniya Clostridium perfringens [GOST 10444.9-88. Food products. Method for determination of Clostridium perfringens]. Moscow, 2010.

Материалы конференций, семинаров, сборников

Nazar'ko O.V., Pavlov I.V., Chernov A.V. [Deformation and deformed stochastic basis]. *Matematicheskie metody v sovremennykh i klassicheskikh modelyakh ekonomiki i estestvoznaniya: materialy region. nauch.-prakt. konf. professorsko-prepodavatel'skogo sostava i molodykh uchenykh* [Mathematical methods in modern and classic models of economics and science: proceedings of the region. scientific and practical. conf.]. Rostov-on-Don, 2012, pp. 37-54.